

ОП

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ

7-я Седмая

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

О. А. Кони.

ТОМЪ XXII.

ІЮЛЬ. — КНИЖКА СЕДЬМАЯ.

1855.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

10458
78264
7076

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 15-го Августа 1855 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

Оглавление XXII тома. 1855 г.

Книжка седьмая, июль.

I. ²²Изящная словесность.

1. Приключения семейства, заблудившегося в пустыне. Сочинение североамериканского писателя, капитана Мен-Рейда. (С. 1-82).
2. Стихотворения А. Марченко: Садись работник за работу. Саше Лачиновой. Меня опять влечет, влечет моя судьба! (С. 1-4).

II. История и теория искусства.

Записки Барнума. (С. 1-48).

Портретная галерея современников: Жюль-Жанен. (С. 1-20).

III. Смесь.

Вечера в кают-компании В. Мельницкого. (С. 1-32).

Заметки русского о современной Грузии А. Вышеславцева. (С. 33-52).

Современное.

1. Литература: У. М. Теккерей и его сочинения. (С. 1-8).

2. Театр, музыка, искусства. Происхождение оперы. А. Серов. (С. 8-28).

3. Путешествия и сцены нравов: Полгода в Сицилии. (С. 29-34).

4. Мелкие повести и рассказы: Рене-Поль и Поль-Рене. Фантастический рассказ Эмиля Дешан. (С. 34-54).

Парижская жизнь. А. Бонавентуры. (С. 55-80).

IV. Петербургский вестник.

1. Литература.

Журналистика. Ученые статьи в «Отечественных записках»: «Данте, его век и жизнь», Кудрявцева; «Карамзин и его литературная деятельность», Соловьева. – В «Современнике»: «Очерк истории огнестрельных составов», Хотинского; «Русские мемуары XVIII века», Пекарского. – Разборы «Отечественных записок». Беллетристика: «Лето на хуторе», К. Л.; «Атлантический океан», Гончарова; «Дневник чиновника», Ж-ва; «В деревне и в Петербурге», Е. К-ва; Письма Гоголя в «Библиотеку для чтения»; «Уральцы», Небольсина; Стихотворения; «Окорок единоклещия» в «Отечественных записках». – Переводы с английского в «Современнике» и в «Отечественных записках». (С. 1-14).

V. Репертуар русской сцены. № 7.

Опекун. Комедия Алексея Селиванова. (С. 1-60).

Подписка на 1856 год. Пантеон. Журнал литературно-художественный. (С. 1-4).

ПРИКЛЮЧЕНІЯ СЕМЕЙСТВА, ЗАБЛУДИВШАГОСЯ ВЪ ПУСТЫНЬ.

СОЧИНЕНІЕ СВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО ПИСАТЕЛЯ,

Капитана Менъ-Рейда.

I.

ГАРРИ ВСТРЪЧАЕТЪ ДОСТОЙНАГО ПРОТИВНИКА.

Жена моя была въ восторгѣ отъ нашего открытія, потому-что всякая хозяйка заботится прежде всего запастись солью, а мы обѣщались доставить ей завтра-же порядочное количество. Мы хотѣли принести котель къ ручью, для приготовления соли, что было гораздо удобнѣе, чѣмъ приносить воду домой. Экспедиція назначена была на другой день, но такъ какъ было еще свѣтло, то мы отправились съ Помпо за нашими чернохвостыми ланями. Намъ надобно было вернуться нѣсколько разъ, потому-что у насъ не было телеги, а лани были съ большую корову. До восхода солнца мы успѣли перевести все, кромѣ кожъ, оставленныхъ на деревѣ. Покуда я съ дѣтьми работалъ, Куджо тоже

не оставался безъ дѣла. Мы хотѣли приготовить запасъ мяса не-сушеннаго, какъ мы уже сдѣлали съ оленемъ, но соленнаго, потому—что на другой день должны были достать соли. Для этого надобно было сдѣлать большой сосудъ, чтобъ положить соленья, но у насъ не было ничего подобнаго, и мы не знали, что придумать. Унося мясо домой, мы говорили только объ этомъ.

— Отчего не оставить мясо въ ручьѣ, сказалъ Гарри. Вода свѣтла и на днѣ есть чистые камни. Нельзя-ли положить мясо на камни, укрѣпивъ ихъ сверху.

— Какъ-же, отвѣчалъ, смѣясь, Франкъ, ты хорошо придумалъ, еслибы здѣсь не было волковъ. Эти господа поблагодарятъ тебя за твое соленье.

— Но тутъ нѣтъ ничего мудренаго, возразилъ Куджо. Негры умѣютъ сохранять соленое мясо и дѣлать для него бочки.

— Какъ-же это? спросила Мари.

— Да какъ дѣлаютъ въ Виргиніи. Возьмутъ стволъ дерева и выдолбятъ его.

Эта мысль была превосходна. Такимъ образомъ дѣлаютъ лодки, называемыя *дегъ-аутъ*, и Куджо, выбравъ прекрасное тюльпановое дерево, принялся за работу. Покуда мы носили домой мясо, онъ успѣлъ уже сдѣлать углубленіе, въ которомъ могли помѣститься три лани. При этомъ намъ пришла въ голову другая мысль. Отчего не сдѣлать такимъ-же образомъ кадки, ведра, чашки и другія хозяйственные вещи, когда негры никогда не употребляютъ другой посуды, кромѣ деревянной. Правда, что посуда эта неочень красива, но мы объ этомъ не хлопотали, и потому рѣшили приготовить ее сколько нужно для хозяйства.

На другое утро, послѣ завтрака, мы пошли къ соленому ручью. Въ этотъ разъ мы были все вмѣстѣ: Мари на лошади, Куджо и я держали дѣтей на рукахъ, Франкъ и Гарри несли котель на длинной палкѣ, держа въ другой рукѣ ружье. Даже собаки шли за нами, и домъ оставался пустой. Мясо повѣшено было на высокихъ вѣтвяхъ деревьевъ, чтобъ волки не достали его.

Мари восхищалась прекраснымъ пейзажемъ, который представлялся намъ, когда деревья начали рѣдѣть въ верхней сторонѣ

долины. Она, по обыкновенію, разсматривала породы растений, и вдругъ вскрикнула радостно, видя одно дерево.

— Мы спросили, чему она радуется, и она отвѣчала, что сдѣлала открытіе, почти такое-же важное, какъ наша рѣка. Когда-же мы столпились съ любопытствомъ, чтобъ узнать новость, она сказала, что въ эту минуту мы довольно счастливы и что надобно побережь немного удовольствія къ вечеру, когда мы вернемся домой.

— Мы придемъ усталые и скучные, прибавила она, и тогда я однимъ словомъ развеселю васъ.

Я не могъ не удивиться разсудительности жены, которая всегда умѣла распорядиться такъ, чтобъ доставить все́мъ большое удовольствіе.

Мы шли по небольшому лугу, разговаривая и смѣясь, какъ вдругъ изъ одного куста вышло небольшое красивое животное, ростомъ съ кошку, съ черными пятнами на головѣ, съ бѣлыми полосами на спинѣ. Этотъ звѣрекъ остановился, увидя насъ, и замахалъ своимъ пушистымъ хвостомъ. Я узналъ его тотчасъ, но Гарри, видя въ первый разъ красивое животное, захотѣлъ поймать его живымъ, бросилъ палку, поддерживавшую котель, и побѣжалъ впередъ.

— Я кричалъ, чтобъ онъ остановился, но онъ, вѣроятно, не слышалъ изъ-за лая собакъ, или ему очень понравилось животное, только онъ бѣжалъ за нимъ какъ можно скорѣе. Звѣрекъ несколько не испугался этой погони, и отбѣжавъ немного впередъ, остановился, какъ-бы ожидая своихъ преслѣдователей. Гарри, кричалъ на собакъ, чтобъ они не смѣли трогать животное, желая взять его живымъ, и уже нагнулся къ нему, какъ вдругъ маленькій звѣрь обернулся къ нему задомъ и очень неучтиво поднялъ хвостъ. Дѣйствіе это произвело странный эффектъ. Собаки, вмѣсто того, чтобъ броситься на звѣря и разорвать его, страшно завyli и побѣжали назадъ, пряча морды въ траву, какъ будто бы ихъ укусили пчелы или съ ними сдѣлались конвульсіи. Гарри на минуту остановился, какъ-бы въ удивленіи, потомъ закрылъ лицо руками, закричалъ пронзительно, и повернувшись, побѣжалъ назадъ еще скорѣе, чѣмъ бѣжалъ впередъ.

Это былъ вонючій хорекъ, который, выпустивъ заразительное

вещество, остановился, и насмѣшливо посмотрѣвъ на насъ, качая хвостомъ, однимъ прыжкомъ отскочилъ далеко и скрылся въ кустахъ.

Мы не могли удержаться отъ смѣха, видя печальную физиономію охотника за хорькомъ, но больше всѣхъ смѣялся Франкъ, который принужденъ былъ одинъ нести котелъ. Однако надобно было и намъ торопиться идти съ этого мѣста, потому-что отвратительный запахъ доходилъ до насъ. Гарри успѣшили взять конецъ палки, и мы вышли изъ лужайки; но собаки, вѣроятно, удержали на себѣ вониючія испаренія, потому-что запахъ не переставалъ, и мы принуждены были отгонять собакъ камнями, чтобъ они не подходили ближе. Гарри былъ еще счастливъ, что животное направило свою батарею больше на собакъ, а то онъ-бы не отдѣлался такъ дешево и, можетъ-быть лишился-бы чувствъ.

Я между-тѣмъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ дать дѣтямъ полезный урокъ.

— Животное это похоже на кошку, только развѣ на самую откормленную, потому-что тѣло его шире, мордочка его уже кошачьей, лапки короче, шерсть, гладкая и мягкая, съ темными и бѣлыми пятнами, тоже похожа на шерсть кошки; но такъ какъ у этаго звѣрка нѣтъ никакихъ средствъ къ защитѣ противъ сильныхъ враговъ, то онъ одаренъ особеннымъ орудіемъ. Животное это плотоядное. Вониючій хорекъ ѣсть маленькихъ звѣрей, раздирая ихъ длинными своими когтями, и не ѣсть травъ, что видно по устройству его зубовъ. Кролики, птицы, мыши, лягушки, ящерицы дѣлаются его жертвами; но больше всего онъ любитъ яйца, за которыми пробирается къ жилищамъ и въ гнѣзда птицъ. Зато волки, совы и другіе звѣри очень лакомы до хорька и преслѣдуютъ его безжалостно. Онъ-бы разумѣется не могъ убѣжать отъ этихъ враговъ, еслибы у него подъ хвостомъ не было двухъ мѣшечковъ съ вониючимъ веществомъ, которое онъ можетъ выбрасывать изъ себя. Это легкій газъ, невидимый днемъ, но который ночью свѣтится какъ фосфоръ. Для изверженія этого газа, хорекъ ждетъ, чтобъ непріятель подошелъ поближе, и тогда ошеломить его удушливою вонью, отъ которой нескоро можно избавиться. Собаки наши Касторъ и Полукъ испытали это на себѣ.

Волки, собаки и люди не могут противиться страшному дѣйствию газа. Отъ него дѣлается дурнота, рвота, и говорятъ, что нѣкоторые индѣйцы умирали отъ воспаления, причиненнаго этимъ веществомъ. На собакахъ дѣлается опухоль, отвратительный запахъ портитъ навсегда платье, изъ котораго нельзя ничѣмъ его вывести; мѣсто, гдѣ убитъ хорекъ, долго сохраняетъ этотъ запахъ, даже если на него напалъ глубокой снѣгъ.

Животное это бросаетъ газъ въ случаѣ опасности, чтобъ защититься отъ непріятеля; когда-же его убиваютъ прежде, чѣмъ онъ успѣлъ извергнуть изъ себя газъ, то трупъ его не имѣетъ никакого запаха.

Хорекъ живетъ подъ землею, вырывая себѣ глубокія ямы, гдѣ лежитъ безъ движенія всю зиму. Въ теплыхъ странахъ онъ цѣлый годъ занимается охотою и, подобно дикимъ звѣрямъ, превращаетъ ночь въ день. Подземныя жилища его просторны. Онъ живетъ всегда въ обществѣ десяти или двѣнадцати товарищей; самка имѣетъ особенную комнату, украшенную сухою травою и листьями, гдѣ приноситъ отъ пяти до девяти дѣтенышей.

Хотя это покажется страннымъ, но не только индѣйцы, даже бѣлые охотники и фермеры ѣдятъ мясо этого животнаго, увѣряя, что оно вкуснѣе самаго лучшаго поросенка. Вотъ всѣ особенности вонючаго хорька или виверры. — Теперь займемся солью.

II.

СОЛЕНЫЙ ИСТОЧНИКЪ.

Мы подошли къ берегу соленого ручья, и увидя вблизи скалы, догадались, что источникъ долженъ быть недалеко. Въ-самомъ-дѣлѣ мы нашли его въ ста ярдахъ дальше, и были очень довольны находкою, потому-что зрѣлище было любопытное.

Въ глубинѣ, возлѣ скалы, было множество бѣловатыхъ камней, похожихъ на кварцъ, круглыхъ, но разныхъ размѣровъ. такъ что одни были величиною въ большой хлѣбъ, другіе въ блюдечко. Въ срединѣ каждаго кружка было отверстіе, въ родѣ кратера, изъ котораго вытекала, журча, голубая вода. Нѣкоторые кружки, какъ потухшіе волканы, перестали уже выпускать воду.

Ясно, что всѣ эти возвышенности образованы самою водою,

которая, вытекая съ незапамятныхъ временъ изъ одного мѣста, составила кружки разныхъ размѣровъ. Вокругъ нѣкоторыхъ изъ нихъ росли вьющіяся растенія, куная свои цвѣты въ водѣ; со скалы спускались виноградныя вѣтви; кусты дикой смородины окружали это мѣсто; словомъ, лучше нельзя было вообразить пейзажа, и мы выбрали его для отдохновенія.

Потомъ мы приступили къ приготовленію соли. Франкъ и Гарри собрали много сухихъ вѣтвей, чтобъ развести огонь. Куджо приготовилъ вѣшалку своего произведенія, на которую былъ повѣшенъ котель съ чистою водою, взятою у самаго источника. Намъ осталось только ждать, когда отдѣлается испаренія.

Выбравъ, мѣсто покрытое мягкою травою, мы расположились какъ можно удобнѣе, но операція наша до того занимала насъ, что мы не могли оставаться спокойными. Въ-самомъ-дѣлѣ мы не были еще увѣрены, добудемъ-ли мы соли. Вода была солоня, но причиною этого могли быть частички солекислой магнезій, или сѣрникоислой соды, и тогда наши мечты будутъ напрасны.

Гарри и Франкъ, узнавъ, что оба эти вещества полезны только какъ лекарства, сдѣлали гримасу, и Гарри сказалъ:

— Лучше-бы у насъ составилаь сѣра и селитра; мы бы могли приготовить пороху, а то лекарства намъ ненужны, мы здоровы.

Гарри, какъ страстный стрѣлокъ, боялся болѣе всего, что запасъ пороху истощится.

— Не отчаявайся, Гарри, сказала мать. Опасенія наши, можетъ-быть, не сбудутся, а пороху покуда намъ не такъ нужно, какъ соли.

Въ подобныхъ разговорахъ прошло время, и наконецъ наступило время провѣрить наши опасенія.

Я почти не сомнѣвался въ успѣхѣ нашей операціи, потому-что давно успѣлъ сдѣлать слѣдующія наблюденія: соль, необходимая для развитія жизни, находится въ большомъ количествѣ на поверхности земли, хотя въ разныхъ видахъ. Она является то скалами, то ручьями, то озерами, и наконецъ океаномъ. Ни одно извѣстное пространство земли не лишено этого драгоценнаго вещества, и я замѣчалъ нѣсколько разъ, что внутри американскаго материка, удаленнаго отъ моря, заботливая природа разбросала

нѣсколько соленыхъ источниковъ. Эти ручьи служатъ всегда сборнымъ мѣстомъ всѣхъ жителей лѣсовъ и полей, которые приходятъ пить соленую воду или лизать берега источниковъ, называемыхъ по этому случаю licks (to lick, лизать). И такъ какъ мы были теперь въ долину, изъ которой звѣри не выходятъ, потому-что она защищена со всѣхъ сторонъ, то, вѣроятно, природа позаботилась приготовить имъ тутъ все необходимое для жизни, а главное соль, безъ которой почти ни одно животное не можетъ обойтись. Безъ соленого ручья долина не была-бы наполнена звѣрями. Я объяснилъ дѣтямъ мои наблюдения, и они гораздо повоиннѣ начали ждать результата операци.

— Я-бы хотѣлъ знать, сказалъ Франкъ, отчего въ этомъ ручьѣ вода солоная?

— Оттого, что она подъ землю протекаетъ черезъ слои соляныхъ скалъ.

— Развѣ бываютъ цѣлыя скалы соли? вскричалъ мой натуралистъ.

— Бываютъ во многихъ странахъ. Въ Англии, восточной Инди, Россіи, Венгрии и Испаніи есть обширныя соляныя копи, и въ нашей пустыни онѣ тоже должны быть. Самыя знаменитыя соляныя копи находятся въ Польшѣ, близъ Кракова, гдѣ ихъ обрабатываютъ уже больше семисотъ лѣтъ, но въ нихъ еще такъ много соли, что хватить на весь міръ въ-продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Говорятъ, что руды эти великолѣпны при освѣщеніи. Рудокопы придали массамъ соли различныя формы домовъ, капеллъ, колоннъ,obelisks, и при факелахъ это представляетъ волшебный видъ сказочныхъ дворцовъ.

— О какъ-бы я хотѣлъ посмотрѣть эту картину! вскричалъ Гарри. Но братъ его, увлекающійся боѣе пользою, чѣмъ красотою, спросилъ:

— Скажите мнѣ, какъ готовятъ соль, употребляемую нами въ хозяйствѣ?

— Въ нѣкоторыхъ копахъ, гдѣ соль чиста, только ломаютъ скалы и толкутъ обломки; въ другихъ соль смѣшана съ желѣзной кислотой и глиною; тогда разлагаютъ ее въ водѣ, чтобъ отдѣлить отъ другихъ предметовъ, и заставляютъ испаряться, какъ мы теперь дѣлаемъ.

— Какого цвѣта бываютъ соляныя скалы, папа?

— Бѣлыя, когда соль чиста; но въ соединеніи съ другими предметами желтыя, красноватыя и голубыя.

— Какъ это должно быть хорошо! вскричалъ Гарри, точно драгоценныя камни.

— Соль драгоценнѣе всѣхъ брилльянтовъ на свѣтѣ, возразилъ Франкъ, потому-что она полезна, а камни дороги не такъ-какъ украшеніе а потому-что ихъ употребляютъ въ механическихъ искусствахъ. Не правда-ли, папа. Я тоже слышалъ, что соль добываютъ изъ моря; правда-ли это?

— Правда. Большое количество соли добываютъ изъ моря, особенно въ прибрежныхъ странахъ. Въ жаркомъ климатѣ отводятъ морскую воду въ небольшія болота или пруды, съ чистымъ дномъ, и солнце дѣйствуетъ такъ сильно, что отдѣляетъ воду, которая испаряется и оставляетъ чистую соль. Иногда устраиваютъ на прудахъ шлюзы, чтобъ выпустить лишнюю воду. Такъ дѣлаютъ въ Испаніи, Португаліи, Франціи, по берегамъ Средиземнаго моря, также въ Индіи, Китаѣ, Сіамѣ и Цейлонѣ. Въ другихъ мѣстахъ и этого не дѣлаютъ, но собираютъ соль у береговъ, когда вода сбываетъ. При каждомъ отливѣ стоитъ только придти на берегъ и собирать соли сколько угодно. Разумѣется надобно, чтобъ на берегу не было грязи, нечистоты. Однако, несмотря на легкость добыванія, соль эта не можетъ сравниться съ добываемою въ коняхъ въ чистотѣ и достоинствѣ. Морская соль называется въ торговлѣ сѣрою. Кромѣ-того, есть большія соленыя болота во многихъ странахъ, изъ которыхъ добываютъ много соли. Третьй способъ приготовлять соль состоитъ въ томъ, что мы дѣлаемъ, то есть кипятить морскую воду; но это обходится гораздо дороже, чѣмъ купить самой лучшей соли, и потому его употребляютъ только въ крайнихъ случаяхъ, или когда ввозъ соли обложенъ такимъ налогомъ, что бѣдные люди не въ состояніи запастись ею.

— Отчего морская вода солона? продолжалъ разспрашивать Франкъ.

— Это одинъ изъ феноменовъ, о которомъ натуралисты не рѣшили окончательно. Нѣкоторые говорятъ, что на днѣ морей находятся огромныя массы соли, придающія этотъ вкусъ водѣ, но

мнѣніе это ничѣмъ неоправдано. Другіе ученые утверждаютъ, что соленая вода первобытное вещество, которое не можетъ быть иначе. Это тоже недостаточное объясненіе, потому-что ничего не объясняетъ. Наконецъ, трети думаютъ, что море солоно отъ соленыхъ источниковъ и рѣкъ, впадающихъ въ него. Эта система всего вѣроятнѣе, но къ несчастію, не разрѣшаетъ всѣхъ возраженій, дѣлаемыхъ противъ нея. Я много думалъ объ этой теоріи, и когда у меня будетъ больше свободнаго времени, то я займусь ею серьезно.

— Одинаково-ли солоно море вездѣ? спросилъ опять мой философъ.

— Нѣтъ, подь экваторомъ и у полюсовъ вода солонѣе, въ заливахъ и внутреннихъ моряхъ прѣенѣе, чѣмъ въ океанѣ. Впрочемъ разница не такъ велика.

— Какое количество соли въ морѣ?

— Около трехъ съ половиною процентовъ, то есть, если вскипятить сто фунтовъ морской воды, то получишь три фунта съ половиною соли. Но есть озера, въ которыхъ соль находится въ большемъ количествѣ. На сѣверо-западѣ этой пустыни есть огромное озеро, называемое Большое-соленое-озеро, которое содержитъ третью часть чистой соли. Нѣкоторые рѣки и ручьи тоже гораздо богаче океана въ этомъ отношеніи, и я думаю, что нашъ маленькій источникъ принадлежитъ къ этому-же числу. Но пора намъ заняться нашимъ котелкомъ; мы его почти совсѣмъ забыли.

Мы подняли осторожно крышку, и увидѣли бѣлую накипь, будто-бы составленную изъ хрустала, смѣшаннаго съ снѣгомъ. Мы поспѣшили попробовать, и къ счастью, почувствовали, что это была чистая, настоящая соль.

III.

СРАЖЕНІЕ ЗМѢЙ.

Надобно вообразить, съ какою радостію принято было извѣстіе о полученіи соли. Всѣ хотѣли попробовать ее, всѣ восхищались кристаллизаціею, образующею красивые столбики, какъ всегда бываетъ съ солью. Мы влили въ нашъ лагерный котелъ почти

четыре галона воды и добыли десять кружек соли; стало-быть нашъ ручей быть гораздо солонѣе океана.

Собравъ соль, мы опять наполнили котель и поставили его на огонь. Возлѣ него мы повѣсили нашу кастрюльку и сварили въ ней нѣсколько кусковъ мяса съ солью. Какъ мы благодарили Бога, что нашли драгоценную приправу, безъ которой никакой обѣдъ не можетъ быть вкуснымъ. Послѣ обѣда мы не переставали говорить и составлять планы.

Однако разговоръ нашъ былъ прерванъ занимательными случаями. Мы услышали прежде всего пронзительные крики невдалекѣ. Это кричала птица, голубая соя, что было нисколько не удивительно, потому-что это самая крикливая изъ всѣхъ птицъ; но въ необыкновенныхъ случаяхъ она кричитъ особеннымъ, неприятнымъ тономъ, что доказываетъ, что ей угрожаетъ опасность. Въ этотъ разъ крики сои были отчаянные, и мы приготовились смотрѣть любопытную сцену.

Мы посмотрѣли на небольшое дерево, гдѣ голубая птица кричала и билась своими яркими крыльями. Близъ нея не было ничего похожаго на врага и сосѣднія деревья были пусты, но опуствя глаза на землю, мы увидѣли причину ея безпокойства. По травѣ тихо ползла отвратительная змѣя. Чешуя желтая съ черными пятнами блестяла на солнцѣ при каждомъ ея движеніи, и она подвигалась неслышно, держа высоко голову. Иногда она останавливалась, граціозно покачивала своею головою, какъ лебедь, и лизнувъ своимъ краснымъ языкомъ траву, какъ будто-бы отыскивала чей-то слѣдъ, оставалась съ минуту неподвижною. Тогда она походила на цилиндръ, толщиною въ человѣческую руку, длиною въ ростъ человѣка. Хвостъ ея оканчивался костяными суставами, въ футъ длины, похожіи на желтоватыя бусы неправильной формы, собранныя вмѣстѣ. Эта особенность показала намъ, къ какой породѣ принадлежитъ змѣя: это была страшная гремучая змѣя, *vrotalus horridus*.

Дѣти хотѣли броситься на чудовище съ собаками, но я удержалъ ихъ. Я много слышалъ о притягательной силѣ пресмыкающихся. Теперь представлялся случай испытать это на дѣлѣ, и я хотѣлъ увѣриться въ справедливости этого мнѣнія. Притянетъ-ли

змѣя къ себѣ птицу? Вотъ вопросъ, который мы хотѣли рѣшить, и оставались неподвижны, ожидая, чѣмъ это кончится.

Между-тѣмъ птица скакала съ вѣтки на вѣтку, въ сильномъ безпокойствѣ, и кричала во все горло. Оба дѣйствующія лица не могли насъ видѣть, потому-что мы были отъ нихъ закрыты.

Подползя къ стволу большой магноліи, гремучая змѣя обошла кругомъ дерева, шюхая кору; потомъ тихонько свернулась въ спираль и легла возлѣ. Въ этомъ положеніи она походила на мокрый канатъ, какъ ихъ свертываютъ на кораблѣ. Она положила голову на костяной своей хвостъ, закрыла глаза и, казалось, уснула. Это мнѣ показалось страннымъ, потому-что я всегда слышалъ, что очарованіе заключается въ глазахъ змѣи. Скоро однако мы увидѣли, что она и не думала о голубой птицѣ, которая перестала кричать и улетѣла въ лѣсъ.

Думая, что эпизодъ уже оконченъ, я поднялъ ружье и хотѣлъ выстрѣлить въ змѣю, какъ вдругъ одно движеніе показало мнѣ, что она не спитъ а чего-то выжидаетъ. Вѣроятно, она хочетъ подстеречь вѣкшу, свое любимое кушанье. Я посмотрѣлъ на дерево и удостовѣрился, что на немъ должно быть гнѣздо вѣкши. Кора была изцарапана лапками этихъ животныхъ и отъ дерева шла узенькая тропинка, по которой, вѣроятно, проходили домой всѣ вѣкши. Змѣя легла на самой тропинкѣ. Увѣрившись, что она ждетъ, чтобъ одна изъ вѣкшъ спустилась съ дерева, я предупредилъ дѣтей, чтобъ они готовились къ любопытному спектаклю.

Мы устремили глаза на отверстіе гнѣзда и ждали, что случится. Вдругъ показалась въ гнѣздѣ маленькая мордочка, но вѣкша прежде всего увидѣла насъ, что ей было удобно сверху, и потому она не сбиралась выходить изъ дому, а только посмотривала осторожно по сторонамъ.

Вдругъ послышался шелестъ сухихъ листьевъ, и мы увидѣли вѣкшу, которая во весь галопъ скакала къ своему дереву, какъ-будто-бы спасаясь отъ преслѣдованія. Въ-самомъ-дѣлѣ скоро показалось животное, длинное и тонкое, съ блестящею желтою шерстью; оно называется сосновою ласточкою.

Пространство, раздѣляющее ихъ, было только въ двадцать футовъ, и они бѣжали во всю прыть.

Я посмотрѣлъ на змѣю. Она все замѣчала и раскрыла свою

огромную пасть до того, что нижняя ея челюсть дотрогивалась до горла. Ядовитые зубы ея были выставлены наружу, языкъ высу- нуть, глаза блестѣли какъ брильянты и все тѣло колыхалось отъ волненія и, казалось, увеличивалось въ размѣрѣ.

Вѣкша бѣжала, спасаясь отъ врага, преслѣдовавшаго ея, не подозрѣвая, что опасность впереди. Она добѣжала до дерева съ другой стороны, гдѣ лежала змѣя, и начала влезать на него.

Она спаслась, подумали мы; но вдругъ мы замѣтили, что вѣкша остановилась, какъ—будто отъ усталости, зашаталась, хотѣла удержаться на корѣ передними лапками, но не могла, и упала прямо въ пасть змѣи, подставленную подъ деревомъ.

Ласточка, увидя змѣю, остановилась въ нѣсколькихъ футахъ отъ дерева и начала ходить вблизи, свивая и развивая свое длин- ное тѣло, фыркая и ворча какъ разсерженная кошка. Она зли- лась, что у ней отняли добычу, и мы думали, что она бросится на змѣю. Та между—тѣмъ свилась опять въ кружокъ, увидя но- ваго врага, и раскрыла пасть, въ ожиданіи нападенія. Вѣкша ле- жала мертвая въ кольцахъ змѣи. Однако ласточка, разсудивъ, что непріятель этотъ ей не по силамъ, быстро повернулась и однимъ скачкомъ была уже далеко.

Тогда змѣя развернула верхнія кольца тѣла, положила вѣкшу на траву и начала обливать ее слюною и лизать, приготавливаясь проглотить ее разомъ, какъ это дѣлають змѣи.

Наше вниманіе было на минуту отвлечено движеніемъ въ вѣт- вяхъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ лежала змѣя. На вершинѣ двадцати футовъ лиана самой большой породы соединяла два дерева. Она была толщиною въ человѣческую руку и вся покрыта листьями и яркими красными цвѣтами; другія растенія обвились вокругъ ли- аны, смѣшавъ свою зелень и цвѣты такъ, что деревья казались соединены гирляндю. Вдругъ мы замѣтили движеніе вокругъ ли- аны, и увидѣли на ней змѣю, такую—же толстую, какъ самое ра- стеніе.

Неужели это другая гремучая змѣя? Не можетъ быть. Гре- мучія змѣи не ползають по деревьямъ. Притомъ—же и цвѣтъ ко- жи у нихъ неодинаковый. Змѣя на лианѣ была черная, блестя- щая — это былъ сѣверный удавъ.

Онъ обвился вокругъ лианы и тихо подвигался къ стволу

магнолии, сжимая и разжимая кольца спирали, и такъ, какъ лиана соединяла деревья въ діагональномъ положеніи, то удавъ очутился въ двадцати футахъ отъ земли.

Тогда онъ соединилъ все свои кольца и началъ развертывать спираль, начиная съ головы, которая описывала круги въ воздухѣ. Когда осталось одно только кольцо спирали у хвоста, удавъ вытянулся вдоль вѣтки.

Все это исполнено было такъ тихо и осторожно, что гремучая змѣя, занятая приготовленіемъ своего завтрака, ничего не замѣтила, и нализавшись вѣшки, стала укладывать ее въ ротъ, начиная съ головы.

Уже половина вѣшки скрылась въ пасти пресмыкающагося, какъ вдругъ въ эту минуту черная змѣя отдѣлилась отъ лианы, повисла на ней на минуту хвостомъ, потомъ упала на землю.

Удавъ не смѣетъ напасть на гремучую змѣю, подумали мы, потому-что она гораздо сильнѣе его. Но вѣроятно, онъ лучше насъ знаетъ слабыя минуты непріятели, потому-что быстро обвился вокругъ желтаго тѣла противника, и борьба началась.

Обѣ змѣи, свившись вмѣстѣ, катались по травѣ, и мы могли рассмотреть все подробности сраженія. Черная змѣя была однимъ футомъ длиннѣе гремучей, но она была тоньше противника и проворнѣе. Скоро не было уже сомнѣнія въ побѣдѣ. Удавъ, нѣсколько разъ обвивался вокругъ врага, сжимая его своими кольцами, отъ силы которыхъ получилъ свое названіе; при каждомъ новомъ объятіи гремучая змѣя дѣлалась слабѣе и движенія ея медленнѣе.

Гремучей змѣи одно опасное оружіе—ея ядовитые зубы. Но она не могла ими дѣйствовать, потому-что воткнула ихъ въ тѣло вѣшки, остановившейся у ней въ горлѣ, пушистый хвостъ, которой развѣвался изъ ея пасти.

Скоро движенія змѣи сдѣлались медленнѣе. Мы удивлялись, что враги дрались не лицомъ къ лицу а напротивъ. Черная змѣя впиалась зубами въ костяной хвостъ противника, а сама била его хвостомъ по головѣ. Наконецъ гремучая змѣя вытянулась безъ жизни и дыханія, а удавъ все еще обнималъ ее, какъ будто-бы не хотѣлъ разстаться съ любимымъ предметомъ. Это продолжалось нѣсколь-

ко минутъ; потомъ удавъ отдѣлился отъ тѣла побѣжденнаго врага и приготовился проглотить его, какъ тотъ проглотилъ вѣшцу.

Пьеса была окончена. Мы вѣтали, чтобъ участвовать въ финалѣ.

Я-бы согласился оставить жизнь удаву, который истребилъ самую вредную змѣю всей породы, но Куджо, ненавидѣвшій всѣхъ пресмыкающихся, проткнулъ его своимъ концемъ и поднялъ какъ трофей.

IV.

САХАРНОЕ ДЕРЕВО.

Вечеромъ, когда мы вернулись домой, на спинѣ Помпо былъ большой мѣшокъ соли. Мы сдѣлали ее столько, что могли посолить много мяса и употреблять ее въ-продолженіе нѣсколькихъ недѣль. Когда провизія истощится, то мы знали, гдѣ достать опять соли, потому-что источникъ былъ недалеко и не было вѣроятности, чтобъ онъ высохъ. Прежде открытія соленого ручья, мы замѣтили, что вода въ озерѣ тоже неочень прѣсна, и по этому только мы могли такъ долго обойтись безъ соли.

Въ этотъ-же вечеръ, послѣ ужина, Гарри, котораго цѣлый день мучило открытіе, сдѣланное матерью, началъ приставать къ ней, чтобъ она наконецъ рассказала, въ чемъ дѣло.

— Скажите-же наконецъ, маменька, что вы нашли, что можетъ сравниться съ открытіемъ соли.

— Я обѣщала вамъ сказать все, когда вы будете утомлены и скучны, а вы, кажется, очень веселы.

— О нѣтъ, мамаша, возразилъ Гарри, принимая серьезную физиономію; я чувствую усталость; всѣ мы довольно работали сегодня, и я...

— Ходилъ на охоту за воючимъ хорькомъ, прервалъ Франкъ съ громкимъ хохотомъ.

Этотъ намекъ на непріятное происшествіе неочень понравился Гарри, который надулся, какъ избалованный ребенокъ; но мать, увидя горе своего любимца, поспѣшила объявить, что готова открыть тайну.

— Вотъ въ чемъ состоитъ мое открытіе, начала она. Ког-

да мы сегодня утромъ вышли на долину, то я увидѣла верхушку дерева, очень красиваго и очень полезнаго.

— Ужъ не кокосовое—ли это дерево? вскричалъ Гарри.

— Нѣтъ.

— Можетъ-быть хлѣбное, апельсинное?

— Совсѣмъ нѣтъ. Развѣ мы въ такомъ климатѣ, гдѣ могутъ расти эти деревья!

— Вѣрно финиковое дерево. Ахъ какъ-бы я былъ радъ. Я такъ люблю финики.

— И то не отгадалъ. Дерево, о которомъ я говорю, растетъ въ умѣренномъ климатѣ, и даже въ холодной полосѣ. Замѣтили-ли вы деревья съ прямымъ стволомъ, листья которыхъ краснаго цвѣта.

— Я видѣлъ такія деревья, отвѣчалъ Франкъ. Въ одномъ углу долины ихъ очень много; только на однихъ листья красныя, а на другихъ оранжевыя.

— Это бываетъ въ концѣ осени, какъ теперь. Весною листья дерева зеленые сверху и красноватые внизу.

— Я тоже видѣлъ эти красныя деревья, сказалъ Гарри съ неудовольствіемъ, и хотя они красивы но не могутъ быть полезны. На нихъ нѣтъ никакихъ плодовъ; деревья у насъ и здѣсь много, а красныя листья никуда не годятся.

— Бываютъ иногда и листья полезны, замѣтилъ Франкъ. Чай дѣлаютъ изъ листьевъ.

— Нѣтъ, сказала мать, листья его нельзя употреблять какъ чай, но въ немъ есть другое достоинство. Не замѣтили-ли вы чего-нибудь особеннаго близь этого дерева.

— Я замѣтилъ, что вокругъ него летаютъ тысячи насѣкомыхъ, потому-что оно кажется въ туманѣ отвѣчалъ Гарри.

— То-же самое видно и у всякой смоковницы, прибавилъ Франкъ.

— Это правда, сказала мать, смоковница принадлежитъ къ той-же породѣ, у которой всего драгоцѣннѣе сокъ. Дерево это называется *сахарный кленъ*.

При этихъ словахъ все общество пришло въ волненіе. Франкъ и Гарри слышали о такихъ деревьяхъ, но никогда еще не встрѣчали ихъ; дѣти Мари и Луиза поняли только слово сахаръ, и имъ

тотчасъ представились леденцы; даже Куджо, незнавшій свойство дерева, потому-что такихъ нѣтъ въ его странѣ, запрыгаль отъ радости, услыша слово сахаръ, потому-что онъ очень любитъ лакомиться. Дѣти и взрослые нѣсколько минутъ кричали въ восторгѣ: *сахаръ, кленъ*, у насъ будетъ сахаръ. Въ-самомъ-дѣлѣ, вещь, которой мы долго лишены и которая добывается съ трудомъ, всегда доставляетъ большое удовольствіе.

Когда восторгъ немного утихъ, Мари начала рассказывать дѣтямъ, что такое *сахарный кленъ*.

— Дерево это отличается отъ другихъ блѣднымъ цвѣтомъ коры, пальмовидною формою листьевъ свѣтлозеленаго цвѣта, который осенью переходитъ въ красный и оранжевый. Наружность его напоминаетъ англійскій дубъ. Дерево это такъ крѣпко и тяжело, что изъ него дѣлаютъ дорогую мебель, корабли, мельницы и механическіе инструменты. Но главное достоинство дерева состоитъ въ сокѣ, и такъ-какъ природа произрастила его тамъ, гдѣ нѣтъ сахарнаго тростника, то онъ и замѣняетъ его въ холодныхъ странахъ. Изъ каждаго дерева можно добыть три или четыре фунта превосходнаго сахару, только въ началѣ весны, потому-что лѣтомъ и зимою изъ него не течетъ сокъ. Осенью можно тоже достать его небольшое количество, и я надѣюсь, что мы успѣемъ сдѣлать запасъ, достаточный до будущей весны.

— Какъ-же это, мама, достаютъ сахаръ изъ дерева, спросилъ Гарри, и когда мы начнемъ работать?

— Лучшее время для собиранія сока почитается сухой и теплый день послѣ холодной ночи. Сахаръ-же добывается очень просто. Намъ надобно прежде всего сдѣлать множество небольшихъ корытъ или яслей, по одному корыту на каждое дерево, которое мы проткнемъ. Фермеры Соединенныхъ Штатовъ, приготавлиющіе сахаръ изъ клена, всегда употребляютъ корыта, потому-что невозможно имѣть огромное количество мѣдной или глиняной посуды, когда обрабатываютъ нѣсколько сотенъ деревьевъ. Корыто-же очень легко сдѣлать, оно обходится дешево, и Куджо наготовитъ ихъ намъ сколько угодно. Послѣ этого надобно нарѣзать тростнику, проткнуть дырочку на корѣ, приставить къ нему тростникъ, какъ грань, и черезъ него будетъ литься въ корыто сладкая влага, которую мы векипятимъ, какъ вашу соль, и

будемъ имѣть сахаръ. Подождемте теперь небольшого мороза и потомъ съѣлаемъ опытъ приготовления сахару.

Гарри дожидался недолго. Въ третью ночь послѣ нашего разговора выпалъ снѣгъ, а потомъ день былъ ясный и теплый. Мы поспѣшили подрѣзывать клены.

Куджо успѣлъ приготовить почти два десятка корытъ изъ тюльпановаго дерева, по своему собственному способу: онъ очистилъ нѣсколько стволовъ, разрубилъ ихъ на бревна, въ три фута каждое, потомъ, разколовъ каждое бревно пополамъ, выдолбилъ середину гладкой стороны, оставя края. Разумѣется, что работа и форма были неочень изящны, но для собиранія соковъ и ненужно было лучше. Тростниковыя палочки были тоже давно готовы, и мы пошли работать въ лѣсъ. Скоро все корыты были заняты, и густой сокъ началъ течь. Мы, разумѣется, прежде всего попробовали его, и нашли такимъ вкуснымъ, сладкимъ, приятнымъ, что не могли вдоволь напиться. Мери и Луиза, кажется, сами не отошли-бы отъ корыта, а Гарри увѣрялъ, что сахарный клень гораздо полезнѣе кокосоваго дерева, хлѣбнаго и даже финиковаго. Мы принесли съ собою большой котель, развели огонь и начали варить сокъ, точно также, какъ недавно соль.

Потомъ мы раздѣлили между нами работу. Куджо ходилъ съ лоханкою отъ одного корыта къ другому и собиралъ налившійся сокъ. Мери и я смотрѣли за огнемъ и приготовляли сахаръ. Когда сиропъ довольно кипѣлъ, мы разливали его въ разную посуду, чтобъ онъ простылъ и окрѣпнулъ. Все наши тарелки, чашки, блюда были въ дѣйствии. Простывшій сахаръ дѣлался крѣпокъ, какъ кирпичъ, и былъ темнаго цвѣта. Мы отдѣляли тогда сокъ, который не кристаллизуется, собирая такимъ образомъ патоку, гораздо чище и приятнѣе, чѣмъ добывается изъ сахарнаго тростника.

Франкъ и Гарри взяли на себя обязанность защищать корыта съ оружіемъ въ рукахъ. Эта предосторожность была советемъ нелишней, потому-что все звѣри, какъ дикіе, такъ и домашніе, чрезвычайно любятъ лакомиться сокомъ сахарнаго клена; такъ какъ деревья эти росли на довольно большомъ пространствѣ, то часовымъ нашимъ было много работы.

Собираніе сахара продолжалось нѣсколько дней, и мы все это

msb 10458.7076

время были въ безпрестанной работѣ. Еслибы это было весною, то надобно было употребить нѣсколько недѣль, потому-что тогда сокъ течетъ долѣе и обильнѣе.

Къ нашему счастью, почти каждую ночь былъ небольшой морозъ, и такъ какъ въ это время сокъ переставалъ течь, то мы могли остеречься отъ визита дикихъ звѣрей.

Каждую ночь мы разводили огонь, устроивъ прежде родъ лагера, какой всегда дѣлаютъ въ американскихъ лѣсахъ, чтобъ защитить себя отъ внезапныхъ нападеній. Домой мы ходили только когда это было необходимо. Изъ нашего стараго вагона мы устроили палатку, въ которой помѣстились очень удобно, и называли это мѣсто сахарнымъ лагеремъ.

Жизнь на открытомъ воздухѣ была намъ полезна. Подъ тѣнью величественныхъ деревьевъ, при шелестѣ листьевъ и пѣніи птицъ, мы вполнѣ наслаждались жизнью. Ночная музыка была однако не всегда пріятна. Мы слышали вой волковъ, крики совы и вой конгуара. Но въ-продолженіе цѣлой ночи огонь горѣлъ ярко, и мы спали спокойно, зная, что этого довольно для нашей защиты.

Наконецъ собираніе сахара окончилось. Сладкій сокъ началъ течь медленнѣе, и наконецъ совсѣмъ пересталъ. Когда мы пришли домой и собрали весь сахаръ, вылитый нами во всевозможныя формы, то увидѣли, что его почти сто фунтовъ, что достаточно будетъ намъ до весны, когда можно будетъ вернуться къ природному сахарному заводу,

VI.

КОФЕЙНОЕ И ХЛѢБНОЕ ДЕРЕВЬЯ.

Въ этотъ-же вечеръ, когда мы сѣли ужинать, жена объявила что у насъ нѣтъ больше ни крупинки кофе. Эта вѣсть опечалила насъ, потому-что изъ всѣхъ предметовъ, взятыхъ изъ Сень-Луи, кофе держался долѣе всего, и мы такъ привыкли къ этому ароматическому напитку, что онъ, кажется, поддерживалъ наши силы, внушалъ бодрость и развеселялъ все семейство.

— Чтожъ дѣлать, сказалъ я въ утѣшеніе дѣтямъ. Мы привыкнемъ обходиться безъ кофе. Слава Богу, что теперь мы мо-

жемъ имѣть вкусный, здоровый супъ, а то сколько бѣдныхъ людей не имѣютъ и нашей роскоши. Развѣ мы смѣемъ роптать? У насъ есть мясо, соленье, бобровые хвосты, рыба изъ озера и рѣки, зайцы, вѣшки, которыхъ стоитъ только поймать, и кромѣ того мы можемъ, когда захотимъ, зажарить индѣйку. Наше положеніе завидно многимъ, повѣрьте мнѣ, дѣти.

— Но папа, сказалъ Гарри съ горячностью, я видѣлъ, какъ въ Виргиніи негры дѣлаютъ кофе изъ индѣйской пшеницы. Я пробовалъ этотъ напитокъ и нашелъ его очень вкуснымъ и похожимъ на кофе. Неправда-ли, Куджо?

— Негры и не пьютъ другаго кофе, масе Гарри.

— Вотъ видите-ли, папа. Отчего же и намъ не употреблять пшеницу вмѣсто кофе?

— Ты не думаешь о томъ, что говоришь, милый Гарри. Еслибы у насъ была индѣйская пшеница, то мы-бы сдѣлали изъ нея хлѣбъ, который еще нужнѣе кофе. Я не хлопоталъ-бы ни о чемъ, еслибы въ округности было хоть зерно пшена.

— Я знаю, гдѣ есть пшеница, сказалъ Гарри, и даже порядочное количество.

— Ты ошибся, мой другъ; въ этой долинѣ нѣтъ ни одного колоса, я уже осматривалъ ее.

— Да мое пшено совсѣмъ не въ долинѣ, а гораздо ближе. Оно пріѣхало вмѣстѣ съ нами изъ Сенъ-Луи и лежитъ теперь въ вагонѣ.

— Что ты говоришь, Гарри, вскричалъ я съ такою радостью, что испугалъ маленькихъ дѣтей. Неужели у насъ въ-самомъ-дѣлѣ есть нѣсколько зеренъ? Какое счастье!

— Я еще сегодня видѣлъ горсточку зеренъ въ старомъ мѣшкѣ, отвѣчалъ сынъ.

— Куджо, скорѣе бери факель, пойдѣмъ осматривать вагонъ.

Черезъ минуту мы были всѣ въ вагонѣ, стоящемъ недалеко отъ двери дома, и начали разбирать его. Тутъ была сбруя нашихъ быковъ, старая кожа, разныя мелочи, которыя я выбросилъ, и наконецъ увидѣлъ длинный мѣшокъ, въ какихъ обыкновенно продаютъ въ Соединенныхъ Штатахъ индѣйскую пшеницу. Я вспомнилъ, что взялъ изъ Сенъ-Луи два подобныхъ мѣшка для

корма лошади и быковъ, но быть въ совершенной увѣренности, что они пусты. Какъ изобразить мою радость, когда я, приподнявъ старшій мѣшокъ, почувствовалъ, что тамъ осталось много драгоценныхъ сѣмянъ.

Кромѣ того нѣсколько зеренъ, разсыпались по вагону. Мы подобрали все и принесли домой, гдѣ высыпали на столъ свое сокровище. Гарри радовался больше всѣхъ.

— Теперь у насъ будетъ хлѣбъ! вскричалъ я.

Жена моя была счастлива, что наконецъ мы можемъ имѣть самое необходимое въ жизни—хлѣбъ. Лишеніе это было для насъ чувствительнѣе всего, и мы до того не знали, чѣмъ замѣнить его. Напрасно мы собирали и пекли плоды бука, горохъ, жолуди, павпавъ—все это былъ не хлѣбъ, и мы радовались нашей находкѣ больше, чѣмъ соли и сахару.

Въ нашемъ климатѣ зима не бываетъ продолжительна; стало-быть мы могли скоро приступить къ сѣянью хлѣба. Черезъ шесть недѣль онъ уже созрѣетъ, и мы могли сдѣлать новый посѣвъ до зимы, какъ это всегда дѣлаютъ въ нашей странѣ. Стало-быть мы успѣли запастись и хлѣбомъ, потому-что зеренъ было достаточно на дѣльнѣй акръ земли.

Покуда мы разсуждали обо всемъ этомъ, смотря на наше богатство, Франкъ, разбирая зерна маиса, закричалъ:

— Тутъ есть и рожь!

Въ-самомъ-дѣлѣ, мы нашли нѣсколько другихъ зеренъ, потому-что, вѣроятно, этотъ мѣшокъ служилъ давно и вмѣщалъ въ себѣ разные сорта зеренъ, образчики которыхъ сохранилъ въ своихъ складкахъ и шивкахъ. Мы отдѣлили рожь и не отчаявались, что ее мало, зная, что изъ маленькаго желудя вырастаетъ большой дубъ. Въ умѣ нашемъ явилась уже богатая ферма, окруженная полями, засеянными хлѣбомъ, и мы не сомнѣвались въ успѣхѣ, хотя у насъ было для начала только нѣсколько зеренъ.

— Вы видите, дѣти мои, сказалъ я, какъ объ насъ заботится Провидѣніе. Мы заблудились въ пустынѣ и должны были погибнуть, но Промыслъ Божій не допустилъ насъ до несчастія. Здѣсь мы нашли все необходимое, даже все удобства, которыхъ не могли-бы имѣть, живя въ обществѣ людей. Теперь будущность наша обезпечена. Еще немного терпѣнія и труда, и у насъ бу-

дуть мука, хлѣбъ, крупа. Подумайте только, что ваша мать можетъ сострипать изъ муки, и еще съ сахаромъ.

— О! мамаша, сдѣлайте намъ пироговъ съ свѣжимъ и соленымъ мясомъ, вскричалъ Франкъ.

— И пирожного, продолжалъ Гарри. Плодовъ у насъ много. Я нашелъ уже много дикихъ яблоковъ, вишень, малины и винограду. Какіе у насъ будутъ пудинги! Не правда-ли, мама?

— И вы не жалѣете теперь о кофе, спросила мать?

— Нѣтъ, нѣтъ, закричали дѣти.

— Ну такъ у васъ будетъ и кофе, сказала Мери, улыбаясь.

— Неужели, мамаша, вы нашли кофейное дерево?

— Кофе растетъ на кустѣ, замѣтилъ Франкъ.

— Есть однакоже и кофейныя деревья, отвѣчала мать. Кустарники, плоды которыхъ мы привыкли пить, растутъ въ тропическихъ странахъ, но въ нашемъ климатѣ есть большое дерево, доставляющее пріятный напитокъ, похожій на кофе. Вотъ вамъ образчикъ.

И она бросила на столъ большой темный стручокъ, двѣнадцати дюймовъ длины и двухъ ширины, немного согнутый, какъ новая луна. Открывши стручокъ, мы нашли тамъ нѣсколько большихъ горошинъ сѣраго цвѣта, которыя, изжаренныя, измолотыя и приготовленныя какъ кофе, имѣютъ вкусъ этого напитка и полезны для здоровья.

— Дерево, съ котораго я сорвала этотъ стручокъ, продолжала Мери, растетъ почти во всей Америкѣ и вы, вѣроятно, видѣли его и здѣсь.

— Я замѣтилъ его очень хорошо, сказалъ Гарри, потому что съ-тѣхъ-поръ, какъ мамаша научила, какъ можетъ быть полезенъ кленъ, я осматриваю всѣ деревья и растенія, придумывая, не могутъ-ли они принести пользы.

— Это дерево давно занимаетъ и меня, возразилъ Франкъ, любившій ботанику. У него кора очень жестока, отстаетъ отъ ствола и виситъ большими кусками. Вѣтви его то-же очень странны, потому-что кажутся обрубленными.

— Ты правъ; дерево это некрасиво, и французы-канадцы называли его *осколкомъ*. Въ ботаникѣ оно называется *gymnocladus*, то есть *голыя вѣтви*, потому-что зимою на немъ не ос-

тается ни одного листика. Здѣсь оно извѣстно подъ именемъ *кентукскаго кофе*, потому—что первые колонисты въ этой странѣ начали употреблять его вмѣсто кофе, котораго никакъ не могли достать.

— О какое счастье! вскричалъ Гарри, у насъ теперь есть все: сахаръ, кофе, соль, говядина, дичь, все, кромѣ хлѣба. Нельзя—ли посѣять его теперь, папа; можетъ—быть онъ скоро вырастетъ.

— Морозъ истребитъ все наши сѣмена, и мы останемся совсемъ безъ хлѣба. Подожди до весны.

— Да весна еще далеко, а потомъ надобно опять ждать, чтобъ хлѣбъ поспѣлъ. Какъ это долго!

— Кажется, ты, Гарри, принадлежишь къ тѣмъ, которые не могутъ быть ничѣмъ довольны, сказала мать серьезно. Вспомни, сколько людей гораздо несчастнѣе насъ и у которыхъ, несмотря на богатство страны, нѣтъ куска хлѣба. Въ эту минуту сколько жалкихъ дѣтей ходятъ по улицамъ Лондона и жалостно смотрятъ на окна булочныхъ, гдѣ разложены разныя булки. У нихъ нѣтъ никакой пищи, и они, мучась голодомъ, смотрятъ на роскошь и обиліе. Вы—же сыты и здоровы. Можете—ли вы жаловаться на судьбу.

— Я и не жалуясь, мамаша, возразилъ Гарри, только думалъ, что такъ какъ у насъ есть сахаръ и кофе, то не худо—бы достать и сухарей.

— Утѣшься, дитя мое, сказала мать любимцу. У насъ будутъ и сухари. Слышалъ—ли ты еще объ одномъ любопытномъ и полезномъ деревѣ?

— Не о хлѣбномъ—ли деревѣ?

— Его можно такъ назвать, потому—что цѣлыя индѣйскія племена питаются имъ, хотя ученые и ботаники недавно узнали о его существованіи. Это родъ сосны.

— Развѣ на соснѣ есть плоды?

— На всякомъ деревѣ есть плоды.

— Да ужъ сосновыя—то шишки нельзя назвать плодами.

— Въ ботаникѣ не употребляютъ слово плодъ, но замѣняютъ его словомъ сѣмя, стало—быть это одно и то—же. У орѣшниковъ плодъ и сѣмя составляетъ одно, потому—что ядро,

которое мы ѣдимъ служить сѣмянемъ. Тоже самое можно сказать о горохѣ и бобахъ. Въ другихъ породахъ плодъ заключаетъ въ себѣ сѣмя, какъ напримѣръ яблоко, груша, апельсинъ. Сосна—же, какъ орѣшникъ, производитъ плодъ—сѣмя.

— Однако, мамаша, неужели есть возможность употреблять въ пищу эти жестокія колючія шишки?

— Въ этихъ шишкахъ заключаются сѣмена, которыя имѣютъ видъ миндалинки и выпадаютъ въ извѣстное время года.

— Я ужъ попробовалъ эти миндалины и нашелъ ихъ такими горькими, что выплюнулъ.

— Это оттого, что тебѣ попался плодъ простой сосны. Но есть порода этихъ деревьевъ, производящая сладкія, пріятныя сѣмена. Они растутъ въ гористыхъ мѣстахъ Америки и въ нашей пустынѣ. Деревья эти, можетъ—быть самыя высокія въ свѣтѣ, называются въ Калифорніи *колорадо*, то есть красныя, потому—что дерево имѣетъ этотъ цвѣтъ. Часто встрѣчаются колорады трехъ—сотъ футовъ вышины, и на горахъ Сьерры—Невады есть цѣлые лѣса этихъ гигантскихъ деревьевъ, какимъ подобныхъ мы не видали въ долинѣ Миссисипи. На тѣхъ соснахъ шишки огромнаго размѣра, въ восемнадцать дюймовъ длины, то есть полтора фута. Вообрази—же себѣ цѣлый лѣсъ громадныхъ деревьевъ, на вѣтвяхъ которыхъ висятъ точно головы сахару.

— Я—бы боялся остановиться подъ такимъ деревомъ, чтобъ на меня не упала шишка, сказалъ Гарри.

— И индѣйцы питаются сѣмянами *колорадо*? спросилъ Франкъ.

— Да, ихъ употребляютъ въ пищу, въ неурожайное время, не одни индѣйцы. Обыкновенный—же кентукскій кофе собираютъ на деревьяхъ той—же породы, только на такихъ высокихъ и на которыхъ иглы или листья самага свѣтлозеленаго цвѣта. Шишки этой породы имѣютъ сѣмена или миндалины жирныя, какъ американскій орѣхъ, и почти такого—же вкуса. Цѣлыя племена индѣйцевъ не знаютъ другой пищи. Орѣхи эти можно ѣсть сырые; но жареные они еще вкуснѣе. Въ этомъ видѣ ихъ мелютъ или толкутъ, и потомъ изъ муки дѣлаютъ тѣсто и хлѣбъ, очень пріятный и здоровый. Мексиканцы называютъ это дерево *ореховою сосною*; но гораздо ближе можно его назвать хлѣбнымъ деревомъ,

— Да развѣ есть въ нашей долинь такое дерево, мама? Я не видалъ ни одного.

— Въ долинь нѣтъ, но я думаю, что на горѣ должно быть, потому—что когда мы обходили гору, я замѣтила вдали, у обрыва, необыкновенную породу сосень, и думаю, что это и должно быть хлѣбное дерево, потому—что оно растетъ въ горахъ Новой Мексики и на всей полосѣ между горъ и Тихимъ-Океаномъ. Такъ какъ и наша гора принадлежитъ къ скалистой цѣпи, то нѣтъ ничего мудренаго, что и на ней есть эта благодѣтельная порода.

VII.

СНѢЖНАЯ ПОЛОСА.

Мы тотчасъ-же придумали, какъ составить экспедицію для отысканія драгоцѣннаго дерева.

— Пойдемте скорѣе, папа, вскричалъ Гарри. Это будетъ очень веселая прогулка. Когда-же мы отправимся?

— Когда устроимъ тележку для Помпо, чтобъ онъ могъ перевезти на гору мать и дѣтей.

Всѣ принялись за приготовления, потому—что любознательно было осмотрѣть величественную гору, возвышавшуюся надъ нашею долиною. Было рѣшено, что въ первый ясный день нашъ инжениръ отправится.

Тележка была сдѣлана въ три дни, потому—что самая главная ея часть, колеса, были готовы. У насъ было ихъ двѣ пары въ хорошемъ состоянн, но мы взяли колеса отъ стараго вагона которыя были больше размѣромъ. Упряжь Помпо была то-же приведена въ порядокъ, и мы ждали только яснаго дня.

— Такъ какъ въ нашемъ климатѣ рѣдко бываютъ дурные дни, то мы недолго ждали хорошей погоды. Вставши съ восходомъ солнца, мы уложили припасы, усадили въ тележку мать съ дѣвочками, и пошли къ горѣ, провожаемые громкимъ лаемъ собакъ. Домъ былъ оиять оставленъ пустой.

Даже Помпо, кажется, радовался съ нами и тащилъ тележку будто-бы въ ней никого не было. Куджо шелъ возлѣ, помахи-вая длиннымъ кнутомъ по воздуху; Касторъ и Полуксъ забѣгали далеко впередъ, обнюхивая всѣ кустарники.

Мы выбрались изъ долины и направились къ верхней равнинѣ. Передъ нами была пустыня, въ которой мы должны были погибнуть, но теперь мы смотрѣли на нее безъ ужаса, потому что давно были внѣ опасности. Однако она все еще возбуждала наше любопытство. Далеко на югѣ солнце освѣщало большое пространство бѣлаго песку, который иногда поднимался вѣтромъ и кружился вверху, въ видѣ башни или колонны. Иногда нѣсколько колоннъ разомъ поднимались и летѣли одна за другою, рассыпались пылью при каждомъ толчкѣ, и перегоняли одна другую, для того, чтобъ превратиться въ желтоватое облако. Нѣкоторыя изъ пыльных башенъ доходили почти до неба, и долго стояли неподвижно, какъ привидѣнія.

Эти картины заняли насъ на нѣсколько минутъ, а потомъ мы направились къ горѣ, держась ближе къ скаламъ. Вершина блистала передъ нами на солнцѣ яркими цвѣтами; казалось на ней насыпаны были розы. Снѣгъ покрывалъ ее довольно низко, и Франкъ поспѣшилъ узнать о причинѣ этого феномена.

— Во-первыхъ, отвѣчала мать, ты знаешь, что чѣмъ выше поднимаешься въ атмосферу, тѣмъ становится холоднѣе. На известной высотѣ холодъ такъ силенъ, что тамъ не можетъ жить ни человѣкъ, ни другое животное. Это доказано всѣми, которые взбирались на высокія горы, и изъ которыхъ много смѣльчаковъ чуть не замерзло. Замѣтно также, что на экваторѣ можно подниматься выше, чѣмъ на полюсахъ, и что лѣтомъ холодъ на вершинахъ не такъ силенъ; стало-быть, если человѣкъ замерзаетъ на известной высотѣ, то вода никакъ не можетъ таять на этихъ мѣстахъ и остается вѣчнымъ снѣгомъ. Каждый разъ, когда въ долинѣ идетъ дождь, онъ падаетъ на вершины снѣгомъ, и остается тамъ. Вѣроятно, что на землю падаетъ одинъ только снѣгъ, который таетъ въ известной полосѣ атмосферы, согревающей его. Стало-быть когда на насъ падаетъ дождь, надъ нами всегда идетъ снѣгъ. Это можно видѣть потому, что послѣ каждаго дожда на вершинахъ горъ прибавляется снѣгу. Снѣгъ, неудерживаемый горою, упалъ-бы ниже, растаявъ въ дорогѣ.

— Стало-быть эта гора очень высока, когда круглый годъ покрыта снѣгомъ, сказалъ Франкъ. Поэтому можно опредѣлить

ей вышины. Но на полюсахъ, гдѣ снѣгъ лежитъ круглый годъ на горахъ и поляхъ, нѣтъ возможности узнать, какъ высока гора.

— Тамъ некому заниматься этимъ, потому-что невозможно жить въ такомъ климатѣ; но въ теплыхъ странахъ и подь тропиками, если вы увидите гору съ снѣговою вершиною, то можете быть увѣрены, что она имѣеть, по-крайней-мѣрѣ, двѣ мили вышины. Если-же снѣгъ низко спускается по горѣ, то значитъ она еще выше и возвышается надъ поверхностью океана на три мили и больше.

— На нашей горѣ много снѣгу, хотя мы въ тепломъ климатѣ; стало-быть она высока.

— Не очень, потому-что, помните-ли, когда мы увидѣли ее въ первый разъ на ней была только небольшая снѣжная площадка, которая, вѣроятно, совсѣмъ исчезаетъ въ жары лѣта. Въ теперешнее время года снѣгъ не таетъ на ней. Я думаю, что она имѣеть 14,000 футовъ вышины не больше.

— А мнѣ она кажется гораздо ниже, сказалъ Гарри. Я видѣлъ горы, которыя казались выше этой, а мнѣ говорили, что онѣ имѣють 7,000 футовъ вышины.

— Это зависитъ отъ того, съ какой точки ты смотрѣлъ на нихъ. Эта долина считается самымъ возвышеннымъ мѣстомъ американскаго материка; стало-быть къ высотѣ горы, надобно прибавить возвышеніе равнины надъ моремъ.

Разговоръ на минуту прекратился, и мы шли молча, смотря на блестящую, розовую вершину, рисующуюся на чистомъ небѣ.

Франкъ прервалъ тишину восторженнымъ восклицаніемъ.

— Какая великолѣпная картина! И не странно-ли, что снѣгъ останавливается такую правильную полосою со всѣхъ сторонъ. что кажется на вершину надѣли бѣлый колпакъ, аккуратно обрубленный.

— Этотъ рубецъ называется снѣжною полосою, сказала мать, и по ней-то можно угадать степени холода и тепла. На горахъ тропиковъ она находится выше, но чѣмъ больше къ сѣверу, тѣмъ она больше спускается, смотря однако по климату и близости моря, которое измѣняетъ атмосферу до того, что горы на одномъ и томъ-же градусѣ имѣють снѣжную полосу въ разныхъ мѣ-

стахъ. На нашу гору дѣйствуютъ только времена года, вотъ почему съ наступленіемъ холодовъ снѣгъ спустился ниже.

— Какъ-бы я хотѣлъ взбѣжать на вершину, вскричалъ Гарри, взять комокъ снѣгу и бросить имъ въ Франка.

— Это нелегко сдѣлать мой другъ, потому-что ты не дойдешь до вершины. Надобно тебѣ отказаться отъ удовольствія бросать въ брата снѣгомъ.

— Да вѣдь есть-же люди, которые влезали на Гималай, отчего-же мнѣ не взобраться на нашу гору?

— Никто не могъ взойти на Гималай, возразилъ Франкъ. Не правда-ли, мама, что это невозможно!

— Ты правъ, ни одно человѣческое существо не могло достигнуть до вершины горъ, возвышающихся на пять миль надъ поверхностью моря. Еслибы даже и была возможность взобраться туда, то извѣстно, что ни одно животное не можетъ жить и дышать на такой высотѣ. Эти мѣста, недоступныя для насъ, поставлены Создателемъ только для того, чтобъ возбуждать въ насъ религіозныя мысли о величіи и могуществѣ Бога. Согласны-ли вы со мною, дѣти мои?

VIII.

ЗВѢРИНЕЦЪ, ПТИЧНИКЪ И БОТАНИЧЕСКІЙ САДЪ,

Мы дошли до подножья горы, и остано­ваясь при входѣ въ оврагъ, распрягли Помпо и сѣли на берегу маленькаго ручья. Отдохнувъ, мы принялись искать деревья, замѣченныя Мери, и увидѣли нѣсколько свѣтлозеленыхъ сосенъ, растущихъ отдѣльно, къ которымъ побѣжали съ чувствомъ живѣйшей надежды.

Очутясь въ тѣни этихъ сосенъ, мы почувствовали особенный пріятный запахъ. Вся земля усыпана была шишками; но когда мы хотѣли попробовать миндалины, то увидѣли, что всѣ шишки пусты и переломаны. Ясно, что какое-нибудь животное полакомилось орѣхами. Мы сбили съ вѣтки нѣсколько другихъ шишекъ и начали ѣсть совсѣмъ созрѣвшіе орѣхи.

— Да, это орѣховая-сосна, вскричала жена весело. Шишки эти послужатъ намъ вмѣсто хлѣба, покуда не созрѣла наша пшеница. Соберите, дѣти, побольше этихъ орѣховъ.

Мы принялись так усердно работать, что наполнили почти всю тележку орѣхами, и воротясь домой, Мери тотчасъ принялась жарить сѣмяна, толочь ихъ, сдѣлала тѣсто и къ ужину приготовила намъ несомнѣнно бѣлый, но вкусный пирогъ.

У насъ было цѣлый день много работы. Надобно было сдѣлать ноль въ нашемъ домѣ, загородить два поля, одно для посѣва, другое для Помпо, чтобъ ему не вздумалось бѣгать въ лѣсъ, гдѣ онъ могъ встрѣтить звѣря, который-бы его скушалъ. Мы успѣли еще убить нѣсколько ланей и лосей, и заготовили на зиму большую провизію мяса. Мясо чернохвостыхъ оленей показалось намъ невкусно, и потому мы имъ кормили Кастора и Полунка.

Куджо былъ самый дѣятельный изъ всѣхъ насъ. Онъ сдѣлалъ домашнюю посуду, инструменты для работы, мебель, и даже деревянный плугъ, который былъ намъ очень полезенъ, потому-что посредствомъ его мы очистили цѣлое поле отъ травы. Признаюсь, мнѣ было немного жаль истреблять эту густую траву, усѣянную яркими цвѣтами, но хлѣбъ былъ намъ нужнѣе цвѣтовъ.

Предвидя, что военные запасы скоро истощатся, мы придумали охотиться съ новымъ оружіемъ, такимъ-же полезнымъ, какъ наши ружья. Мы нашли дерево, изъ котораго индѣйцы дѣлаютъ себѣ лукъ, и согнувъ тонкія вѣтви, связали ихъ оленьими жилами. Для приготовления стрѣлъ, у насъ былъ тростникъ, къ которому Куджо придѣлалъ острые желѣзные концы, сдѣланные изъ гвоздей стараго вагона. Стрѣлая каждый день въ цѣль, мы прежде окончанія зимы сдѣлались такими искусными стрѣлками, что Гарри попалъ въ вѣтвь, сидѣвшую на самой высокой вѣтви дерева. Вообще онъ стрѣлялъ изъ лука и изъ ружья гораздо лучше брата, но Франкъ нисколько не завидовалъ ему, а напротивъ, радовался его умѣнью. Цѣлую зиму Гарри снабжалъ насъ куропатками, зайцами, вѣкшами разныхъ породъ, дикими индѣйками. Эти послѣднія были очень вкусны и, разумѣется, мы предпочитали это жаркое.

Жена тоже очень хлопотала о нашихъ обѣдахъ. Въ послѣдніе осенніе дни она часто ходила въ лѣсъ и собирала все, что полагала годнымъ въ пищу. Мы собрали множество дикихъ плодовъ: смородину, вишни и множество рябины. Мери наварила много варенья. Мы искали тоже полезныхъ корней, и нашли *блѣвое*

яблоко или индѣйскую рѣпу. Но самая замѣчательная находка состояла въ дикомъ картофелѣ, который встрѣчается теперь рѣдко въ Америкѣ и котораго мы не замѣтили—бы безъ ботаническихъ познаній жены. Картофелины были самыя мелкія и мы вырыли ихъ такъ мало, что спрятали не для запаса, а для посъва, послѣ чего онъ дѣлается крупнѣе.

Изъ сахарнаго горошку мы сдѣлали родъ пива, очень пріятнаго; но лучшій напитокъ сдѣланъ былъ Мери изъ дикаго винограда, котораго едѣсь росло огромное количество. Во-время моего путешествія во Францію я выучился дѣлать вино, и теперь познанія мои пришлись очень кстати. Въ зимніе вечера, когда мы собирались усталые вокругъ нашего огня, Мери наливала намъ по стакану этого драгоценнаго питья, чтобъ подкрѣпить наши силы, въ другое же время мы не смѣли и просить вина.

Въ эту минуту пришла мнѣ въ голову новая мысль, которую я посѣпшилъ сообщить семейству. Отчего не попробовать ловить звѣрей живыми и сдѣлать ихъ домашними и полезными. Я уже замѣтилъ, что присутствіе наше пугало лосей, которыхъ было не большое количество въ долинѣ и которыя могли забѣжать такъ далеко, что намъ трудно будетъ ловить ихъ для нашего стола. Притомъ-же хищныя звѣри, пантеры, волки истребляли множество ланей и лосей, и потому вѣтъ ничего мудренаго, что порода могла скоро исчезнуть. Мы-же не имѣли средствъ объявить войну дикимъ животнымъ и сами должны были принимать все осторожности, чтобъ не попасться имъ къ лапы. Мери была въ страшномъ безпокойствѣ всякій разъ, когда дѣти собирались на охоту, и надобно признаться, что мы окружены были опасностями. Часто мы видѣли слѣды волковъ, пантеръ, и замѣчали издали, какъ медвѣди пробираются между кустами.

Противъ этихъ чудовищъ съ толстою кожею стрѣлы наши были бесполезны и порохъ приходилъ къ концу и дѣлалъ ружья ненужными. Однако мы надѣялись изучить привычки этихъ звѣрей и уменьшить ихъ число, ставя западни, послѣ чего мы могли набрать безвредныхъ животныхъ, годныхъ въ пищу, сдѣлать ихъ домашними, и такимъ образомъ охота дѣлалась почти ненужною. Съ двойнымъ сборомъ пшеницы и ржи мы были обезпечены на всю жизнь.

Кромѣ-того, я, какъ любитель естественной исторіи, хотѣлъ набрать всѣ породы животныхъ, находящихся въ долинѣ; отъ самыхъ страшныхъ до тихихъ, не для одного жаркаго, а чтобъ имѣть рѣдкіе образчики передъ глазами и изучать образъ ихъ жизни. Словомъ, я хотѣлъ учредить въ пустынѣ *звѣринецъ*.

Главный элементъ нашей промышленности и будущаго богатства, бобры, не входили въ этотъ планъ и стояли намъ очень мало труда. Брать каждый годъ по нѣскольку бобровъ, сушить и готовить ихъ шкурки было дѣломъ нѣсколькихъ часовъ, а мы предпринимали обширный планъ, который долженъ былъ занять насъ надолго.

Гарри очень обрадовался моему предложенію, потому-что любилъ животныхъ также, какъ я. Франкъ-же предпочиталъ птицъ и настаивалъ, чтобъ въ звѣринцѣ былъ отдѣлъ птицъ. Мери предложила тоже свой планъ: собрать образчики всѣхъ травъ, растеній и деревьевъ, полезныхъ или любопытныхъ — словомъ устроить *ботаничскій садъ*.

Стало-быть каждый изъ насъ имѣлъ свое собственное отдѣленіе. Я съ Гарри взялся доставлять четвероногихъ. Франкъ птицъ, Мери растенія, а Куджо взялся устроить и приготовить помѣщеніе для нашихъ затѣй. Онъ тоже изобрѣталъ западни, дѣлалъ клѣтки, потому-что былъ въ этомъ гораздо опытнѣе насъ, и мы только помогали ему и слушались его наставленій.

Стало-быть мы были заняты на долгое время, и только въ нашихъ занятіяхъ должны были находить развлечения. У насъ не было забавъ и книгъ. Мы не могли ни учиться, ни веселиться, какъ другіе люди; однако мы не знали, что такое скука. Передъ нами открыта была самая лучшая изъ книгъ — *Книга природы*, и въ ней-то мы находили утѣшеніе, забаву, поученіе.

IX.

ЗАПАДНИ.

Гарри первому удалось доставить живыхъ звѣрей въ звѣринецъ. Онъ поймалъ пару сѣрыхъ вѣкшъ, поставя имъ ловушку на ихъ собственномъ деревѣ. Ихъ посадили въ большую клѣтку, но скоро они сдѣлались такими ручными, что ѣли орѣхи изъ

рукъ. Мы забавлялись ихъ скачками и ловкостью, съ какою онѣ грызутъ и чистятъ орѣхи передними лапками.

Вскорѣ послѣ пришла очередь Франка, и его добыча была гораздо важнѣе. Онъ уже давно придумываль, какъ ему поймать живыми индюковъ. Наконецъ онъ устроилъ недалеко отъ дома западню, въ видѣ клѣтки или мышеловки, откуда вошедшая птица не могла уже никакъ выйти. Онъ украсилъ входъ въ ловушку травою, чтобъ не возбудить подозрѣнія птицъ, насыпаль внутри крошекъ и сѣмянъ, и ждалъ терпѣливо, чтобъ забралась индюшка.

Однако прошло нѣсколько дней и западня оставалась пустою, но Франкъ вздумаль выучиться клохтать какъ индѣйскіе пѣтухи, и дошелъ до такого совершенства, что мы сами ошибались. На его клохтанье индѣйки приходили къ самому входу въ ловушку, но не входили въ нее, потому—что, вѣроятно, сѣмяна, насыпанныя Франкомъ, неочень ихъ прельщали. Тогда мой птичникъ придумаль новую штуку. Онъ убилъ стрѣлою индюка, поставилъ его къ западнѣ, какъ живаго, и самъ, спрятавшись возлѣ, въ кустахъ, началъ громко клохтать. Вдругъ показались три птицы, осторожно подходя, какъ страусы, и увидя своего товарища, клевавшего спокойно сѣмя, вошли къ нему. Сердце Франка билось сильно. Онъ побѣжалъ къ ловушкѣ, захлопнулъ ее, потомъ влезъ на рѣшетчатую крышу, связаль птицамъ ноги, вытацилъ ихъ, оставя убитаго пѣтуха въ томъ—же положеніи, и побѣжалъ домой. Его встрѣтили криками радости, посадили птицъ въ клѣтку; только Мери жалѣла, что это были три пѣтуха.

На другой день Франкъ поправилъ свою ошибку. Онъ пошелъ къ своей ловушкѣ и замѣтилъ издали большую живую птицу и нѣсколько маленькихъ, которыхъ онъ принялъ за куро-патоку. Подойдя ближе, онъ обрадовался, узнавъ, что это индѣйка съ своими цыплятами. Цыплята свободно проходили въ отверстія клѣтки и бѣгали кругомъ, входя и выходя, но мать только высовывала голову, била крыльями въ крышу, и не могла выбратъся изъ западни.

Франкъ боялся, что при его приходѣ цыплята разлетятся, вернулся домой, чтобъ посоветоваться, что дѣлать, и я пошелъ вмѣстѣ съ Гарри и Куджо, который захватилъ кусокъ холста и два одѣяла, которыя по дорогѣ скрѣплялъ вмѣстѣ. Надобно было

поступать очень осторожно, потому—что взявъ цыплятъ, мы могли развести ихъ сколько намъ было угодно. Мы тихонько окружили западно, около которой хлопатали цыплята, и вдругъ накрыли всю ловушку холстомъ и одѣялами. Мать и дѣтеныши были въ нашей власти. Мы насчитали восемнадцать цыплятъ. Забравъ всю дичь, мы захватили и мертвого пѣтуха, служившаго приманкою, котораго зажарили къ обѣду, и вернувшись домой, посадили индѣйку въ другой курятникъ, составленный изъ мелкихъ отверстій, чтобъ цыплята не ушли.

Тогда, взявъ живаго пѣтуха, Франкъ привязалъ его въ ловушкѣ и поймалъ еще нѣсколько птицъ; но скоро онѣ стали осторожнѣе и перестали попадаться. Впрочемъ у насъ ихъ было уже такъ много, что ненадобно было и ловить.

Съ этихъ поръ каждый день звѣринецъ нашъ видѣлъ новаго гостя. Франкъ сдѣлалъ себѣ клею, устроилъ изъ камыша обширную клѣтку съ отдѣлами, и черезъ нѣсколько времени у насъ была и голубая соя, и красная птица, и виранекій соловей, и голуби разныхъ породъ, и каролинскіе понугаи.

Кромѣ—того, Франкъ поймалъ очень рѣдкую птицу, называемую индѣйцами *ваконъ*. Это американская райская птица, у которой два перушка въ хвостѣ длиннѣе другихъ, что очень граціозно. Мы набрали также множество маленькихъ птицъ, съ разноцвѣтными перушками, и Франкъ поймалъ больше двѣнадцати породъ восхитительныхъ колибри, за которыми ухаживалъ съ особенною любовью, украшая всякій день клѣтку ихъ живыми цвѣтами. Но въ отдѣльной и почетной клѣткѣ сидѣла небольшая сѣрая птичка съ черными лапками, которая казалась некрасивою и недостойною вниманія возлѣ живыхъ летающихъ драгоценныхъ каменьевъ, однако, когда эта скромная птичка открывала свой черный носикъ и начинала пѣть, то забывали красоту и яркость перьевъ красной птицы, голубой сои, вакона и даже крошечныхъ птичекъ—мухъ. Сѣрая птица подражала всемъ звукамъ, слышимымъ въ окрестности. Если одна изъ сосѣдокъ начинала пѣть, она оканчивала за нее ругаду, и продолжала въ томъ-же тонѣ, только съ такою пріятностью, что все птицы замолкали. Это былъ знаменитый американскій соловей, названный насмѣшникомъ.

Покуда Франкъ набиралъ птицъ, Гарри тоже не отдыхалъ.

Онъ поймалъ образчики пяти породъ вѣкъшъ, сѣрыхъ, черныхъ, красныхъ и двѣ земляныя породы, подрывающіяся подъ корни деревь, которыхъ мы еще видѣли въ первый разъ. Эти послѣднія очень красивыя животныя, величиною съ мышъ и съ полосатою шерстью. Натуралисты никогда не описывали этихъ вѣкъшъ, которыя сдѣлались такими ручными, что Луиза и Мери играли съ ними, кормили и спали вмѣстѣ.

Кромѣ-того, Гарри поймалъ зайца и пару ракоононь, которыхъ ловили ночью и съ собаками, потому-что эти животныя, изъ породы лисицъ, очень осторожны и хитры. Они не могли быть для насъ полезны, но только увеличивали коллекцію.

Для разнообразія, мы занялись рыбною ловлею. Я уже сказалъ, что Куджо наловилъ нѣсколько рыбъ въ родѣ форелей, только другаго цвѣта, и мы съѣли ихъ съ большимъ аппетитомъ. Теперь мы хотѣли сдѣлать запасъ рыбы, и отправились къ ручью уже безъ Помпо, потому-что это было недалеко, но взяли Мери и дѣтей, которыя не любили оставаться одни дома. Мы сдѣлали удочки изъ тростника, навязали на нихъ снурки, сплетенные изъ дикаго льна, растущаго вездѣ въ Скалистыхъ-горахъ; согнутыя булавки служили крючками, а для приманки мы набрали множество червей. Франкъ и Гарри несли всѣ рыбачьи снаряды, я и Куджо держали на рукахъ дѣтей, Мери собирала по дорогѣ травы, Касторъ и Полуксъ бѣгали во всѣ стороны. Помпо, оставшись одинъ дома, заржалъ печально, какъ будто-бы сердился, что его не взяли. Куджо шелъ впереди, показывая дорогу, потому-что зналъ на какомъ мѣстѣ рѣки водятся больше рыбы.

Мы прошли почти полъ-мили, какъ вдругъ жена остановилась, вскрикнула и показала на нѣкоторыя деревья.

— Что такое мама? спросилъ Гарри, не онять-ли драгоценное дерево, въ родѣ хлѣбнаго или кофейнаго!

— Нѣтъ, Гарри, отвѣчала мать, дерево это не можетъ принести намъ никакой пользы, но оно любопытно потому, что питаетъ одно изъ самыхъ странныхъ четвероногихъ животныхъ.

— Я не вижу на немъ никакого животнаго, сказалъ Гарри.

— Я тоже не вижу, возразила мать, но одно должно быть близко, потому-что оставило свои недавніе слѣды.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на группѣ деревьевъ изъ породы хлопчат-

никовъ, мы увидѣли содранную кору, оборванные листья, сломанные и обглоданные вѣтви. Нѣкоторыя изъ деревьевъ, изуродованные такимъ образомъ уже высохли, другія стояли въ жалкомъ видѣ и скоро должны были погибнуть.

— Какое это животное портитъ такъ деревья? сказалъ Гарри. Бобры не лазаютъ, ракооны тоже, вѣкши и опоссумы не сдираютъ коры съ деревьевъ.

— Пойдемъ, Гарри, поищемъ это животное, сказалъ я; оно не можетъ уйти далеко.

Мы пошли къ ободраннымъ деревьямъ, и скоро увидѣли на землѣ странное животное. Оно имѣло три фута длины, широкую спину, согнутую и покрытую сѣрою шерстью, самую густую и вклокоченную. Голова его и морда были малы сравнительно съ туловищемъ; ноги, толстыя и мохнатыя, были вооружены длинными когтями; уши исчезали въ шерсти; такъ что оно походило скорѣе на круглый мохнатый комокъ, чѣмъ на животное. Увидя насъ, онъ хотѣлъ убѣжать, но едва двигался по травѣ и, кажется, не могъ быть проворнѣе.

Я хотѣлъ удержать собакъ, но было уже поздно. Касторъ и Полуксъ бросились впередъ съ сильнымъ лаемъ, не слушая моего голоса. Животное, видя опасность, спрятало свою голову, оцетинилось и начало надуваться, махая хвостомъ.

Тогда мы могли рассмотреть, что на немъ была не шерсть, какъ мы предполагали, а острия иглы.

— Дикобразъ, дикобразъ! закричали мальчики.

Къ несчастію, собаки не знали, съ кѣмъ имѣли дѣло, и бросились на звѣря съ открытою пастью; но скоро онъ отскочилъ назадъ съ жалобнымъ визгомъ: вся морда ихъ усыяна была иглами. Дикобразъ между-тѣмъ доползъ до ближайшаго дерева и началъ взбираться; но Куджо, въ отмщенье за собакъ, бросился на него съ копьемъ и убилъ его.

Гарри, сдѣлавшійся осторожнѣе послѣ приключенія съ вонючимъ хорькомъ, не подходилъ къ дикобразу; тѣмъ болѣе, что онъ слышалъ, что это животное имѣетъ способность отбрасывать далеко свои иглы.

— Правда-ли это, папа? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, это одна изъ сказокъ, распространенныхъ французскимъ натуралистомъ Бюфономъ. Иглы дикобраза неплотно прикрѣплены къ кожѣ и отстаютъ при нажиманіи, какъ это испытали наши собаки, но не летаютъ по воздуху. Въ нихъ состоитъ единственная защита этого животнаго, движенія котораго такъ медленны, что его можетъ настичь всякій врагъ; но несмотря на это, самые хищные звѣри оставляютъ дикобраза спокойно обрывать кору съ деревьевъ, не мѣшая ему въ этомъ занятіи. Притомъ—же ни волкъ, ни пантера, ни дикая кошка не могутъ его обидѣть, потому—что иглы защищаютъ его со всѣхъ сторонъ и часто бывають причиною смерти нападающихъ. Часто попадаются въ лѣсу трупы конгуаровъ, собакъ, волковъ и рысей съ иглами дикобраза во рту. Самъ—же дикобразъ никогда не нападаетъ на животныхъ, потому—что питается одною корою и листьями хлопчатника.

Я рассказалъ все, что зналъ объ этомъ странномъ животномъ; но скоро представился случай, доказывающій, что и у дикобраза, несмотря на его иглы, есть непріятель, который можетъ съ нимъ сладить. Это случилось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашей рыбной ловли, но я расскажу теперь, кстати, этотъ эпизодъ.

X.

БИТВА КУНИЦЫ СЪ ДИКОБРАЗОМЪ.

Это было въ половинѣ зимы. Земля, покрытая тонкимъ слоемъ снѣгу, позволяла видѣть слѣды животныхъ, и мы вздумали воспользоваться этимъ, чтобъ охотиться. Пара лосей пробѣжала ночью по нашей лужайкѣ, и я пошелъ съ Гарри по свѣжимъ слѣдамъ. Ясно было, что звѣри прошли незадолго передъ нами. Мы рѣшили, что они не могли быть далеко, и пошли ихъ отыскивать.

Слѣды шли по берегу озера, потомъ по лѣвой сторонѣ рѣки; Касторъ и Полуксъ бѣжали съ нами, только на привязи, потому—что они уже не разъ попадались въ бѣду, да и пугали звѣрей, которыхъ мы сбирались поймать.

Въ полмилѣ отъ дому мы увидѣли, что лоси перебрались на правый берегъ рѣки, какъ вдругъ насъ поразили другіе слѣды,

направленные къ лѣсу. Эти были слѣды ногъ *человѣческихъ*, маленькихъ дѣтскихъ ногъ.

Можно вообразить наше удивленіе и ужась. Казалось, что двое дѣтей, лѣтъ шести, шли одинъ предъ другимъ, потому-что слѣды были расположены въ этомъ направленіи. Что это могло значить? Откуда взялись въ нашей пустынѣ дѣти? Неужели показались индѣйцы!

Потомъ я вспомнилъ о племени диггерсовъ или ямпарикасовъ, истребляющихъ корни и находящихся почти во всѣхъ пустыняхъ Америки. Они живутъ семействами въ расщелинахъ и ямахъ, питаются корнями, насѣкомыми и пресмыкающимися, и ничего вѣтъ мудренаго, что они еще не попадались намъ ни разу. Желая удостовѣриться, точно-ли это слѣды диггера, мы отложили охоту за лосями, и пошли къ лѣсу, по дѣтскимъ слѣдамъ.

На открытомъ мѣстѣ, гдѣ снѣгъ былъ глаже, слѣды эти показались яснѣе. Я нагнулся и началъ разсматривать ихъ. Сходство съ человѣческою ногою было весьма большое: пятка, подъемъ, форма, пальцы были отпечатаны превосходно; только я замѣтилъ, что у одного слѣда было пять пальцевъ, а у другихъ четыре. Я понялъ, что на пальцахъ животнаго были когти, покрытыя шерстью, которая стирала слѣдъ. Стало-быть это были не человѣческіе, а звѣринные слѣды.

Такъ какъ мы все-таки хотѣли посмотрѣть, что это за любопытное животное, то продолжали его преслѣдовать. Оно, можетъ-быть, не описано ни однимъ натуралистомъ, и мы первые откроемъ какую-нибудь новую породу. Намъ ненадобно было идти далеко. Скоро увидѣли мы нѣсколько хлопчатниковъ съ ободранною корою. вмѣсто неизвѣстнаго звѣря или индѣйца диггера, мы нашли дикобраза.

Тогда я вспомнилъ, что у дикобраза пять пальцевъ на переднихъ лапахъ и четыре на заднихъ и что форма ноги его похожа на человѣческую. Стало-быть слѣды принадлежали ему.

Намъ было неочень пріятно, что мы потеряли столько времени въ погонѣ за бесполезнымъ звѣремъ и потеряли слѣдъ лосей. Зато мы общались вмѣстѣ нашу досаду на дикобраза, котораго увидѣли высоко на деревѣ. Въ это время показалось вблизи другое животное, тоже страннаго вида.

Отъ морды и до хвоста оно имѣло длины ярдъ съ четвертью, однако тѣло его было тонко, какъ человѣческая рука. Голова его широкая, немного приплюснутая, уши короткія, морда острая. У звѣря были усы, какъ у кошки, но онъ походилъ скорѣе на собаку. Короткія ноги и гибкость тѣла доказывали необыкновенную силу и проворство. Шерсть его была темно-красноватая съ бѣлымъ пятномъ на груди. Голова, спинная кость, лапы и хвостъ были темнѣе. Это была большая американская куница, называемая почему-то *рыбакомъ*. Она присѣла подъ деревомъ, гдѣ былъ дикобразъ, и приготовлялась напасть на него. Мы остановились, ожидая, чѣмъ это кончится.

Дикобразъ еще не замѣтилъ своего врага, и очень прилежно обдиралъ древесную кору. Вдругъ куница прыгнула на дерево; дикобразъ, увидя ее, завизжалъ и почти скатился на землю. Это насъ удивило, тѣмъ болѣе что маневръ исполненъ былъ очень скоро; но скоро мы поняли отчего дикобразъ предпочиталъ дать сраженіе на землѣ, а не на деревѣ. Сидя на вѣткѣ, онъ оставлялъ безъ защиты свое горло и животъ, непокрытыя иглами, и гибкая куница могла искушать его. На землѣ-же, свернувшись въ комокъ, онъ былъ неприступенъ и не боялся нападенія.

Куница начала бѣгать вокругъ массы иголокъ, свивая свое гибкое тѣло, скаля зубы и фыркая, какъ кошка. Мы думали, что она всякую минуту бросится на врага, но зная, вѣроятно, опасность, она не подходила близко и чего-то выжидала. Дикобразъ оставался неподвижнымъ, спрятавъ подъ себя голову и лапы, только кончикъ хвоста его выходилъ изъ комка иглъ и поминутно вилялъ во всѣ стороны.

Куница долго раздумывала, не отступиться-ли ей отъ борьбы, но потомъ остановилась передъ хвостомъ непріятеля, продолжавшимъ вертѣться, и осталась неподвижною.

Дикобразъ, не видя врага и не слыша его шаговъ, можетъ-быть, подумалъ, что куница ушла, и хвостъ его началъ биться рѣже, и потомъ совсѣмъ остановился.

Этого только и ждала куница. Она бросилась на хвостъ и схватила зубами за кончикъ, на которомъ не бываетъ иглъ.

Что же она будетъ дѣлать съ хвостомъ въ зубахъ? Вѣдь не

откусить—же она только кончикъ, изъ—за котораго не стоитъ и хлопотать.

Дикобразъ, почувствовавъ зубы куницы, опять завизжалъ жалобно, но оставался безъ движенія. Куница-же начала отодвигаться задомъ, таща за собою осторожно комокъ иголокъ. Подойдя къ дереву, она начала взбираться на нижнюю вѣтку, не выпуская изъ рта добычи, и дикобразъ не могъ сопротивляться, потому—что скользилъ по снѣжной землѣ и сила непріятеля была гораздо больше. Когда куница была на вѣткѣ, то дикобразъ, вися головою внизъ, которая едва доставала до земли, продолжалъ кричать. Потомъ быстрымъ толчкомъ куница опрокинула его на спину, и прежде чѣмъ неповоротливое животное могло опомниться и свернуться, она вскочила ему на животъ и прокусила горло. Напрасно дикобразъ барахтался, стараясь избавиться отъ врага или воткнуть въ него нѣсколько иголокъ, всё усилія его были напрасны, онъ истекалъ кровью.

Тогда мы подумали, что пора и намъ вмѣшаться, и спустили собакъ, которыя смѣло бросились на куницу. Та не испугалась ихъ, не убѣжала, а оскаливъ двойный рядъ острыхъ зубовъ, стала въ оборонительное положеніе. Врядъ—ли наши собаки могли сладить съ звѣремъ, который сверхъ-того лазилъ по деревьямъ, какъ вѣкша. Ружейный выстрѣлъ положилъ его мертвымъ, и трупъ издавалъ непріятный запахъ мускуса.

Касторъ и Поллуксъ, проученные однажды, не подходили къ дикобразу, который былъ едва живъ. Мы покончили его, взяли куницу, чтобъ содрать съ нея кожу, и вернулись домой, отложивъ охоту за лосями до другаго раза.

Все это случилось гораздо позже. Теперь вернемся къ нашей рыбной экспедиціи.

Убивъ дикобраза своею пикою, Куджо увидѣлъ, что бѣдныя собаки очень страдаютъ отъ иголокъ, впившихся въ языкъ и морду. Мы начали осторожно вынимать всё колючки, но несмотря на это, морды собакъ распухли. Послѣ этого Касторъ и Поллуксъ никогда не подходили къ дикобразамъ.

XI.

СТАРЫЙ ХИТРЫЙ РАКООНЪ.

Мы продолжали путь нашъ. Куджо повѣсилъ дикобраза на дерево, сказавъ, что возьметъ его на возвратномъ пути и приготовить изъ него вкусное кушанье. Онъ часто ѣдалъ мясо этого звѣря, и увѣряетъ, что оно лучше поросенка. Мы не собирались пробовать этого блюда, но просили, чтобъ онъ удѣлилъ что-нибудь собакамъ, за то, что звѣрь этотъ ихъ обидѣлъ. Наши запасы были еще нѣтакъ богаты, чтобы мы могли удѣлять собакамъ хорошіе куски.

Скоро пришли мы на берегъ рѣки, близъ пруда. Это было большое пространство воды, глубокой и темной, съ высокимъ берегомъ, покрытымъ пустыми деревьями. Другой берегъ былъ низкій и отлогій, съ растеніями, спускающимися въ воду.

Мы выбрали высокій берегъ для нашей ловли. Тутъ нашли мы небольшую лужайку, подъ тѣнью деревьевъ, поросшую густою травою, на которой тотчасъ-же дѣти начали валяться. Мы забросили удочки и перестали шумѣть, чтобъ не испугать рыбу. Кажется только, предосторожность наша была лишнею, потому-что не прошло и пяти минутъ, какъ вода пришла въ волненіе, и показалось нѣсколько черныхъ головокъ, похожихъ на змѣиныхъ. Подумавъ, что тутъ въ-самомъ-дѣлѣ водятся змѣи, мы испугались, но Куджо, бывший рыбакомъ въ Виргиніи и знавшій хорошо всѣхъ обитателей воды, закричалъ:

— Мессе, это все черепахи!

— Неужели! вскрикнули дѣти съ удивленіемъ. Черепахи!

— Да, мессе, черепахи и еще съ мягкою чешуею, то-есть такія, которыя вкуснѣе мяса, рыбы и дичи.

Куджо не окончилъ еще говорить, какъ одна черепаха вышла на берегъ, недалеко отъ насъ. По ея длинной головкѣ, похожей на мордочку, по ея движеніямъ и мягкости оболочки, я узналъ породу *триониксъ*, уважаемую гастрономами. Это могло быть лакомствомъ для нашего стола, если только мы поймаемъ ихъ.

Я хотѣлъ уже совѣтоваться съ Куджо, какъ вдругъ почувствовалъ, что моя удочка зашевелилась. Ожидая рыбы, я началъ притягивать уду, но къ моему удивленію на крючкѣ была маленькая

черепаха, которую мы вытащили на берегъ безъ труда. Потомъ Куджо перевернулъ ее на спину, чтобъ она не ушла и чтобъ за ней не смотрѣть.

Такимъ образомъ мы поймали нѣсколько черепахъ, которыя такъ прожорливы, что бросаются на всякую приманку, а также нѣсколько большихъ рыбъ. Наблюдая за удочками, Гарри замѣтилъ на противоположномъ берегу рѣки какое-то животное и сказалъ тихо:

— Папа, мамаша, посмотрите—вотъ ракоонъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ нельзя было ошибиться: широкая спина темнаго цвѣта, лисья морда, длинный, пушистый хвостъ, испещренный черными полосами и желтыми пятнами, короткія лапы, прямые уши, все это было намъ давно извѣстно, потому-что въ Америкѣ этотъ звѣрь часто попадаетъ и у насъ были образчики этой породы въ нашемъ звѣринцѣ.

При видѣ ракоона глаза Куджо заблестали отъ удовольствія, потому-что охоту за ними негры предпочитаютъ всему, точно также, какъ охотники въ Англии любятъ преслѣдовать лисицъ. Притомъ-же охота за ракоонами составляетъ единственное развлеченіе бѣдныхъ работниковъ, свободныхъ только по ночамъ. Они ѣдятъ мясо этого звѣря, хотя оно невкусно и хотя они предпочитаютъ мясо опоссума. Стало-быть Куджо съ удовольствіемъ припомнилъ прежніе свои подвиги.

Ракоонъ или просто коонъ, какъ его у насъ называютъ, не замѣтилъ насъ и тихонько ползъ между корнями, смотря пристально въ воду.

— Старый коонъ будетъ рыбу удить, проговорилъ чуть слышно Куджо. Посмотрите, какъ онъ уменъ.

— Да какъ онъ можетъ поймать рыбу, спросилъ Гарри?

— Поймаетъ и черепаху, мессе Гарри. Замѣчайте только за нимъ.

Мы притихли, чтобъ не пропустить ни одного движенія хитраго звѣря, не видавъ еще никогда такихъ странныхъ рыбаковъ. Мы знали, что звѣрь не пойдетъ въ воду, гдѣ черепахи плаваютъ какъ рыбы и гдѣ могли напасть на него и искушать; но ракоонъ и не сбирался въ рѣку. Онъ осторожно приползъ къ сломанному дереву, и спрятался за него, высунувъ только свой хвостъ, кото-

рымъ сталъ махать надъ водою. Отъ насъ, хотя мы были и выше, никакъ нельзя было раземотрѣть, что за бревномъ лежитъ живой звѣрь, такъ онъ умѣлъ свернуться и лежать неподвижно.

Недолго онъ лежалъ въ такомъ положеніи, какъ высунулась изъ воды голова черепахи и начала смотрѣть на висящій хвостъ. Потомъ, воображая, что его можно съѣсть, она приподнялась и схватила кончикъ его своими сильными челюстями. Ракоонъ, дождавшійся только этого, вскочилъ на ноги и быстрымъ движеніемъ задней части тѣла выбросилъ черепаху на землю, перевернулъ ее на спину, остерегаясь попасть ей въ зубы, и приготовился попробовать ея вкуснаго мяса. Но Куджо не могъ уже болѣе удерживать себя. Онъ кликнулъ собакъ и бросился черезъ рѣку, испуская громкіе крики.

Охота продолжалась недолго, потому—что чрезъ нѣсколько минутъ собаки залаяли радостно. Испуганный коонъ влезъ на дерево, но Куджо досталъ его тамъ своимъ длиннымъ копьемъ, прокололъ и поднялъ какъ трофей.

Мы продолжали нашу ловлю; поймали много рыбъ и еще больше черепахъ. Возвратясь домой, Мери изготовила намъ рыбной столъ, который мы кушали съ большимъ апетитомъ.

ХП.

МАЛЕНЬКАЯ МЕРИ и ПЧЕЛА.

Во все продолженіе зимы мы видѣли очень рѣдко нашихъ бобровъ. Они скрылись въ свои жилища, но не лежали тамъ въ безчувственномъ состояніи, какъ сурки. Напротивъ, хотя они это время много спали, ѣли, но выходили часто изъ домовъ, чтобъ помыться и почиститься, потому—что бобръ очень чистоплотное животное. Запасаясь на зиму всѣмъ, что нужно для его жизни, ему нѣтъ никакой надобности работать.

Озеро покрылось на нѣсколько недѣль льдомъ, до того крѣпкимъ, что мы могли по нему ходить. Мы воспользовались этимъ, чтобъ посмотреть поближе дома бобровъ, которые имѣли издали видъ стоговъ сѣна. Эти жилища были построены такъ прочно, что мы, влезая наверхъ, не могли причинить имъ никакого вреда, и никакое животное, съ самыми крѣпкими когтями, не было

въ состояніи ихъ испортить. Двери были устроены такъ низко, что приходились подо льдомъ, и мы видѣли, какъ животныя испуганныя нашимъ приходомъ, прыгали изъ домовъ въ воду, боясь нападеній. Но мы не имѣли противъ нихъ никакихъ дурныхъ намѣреній, и хотя это была настоящая эпоха ихъ ловли, потому—что зимою шерсть ихъ дѣлается лучше, мы рѣшились выждать, чтобъ они размножились и привыкли къ намъ.

Ледъ озера былъ гладокъ, и я видѣлъ, что Франку и Гарри очень хотѣлось покататься на конькахъ. Самъ я очень любилъ это гимнастическое упражненіе. Но какъ сдѣлать коньки? Это былъ трудный вопросъ.

Куджо и тутъ явился на помощь со своею всегдашнею готовностью. Онъ собралъ старое желѣзо съ вагона, принялся за ремесло кузнеца и выковалъ тонкіе, легкіе коньки, придѣлавъ къ нимъ деревянную подошву, потому—что мы должны были дорожить желѣзомъ, котораго оставалось у насъ очень мало и которое могло пригодиться на серьезныя вещи. Впрочемъ оно не попадало и на конькахъ, и мы могли всегда снять его.

Скоро три пары коньковъ были приготовлены нашимъ фабрикантомъ и привязаны къ ногамъ крѣпкими ремнями изъ оленьей кожи. Мы полетѣли по гладкой поверхности озера, чертя круги около селенія бобровъ, которые изъ-подъ прозрачнаго льда смотрѣли на насъ съ любопытствомъ и страхомъ. Мери стояла на берегу съ дѣтьми и радовалась, что мы нашли какое—нибудь развлечение.

Въ этихъ занятіяхъ и другихъ домашнихъ работахъ прошла короткая зима. Съ первыми весенними днями Куджо воздѣлалъ наше маленькое поле своимъ деревяннымъ плугомъ, и мы посѣяли нашими сѣмянами почти акръ земли.

Черезъ шесть недѣль мы могли надѣяться, что соберемъ большую жатву пшеницы и ржи. Мери тоже устроила себѣ огородъ, гдѣ насадила картофель, индѣйскую рѣпу, лукъ и много другой зелени, извѣстной только однимъ индѣйскимъ племенамъ, незнающимъ другой пищи. Племя диггерсовъ получило свое названіе (копатели) отъ того, что вѣчно роетъ землю, отыскивая корни для пропитанія.

Много цвѣтовъ уже раскрылось въ это время, и наша доли-

на украсилась самыми яркими, самыми красивыми растеніями. Мы часто ходили любоваться живописными видами. Рѣка наша образовала каскадъ, соленый источникъ окружился превосходными растеніями, и мы могли мѣнять наши прогулки, передавая въ то-же время дѣтямъ все, что мы сами знали. Не имѣя книгъ, мы не могли иначе учить ихъ.

Однажды мы, по обыкновенію, пошли гулять и остановились отдыхать на лужайкѣ, окруженной магноліями. Возлѣ, въ кустахъ, росли красивые голубые цвѣты, и Франкъ, взявъ за руку маленькую Мери, пошелъ съ нею набирать букетъ для матери. Вдругъ ребенокъ вскрикнулъ и заплакалъ. Я думалъ, что ее ужалила змѣя; мы бросились къ ней, но она, плача, показала намъ руку, которая начинала пухнуть отъ ужаленія пчелы. Вѣроятно, Мери сорвала цвѣтокъ, гдѣ сидѣла пчела, высасывая медъ, и въ отмщеніе за то, что ее потревожили, она укусила руку ребенка.

Утѣшивъ бѣдненькую малютку, мать положила ей на руку свѣжій листикъ, а потомъ сказала намъ:

— Стало-быть здѣсь есть пчелы!

Эта мысль занимала и насъ, потому-что мы еще не видали пчелъ ни осенью, ни зимою. Онѣ вылетѣли, вѣрно, въ первый разъ, чтобъ собрать медъ.

Если есть пчелы, то долженъ быть и медъ, который былъ-бы намъ совсѣмъ нелишній. Слово медъ развеселило дѣтей, которые начали разспрашивать, какъ отыскивать улья, гдѣ пчелы прячутъ свой медъ, какъ доставать его? Впрочемъ могло быть, что мы ошиблась и что Мери укусила не пчела, а оса. Мы разсыпались всѣ по кустамъ, чтобъ удостовѣриться, есть-ли въ цвѣтахъ пчелы.

Гарри первый закричалъ:

— Вотъ пчела, вотъ другая!

— Я тоже вижу пчелу въ цвѣткѣ, говорилъ Франкъ, вотъ она вылетѣла.

И сколько она набрала воску, кричалъ Куджо, просто не можетъ стащить его.

Еще нѣсколько пчелъ, найденныхъ за обыкновеннымъ ихъ занятіемъ, доказали, что гдѣ-нибудь близко долженъ быть улей. Вопросъ состоялъ въ томъ, чтобъ найти его. Разумѣется, что

онъ былъ помѣщенъ въ дуплѣ дерева; но какъ отыскать его между тысячью другихъ деревьевъ, не имѣя никакого знака. Мы, по обыкновенію, обратились къ Куджо, который любилъ медъ, какъ медвѣдь и который разсказывалъ, что въ лѣсахъ своей Виргиніи рубилъ деревья, чтобъ только полакомиться медомъ, находившимся въ дуплѣ. Куджо, бывши охотникомъ за пчелами, долженъ былъ знать, какъ отыскать ихъ слѣды, и мы приступили къ нему съ разспросами.

Но было уже поздно; притомъ—же Куджо объявилъ, что надобно сходить домой за многими вещами, и мы отложили охоту за пчелами до слѣдующаго дня.

XIII.

ОХОТА ЗА ПЧЕЛАМИ.

На другой день солнце взошло теплое и блестящее, которое должно было вызвать всѣхъ пчелъ въ луга. Не успѣли мы хорошенько позавтракать, какъ ужъ побѣжали къ лужайкѣ. Гарри, какъ лакомка, хлопоталъ больше всѣхъ, добываясь, какъ это отыскиваютъ и добываютъ медъ. Главная трудность, разумѣется, состояла въ томъ, чтобъ отыскать дерево, неотличающееся ничѣмъ отъ другихъ; потомъ стоило только срубить его и достать медъ. Пчелы такъ осторожны, что, найдя пустое дерево, дѣлаютъ отверстіе сверху такъ высоко, что оно закрыто вѣтвями и снизу невозможно его никакъ разглядѣть.

Стало—быть надобно осмотрѣть поочередно всѣ деревья лѣса. Да и то улей можно было найти только случайно, если кто, какъ Куджо, не занимался съ малолѣтства этою охотою и не зналъ всѣхъ малѣйшихъ примѣтъ присутствія пчелъ на деревѣ. Охотники никогда не разсчитываютъ на случай. Они дѣйствуютъ навѣрное, и рѣдко ошибаются.

Прежде всего надобно замѣтить, что пчелы выбираютъ себѣ жилище всегда по близости лужайки или поля, гдѣ растутъ много цвѣтовъ. Въ чащѣ лѣса, въ тѣни, мало цвѣтовъ, а насѣкомыя эти любятъ солнце.

Насъ очень занимало, какъ Куджо найдетъ дерево. Онъ не говорилъ намъ ничего, какъ ни мучилъ его Гарри разспросами.

Матеріалы, которыми запасся Куджо, еще болѣе интриговали мальчика, и онъ никакъ не могъ придумать, что негръ будетъ дѣлать съ стекляннымъ стаканомъ, чашкою патоки и нѣсколькими клочками бѣлой шерсти, вырванными изъ хвоста зайца.

— Что онъ будетъ дѣлать? твердилъ Гарри каждому изъ насъ. Но мы сами ничего не знали, а Куджо рѣшился молчать, чтобъ удивить насъ своимъ знаніемъ.

Наконецъ мы остановились на большой лужайкѣ. Помпо былъ выпряженъ и пущенъ на траву, привязанный однако, для предосторожности. Потомъ мы пошли за Куджо, наблюдая за малѣйшими его движеніями, а Гарри, кажется, весь превратился въ зрѣніе, — съ такимъ вниманіемъ смотрѣлъ онъ на руки негра, какъ-будто-бы тотъ приготовлялся показывать фокусы.

Вблизи было небольшое засохшее дерево. Куджо срѣзалъ ножомъ кусокъ коры и гладкое мѣсто помазалъ патокою: Потомъ вытеръ стаканъ какъ можно чище, надѣлъ на лѣвую руку перчатку изъ козлиной кожи и пошелъ осторожно къ большому цвѣтку, вокругъ котораго жужжала пчела. Когда насѣкомое скрылось въ чашечку высасывать сокъ, нашъ охотникъ прикрылъ цвѣтокъ стаканомъ, сорвалъ его вмѣстѣ съ пчелою, и зажавъ въ стаканѣ закрытою рукою, вернулся къ сухому дереву.

Тамъ онъ ловко выбросилъ цвѣтокъ, а пчелу въ стаканѣ приложилъ отверстіемъ къ мѣсту, намазанному патокою.

Мы окружили дерево и слѣдили за странною операціею.

Пчела, немного испугавшись, билась объ стекло; отыскивая выхода, но наконецъ добралась до патоки; попробовавъ которую, кажется, забыла о своемъ плѣнѣ и начала вязнуть въ ней.

Куджо дождался, чтобъ пчела насытилась, потомъ провелъ стаканомъ ниже по дереву, и вынувъ голою рукою насѣкомое, которое уже не могло защищаться, онъ прилѣпилъ къ его лапкамъ, выпачканнымъ въ патоку, маленькій клочекъ бѣлой шерсти, который однако не могъ мѣшать полету. Все это было исполнено такъ скоро и осторожно, что маленькое насѣкомое нисколько не пострадало отъ толстыхъ рукъ негра, и даже крылышки его не были помяты.

Окончивъ свою операцію, онъ тихонько посадилъ пчелу на кустикъ. Насѣкомое, пораженное необыкновеннымъ происшествіемъ,

емъ, немного призадумалась, вѣроятно отдыхая. Но лучъ солнца оживилъ его. Пчела расправила свои прозрачныя крылья и полетѣла.

Куджо, казалось, весь превратился въ зрѣніе. Онъ широко раскрылъ свои глаза, кажется готовые выскочить, боясь мигнуть, чтобъ не потерять изъ виду бѣлой шерсти, прилипнувшей къ лапкамъ насѣкомаго. Сдѣлавъ нѣсколько круговъ, пчела полетѣла въ лѣсъ и скрылась изъ глазъ. Мы замѣтили только, что она летитъ по прямой линіи, какъ онѣ всегда дѣлаютъ, возвращаясь въ улей съ добычею. Въ Америкѣ говорятъ про что-нибудь: прямо какъ полетъ пчелы, точно также, какъ въ Англіи привыкли сравнивать съ прямымъ полетомъ вороны. Куджо зналъ, что она летитъ въ направленіи къ гнѣзду, и никуда не свернетъ.

Стало-быть мы уже знали довольно важное обстоятельство: направленіе, по которому должно быть пчелиное дерево.

Но этого было мало. Дерево могло быть въ этомъ направленіи и близко отъ насъ, и въ концѣ лѣса, такъ что мы въ цѣлую недѣлю не нашли-бы его.

Куджо тоже не довольствовался этимъ. Онъ отмѣтилъ ножомъ нѣсколько деревьевъ, чтобъ означить линію полета пчелы.

Потомъ онъ подошелъ къ другому сухому дереву, находящемуся въ ста ярдахъ отъ перваго, отрѣзавъ кусочекъ коры и намазавъ опять патокою. Поймавъ другую пчелу такимъ-же способомъ, какъ первую, онъ угостилъ ее патокою, приклеилъ ей шерсть и пустилъ на волю. Къ нашему удивленію, она полетѣла совсѣмъ въ противоположную сторону.

— Тѣмъ лучше, сказалъ Куджо. Значитъ, у насъ два пчельныхъ дерева.

Опредѣливъ направленіе другой пчелы, Куджо сдѣлалъ третій подобный-же опытъ, и новая плѣнница полетѣла далеко отъ первыхъ двухъ.

— Боже мой, да тутъ со всѣхъ сторонъ улы! кричалъ радостно негръ, спѣша замѣчать деревья.

Четвертая пчела полетѣла въ томъ-же направленіи, какъ первая, и мы могли вѣрнѣе означить ея путь. Стало-быть могли выбрать любое направленіе. Разумѣется, всего благоразумнѣе было слѣдовать за первую и четвертую пчелами, принадлежащими къ

одному улью, потому—что мы, понявъ мысль Куджо, забѣжали далеко впередъ и успѣли отмѣтить нашими топорами цѣлый рядъ деревьевъ.

Долго шли мы, стараясь не сворачивать и держаться прямого направленія, что было неочень легко въ лѣсу. Наконецъ Куджо, шедшій впереди, остановился, обнюхалъ воздухъ, и началъ осматривать группу деревъ.

Мы не видали ничего особеннаго, но инстинктъ негра или тонкое обоняніе дали ему знать, что вблизи должно быть пчельное дерево.

Наконецъ онъ вскрикнулъ радостно и побѣжалъ къ большой смоковницѣ.

На высотѣ, едва замѣтно для человѣческаго глаза, Куджо разглядѣлъ кору, поблѣднѣвшую въ одномъ мѣстѣ отъ мокрыхъ лапокъ пчелъ, и самое отверстіе, вокругъ, котораго жужжали пчелы.

Въ этомъ деревѣ было такое огромное дупло, что въ немъ могъ спрятаться человѣкъ; стало—быть, если пчелы давно устроили здѣсь свои гнѣзда, то запасы меду должны быть очень большіе.

Однако въ отыскиваніи улья прошло много времени, операциі съ пчелами были тоже продолжительны, и мы принуждены были отложить до другаго дня рубку дерева и добыванье меда, боясь, чтобъ ночь не застала насъ въ лѣсу. Мы вернулись домой веселые, толкуя о медѣ, о пирожномъ, о леденцахъ, о сладкомъ напитокѣ.

ХІІІ.

ЕЩЕ ЛЮБИТЕЛЬ МЕДУ.

Прежде распоряженій съ медомъ, надобно было рѣшить, какъ мы овладѣемъ имъ? Срубить дерево, открыть дупло очень легко, особенно если у кого хорошій топоръ; но прежде всего надобно было помнить, что медъ этотъ защищаютъ жала восьми или десяти тысячъ пчелъ. Дадутъ-ли они подойти къ своему улью, позволятъ-ли рубить его и похитить свой запасъ, не наказавъ безжалостно похитителя.

Но Куджо успокоилъ насъ и на этотъ счетъ. Онъ зналъ, какимъ способомъ удалить пчелъ отъ улья. Онъ просилъ только приготовить двѣ пары кожаныхъ перчатокъ съ однимъ пальцомъ для большаго и съ мѣшкомъ для остальныхъ. Мери исполнила его желаніе, и онъ, оставивъ себѣ одну пару, другую тогдажъ мнѣ. Дѣти не должны были участвовать въ операціи, а могли смотрѣть на насъ издали.

Кромѣ перчатокъ, надобно было сдѣлать маски, и Мери вырѣзала ихъ изъ кожи лосей, съ завязками. Въ нашихъ кожаныхъ пальто и съ этими предосторожностями мы не боялись жалъ пчелъ.

Собравъ всѣ препараты, топоръ и нѣсколько посуды для меду, мы отправились всѣ въ дорогу. Помпо однако привязали подальше, чтобъ на него не напали пчелы, а сами пошли къ извѣстному уже дереву.

Подойдя къ нему, мы замѣтили, что пчелы необыкновенно хлопчатъ у своего отверстія, влетая туда группами, вылетая съ громкимъ жужжаціемъ, словомъ, даже Куджо, знавшій хорошо привычки этихъ насѣкомыхъ, сознался, что у нихъ происходитъ что-нибудь странное. Мы не знали, что подумать, какъ вдругъ негръ вскричалъ.

— Мессе, пчелы испуганы какимъ-нибудь животнымъ.

Это было невѣроятно, потому-что только животное съ самою толстою кожею могло рѣшиться подвергнуться жалу пчелъ; притомъ-же отверстіе въ улей было такъ мало, что ни вѣшка, ни куница, ни ласточка ни могли пролезть туда. Однако должна-же быть причина этого волненія.

Такъ-какъ день былъ чрезвычайно жаркій, какого еще не было съ начала весны, то мы рѣшили, что жаръ безпокоилъ или радовалъ пчелъ; но Куджо не былъ согласенъ съ нашимъ мнѣніемъ, потому-что началъ ходить вокругъ смоковницы, щупать ее топоромъ, откалывать кусочки коры, и наконецъ принялся рубить въ томъ мѣстѣ, гдѣ дерево отдавалось совершенною пустотою и было прикрыто одною корою.

Послѣ нѣсколькихъ ударовъ топора послышался въ дуплѣ странный шумъ, похожій на храпѣнье и ворчанье.

Куджо остановился и посмотрѣлъ на насъ значительно. Мы

были испуганы, потому—что судя, по голосу, въ дупло забрался звѣрь огромныхъ размѣровъ, хотя неизвѣстно, какъ онъ забрался туда. Вблизи-же не было кустарниковъ, гдѣ-бы могло спрятаться большое животное.

Опять послышался ревъ, выходящій прямо изъ пчелинаго дерева, и Куджо вскричалъ.

— Это медвѣдь, мессе, я узнаю его голосъ!

— Медвѣдь, повторилъ я съ безпокойствомъ. Мери, дѣти, ступайте поскорѣе на лужайку, подалеже отсюда.

Жена съ дѣвочками собралась идти, но Франкъ и Гарри просились остаться, обѣщая помогать намъ своими ружьями. Насилу я уговорилъ ихъ, чтобъ они шли съ матерью и сестрами, и охраняли ихъ отъ нападеній другихъ животныхъ.

У пчельника остались Куджо и я.

Теперь понятно было безпокойство пчелъ. Къ нимъ забрался медвѣдь, который уже лакомился медомъ, когда удары топора потревожили его и заставили спуститься до нижняго отверстія дупла.

У насъ мелькнула мысль заткнуть отверстіе, но было уже поздно; въ немъ показалась мохнатая масса и хвостъ звѣря. Я спустилъ куроку, Куджо ударилъ топоромъ по выдавшейся ляжкѣ; мы думали, что медвѣдь убитъ, но вдругъ задъ его скрылся, и онъ, вѣроятно, полезъ выше, чтобъ обернуться и выдти головою впередъ.

Ружье мое было не заряжено, Куджо могъ промахнуться, и если звѣрь выйдетъ изъ дупла, то погибель наша неизбѣжна.

Въ это время мнѣ попались на глаза оленьи кожи, принесенныя нами. Я бросилъ ружье, сдѣлавшееся мнѣ ненужнымъ, быстро свернулъ эти кожи и заткнулъ отверстіе, изъ котораго текла кровь, что доказывало, что медвѣдь раненъ и ему надобно долго поворачиваться въ узкомъ дуплѣ.

Куджо понялъ мою предосторожность, и покуда я веѣми силами налегалъ на кожи, всовывая ихъ дальше, негръ, замѣтя нѣсколько камней, началъ собирать ихъ въ кучу передъ отверстіемъ. Когда онъ усталъ, я замѣнилъ его, и притащилъ еще тяжелыхъ камней, такъ что непріятель нашъ былъ совсѣмъ запертъ въ дуплѣ.

Окончивъ эту тяжелую работу, мы обошли вокругъ дерева, чтобъ посмотрѣть, нѣтъ-ли другаго выхода изъ дупла. Кромѣ от-

верзтія пчельника, находящагося наверху дерева, было вездѣ дѣло и гладко, а въ верхній выходъ медвѣдь не могъ просунуть и морды, стало-быть мы могли быть покойны.

Такъ какъ Мери и дѣти должны были беспокоиться объ насъ, я побѣжалъ на лужайку, и рассказавъ имъ успѣхъ нашей осады, привелъ ихъ къ пчельнику. Тутъ мы составили совѣтъ, что намъ дѣлать и какъ поступить съ плѣнникомъ. Правда, что онъ былъ для насъ безопасенъ, но и намъ трудно было убить его. Это былъ не сѣрый медвѣдь, самый страшный и сильный изъ всей породы, которому пули не причиняютъ никакого вреда,—онъ не лазитъ по деревьямъ,—но и черный, котораго мы законопатели въ дуплѣ, былъ тоже опаснымъ непріателемъ. Однимъ выстрѣломъ невозможно было его убить, а еслибы онъ бросился на кого-нибудь изъ насъ, то сломалъ-бы въ одну минуту.

Какъ-же было намъ распорядиться? Оставить его умирать голодомъ? Но онъ, съѣвши весь медъ, могъ своими острыми когтями расширить отверстіе пчельника, вылести изъ дупла и уйти въ лѣсъ, потому-что мы не могли-же караулить его долго. Тогда-бы мы потеряли медъ, если медвѣдь оставилъ его немного, и выпустили на свободу звѣря, съ которымъ встрѣча всегда опасна. Надобно было найти другой способъ.

Я предложилъ сдѣлать маленькое отверстіе въ корѣ, посмотреть, въ какомъ положеніи находится звѣрь, просунуть въ это отверстіе ружье и выстрѣлить въ прицѣлъ, если можно, въ морду. Медвѣдь пересталъ ворчать и шевелиться, такъ что мы не знали, гдѣ онъ, вверху или внизу дупла, а главное гдѣ его голова?

Куджо принялся дѣлать отверстіе въ корѣ, и мы поочередно прикладывали къ нему глаза, но звѣря было не видать. Онъ полезъ выше, не желая связываться съ нами, потому-что ему не понравились ударъ топоромъ и пуля. Стрѣлять въ него стало-быть бесполезно.

— Что намъ съ нимъ дѣлать? спрашивали, всё вмѣстѣ.

— Задушимъ его дымомъ, сказалъ Куджо.

Въ-самомъ-дѣлѣ мысль была прекрасная, но несовсѣмъ удобная. Если набрать сухихъ листьевъ, зажечь ихъ и бросить въ отверстіе, то наше кожанное платье прежде всего загорится, а у насъ не было еще лишнихъ оленьихъ кожъ. Чтобъ избѣжать

этого, надобно было осторожно выдернуть кожи и замѣстить ихъ большими камнями. Приготовленія были сдѣланы въ нѣсколько минутъ, и входъ въ дупло былъ заложень тяжелыми камнями. Потомъ, набравъ сухихъ вѣтвей и листьевъ, мы зажгли ихъ и бросили въ маленькое отверстіе, которое послѣ тоже заткнули, чтобъ дымъ не пробивался оттуда.

Черезъ нѣсколько минутъ мы могли удостовѣриться, что выдумка наша имѣла успѣхъ, потому-что дымъ повалилъ изъ пчелинаго гнѣзда, и насѣкомыя эти, испугавшись, вылетѣли всѣ изъ своего жилища. Теперь перчатки и маски дѣлались намъ ненужны. Странно только что собираясь на охоту за пчелами мы не подумали о дымѣ, чтобъ избавиться отъ жаль.

Скоро медвѣдь началъ подавать голосъ. Онъ ворчалъ на самомъ верху дерева, и по временамъ испускалъ страшный ревъ; потомъ этотъ ревъ перешелъ въ жалобныя стоны и затихъ послѣ послѣдняго раздирательнаго крика. Черезъ минуту мы услышали шумъ отъ паденія тяжелой массы. Это медвѣдь упалъ сверху внизъ.

Подождавъ нѣсколько минутъ и не слыша никакого движенія, мы рассчитали, что звѣрь долженъ былъ задохнуться. Сначала откупорили маленькое отверстіе. Изъ него повалилъ густой дымъ, который непременно долженъ былъ удушить медвѣдя, потому-что ни одно животное не могло дышать въ подобной атмосферѣ. Я просунулъ въ дупло палочку и оцупалъ неподвижное мохнатое тѣло звѣря. Мы успѣли разобрать камни и вытащили нашего непріятеля, для удостовѣренія въ смерти котораго Куджо хватилъ по головѣ топоромъ. Мохнатая шерсть медвѣдя была вся вымазана медомъ и покрыта мертвыми пчелами, неуспѣвшими спастись отъ дыма.

Не успѣли мы покончить съ медвѣдемъ, какъ должны были заняться другимъ важнымъ происшествіемъ. Въ пчельникѣ сдѣлался пожаръ. Сухое дерево загорѣлось отъ листьевъ и медъ нашъ былъ въ большой опасности.

Не грустно-ли, что всѣ наши труды пропадутъ даромъ. А мы такъ сбিরались за ужиномъ попробовать меду.

Однако надобно было попробовать спасти хоть что-нибудь. Оставалось одно средство: какъ можно скорѣе срубить дерево у

корня, и вотомъ разрубить его выше, чтобъ отдѣлить пчельникъ и соты.

Но успѣемъ—ли мы это сдѣлать. Огонь поднимался замѣтно, раздуваемый сквознымъ вѣтромъ, и дымъ выходилъ сверху, какъ изъ трубы.

Мы бросились затыкать отверстия, а Куджо схвативъ топоръ, началъ рубить такъ скоро и сильно, что щепки сыпались во всѣ стороны.

Дерево начало трещать, покачнулось и стало нагибаться. Всѣ отскочили, чтобъ не понасть подъ него, кромѣ Куджо, который зналъ направление и мѣсто, куда упадетъ смоковница. Наконецъ раздался сильный кр... р... р... акъ, и огромное дерево рухнуло, разломавъ подъ собою мелкія вѣтви.

Не успѣло оно дотронуться до земли, какъ Куджо принялся рубить въ другомъ мѣстѣ, также неутомимо, какъ будто—бы онъ долго отдыхалъ.

Въ нѣсколько минутъ онъ откололъ верхушку, раскололъ ее и открылъ соты ко всеобщему удовольствію. Медъ былъ немножко закопченъ; медвѣдъ тоже попробовалъ его, но не успѣлъ много съѣсть, оставилъ и намъ полакомиться. Маски и перчатки были намъ ненужны, потому—что всѣ пчелы улетѣли далеко. Вѣроятно, этотъ пчельникъ былъ старый, потому—что въ немъ было очень много меда, которымъ мы наполнили всю принесенную посуду.

Медвѣдъ былъ положенъ на телегу; его шерсть и окорока должны были вознаграждать насъ за всѣ труды. Послѣ всѣхъ подвиговъ мы отправились домой.

XIV.

СРАЖЕНІЕ ОЛЕНЕЙ.

Планъ нашъ о приученіи звѣрей къ домашней жизни не привелся въ исполненіе. Одни индѣйки, захваченныя съ цыплятами, приносили намъ пользу, но мы не могли поймать живыми ни оленей, ни лосей. Правда, что мы часто видѣли ланей съ своими дѣтенышами; но звѣри эти такъ пугливы, что не подпускали къ себѣ близко, несмотря на всѣ наши предосторожности. Наконецъ, вмѣсто молоденькой лани, намъ попались въ руки два старые оленя

съ красною шерстью. Такъ какъ случай этотъ довольно странень, то я расскажу его подробнѣе.

Однажды я пошелъ съ Гарри на охоту, взявъ Кастора и Пелукса и надѣясь захватить маленькаго оленя. Собаки были въ намордникахъ, чтобъ не искусади молоденькаго звѣря. Мы пошли вверхъ по долинѣ, молча, и тихо; осматривали всё примѣты, прислушиваясь къ малѣйшему шуму. Наконецъ деревья начали рѣдѣть, что доказывало, что мы подходимъ къ большой лужайкѣ. Зная, что олени и лани любятъ отдыхать на лужайкахъ, мы притянули собакъ веревками и пошли еще осторожнѣе. Вдругъ насъ поразилъ страшный шумъ. Послышался топотъ множества животныхъ, которые били копытами землю, и потомъ звуки сухіе и звонкіе, какъ будто-бы дрались крѣпкими палками. По временамъ раздавалось какъ-будто-бы ржаніе лошади. Мы остановились, не понимая страннаго феномена, но собаки рвались впередъ, узнавъ, вѣроятно, чутьемъ, что происходитъ на лужайкѣ, такъ что мы съ трудомъ удерживали ихъ.

— Что тамъ такое, папа? спросилъ Гарри. Какъ вы думаете?

— Отсюда нельзя ничего ни разсмотрѣть, ни послушать. Шумъ и топотъ необыкновенный, но я не могу истолковать его.

— Ясно, что это животные, потому-что больше некому такъ топтать. Послушай, вотъ голосъ оленя. Я давно замѣчаю его особенное ржаніе.

— Можетъ-быть, это стадо лосей, но что онѣ тамъ шумятъ и ломаютъ? Кажется, это безпокойныя животные.

— Не дерутся-ли онѣ съ пантерю или медвѣдемъ?

— Въ такомъ случаѣ намъ всего благоразумнѣе отправиться домой; но я не думаю, чтобъ олени вздумали напасть на хищнаго звѣря. Они робки до того, что, несмотря на свое число, разбѣгутся, зная, что ихъ трудно догнать, хотя грозные ихъ рога могли-бы причинить много вреда и пантерѣ. Подойдемъ ближе и посмотримъ, что тамъ дѣлается. Только держи крѣпче Кастора.

Мы поползли со всевозможною осторожностію, избѣгая сухихъ вѣтокъ и желтыхъ листьевъ, покрывавшихъ землю. Кое-какъ добрались мы до густаго дерева, широкія листья котораго могли закрывать насъ со всѣхъ сторонъ. Когда мы взглянули, наконецъ,

на лужайку, то намъ представилась необыкновенная и совершенно неожиданная сцена.

На срединѣ луга были шесть оленей съ великолѣпными вѣтвистыми рогами, и они дрались между собою съ ожесточеніемъ, то раздѣляясь по двое, то всё вмѣстѣ, ворча, фыркая, топая ногами, бояясь своими рогами, такъ что клочки шерсти летали по воздуху. Блескъ глазъ и быстрота движеній доказывали ярость, доведенную до пароксизма.

Такъ какъ это была пора любви для животныхъ, то я тотчасъ понялъ причину сраженія. Эти рогатые рыцари дрались за обладаніе какой-нибудь прекрасной самки.

Они были отъ насъ далеко, и потому мы не стрѣляли, боясь промахнуться, и ожидая, что въ жару битвы они приблизятся къ намъ. Сраженіе продолжалось съ тѣмъ-же жаромъ. Иногда два животныхъ сталкивались такъ сильно, что оба падали на землю, но вставъ на ноги, опять принимались ударять рогами.

Между воюющими были два оленя больше другихъ и старше, судя по вѣтвямъ роговъ. Они дрались вмѣстѣ, какъ два достойные противника, пренебрегая слабостью другихъ. Вдругъ оба они разошлись, вѣроятно по общему согласію, на пространство около двадцати ярдовъ; потомъ, нагнувъ головы, бросились съ разбѣга другъ на друга, какъ два козла, и сцѣпились рогами.

Ударъ былъ такъ силенъ, что мы съ Гарри ожидали, что рога разлетятся въ дребезги; но олени продолжали лягаться, не разнимая головъ. Выбившись изъ силъ, они остановились, чтобъ отдохнуть, но не разнимая роговъ и оставаясь все въ томъ-же положеніи, глазъ противъ глаза, морда возлѣ морды, хотя по нимъ давно лила кровь.

Въ это время остальные рыцари бросились въ нашу сторону и мы прицѣпились каждый въ одного. Раздался двойной выстрѣлъ. Одинъ олень упалъ, трое, испугавшись, забыли ссору и убѣжали.

Спустивъ курки, мы бросились впередъ, спустили собакъ за оленемъ, который долженъ былъ быть раненъ, но выбѣжавъ на лужайку, мы вскрикнули отъ удивленія: два старыя оленя какъ будто-бы не слышали выстрѣловъ и продолжали бороться съ такимъ-же ожесточеніемъ.

Первымъ нашимъ движеніемъ было снова зарядить ружья, но собаки, вмѣсто того, чтобъ отыскивать раненнаго оленя, бросились на сражающихся и повисли на нихъ, вѣпившись зубами въ бока. Мы побѣжали за собаками, и удивленіе наше возрастало, потому-что олени, не замѣчая ихъ и не раздѣпляя своихъ роговъ, не расходились въ разныя стороны.

Наконецъ собаки принудили противниковъ упасть на колѣни, и тогда только мы поняли причину этого продолжительнаго поединка. Они не могли разойтись, потому-что рога ихъ до того сплелись между собою, что не могли распутаться, и бѣдные звѣри какъ-будто срослись головами. Отогнавъ собакъ, мы попробовали было раздѣпить ихъ, но несмотря на все усилія, не могли высвободить ни одной вѣтви. Ярость оленей давно прошла и они принуждены были стоять носъ къ носу, дрожа отъ страха, опустивъ головы, какъ будто-бы стыдясь своего поведенія.

Напрасно мы съ Гарри работали, чтобъ облегчить бѣдныхъ животныхъ: не было никакой возможности вытащить ни одной вѣтки рога, которые, хотя имѣютъ небольшую эластичность, но надобно нечеловѣческую силу, чтобъ погнуть ихъ. Я послалъ сына домой, чтобъ онъ привелъ Куджо съ пилою и Помпо съ телегою, на которую надобно было положить убитаго оленя и двухъ живыхъ. Въ его отсутствіе я принялся чистить мертваго оленя, оставя живыхъ предаваться печальнымъ размышленіямъ. Уйти они не могли, и еслибы мы не случились тутъ, то волки или другіе хищные звѣри растерзали-бы ихъ, или они умерли-бы отъ голода и жажды, сплетенные вмѣстѣ. Эти непріятные случаи часто встрѣчаются съ оленями.

Куджо пришелъ скоро со своими инструментами. Связавъ звѣрей, онъ перепилилъ имъ рога безъ всякой церемоніи, и я помогъ ему перенести всю нашу добычу на телегу, которая съ триумфомъ вернулась домой.

XV.

БОЛЬШАЯ ЗАПАДНЯ.

Куджо отгородилъ паркъ для оленей, довольно пространный; такъ что въ него входила часть лѣса и кусочекъ долины, гдѣ

находился нашъ домъ. Загородка, составленная изъ крѣпкихъ бревенъ, была высока, такъ что никакой звѣрь не могъ перескочить ее. Одна сторона парка примыкала къ озеру. Кромѣ-того, мы провели въ паркѣ небольшую канавку, чтобъ вода была ближе. Наши рыцари съ обрубленными рогами были пущены въ паркъ и оставлены на свободѣ.

Съ этихъ поръ у насъ было одно—желаніе достать самку и, если можно, съ дѣтенышами. Мы не могли рассчитывать, что встрѣтимъ сраженіе ланей, потому—что у ланей этой породы рога не очень велики. Надобно было придумать однако какое-нибудь средство, чтобъ наши плѣнники не соскучились въ паркѣ.

Однажды вечеромъ, сидя вокругъ огня, мы разсуждали объ этомъ важномъ дѣлѣ, и каждый подавалъ свое мнѣніе. Гарри предложилъ убить самку, когда мы встрѣтимъ ее съ дѣтми, и тогда будетъ легко поймать дѣтенышей, которые не отойдутъ и отъ умершей матери. Способъ этотъ показался жестокимъ Мери. Франкъ, тоже чувствительнаго характера, протестовалъ противъ этого убійства, говоря, что оно бесполезно, что дѣтеныши вырастутъ нескоро, что намъ нужнѣе самка, что безъ крайней необходимости не надобно убивать и муху. Однако чувствительный Франкъ и его маменька умертвили на своемъ вѣку много невинныхъ насѣкомыхъ, что доказывало большое собраніе мухъ и бабочекъ, проколотыхъ булавами и шипами растеній и подобраннымъ по разрядамъ. Въ этомъ случаѣ они забывали состраданіе, потому—что дѣло шло о наукѣ. Однако мы съ Гарри не настаивали, тѣмъ болѣе, что одни дѣтеныши, взятыя безъ матери, могли скоро зачахнуть.

— Ну такъ будемъ ловить ихъ задними, какъ Франкъ поймалъ индѣекъ, сказала Гарри.

— Наврядъ-ли лани пойдутъ въ такую западню.

— Можно устроить другую папа. Я читалъ какъ-то, что загораживаютъ большое пространство лѣса, загоняютъ туда звѣрей и берутъ живыми.

— Это возможно, когда собираются нѣсколько охотниковъ на лошадяхъ и съ собаками и когда загородки приготовлены заранее и ихъ только стоитъ поставить. Намъ-же надобно много времени, чтобъ нарубить дерева, а главное насъ мало и мы не

загонимъ въ нашъ паркъ ни одного зайца. Я придумалъ другое средство. Кажется, оно будетъ имѣть успѣхъ.

— Что такое, папа, скажите скорѣе?

— Помните-ли вы мѣсто, гдѣ мы видѣли столько оленьихъ слѣдовъ.

— Между двумя большими деревьями, возлѣ соленого источника? Вы сказали, что на это мѣсто собираются лани и лоси, чтобъ лизать соленые камни.

— Ну, такъ мы выроемъ яму между этими двумя деревьями, покроемъ ее вѣтвями и травою, и будемъ ждать, чтобъ кто-нибудь попался.

— О! да это превосходно! вскричалъ Гарри. Это лучшее средство ловить звѣрей.

На другой-же день мы пошли съ лопатами и телегою, чтобъ начать операцію. Прежде всего означили мы величину ямы, восемь футовъ длины и всю ширину между двумя деревьями, какъ позволяли корни. Куджо принялся копать, я рубилъ топоромъ корни, Гарри приготавливалъ длинныя палочки, чтобъ прикрыть яму. Земля была складываема на телегу и отвозилась дальше въ лѣсъ. Къ счастью, работа была нетяжела, потому-что въ этомъ мѣстѣ почва была чрезвычайно рыхлая, такъ что въ пять часовъ мы вырыли квадратную яму въ семь футовъ глубины. Это показалось намъ достаточнымъ. Мы думали, что лань никакъ не выскочитъ изъ такой глубины.

Прикрывъ яму вѣтками и камышомъ, мы наложили сверху травы и листьевъ, чтобъ мѣсто это не отличалось ничѣмъ особеннымъ; потомъ убрали всю землю и весело пошли домой, въ полной надеждѣ, что въ яму попадетъ лань.

На другое утро, съ разсвѣтомъ, мы подошли къ западнѣ и увидѣли, что верхъ проломленъ.

— Мы кого-то поймали, вскричалъ Гарри, какое счастье!

Каково-же было наше удивленіе, когда, поглядѣвъ въ яму; мы увидѣли тамъ скелетъ животнаго, въ которомъ нетрудно было узнать лань по рогамъ и обрывкамъ мяса и кожи. Все доказывало, что въ ямѣ происходила отчаянная битва. Камышь и вѣтки, упавшія вмѣстѣ съ животнымъ, были переломаны и забрызганы кровью.

— Это что значить? сказалъ сердито Гарри, къ вамъ попала лань, а ее кто-то успѣлъ съѣсть! Держу пари, что это работа волка.

— Должно быть такъ, отвѣчалъ я, разсматривая печальную картину. Нашею выдумкою воспользовались одни волки.

— Очень нужно было для нихъ работать, ворчалъ Гарри съ досадою. Противныя животныя. Неужели мы не отплатимъ имъ, папа, за ихъ воровство?

— Погоди немного, мы найдемъ средство наказать и этихъ прожоръ. Ступай домой за Куджо и скажи, чтобъ онъ привелъ телегу, взялъ инструменты и захватилъ большую корзину.

Опять принялись мы рыть яму глубже, и когда не могли уже выбрасывать землю наверхъ, то взяли большую корзину, сплетенную Куджо изъ ивовыхъ вѣтвей, наполняли ее и поднимали на верхъ ремнями. Это было утомительно и мы съ Куджо мѣнялись; когда онъ копалъ землю, я поднималъ корзину и высыпалъ землю на телегу, потомъ я принимался за лопату, а онъ расправлялъ немного члены. Наконецъ яма наша имѣла двѣнадцать футовъ глубины; мы выбрались изъ нея, опять прикрывши отверстіе листьями и травою.

— Теперь никакой волкъ не выскочитъ оттуда, сказалъ я. Если онъ и съѣстъ другую лань, попавшую туда-же, то зато и мы будемъ имѣть удовольствіе убить его завтра.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждали всѣ другаго утра. Франкъ, Мери, дѣти всѣ собрались съ нами, чтобъ посмотрѣть, кто попался въ нашу ловушку. Куджо взялъ свое копье, мы зарядили ружья, готовясь сражаться съ волками.

Гарри, бѣжавшій впередъ, закричалъ, что верхушка проломлена и въ ямѣ кто-то шевелится. Мы подбѣжали и начали смотрѣть внизъ. Такъ какъ яма была глубока, а отверстіе вверху небольшое, то на днѣ было такъ темно, что мы увидѣли только нѣсколько блестящихъ глазъ, которые устремились къ верху. Тутъ было нѣсколько паръ глазъ, но кому они принадлежали? Неужели волкамъ?

Я сталъ на колѣни, нагнулся надъ ямою и сталъ считать глаза. Ихъ было шесть паръ, но не одинакихъ по цвѣту и величинѣ. Стало-быть въ ямѣ были различныя звѣри.

Въ эту минуту мнѣ пришло въ голову, что въ числѣ попавшихся звѣрей могла быть и пантера, которая скачетъ очень высоко. Я вскочилъ на ноги, посадилъ Мери съ дѣтьми въ телегу и отвезъ ихъ всторону, прося оставаться покойными, покуда мы не узнаемъ именно, что за звѣри сидятъ въ ямѣ. Потомъ, расширивъ отверстіе, чтобъ освѣтить яму, мы принялись смотрѣть внизъ. Къ нашему удовольствію, первый звѣрь, признанный нами, была лань, красной шерсти, и между ногъ ея прятались два хорошенькіе дѣтеныша. Въ другомъ углу лежали три темные красноватые звѣря, похожіе на лисицъ. Но это были не лисицы, а волки, лаящіе какъ собаки. Больше никого не было въ ямѣ. Куджо прикололъ копьемъ трехъ волковъ и спустился въ яму.

Мери могла придти съ дѣтьми, и всѣ мы помогали вытаскивать лань съ дѣтенышами и укладывать ихъ на телегу. Тѣла волковъ тоже выбросили изъ ямы, которую опять прикрыли, для новой добычи. Какъ мы были рады, что наконецъ было у насъ начало стада тихихъ, полезныхъ животныхъ. Смерть трехъ волковъ тоже доставила намъ немалое удовольствіе, потому-что этихъ хищныхъ звѣрей было очень много въ долинѣ и они пугали и беспокоили насъ безпрестанно. Сколько мяса украли они у насъ, почти у самаго дома, сколько истребили ланей и лосей.

Но всего любопытнѣе покажется то, что волки не дотронулись въ ямѣ до лани и ея дѣтенышей, когда могли преспокойно ихъ скрушать. Это удивило насъ; но впоследствии, когда мы ближе познакомились съ нравами животныхъ, то узнали, что въ минуту опасности звѣри теряютъ аппетитъ и думаютъ не о пищѣ, а о средствахъ къ спасенію. Этому трудно повѣрять, однако это совершенная правда. Въ другой разъ случилось, что въ западно Франка попалась лисица и индѣйскій пѣтухъ. Они провели вмѣстѣ нѣсколько часовъ, и пѣтухъ не лишился ни одного перушка. Непріятель его былъ испуганъ неменьше его, и съ ужасомъ ждалъ, чѣмъ кончится его заключеніе.

Я слышалъ тоже, что пантера, застигнутая наводненіемъ на островкѣ, вмѣстѣ съ молодою ланью, не думала нападать на бѣдное животное, до котораго она обыкновенно такъ лакома, и позволила ему спастись, не дотронувшись до него. Звѣри, какъ люди, забываютъ общую вражду въ минуты опасности.

Порода волковъ, лающихъ какъ собаки, принадлежитъ къ самымъ хитрымъ звѣрямъ. Они гораздо умнѣ лисицъ, и въслѣдствіи, какъ мы ни старались ловить ихъ западнями, капканами, ловушками, они рѣдко попадались, но всегда уносили приманку. Въ яму у соленого источника попадались намъ лани, лоси и другія животныя, но ни одного волка, хотя мы больше всего старались истребить этихъ вредныхъ животныхъ. Куджо истощалъ всю свою гениальность, устраивалъ необыкновенные капканы, но волки были осторожны и избѣгали всѣхъ ловушекъ. Тратить-же на нихъ пули мы не могли, потому-что должны были беречь свои запасы. Однако такъ какъ все-таки нѣкоторые изъ нихъ попадались, то они стали бояться насъ и отбѣжали такъ далеко отъ нашей долины, что мы почти не встрѣчали ихъ. Покуда и этого было довольно.

Что касается до трехъ волковъ, понавшихъ въ яму, то ясно что это были тѣ же самые, которые наканунѣ побывали въ ямѣ, гдѣ растерзали лань. Они разсчитали и на слѣдующую ночь воспользоваться нашими приготовлениями, и вѣроятно ждали гдѣ-нибудь вблизи, чтобъ прежде попала лань. Когда-же провалилась туда самка съ дѣтенышами, они бросились за нею, но продолжительность паденія доказала имъ, что они уже сами не выйдутъ изъ ямы и ихъ ждетъ печальная участь. Еслибы они посмотрѣли прежде въ яму, то никакъ-бы не соскочили туда. Жадность погубила ихъ, и они, сами дрожа отъ страха, не думали уже объ удовлетвореніи аппетита.

XVI.

СТАРЫЙ ПОССУМЪ И ЕГО ДѢТИ.

Потомъ случилось съ нами происшествіе, которое могло имѣть важныя послѣдствія. Въ этотъ разъ, я пошелъ въ лѣсъ съ Франкомъ, а Гарри остался дома съ матерью. Мы предприняли экспедицію, чтобъ собрать испанскаго моха, которымъ покрыты были дубы въ нашей долинѣ. Этотъ мохъ, высушенный и вычищенный, былъ превосходною набивкою для тюфяковъ, такъ-что могъ замѣнить самый лучшій волосъ. Мы не взяли съ собою телеги, потому-что Куджо впрягъ Помпо въ плугъ, готовясь обработать

во второй разъ поле. Мы взяли только ремни, чтобъ принести на себѣ, сколько могли, моху.

Мы высматривали деревья пониже, чтобъ можно было удобнѣе влезть на него. Наконецъ почти у скалъ нашли мы большой дубъ съ развѣсистыми вѣтвями, покрытый весь серебристымъ мохомъ, спускавшимся почти до земли. Обобравъ нижнія вѣтки, мы полезли наверхъ, продолжая собирать мохъ.

Вдругъ наше вниманіе было развлечено криками птицъ, хлопотавшихъ что-то необыкновенно на соседней группѣ деревьевъ. Кричали и летали надъ деревомъ оріюли или птицы бальтимора, названныя такъ потому, что крылья ихъ, черныя съ оранжевымъ, напоминали цвѣта, выбранныя лордомъ Бальтиморомъ. Мы подумали, что тутъ должно быть непременно гнѣздо, потому-что птицы кричали и при нашемъ приходѣ, но видя, что мы прошли мимо, онѣ замолчали. Отчего-же теперь у нихъ такая суматоха? Должно-быть имъ угрожаетъ опасность.

Въ ту-же минуту замѣтили мы, что въ кустахъ близъ деревьевъ что-то шевелится. Трудно было разглядѣть, что это за животное, тѣмъ болѣе, что оно было какой-то странной формы. Мы различали лапы, хвостъ, уши и нѣсколько головъ, торчавшихъ со всѣхъ сторонъ тѣла. Что это могло значить? Животное приближалось, и мы видѣли больше шести головъ. Наконецъ оно подошло къ дубу такъ близко, что мы могли его рассмотреть.

Вдругъ головы отдѣлились отъ тѣла, и мы увидѣли очень много бѣлыхъ мышей, путешествующихъ, вмѣсто экипажа, на спинѣ матери, старой огромной мыши, называемой посумъ. Она была ростомъ съ кошку, свѣтло-сѣраго цвѣта; морда ея походила на свиную, только была уже и украшена усами; уши прямыя и короткія, пасть широкая и вооруженная, сколько мы могли замѣтить, крѣпкими зубами. Короткія лапы оканчивались длинными когтями, расходившимися какъ пальцы на рукѣ. Хвостъ посумы былъ тоже замѣчательнъ: длинный и узкій, какъ мышиный, онъ былъ совсѣмъ безъ шерсти.

Но любопытнѣе всего былъ мѣшокъ подъ животомъ посумы, куда она прятала дѣтей. Это означало, что она принадлежитъ къ породѣ двуутробокъ. Маленькіе посумы были всѣ въ мать, только почти бѣлые. Мы насчитали ихъ до тринадцати.

Когда дѣтеныши разбѣжались по травѣ, мать начала шевелиться скорѣе и все вертѣлась вокругъ дерева, гдѣ птицы хлопотали и летали съ криками. Старая поссумъ продолжала свои наблюденія, не обращая вниманія на птицъ, и остановилась подъ самымъ гнѣздомъ, висящимъ, какъ большой мѣшокъ, на одной изъ верхнихъ вѣтвей.

Черезъ нѣсколько минутъ поссумъ испустила звонкій крикъ, на который собрались все дѣтеныши и начали набираться въ мѣшокъ матери, цѣпляясь за бока за шею, кто зубами, кто лапами, а кто хвостомъ, который былъ у нихъ чрезвычайно цѣпокъ. Это животное, обвѣшанное со всехъ сторонъ маленькими мордочками, представляло самый странный видъ.

Мы думали, что мать удалится съ своимъ грузомъ, но она прямо пошла къ дереву, на которомъ было гнѣздо, и начала влезать на него. Дойдя до нижней вѣтки, выходящей почти горизонтально, она остановилась, потомъ взяла зубами одного изъ малютокъ и зацѣпила его кончикомъ хвоста за вѣтку, такъ что онъ висѣлъ головою внизъ. Тоже самое сдѣлала она и съ другими, такъ что черезъ нѣсколько минутъ все тринадцать поссумовъ висѣли какъ рядъ свѣчей.

Эта картина была до того забавна, что мы невольно засмѣялись, стараясь однако не быть замѣченными старой мышью, которая могла лишить насъ продолженія любопытной пьесы.

Повѣсивъ своихъ дѣтей, поссумъ начала взбираться одна выше. Она хватала вѣтви лапами точно также какъ человѣкъ руками, и наконецъ добралась до вѣтви съ гнѣздомъ, которое прикрѣплено было на самой оконечности. Тутъ она задумалась, рассуждая вѣроятно, сдержитъ-ли тонкая вѣтка ея тѣло. Эта мысль пришла и намъ въ голову. Въ случаѣ несчастія, поссумъ должна была упасть съ большой высоты, и внизу не было другихъ вѣтвей, чтобъ зацѣпиться.

Между-тѣмъ гнѣздо, наполненное яицами, привлекало ее, и она начала осторожно подвигаться на вѣткѣ, которая сгибалась подъ тяжестью, и вдругъ затрещала. Въ это время птицы, летая вокругъ били крыльями въ морду поссума, и она начала ретироваться задомъ до ствола. Тутъ она остановилась опять, въ крайней досадѣ, не зная, какъ добраться до гнѣзда, и осматривая его со всехъ

сторонѣ. Надъ нимъ выдавалась толстая вѣтвь сосѣдняго дерева. Посеумъ вымѣрила глазами пространство, сползла внизъ, побѣжала къ дереву и скрылась въ его листьяхъ. Черезъ минуту увидѣли мы ее на вѣткѣ, находящейся прямо надъ гнѣздомъ.

Вдругъ она повисла на ней хвостомъ, головою внизъ, и начала качаться, разинувъ пасть и выпустя когти, чтобъ схватить гнѣздо, но несмотря на всѣ усилія, пространство было слишкомъ велико. Нѣсколько минутъ мучилась она, не спуская глазъ съ вкусныхъ яицъ, вытягиваясь сколько можно, такъ что хвостъ ея едва держался за дерево, и мы ждали что она упадетъ и разобьется. Однако вся гимнастика была напрасна. Заворчавъ съ отчаянія, посеумъ откинулась вверхъ на вѣтку и спустилась съ дерева.

Кажется, что на этотъ разъ она отказалась отъ яицъ, потому что начала снимать своихъ дѣтенышей и бросать ихъ на траву несовсѣмъ учтиво. Потомъ собрала ихъ въ мѣшокъ и на спину, и отошла, сопровождаемая радостнымъ пѣніемъ оріолей.

Тогда мы съ Франкомъ вздумали захватить это семейство посеумовъ. Забѣжавъ впередъ, мы отрѣзали ей отступление. Старая мышь, увидя опасность, свернулась комкомъ, такъ что нельзя было видѣть ни головы, ни ногъ, а маленькіе посеумы, сидѣвшіе на спинѣ, сдѣлали тоже самое, такъ что все семейство похоже было на большой клубокъ шерсти, окруженный нѣсколькими маленькими. Однако, когда мы укололи ее стрѣлою, мать развернулась, начала бросаться и испускать крики, похожіе на лай щенка.

Несмотря на отчаянную защиту, мы связали старую посеумъ и привязали на дерево, дѣтей тоже всѣхъ переловили живыми, чтобъ принести все семейство домой, въ нашъ звѣринецъ.

XVII.

ЗМѢЯ МОКАСОНЪ И ОРИОЛИ.

Окончивъ нашъ подвигъ, мы влезли на дубъ, чтобъ продолжать собираніе моха. Франкъ радовался, что нашелъ гнѣздо оріолей—бальтимора, потому что этой породы еще не было въ его птичникѣ, и онъ сбирался похитить гнѣздо, какъ только выйдутъ птицы изъ яицъ. Вдругъ большія оріоли, успокоившіяся послѣ

нападенія поссума, опять подняли крикъ и начали съ шумомъ летать во все стороны.

Еще поссумъ, вскричалъ Франкъ. Это, можетъ-быть, отецъ пришелъ за своимъ семействомъ.

Но это былъ не поссумъ. Мы остановили работу, чтобъ посмотреть внизъ, и увидѣли страшное чудовище, ползущее тихо по травѣ. Это была огромная змѣя, самой вредной породы, мокасонъ. Блестящія глаза выходили почти изъ плоской головы; по временамъ она высовывала языкъ и выпускала ядовитую слюну, которая блестѣла на солнцѣ. Змѣя прямо ползла къ дереву, гдѣ висѣло гнѣздо. Мы оставались неподвижны, наблюдая все движенія чудовища, и Франкъ спросилъ меня:

— Неужели змѣя достанетъ гнѣздо?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, мокасоны не могутъ лазить по деревьямъ, а то они истребили-бы всехъ птицъ и векшъ. Они только подползаютъ ближе, чтобъ испугать оріолей.

Покуда я говорилъ, змѣя подняла голову вверхъ, положивъ ее вдоль по стволу, и высунула языкъ, какъ-будто-бы лизала кору.

Оріоли, думая, что чудовище поднимается на дерево, больше прежняго захопотали, летая во все стороны, крича на все возможные тоны. Странно только, что вмѣсто того, чтобъ летѣть выше, птицы спускались понемногу на нижнія вѣтки, такъ что они крыльями почти задѣвали змѣю.

Мокасонъ свернулся спиралью, глаза его блестѣли чрезвычайно и, кажется, притягивали оріолей, приближающихся все ближе къ пасти чудовища. Движенія двухъ птицъ сдѣлались медленны, какъ-будто-бы отъ утомленія, голосъ ихъ изъ пронзительнаго крика превратился въ неясное шипѣнье, и наконецъ одна изъ нихъ упала безъ движенія, съ разинутымъ ротикомъ. Мы ждали, что змѣя бросится на свою жертву, но она вдругъ развернула свои блестящія кольца, протянулась во всю длину и отползла отъ дерева. Упавшій оріоль очнулся, вепорхнулъ на верхнія вѣтки и замолчалъ.

Удивленный неожиданною развязкою, я вопросительно посмотрѣлъ на Франка.

— Зачѣмъ мокасонъ уползъ? спросилъ онъ меня, тоже не зная, чему приписать такую странность.

Въ это время послышался шумъ шаговъ въ чащѣ деревьевъ и по-

казалось животное ростомъ съ волка, почти чернаго цвѣтка. Его толстое тѣло было покрыто не шерстью, а щетиною, которая на спинѣ была почти шести дюймовъ длины и походила на гриву. Уши его были коротки, а хвоста почти совсѣмъ не было. Лапы оканчивались копытами, а не когтями, какъ у хищныхъ звѣрей. Длинная морда его была вооружена двумя страшными клыками. Вообще оно походило на свинью. Это была *пеккари*, дикая мексиканская свинья. Когда она вышла изъ-за кустовъ, то мы замѣтили, что что двѣ маленькія пеккари темно-краснаго цвѣта идутъ за нею. Это было новое семейство въ родѣ поссума.

Когда пеккари подошли къ дереву птицы опять возобновили свои крики, но свинья не подняла даже къ нимъ морды, продолжая обнюхивать землю, подбирать орѣхи и корки.

Вдругъ она остановилась, подняла голову и вдохнула въ себя воздухъ. Отвратительный запахъ, оставленный въ воздухѣ мокасономъ, поразилъ ее, и она начала бѣгать вокругъ этого мѣста, обнюхивая траву и ища слѣдъ, какъ собака. У дерева сходились два слѣда, по которымъ пришла и уползла змѣя. Пеккари побѣжала сперва по первому, но замѣтя свою ошибку, вернулась къ дереву и помчалась по другому слѣду.

Между-тѣмъ змѣя старалась какъ можно скорѣе уползти и спрятаться, что неочень легко, потому-что мокасонъ неповоротливъ. Мы видѣли, какъ она выбирала гдѣ трава была гуще, чтобъ проползти незамѣтно, поднимая по временамъ голову и оборачиваясь назадъ. Скалы были уже близко, и змѣя могла спастись, какъ вдругъ пеккари наскочила на нее съ грознымъ хрюканьемъ, и заставила остановиться. Змѣя свернулась спиралью и приготовилась къ битвѣ. У пеккари щетина поднялась къ верху, такъ что она сдѣлалась похожею на огромнаго дикобраза; она подалась немного назадъ, вѣятно разсчитывая разстояніе, и не спускала глазъ съ большой змѣи, дрожавшей отъ страху и совершенно измѣнившейся. Глаза ея, блестяшіе злобѣщимъ огнемъ на ориолей, теперь потухли, тѣло сжалось и казалось тусклымъ.

Мы не могли наблюдать за битвою, которая окончилась очень скоро. Мы видѣли только, что пеккари скакнула изо всей силы на кольца змѣи, потомъ отбѣжала также скоро, и быстрѣе мысли мелькнувъ опять въ воздухъ, вонзались острыми копытами въ тѣло

змѣи, которая развернулась. Еще разъ скакнула пеккари, прямо на горло мокасона, и тотъ, задрожавъ судорожно, протянулся во всю длину и остался неподвиженъ. Побѣдитель захрюкалъ радостно, и на зовъ его прибѣжали поросята, которые на время битвы спрятались въ камышѣ.

XVIII.

СРАЖЕНІЕ КОНГУАРА СЪ ПЕККАРИ.

Мы съ Франкомъ остались очень довольны результатомъ этого сраженія, хотя сами не могли истолковать, почему мы готовы были принять сторону пеккари, которая съѣла-бы оріолей и яицы ихъ, точно также какъ мокасонъ, еслибы только могла добраться до нихъ. Неизвѣстно также, почему мы радовались спасенію птицъ, которыя питались красивыми, невинными бабочками. Съ незапамятныхъ временъ бѣдная змѣя, которая сравнительно безвреднѣ многихъ другихъ животныхъ, возбуждаетъ ненависть и преслѣдованія людей.

Между-тѣмъ мы придумывали, какъ-бы намъ поймать пеккари. Больше всего намъ хотѣлось завладѣть дѣтенышами, которые вкусомъ походятъ скорѣе на зайца, чѣмъ на поросятъ, но все-таки составляютъ очень пріятное кушанье, особенно если принять нѣкоторыя предосторожности, прежде чѣмъ убить животное. Оно имѣетъ на спинѣ небольшое отверзтіе, наполненное жидкостью, имѣющею запахъ мускуса. Надобно вырѣзать это мѣсто въ то время, какъ трупъ еще не охладѣлъ, а то мясо будетъ заражено мускусомъ и его невозможно употреблять въ пищу. Жаль только, что въ нихъ нѣтъ совсѣмъ жиру.

Однако завладѣть молодыми пеккари было трудно и почти невозможно, покуда они съ матерью. Напасть-же на это животное безразсудно. Еслибы даже съ нами были собаки, то врядъ-ли бы они могли противиться страшнымъ клыкамъ и острымъ зубамъ, которые растерзали-бы ихъ или съѣдали колѣнками. Оставалось убить мать. Франкъ опять началъ защищать свою систему, представляя жестокость такого поступка. Но на этотъ разъ я не согласился съ нимъ. Пеккари было дикое опасное животное, нестоящее такого состраданія, какъ лань. Притомъ-же

ихъ было много въ долинѣ, судя по слѣдамъ ихъ на рыхлой землѣ, и съ ними опасно было встрѣчаться. Я слышалъ, что охотники бывали окружены этими животными и растерзаны. Стало-быть надобно было истреблять ихъ при каждомъ случаѣ. Не слушая Франка, я нагнулся на вѣткѣ, чтобъ взять мое ружье, прислоненное подъ нами къ дереву. Притащивъ его тихонько наверхъ, я приготовился стрѣлять.

Въ это время пеккари работала надъ тѣломъ змѣи. Она отгрызла ей голову, потомъ, придерживая копытами, начала очень ловко сдирать кожу. Когда эта операція была окончена, она отбѣлила дѣтямъ куски мяса и приготовилась сама обѣдать.

Я поднялъ ружье, чтобъ прицѣлиться вѣрнѣе, какъ вдругъ рука моя опустилась отъ ужаса. Въ двадцати ярдахъ отъ пеккари показалось другое животное. Оно было величиною съ теленка, только на коротенькихъ лапахъ, съ красноватою шерстью на спинѣ и бѣлою на груди и горлѣ. Коротенькія бѣловатыя уши стояли прямо почти на кошачьей мордѣ; вообще оно очень напоминало кошку въ самыхъ большихъ размѣрахъ; только ширина плечъ и мускулы доказывали необыкновенную силу. Это былъ страшный конгуаръ, видъ котораго приводитъ въ ужасъ.

Положеніе наше было ужасно. Мы знали, что пеккари хищный звѣрь, который не пощадилъ-бы насъ; но онъ не могъ преслѣдовать насъ на деревѣ, гдѣ мы были отъ него безопасны. Конгуаръ-же лазить на деревья, какъ вѣкша, и противиться ему нѣтъ никакой возможности, такъ онъ силенъ, золъ и проворенъ.

Я шепнулъ Франку, чтобъ онъ былъ неподвиженъ, потому-что оставалась одна надежда, что конгуаръ насъ не замѣтитъ.

Тотъ шелъ неслышно, какъ кошка; длинный хвостъ его красиво качался изъ стороны въ сторону, точно также какъ у кошки, когда та подкрадывается къ куропаткѣ.

Глаза конгуара были устремлены на пеккари, неподозрѣвавшую опасности и продолжавшую съ аппетитомъ наслаждаться змѣинымъ мясомъ. Вокругъ нея не было кустовъ и растений, а только одно большое дерево съ развѣсистыми вѣтвями. Въ послѣднихъ кустахъ конгуаръ остановился, придумывая, какъ ему поступить. Онъ зналъ, что ему надобно быстрымъ скачкомъ вскочить на спину врага, если онъ хочетъ избавиться

отъ клыковъ, раздиравшихъ въ это время трупъ змѣи. Однако пространство между ними было еще очень велико, и конгуарь, видя невозможность подойти къ пеккари незамѣтно, оглянулъ окрестность, замѣтилъ большое дерево и также тихо поползъ въ травѣ. Подойдя однако къ дереву, онъ взлетѣлъ на стволъ такъ быстро, что красная его шерсть промелькнула какъ молнія, и когти закрипѣли на корѣ. Пеккари услышала этотъ необыкновенный шумъ, подняла голову, похрюкала, но не разглядѣвъ ничего въ густыхъ листьяхъ, подумала, что это вѣтра, и продолжала кушать.

Тогда конгуарь показался на одной вѣткѣ, собрался съ силами и съ страшнымъ ревомъ бросился на спину жертвы. Его когти совершенно ушли въ шею пеккари, заднія лапы и хвостъ обвились вокругъ задней части тѣла. Испуганная пеккари завывала и попробовала избавиться отъ непріятеля. Оба они покатались по землѣ и крики пеккари раздавались по всему лѣсу.

Дѣтеныши ея бѣгали вокругъ сражающихся, развѣвая рты, валяясь по землѣ и испуская жалобные крики. Одинъ конгуарь сражался молча. Послѣ перваго дикаго рева, онъ не испустилъ ни одного звука, но когти его вшивались глубже, зубы грызли горло жертвы.

Битва была непродолжительна. Черезъ нѣсколько минутъ пеккари, стиснутая въ страшныхъ объятіяхъ, перестала кричать и биться. Конгуарь, прокусивъ жилу, жадно пилъ теплую кровь побѣжденнаго.

Тутъ уже мы не собирались нападать на побѣдителя, хотя во время борьбы звѣри приблизились къ намъ и были подѣ нашими выстрѣлами. Но я зналъ, что одной пулей трудно убить такое животное, и потому ждалъ и желалъ только одного, чтобъ конгуарь, накушавшись досыта, ушелъ подальше въ лѣсъ. Однако не успѣлъ онъ порядочно напиться крови, какъ послышались со всѣхъ сторонъ странные звуки. Конгуарь тоже, услышавъ ихъ потому—что поднялъ свою дикую голову, привсталъ и началъ съ безпокойствомъ прислушиваться. Потомъ, понявъ въ чемъ дѣло, онъ схватилъ зубами тѣло пеккари, перебросилъ его за спину и побѣжалъ къ лѣсу.

Но шумъ сдѣлался сильнѣе, и вдругъ съ нѣсколькихъ сто-

ронъ показались черныя животныя, скачущія въ галопъ. Это были пеккари. Крики умершаго товарища созвали до тридцати этихъ животныхъ, которые не успѣли къ защитѣ, но зато могли отмстить за смерть пеккари. Конгуаръ не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ былъ окруженъ грозными пеккари съ подняшею шерстью, разинутую пастью, и которыя сверхъ-того подняли оглушительный концертъ.

Конгуаръ, видя неизбежность погибели, если останется съ ношею, сбросилъ со спины тѣло пеккари, бросился на первого, кто былъ къ нему близко, и впустилъ въ него когти. Но въ это время непріатели атаковали его сзади клыками, такъ что шерсть его полетѣла клочками. Сраженіе сдѣлалось общимъ. Конгуаръ не могъ дешево отдать побѣду, несмотря на число. Онъ храбро дѣйствовалъ зубами и когтями, но все стадо стѣснило его и кровь его струилась по шерсти. Тогда намъ показалось, что конгуаръ хочетъ спастись бѣгствомъ, однако пеккари не давали ему выбраться изъ круга, и когда онъ собирался сдѣлать отчаянный прыжокъ, нѣсколько пеккари становились на заднія лапы и удерживали его. Но наконецъ, сдѣлавъ отчаянное усиліе онъ мелькнулъ въ воздухъ и полетѣлъ какъ стрѣла. Мы вскрикнули отъ ужаса: конгуаръ бѣжалъ прямо къ нашему дереву.

Я машинально взялъ ружье, чувствуя на себѣ холодный потъ, но прежде чѣмъ я могъ прицѣлиться, конгуаръ промелькнулъ мимо насъ по стволу и остановился въ верхнихъ вѣткахъ дуба, уставя на насъ свои блестящіе глаза. Онъ прошелъ такъ близко ко мнѣ, что оцарапалъ мнѣ когтями руку, и я чувствовалъ на своемъ лицѣ его жаркое дыханіе. Пеккари прибѣжали велѣдъ за нимъ и окружили дерево, не зная, какъ достать врага. Нѣкоторыя бѣгали, смотря наверхъ, другія били по корѣ клыками, всѣ кричали и ревѣли нестерпимо.

Положеніе наше было такъ ужасно, что мы съ Франкомъ мысленно готовились къ смерти. Надъ нами былъ страшный конгуаръ, пожирающій насъ, глазами, подъ нами хищныя пеккари, которыя разорвали-бы насъ, и потому я собралъ всѣ силы, чтобъ придумать, нѣтъ-ли какого средства къ спасенію.

Изъ двухъ непріателей конгуаръ былъ опаснѣе, потому-что на высотѣ мы не боялись пеккари; стало-быть надобно дѣй-

ствовать противъ верхняго врага, который спокойно расположилъся на верхнихъ вѣткахъ, собираясь полакомиться нами, какъ только уйдутъ пеккари. Теперь-же онъ боялся прыгнуть на насъ, потому-что отъ тяжести вѣтка могла погнуться, и онъ попалъ-бы на клыки своихъ непріятелей. Вотъ отчего смерть наша была отложена.

У Франка не было никакого оружія. Онъ взялъ съ собою стрѣлы и лукъ, но оставилъ ихъ внизу подъ деревомъ, и пеккари переломали все въ дребезги. Я тихонько заслонилъ собою сына, наблюдая за конгуаромъ, который глухо ворчалъ, не спуская съ насъ глазъ; потомъ я приподнялъ ружье, цѣлясь въ голову, потому-что изъ за моха не видалъ его остальнаго тѣла, и спустилъ курокъ. Дымъ ослѣпилъ меня на минуту и я не видалъ дѣйствія выстрѣла, но слышалъ какъ затрещали вѣтки и тяжелое тѣло упало на землю. Въ ту-же минуту крики пеккари раздались громче и отъ топанья ихъ задрожала земля. Я посмотрѣлъ внизъ.

Красное тѣло конгуара отдѣлялось отъ черной щетины пеккари. Онъ былъ еще живъ и защищался отчаянно, но теперь борьба не могла уже быть серьезна, потому-что хищный звѣрь былъ раненъ смертельно. Наконецъ пеккари подняли его кверху на клыкахъ и разорвали на нѣсколько кусковъ. Страшный врагъ нашъ погибъ; какъ-то мы избавимся отъ нижнихъ непріятелей.

XIX.

ОСАДА ДЕРЕВА.

Я подумалъ, что мы спасены. Оба мы вздохнули свободнѣе, избавившись почти отъ вѣрной смерти. Пеккари, вѣроятно, разбѣгутся теперь, думали мы, потому-что конгуаръ не существуетъ. Но ожиданіе наше не исполнилось. Пеккари, растерзавъ своего врага, все-таки толпились у дерева, смотрѣли на насъ съ яростью и обрывали кору, крича пронзительно. Ясно, что онъ добирался до насъ, изъ благодарности, что мы помогли имъ уничтожить конгуара.

Мы были на низкихъ вѣткахъ, стало-быть звѣри видѣли насъ очень хорошо; взбираться-же выше не было намъ никакой на-

добности, потому-что и на этой высотѣ пеккари не могли намъ съдѣлать никакого вреда. Онѣ только могли уморить насъ голодомъ или жаждою. И это было вѣроятно, судя потому, что я слышалъ о характерѣ и упрямствѣ этихъ животныхъ.

Въ первыя минуты, я не хотѣлъ стрѣлять, полагая, что пеккари соскучатся осаждать дерево и разойдутся. Вотъ почему мы съ Франкомъ забрались повыше и расположились покойнѣе, на вѣтвяхъ, покрытыхъ мохомъ.

Однако черезъ два часа мы увидѣли, что положеніе наше не перемѣнилось, потому-что хотя пеккари и перестали кричать, но не отошли отъ дерева, а напротивъ нѣкоторыя легли подъ нимъ, чтобъ покойнѣе ждать, когда мы свалимся на ихъ клыки.

Я началъ терять терпѣніе. Дома должны были беспокоиться объ насъ; притомъ-же я боялся, что Гарри и Куджо вздумаютъ идти насъ отыскивать, могутъ придти на это мѣсто, и попасться пеккари, прежде чѣмъ успѣютъ влезть на дерево. Стало-быть необходимо было попробовать удалить ихъ другимъ средствомъ.

Я спустился пониже, чтобъ выстрѣлы были вѣрнѣе, и началъ дѣйствовать почти въ упоръ. Пять разъ выстрѣлилъ я, цѣлясь въ самое сердце, и пять пеккари упали; но другія, вмѣсто того, чтобъ испугаться, пришли въ ярость и продолжали бѣгать съ криками вокругъ дерева, топча тѣла убитыхъ.

Заряжая въ шестой разъ ружье, я увидѣлъ съ прискорбіемъ, что у меня осталась только одна пуля. Я выстрѣлилъ въ послѣдній разъ, упала еще жертва, но положеніе наше нисколько не перемѣнилось, потому-что число непріятелей было все-таки велико, и онѣ не думали удаляться.

Больше не было уже никакого средства, чтобъ принудить непріятеля къ отступленію. Я опять полезъ выше, гдѣ сидѣлъ Франкъ, расположился отдыхать, несмотря на нестерпимое хрюканье и топанье внизу, и надѣясь, что Богъ не допуститъ насъ погибнуть.

Недолго мы сидѣли неподвижно, какъ вдругъ почувствовали запахъ дыма. Онъ становился гуще и удушливѣе, и мы успѣшили спуститься немного чтобъ узнать причину этого. Посмотрѣвъ внизъ, мы не могли уже различать толпы пеккари, но видѣли только черный дымъ, который ѣлъ намъ глаза и останавливался въ

горѣлъ, и слышали усиленный ревъ животныхъ. Я вспомнилъ, что набранный нами мохъ лежалъ вблизи; вѣроятно одинъ изъ выстрѣловъ задѣлъ его и онъ загорѣлся. Я не ошибся, это горѣлъ мохъ, но къ счастью, пеккари отодвинули его отъ корней дуба.

Однако дымъ беспокоилъ насъ и мы начали перебираться на другую сторону дерева, подальше отъ пожара. Хорошо еще, что мы успѣли очистить нижнія вѣтки отъ моха, а то довольно было одной искры, чтобъ сообщить огонь дереву, и мы попались—бы на клыки нашихъ неприятелей.

Когда мы удалились отъ дыма, то посмотрѣли, что дѣлаютъ наши враги, и увидѣли всю массу пеккари, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дерева, повидимому чрезвычайно испуганную огнемъ. Наконецъ—то онѣ оставятъ насъ въ покоѣ, подумалъ я. Они отойдутъ дальше, и мы можемъ спастись въ другую сторону. Я замѣтилъ, что ни одно животное не стояло тамъ, куда доходилъ дымъ, стало—быть стоило только сойти незамѣтно и скрыться съ помощію дыма. Мы были уже на самой нижней вѣткѣ, какъ вдругъ послышался вдали лай собакъ. Это привело насъ въ ужасъ потому—что не было никакого сомнѣнія, что Гарри и Куджо идутъ насъ отыскивать. Могутъ—ли бѣдныя собаки сладить съ стадомъ пеккари, и Гарри погибнетъ, можетъ—быть, въ глазахъ нашихъ. Эта мысль поразила насъ. Оба мы остановились на минуту, съ сильнымъ біеніемъ сердца и прислушивались къ шуму. Лай собакъ приближался, и скоро послышались голоса Гарри и Куджо. Что мнѣ было дѣлать! Позволить собакамъ напасть на пеккари и въ это время предупредить криками, чтобъ они спасались на деревьяхъ? Но при такомъ шумѣ, могли-ли они понять и даже услышать меня. Тогда мнѣ пришла мысль оставить Франка на деревѣ, а самому спуститься на сторону дыма и бѣжать навстрѣчу пришедшимъ, чтобъ предупредить ихъ. Къ счастью, они подходили не съ той стороны, гдѣ столпились пеккари.

Не думая долго, я передалъ Франку ружье, ненужное въ эту минуту, и вынувъ ножъ, спустился на обгорѣлый мохъ. Не успѣли ноги, мои дотронуться до земли какъ я уже бѣжалъ что есть силы, и увидѣлъ скоро собакъ, а за ними Гарри и Куджо; но оглянувшись въ тоже время на сильный шумъ, я увидѣлъ, что все

стадо бѣжеть за мною. Закричавъ сыну и негру: Берегитесь! я только успѣлъ векочить на вѣтку ближняго дерева, какъ пеккари уже окружили его. Въ тоже время я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что Гарри и Куджо поняли опасность и были уже на высокоомъ деревѣ. Собаки—же смѣло бросились на пеккари, но получа нѣсколько ранъ, съ воемъ убѣжали подъ дерево, гдѣ сидѣли Гарри и негръ. Къ счастью, вѣтви спускались очень низко, и Куджо успѣлъ втащить собакъ на верхъ, безъ этой предосторожности онѣ раздѣлили—бы участь конгуара. Пеккари, приведенныя въ ярость сопротивленіемъ, бросились къ дереву и начали осаждать Гарри и Куджо, какъ осаждали недавно меня съ Франкомъ.

Я былъ далеко отъ нихъ и не могъ видѣть, что тамъ происходило въ густой зелени дерева, гдѣ нельзя было отличить ни людей, ни собакъ. Я видѣлъ только черное стадо пеккари и слышалъ отчаянный концертъ, составленный изъ воя собакъ, криковъ Гарри и Куджо, рева пеккари; словомъ, такой дикой музыки не приводилось еще никому слышать. Потомъ раздался выстрѣлъ и одно животное упало; послѣ этого мелькнуло копьё Куджо и погружалось нѣсколько разъ въ средину стада. Собаки не переставали лаять отчаянно, Куджо и Гарри вскрикивали при паденіи каждой новой жертвы, пеккари продолжали реветъ сильнѣе. Сраженіе продолжалось нѣсколько минутъ, но уже вся земля была покрыта окровавленными тѣлами.

Небольшое число оставшихся въ живыхъ пеккари испугались и убѣжали. Побѣда была за нами, въ чемъ сознался самъ непріятель. Тогда мы слезли съ нашихъ укрѣпленій и поспѣшили домой, чтобъ прежде всего успокоить бѣдную Мери.

Съ этихъ поръ намъ случалось встрѣчать пеккари и ловить ихъ дѣтеньшей, но онѣ уже никогда не нападали на насъ, напротивъ старались всегда избѣгать насъ. Животныя эти имѣютъ привычку нападать на тѣхъ, кого привыкли побѣждать, но избѣгаютъ непріятеля сильнѣе или хитрѣе. Впрочемъ, кажется ихъ было только одно стадо въ долинѣ, и такъ какъ мы истребили большую его часть, то оставшіяся сдѣлались чрезвычайно дики и забѣжали далеко отъ нашей колоніи.

На другой день мы пришли на поле битвы, чтобъ полюбоваться нашими подвигами и взять связаннаго поссума и его дѣ-

теньшей, о которыхъ мы забыли посреди различныхъ приключеній. Но старая мышь перегрызла ремни, и освободивъ семейство, ушла, вѣроятно, тоже подальше отъ насъ.

XX.

ПРОИСШЕСТВІЕ СЪ ВОЛКАМИ.

Въ первый годъ мы два раза сѣяли хлѣбъ, который посѣвально въ два мѣсяца. Этой жатвы было намъ достаточно на весь годъ для насъ и для нашихъ животныхъ.

Во второй годъ мы сдѣлали большой сборъ сахару и посѣяли еще больше пшеницы. Въ звѣринцѣ нашемъ много прибавилось много ланей и сайгъ. Намъ удалось также поймать въ западню волчицу съ волченками. Мать мы принуждены были убить, потому-что она была очень зла, а волчата, выросши между нами, сдѣлались такими ручными, какъ собаки, привыкли къ намъ, и почитали Кастора и Полукса одной породы.

Лѣтомъ и зимою съ нами было много происшествій. Я вамъ приведу одно, которое могло быть очень опасно.

Это было въ срединѣ зимы. Вся земля была покрыта снѣгомъ; морозъ былъ такой сильнѣй, какого мы еще не испытывали.

Озеро наше, разумѣется, замерзло, и мы проводили большую часть дня катаясь на конькахъ, чтобъ быть въ движеніи. Даже Куджо часто приставалъ къ намъ; Франкъ-же былъ самый ловкій и неутомимый катальщикъ.

Однажды ни Куджо, ни я не взяли коньковъ, и только Гарри и Франкъ пустились по гладкому зеркалу озера. Мы пошли въ домъ кое-что работать, и слушали издали смѣхъ и говоръ мальчиковъ.

Вдругъ пронзительный крикъ раздался на озерѣ.

— Робертъ, вскричала жена, дѣти утонули!

Мы бросились изъ дома, схвативъ что попало намъ подъ руку. Я взялъ веревку, Куджо неизмѣнное копье, и въ минуту мы были у берега. Съ удивленіемъ увидѣли мы, что Гарри и Франкъ живы, и торопятся съ противоположнаго берега добѣхать до насъ.

Въ ту-же минуту мы были поражены страшнымъ зрѣлищемъ.

Сзади дѣтей, по снѣгу и льду бѣжала стая волковъ. И это были не маленькіе волки долины, на которыхъ можно было идти съ палкою, но принадлежащіе къ страшной горной породѣ, коричневаго цвѣта. Ихъ было шесть. Они были огромнаго роста, съ стоячею шерстью на спинѣ, съ худыми боками, доказывавшими, что они голодны. Они бѣжали съ разинутою пастью, такъ что мы видѣли висячій ихъ языкъ и острые зубы.

Я бросилъ мою веревку, ненужную для волковъ, и схватилъ крѣпкій коль, Куджо махалъ своимъ копьемъ, а Мери вернулась домой, и не растерявшись, взяла то, что было всего нужнѣе: ружье.

Гарри былъ впереди, а хищные звѣри преслѣдовали Франка. Это показалось намъ страннымъ, потому—что Франкъ катался на конькахъ лучше брата. Видя невозможность помочь имъ, въ такомъ разстояніи, мы старались криками поддержать ихъ смѣлость; но Франкъ находился въ видимой опасности, потому—что волки настигали его.

— Боже мой, онъ погибъ, вскричалъ я съ ужасомъ, и нѣтъ средствъ спасти!

Каждую секунду должно было ждать, что волки бросятся на него, повалятся на ледъ и разорвутъ.

Вдругъ Франкъ, скользящій по одной линіи, быстро повернулъ въ другую сторону. Волки, неумѣющіе вдругъ перемѣнить направленіе на скользкомъ льду, оставили Франка въ сторонѣ и принялись преслѣдовать Гарри. Опасенія наши усилились. Въ одну секунду они были почти возлѣ него, но Гарри сдѣлалъ тоже, что Франкъ, и скользнулъ въ сторону. Звѣри не могли остановиться и пролетѣли нѣсколько скачковъ впередъ; но потомъ, съ помощію хвостовъ, повернулись и поскакали за Гарри, который былъ ближе къ нимъ. Въ это время Франкъ остановился, сдѣлалъ поворотъ, и видя опасность брата, съ крикомъ помчался сзади волковъ, чтобъ заставить ихъ перемѣнить направленіе. Но волки продолжали преслѣдовать Гарри, который опять удачно скользнулъ въ сторону.

Мы слышали, какъ Франкъ кричалъ брату, чтобъ тотъ поскорѣе выходилъ на берегъ, а самъ, вмѣсто того, чтобъ спастись, утвердился на конькахъ, и когда Гарри былъ внѣ опасности, онъ понесся впередъ, преслѣдуемый всею стаею волковъ. Наконецъ

онъ полетѣлъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ мы стояли, и мы поблѣднѣли отъ страха, потому—что тутъ была большая полынья. Разумѣется, что въ эту минуту Франкъ не могъ помнить объ этомъ и прямо летѣлъ на нее, несмотря на наши крики. Однако онъ не только не потерялъ присутствія духа, но еще составилъ хитрый планъ. Когда онъ былъ на самомъ краю полыньи, то быстро обогнулъ ее, и какъ молнія взлетѣлъ на берегъ; волки—же, увлеченные порывомъ, не замѣтили опасности и упали въ воду. Куджо началъ колоть ихъ своимъ копьемъ, я работалъ коломъ. Пять волковъ погибли, но шестой успѣлъ выбраться на ледъ и побѣжалъ, дрожа послѣ холодной ванны. Я уже думалъ, что онъ спасся, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ съ берега, и волкъ упалъ лапами вверхъ, визжа какъ собака. Обернувшись, я увидѣлъ, что Гарри держитъ мое ружье, которое передала ему Мери, зная, что онъ лучше всѣхъ умѣетъ имъ дѣйствовать. Однако волкъ былъ только раненъ и бился на льду. Куджо подбѣжалъ къ нему и приколотъ его копьемъ.

Этотъ день памятенъ въ нашемъ семействѣ, потому—что безловкости и умѣнья Франка, Гарри могъ понасть на зубы дикихъ животныхъ. Его хладнокровіе и догадливость избавили насъ отъ опасныхъ сосѣдей. Однако молодой герой не гордился своимъ подвигомъ, хотя ему, разумѣется, пріятно было, что онъ исполнилъ то, чего не пришло-бы въ голову и взрослому въ минуту опасности.

XXI.

РУЧНЫЯ ЛАНИ.

Въ три года бобры наши до того размножились, что мы рѣшились убавить ихъ число, начавъ запасать шкуры. Они сдѣлались такими ручными, что ѣли изъ рукъ. Стало—быть намъ легко было взять нѣсколько изъ нихъ, не пугая другихъ. Съ этою цѣлью мы устроили на берегу мѣсто, гдѣ кормили ихъ. Такъ какъ это былъ родъ маленькой канавки, которую можно было закрывать и открывать, то, приманя нѣсколько бобровъ, мы отгораживали ихъ и выбирали животныхъ тихо, не торопясь, не пугая ихъ. Такъ какъ взятые нами не могли пересказать другимъ, что съ ними происходило, и такъ какъ канавка была открыта въ остальное

время года, то бобры, несмотря на весь свой умъ, не догадались, куда пропадали ихъ товарищи, и продолжали ласкаться къ намъ.

Нашъ первый сборъ бобровыхъ шкуръ стоилъ сто пятьдесятъ фунтовъ стерлинговъ, и кромѣ-того у насъ было на пятьдесятъ фунтовъ бобровой струи. Въ слѣдующій годъ мы набили бобровъ на тысячу фунтовъ, и такъ какъ надобно было мѣсто для просушки и склада кожъ, то мы построили другой домъ. Въ этомъ живемъ теперь, а старый превратили въ магазинъ.

Третій и четвертый годъ, точно также какъ и послѣдующіе, мы продолжали обильные сборы мѣховъ, такъ что въ нашемъ магазинѣ теперь товару на четыре тысячи пятьсотъ фунтовъ стерлинговъ, и на озерѣ живой капиталъ въ двѣ тысячи пятьсотъ фунтовъ, который мы можемъ взять когда намъ вздумается. Стало-быть наше богатство доходить до семи тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Предсказаніе жены моей сбылось: *мы разбогатѣли въ пустынь.*

Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы начали собирать бобровыя шкурки, насъ занимала постоянно одна мысль: когда и гдѣ мы продадимъ нашъ товаръ?

На это было трудно отвѣчать. Безъ продажи нашъ товаръ составлялъ мертвый капиталъ. Это все-равно, что умирающій съ голоду нашель-бы слитокъ золота въ безплодной пустынь. Мы были окружены всеми удобствами жизни, но все-таки были заперты въ нашемъ оазисѣ, какъ въ тюрьмѣ. Мы не могли оставить нашей долины, какъ морякъ, выброшенный, послѣ кораблекрушенія, на необитаемый островъ, не можетъ перебраться до ближняго берега. Изъ всехъ животныхъ, собранныхъ нами и едѣлавшихся изъ хищныхъ и дикихъ домашними, ни одно не могло быть запряжено и вести тяжести. Помпо былъ уже старъ и на немъ одномъ невозможно было везти наши пожитки, товары и дѣтей.

Разумѣется, что мы были счастливы въ нашей пустынь, но мысль о будущемъ беспокоила насъ.

Я съ женою согласился-бы съ удовольствіемъ до смерти жить въ прекрасной долинь, еслибы не дѣти. Мы не могли оста-

вить ихъ почти безъ образованія и обречь на дикую жизнь, вдали отъ людей и городовъ. Мы обязаны были всѣми средствами стараться, чтобъ возвратить ихъ обществу. Надобно было придумать для этого какой-нибудь планъ.

Я хотѣлъ взять Помпо, доѣхать на немъ до Ной-Мексикки, гдѣ хотѣлъ купить муловъ или лошадей и привести ихъ къ намъ; но Мери не хотѣла и слышать объ этомъ. Разлука пугала ее больше всего, и она не отпускала меня ни за что, говоря, что можетъ-быть, мы больше не увидимся.

Въ-самомъ-дѣлѣ этотъ планъ былъ несовсѣмъ удобенъ, если-бы даже я и могъ проѣхать безопасно пустыню, до первыхъ колоній. Но гдѣ я возьму деньги на покупку лошадей или муловъ? Меня осмѣяли бы тамъ, и я долженъ-бы былъ вернуться на своемъ старомъ Помпо.

— Погоди еще немного, говорила мнѣ жена. Теперь куда намъ не для чего торопиться, но будь увѣренъ, что когда отъѣздъ нашъ будетъ необходимъ, Богъ не оставитъ насъ, какъ не оставлялъ до-сихъ-поръ.

Утѣшенія Мери дѣйствовали на меня сильно, потому-что я привыкъ почитать ея слова.

Однажды, — это было черезъ четыре года послѣ нашего поселенія въ долину, — мы, по обыкновенію, разсуждали все о томъ-же, то есть о средствахъ выбраться изъ пустыни, какъ вдругъ вбѣжалъ Гарри, запыхавшись, и закричалъ:

— Папа, мама! въ западню попались двѣ лани, двѣ хорошенькія, молоденькія лани.

Извѣстіе это не произвело на насъ большаго впечатлѣнія, потому-что это случилось не въ первый разъ и въ паркѣ нашемъ было уже нѣсколько ланей. Однако, чтобъ не помрачить радости Гарри, мы вышли изъ дома, чтобъ посмотреть на новыхъ плѣнниковъ.

Куджо, привезшій ихъ на телегѣ, развязывалъ имъ ноги и вводилъ ихъ въ паркъ. Смотри на это, мнѣ въ голову пришла счастливая мысль. Отчего, подумалъ я, не попробовать употребить лань вмѣсто лошади. Вѣдь ѣздить-же на оленяхъ на сѣверъ! Съ терпѣніемъ и трудомъ мы приучимъ молодыхъ ланей хо-

дуть въ упряжи и таскать тяжести, и въ—послѣдствіи можемъ перѣхать пустыню.

Я поспѣшилъ сообщить эту мысль женѣ, она обрадовалась ей и припомнила, что въ Лондонѣ видѣла запряженныхъ ланей. Стало—быть у насъ была надежда выбраться изъ долины, и мы горячо принялись воспитывать нашихъ молодыхъ плѣнныхъ.

Зачѣмъ наскучать вамъ подробностями, друзья мои, которыя интересны только для насъ. Куджо взялся приучать ланей къ упряжи; онъ впрягалъ ихъ въ телегу, а потомъ, когда онѣ сдѣлались посильнѣе, то въ плугъ, и обрабатывалъ съ ними землю. Зимой онъ заставлялъ ихъ возить вязанки дровъ изъ лѣсу, словомъ, въ короткое время лани могли замѣнить намъ лошадей.

XXII.

ДИКІЯ ЛОШАДИ.

Видя счастливый результатъ, мы старались побольше поймать молодыхъ ланей, потому—что двухъ было намъ очень мало.

Въ эту эпоху случилось происшествіе, которое оправдало слова жены, ожидавшей всегда помощи отъ Бога.

Въ одно утро насъ разбудило сильное топанье множества копытъ, и ржаніе, послѣдовавшее за этимъ, подтвердило, что это лошади, тѣмъ болѣе, что Помпо началъ отвѣчать имъ изъ своей конюшни.

— Индѣйцы! проговорили мы, блѣднѣя, и бросились къ оружію.

Куджо схватилъ свое копье, мы ружья, и приготовились къ отчаянной защитѣ. Я отворилъ тихонько окно, чтобъ посмотреть на неприятелей, и увидѣлъ около дюжины лошадей, только безъ всадниковъ. Тутъ были бѣлыя, красноватыя, пестрыя, черныя лошади, съ длинными гривами и хвостами, и всѣ онѣ скакали на свободѣ, испуская веселое ржаніе. На нихъ не было ни уздечки ни сѣдла, потому—что никогда еще человѣческая рука не дотрогивалась до нихъ. Это были *мустанги*—дикія лошади.

Вѣроятно, слѣдуя по теченію рѣки, онѣ забѣжали къ намъ изъ западныхъ долинъ, привлеченныя роскошною зеленью. Мы рѣшились овладѣть ими, во что—бы ни стало.

Стоило только запереть дорогу, ведущую въ лѣсъ, потому—

что съ другихъ сторонъ мы были крѣпко огорожены. Но это трудно было сдѣлать, потому-что лошади были передъ самымъ нашимъ домомъ, и намъ нельзя было выйти, не испугавши ихъ. Дикая лошадь ни за что не дастъ подойти къ себѣ. Мы видѣли ихъ часто издали, но замѣтя насъ, онѣ удалялись тройнымъ галопомъ, такъ что не было возможности даже разглядѣть, что это лошадь.

Замѣчательно, что лошадь, считающаяся почти товарищемъ человѣка, въ дикомъ состояніи больше другихъ звѣрей избѣгаетъ людей. Кажется, что она догадывается, что ее ждетъ неволя, и мнѣ все кажется, что въ каждомъ стадѣ дикихъ лошадей должна быть бѣглая лошадь, которая, убѣжавъ отъ упряжи, рассказала товарищамъ о своей жизни, и предостерегаетъ ихъ отъ встрѣчи съ человѣкомъ. Словомъ, дикая лошадь самое дикое животное.

Какъ-же отрѣзать имъ отступленіе! Я сказалъ, чтобъ Куджо взялъ топоръ, выскочилъ съ нимъ въ окно, выходящее сзади, и спрятавшись за кустами, мы поползли къ лѣсу, стараясь однако, чтобъ между нами и лошадьми были все-таки домъ и строения. Въ лѣсу мы побѣжали прямо на дорогу, ведущую въ долину. Куджо началъ неистово работать топоромъ, и черезъ полчаса огромное дерево загородило дорогу. Мы прикрѣпили его, подперли на высокихъ подставкахъ, такъ что только крылатая лошадь могла перескочить черезъ эту заставу. Послѣ этого, не боясь испугать лошадей, мы пошли къ дому. Мустанги полетѣли къ лѣсу въ галопъ, но мы знали, что онѣ не уйдутъ далеко. Осѣдлавъ Помпо, мы сдѣлали изъ кожи арканъ, и переловивъ всѣхъ одиннадцать лошадей, мы занерли ихъ въ паркъ.

Теперь, кажется, довольно друзья мои. Я боюсь наскучить вамъ моимъ разсказомъ. Позже я разскажу вамъ еще нѣсколько эпизодовъ, какъ мы поймали дикихъ барановъ и сайгъ и сдѣлали ихъ ручными, какъ мы въ верхней долинѣ нашли нѣсколько буфало, и приучивъ ихъ къ домашней жизни, пользовались ихъ молокомъ, приготовляя изъ него масло и сыръ. Мы воспитали маленькихъ конгуаровъ и черныхъ медвѣжатъ. Дикіе гуси, лебеди, журавли, пеликаны прилетѣли на наше озеро и привыкли къ намъ. Позже я съ Куджо поскакалъ на нашихъ лошадяхъ къ *мьсту печали*, гдѣ было нападеніе индѣйцевъ, привезъ оттуда

еще два вагона, порохъ и много другихъ полезныхъ предметовъ. Кромѣ-того было у насъ много происшествій съ волками, пантерами, пеккари, дикобразами, поссумами, но вы уже устали, пора кончить мою исторію.

Прошло ровно десять лѣтъ, какъ мы пришли въ эту долину оазисъ. Все время мы были довольны и счастливы; всѣ предпріятія наши увѣнчались успѣхомъ. Но дѣти наши выросли почти безъ образованія, потому-что мы не могли передать имъ многого. Для нихъ-то мы хотѣли сблизиться съ людьми, и весною собрались ѣхать въ Сень-Луи. У насъ уже все готово къ этому случаю: вагоны, лошади, мѣха, и въ эту зиму мы соберемъ остальныхъ бобровъ. Не думаю, чтобъ мы опять вернулись въ эту прекрасную пустыню, о которой буду вспоминать всегда съ наслажденіемъ. Оставляя эти мѣста, мы оставимъ все въ порядкѣ, на случай если кому-нибудь и вздумается посѣтить это мѣсто; только выпустимъ на свободу всѣхъ нашихъ животныхъ.

Теперь, друзья мои, у меня есть до васъ просьба. Зима уже близка, вы сбились съ дороги и знаете, что въ это время года опасно блуждать по пустынь. Оставайтесь-же у насъ до весны, чтобъ ѣхать всѣмъ вмѣстѣ. Мы будемъ стараться, чтобъ время показалось для васъ нѣтакъ продолжительно. Обѣщаю вамъ много любопытныхъ охотъ для развлечения, а зимою вы поможете намъ ловить бобровъ. Согласны-ли вы?

Не надобно и говорить, что предложеніе было принято съ радостію. Другъ мой Кнейтъ былъ радъ, что останется съ Луизою, а мы были до того утомлены дорогою, что согласились-бы и въ другое время, а не только тогда, когда путешествіе по пустынь было опасно. Притомъ-же зима здѣсь коротка, и мы не успѣемъ соскучиться. Напротивъ, этотъ образчикъ дикой жизни казался намъ очень увлекательнымъ.

Мы ждали больше всего охоты за бобрами, обѣщанной Рольфомъ, и въ половинѣ зимы мы принялись собирать ихъ. Труда было немало, потому-что мы насчитали больше двухъ тысячъ бобровыхъ шкурокъ.

Съ началомъ весны мы были готовы въ путь. Вагоны были приготовлены; въ двухъ мѣха и драгоцѣнная бобровая струя, въ третьемъ Мери съ дѣвочками; Рольфъ съ сыновьями были на ло-

шадяхъ. Передъ отъѣздомъ Куджо сломалъ загородки парка, открылъ птичникъ, клѣтки; всѣмъ животнымъ роздана была обильная пища, и мы выѣхали изъ долины.

Направляясь къ сѣверу, мы скоро попали на старую дорогу и по ней добрались до Сень-Луи въ началѣ мая. Рольфъ очень выгодно продалъ свои мѣха.

Прошло нѣсколько лѣтъ съ этой эпохи. Въ это время я, авторъ этой книги, жилъ въ дальней сторонѣ, не зная ничего о судьбѣ Рольфа и его семейства. Нѣсколько дней тому назадъ получилъ я письмо отъ Рольфа, въ которомъ онъ самъ даетъ мнѣ знать о переменахъ въ семействѣ. Франкъ и Гарри, бывши отличными учениками, сдѣлались прекрасными молодыми людьми. Мери и Луиза, которая все еще принадлежитъ къ семейству, вышли изъ пансіона. Кромѣ-того у нихъ готовится четыре свадьбы: Гарри женится на *черненькой* сестрицѣ Луизѣ, Франкъ влюбился въ дочь миссурійскаго плантатора и получилъ ея согласіе, а блондинка Мери свела съ ума молодого негоціанта, который провель зиму въ оазисѣ долины и тогда уже очень ухаживалъ за нею. Какая-же четвертая пара?

Это Куджо, который женится на Люси.

Рольфъ говоритъ въ письмѣ, что послѣ праздниковъ и свадебъ всѣ молодые хотятъ ѣхать въ долину. Кнейтъ и Рольфъ съ женою ѣдутъ съ ними. Они возьмутъ большое число вагоновъ, лошадей, скота, инструментовъ, и учредятъ тамъ маленькую патриархальную колонію.

Это письмо доставило мнѣ большое удовольствіе, и перечитывая его, я припоминалъ счастливые дни, проведенные въ кругу этихъ добрыхъ людей, нашедшихъ счастье въ пустынѣ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

---

* * *

Садись работникъ за работу!
Гляди вновь въ пестрые листы:
Всю сердца нежную заботу,
Въ нихъ схорони на вѣки ты!
Здѣсь для души твоей безбрежной
Или для мысли безъ границъ
Границы, берегъ есть надежный —
Поля исписанныхъ страницъ.
За рубежомъ твоей тетради
Пусть чувства всѣ въ тебѣ умрутъ,
Тебѣ, работнику, всѣ ради,
Тебя какъ сердце не поймутъ!
Садись работникъ за работу
Гляди вновь въ пестрые листы,
Всю сердца нежную заботу
Въ нихъ погреби на вѣки ты...
Какою раковиной нежной
Улитку сердце обовью!
Взойди улитка безмятежно
Навѣки ты въ кору свою;
Взамѣну личностей безцвѣтныхъ,
Взамѣну призраковъ пустыхъ,
Въ одежду словъ. тебѣ ответныхъ,
Я дамъ тебѣ людей живыхъ;

Я разовью передъ тобою
Любовь, страданье и мечты,
Я сострадательной рукою
Сниму покровъ съ нихъ суеты;
И люди разные предстануть
Здѣсь передъ любящимъ тобой,
Въ глаза тебѣ по братски взглянуть,
То люди съ мыслью и душой!
Отдай имъ нѣжную заботу
Не выходи изъ-за черты —
Садись работникъ за работу
Гляди вновь въ пестрые листы.

А. МАРЧЕНКО.

САШЪ ЛАЧИНОВОЙ.

Мы встрѣтились среди гостей шумливыхъ,
На общемъ пирѣ жизни молодой,
Ты полная надеждъ еще счастливыхъ,
Я съ грустной и болящею душой.
Ко мнѣ съ улыбкой дѣтскаго веселья,
Ты протянула жизненный бокаль,
И чокнулись подъ общій шумъ похмѣлья,
Меня твой голосъ звонко приглашалъ:
О чашу чаша! посмотри, какъ хлещетъ
И пѣной бьетъ на столъ твое вино,
А у меня взгляни—давно ужъ блещетъ
Изъ-подъ напитка золотое дно.
Навстрѣчу дружбѣ не бросаюсь съ жаромъ,
Но въ жизнь твою привязанность волюю,
Остатковъ прежняго не трачу даромъ —
Я крѣпкое вино по капль пью.
Товарищъ молодой, давай мнѣ руку!
О чашу чаша! Станемъ веселѣй,
Ты будешь дѣтской лаской вторить звуку
Всѣхъ нежныхъ словъ любви къ тебѣ моей.

А. МАРЧЕНКО.

* * *

Меня опять влечетъ, влечетъ моя судьба!
Куда, зачѣмъ и какъ свершается стремленье—
Не знаю я, но мнѣ ужъ тяжела борьба,
Такъ не боюсь я, и вѣрю въ назначенье:
Есть назначеніе—то падать, то летѣть,
Кружиться и нестись, какъ листъ во-время бури,
То подъ ногой небрежной шелестѣть,
То вихремъ чувства вновь подняться до лазури.
Сегодня вихрь меня кружитъ передъ тобою,
А завтра вдоль умчитъ опять безъ сожалѣнья...
Безъ правъ на будущность, я данница мгновенья,
Я мертвый листъ, оторванный грозою.

А. МАРЧЕНКО.

II.

ЗАПИСКИ БАРНУМА.

Предисловіе издателя.

Между оригинальными людьми нашей эпохи въ первомъ ряду надобно поставить американца Барнума, который нетолько въ своей странѣ, но и въ цѣломъ свѣтѣ заслужилъ извѣстность странностію происшествій и расположеніемъ ума, называемымъ англичанами юморомъ.

Въ разнообразныхъ случаяхъ своей жизни, наполненной волненіями, онъ всегда оказывалъ необыкновенную предусмотрительность, рѣдкую ловкость, уважая въ тоже время законы чести во всѣхъ поступкахъ. Экцентрическія спекуляціи, предпринимаемыя Барнумомъ, ввели его въ сношенія съ старымъ и новымъ свѣтомъ, и неизвѣстно еще, гдѣ у него больше друзей, на одномъ или на другомъ берегу Атлантическаго-океана.

Вѣрный своему девизу: *Все наружу*, Барнумъ въ своихъ запискахъ не скрываетъ правды, и говоритъ самъ, что читатель будетъ видѣть нетолько все, что показывается на сценѣ, но и то, что дѣлается за кулисами. Зато какое разнообразіе въ разсказахъ: послѣ исторіи странствующаго цирка находятся впечатлѣнія въ другомъ родѣ; дальше сношенія автора съ коронованными особами, съ знаменитостями Европы, и вездѣ очерки нравовъ, остроумные анекдоты, переносящіе читателя въ среду американской жизни. Послѣ разговора съ королями являются извѣстные артисты; послѣ генерала Томъ Пуса, Женни-Линдъ, Зонтагъ и

ихъ американскія компаніи. Другія картины проходятъ передъ глазами, то земледѣльческіе виды, то финансовыя сдѣлки, и т. д.

Словомъ, Барнумъ видѣлъ цѣлый свѣтъ, и говоритъ объ немъ читателямъ. Вся жизнь его, безпокойная, разнообразная, открыта передъ всеми, какъ стеклянный домъ.

Въ Америкѣ и Англии записки Барнума имѣли большой успѣхъ, и во Франціи ихъ ждали съ нетерпѣніемъ, потому-что, кромѣ любопытныхъ свѣдѣній, въ нихъ заключаются всѣ тайны американскаго народа. Барнумъ настоящій янки и одаренъ самымъ оригинальнымъ, живымъ умомъ, такъ что остроты его несовсѣмъ могутъ быть поняты другими народами, но онъ-то именно и составляютъ отличительный характеръ американскаго юмора.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Друзья мои и нѣкоторые издатели уже нѣсколько лѣтъ пристаютъ ко мнѣ, чтобъ я написалъ свои записки, увѣряя, что онѣ будутъ имѣть успѣхъ вездѣ, и я наконецъ рѣшился исполнить ихъ требованія.

Я рассказалъ просто и вѣрно всѣ происшествія моей тревожной жизни.

Читатель, удостоившій меня своимъ вниманіемъ, увидитъ, что многое я испыталъ на свѣтъ. Я былъ работникомъ на фермѣ, кунцомъ, прикащикомъ, хозяиномъ, директоромъ театра, директоромъ банка; я жилъ во дворцахъ и въ хижинахъ, испыталъ бѣдность и богатство; я обходилъ большую часть двухъ частей свѣта, видѣлъ людей различныхъ странъ, и часто находился въ опасномъ положеніи.

Посреди всѣхъ происшествій я встрѣчалъ горькія испытанія, но вообще я не могу пожаловаться на мою судьбу, и почитаю себя счастливымъ, потому-что всегда смотрѣлъ на все съ хорошей стороны.

Безчисленные анекдоты моихъ записокъ докажутъ читателю, что я люблю шутки, даже черезъ-чуръ. Но этотъ недостатокъ характера, развитый впечатлѣніями моей молодости, вкоренился благодаря моимъ занятіямъ и отношеніямъ.

Однако я надѣюсь, что несмотря на комическіе рассказы, я ни разу не вышелъ изъ предѣловъ благопристойности, и думаю напротивъ, что подъ веселостью шутки нетрудно отыскать полезное правоученіе.

Я не старался смягчать моихъ *глупостей*, и смело рассказываю эпизоды *Джойсъ Гетъ*, *Сирена Фелсе* и *лошади, покрытой шерстью*. Зато я не хвастаюсь, говоря объ американскомъ музее и генераль Томъ-Пусъ.

Подробнѣ всего рассказалъ я всѣ происшествія музыкальной компаніи Женни-Линдъ, за которую получилъ столько похвалъ и поздравленій. Вообще я не пропустилъ ни одного происшества изъ моей жизни, и хотя нѣкоторые поступки мои могутъ похвастаться безуміемъ, но я не отказываюсь ни отъ чего, что съдѣлалъ или помогалъ дѣлать.

Барнумъ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

ФИНЕАСЪ ТЕЙЛОРЪ.

Такъ звали моего дѣда со стороны матери. Я былъ старшій изъ его внуковъ, и ему внушили, что я могу продолжить его почтенное имя. Эта идея поправилась старику и заставила его дать матери, для меня, пять акровъ земли въ Бетельскомъ приходѣ города Денбюри, графства Ферфильдъ, штата Коннектикутъ. Земля, подаренная матери, называлась Иви-Исландъ (островъ плюща).

Селеніе и Бетельскій приходъ, гдѣ находилось мое родовое наследство, считается всѣми родными мѣстомъ моего рожденія, и я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ, потому-что они должны знать лучше меня.

Дѣдъ мой, родившійся на свѣтъ раньше меня, и умершій тоже прежде, былъ, по мнѣнію тѣхъ, которые его знали, стариннаго, почтеннаго происхожденія; стало-быть, прежде всего я обязанъ поговорить о немъ.

Припоминая первоначальные мои года, я, бывши двухъ лѣтъ, зналъ только одного дѣда. Такъ-какъ я былъ его любимцемъ и, вѣроятно, первыя шесть лѣтъ провелъ больше половины на его колѣнахъ, то помню больше всего, какъ онъ кормилъ меня сахаромъ. Моя добрая мать говорила, что если собрать весь сахаръ, съѣденный мною въ этотъ періодъ жизни, то выйдетъ неменьше двухъ бочекъ.

Дѣдъ былъ веселаго характера и считался шутникомъ. Изъ желанія пошутить онъ готовъ былъ на все, и побѣжалъ-бы на край свѣта.

Признаюсь, что въ этомъ отношеніи, точно также какъ во многихъ другихъ, я чрезвычайно похожъ на дѣда. Меня тоже ничто такъ не забавляетъ, какъ веселая, остроумная шутка, и я ни въ чемъ не нахожу такого удовольствія, какъ въ придумываніи и исполненіи какого-нибудь фарса. Къ несчастію, случается, что шутки обижаютъ, и хотя я всегда старался быть осторожнымъ, но случалось что увлекался, и потомъ проклиналъ мою несчастную страсть, съ которою родился и, вѣроятно, которую сохранию до-тѣхъ-поръ, пока возвращусь въ землю.

У дѣда моего было четверо дѣтей; трое еще живы и живутъ въ Бетель: это Ирена, моя мать, Лора, вдова Аарона Никольса, и Эдвардъ, послѣдній судья графства; самой меньшей Алансонъ, умеръ въ Бетельскомъ приходѣ 5 іюня 1846 года, на сорокъ пятомъ году.

Оба сына были веселаго характера, какъ отецъ; тетушка Лора любитъ тоже посмѣяться, только моя мать серьезнѣе ихъ, но зато веселость дѣда, обойдя старшую дочь, возродилась вся у старшаго внука, съ процентами и процентами на проценты.

Дѣдъ мой со стороны отца былъ капитанъ Эфраимъ Барнумъ изъ Бетеля, служившій въ милиціи во-время войны за независимость. У него было четырнадцать человѣкъ дѣтей. Отъ перваго брака: Кезія, Люси, Ревекка, Жозефъ, Руѳъ, Дорка, Ноа, Ганна, Хлоя; отъ второй жены: Ноа-Старъ, Фило, Эдеръ, Ревекка и Петеръ. Четверо изъ нихъ еще живы. Руѳъ, девяносто одного года, Ноа-Старъ семидесяти-семи-лѣтъ, Эдеръ семидесяти-трехъ и Петеръ семидесяти.

Отецъ мой былъ Фило, умершій въ 1817 году, на восемьдесятъ четвертомъ году. У него было отъ первой жены пятеро дѣтей: Рана, Альмонъ, Мери, Минерва и Фило, изъ которыхъ двое живы. Дѣти второй его жены: Финеасъ Гн. Мери, Эдеръ, Корделія и Альмира живы, кромъ послѣдней, умершей въ 1832 году.

Отецъ мой былъ всегда веселъ и доволенъ. Такихъ людей рѣдко можно теперь встрѣтить. Это тоже можетъ послужить извиненіемъ моему характеру, и доказательствомъ, что если страсть къ шуткамъ пороку, то онъ у меня наследственный,

Я больше не буду говорить ни объ рожденіи, ни о бракахъ, ни о смерти моихъ родственниковъ, которые все придутъ скоро къ третьему разряду. Буду надѣяться, что встрѣчусь съ ними

въ лучшемъ мірѣ, гдѣ бракъ не существуетъ и гдѣ смерть почитается началомъ новой жизни, полной счастья и славы.

I.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ.

Явленіе въ свѣтъ.—Школа.—Джонъ Гейтъ.—Ледъ проломился.—Долгъ заплаченъ.—Спекуляція съ рогами.—Горькій кусокъ.—Лошадь и всадникъ.—Кризисъ.—Джонъ на морѣ.—Монета въ два су и въ шесть су.—Рыба на сушѣ.—Первый визитъ въ Нью-Йоркъ.—Происшествіе въ этомъ городѣ.—Покупка апельсиновъ.—Ружье и хлопунки.—Фонды падаютъ.—Первый размѣнъ.—Выгода.—Возвращеніе.

Въ 1810 году 5 іюля явился я на сцену жизни. Независимость была уже установлена и пушки палили только въ дни праздниковъ. Дымъ сраженій уже разсѣялся, шумъ барабановъ замолкъ, словомъ, при моемъ появленіи на свѣтъ все было тихо и покойно.

Не думаю, чтобъ мое рожденіе произвело волненіе въ селеніи, хотя мать моя увѣряла меня, что я въ первый часъ жизни много шумѣлъ, и она никакъ не могла отгадать причины моего безпокойства.

Я пропускаю первыя семь лѣтъ моей жизни, изъ которой помню большіе куски сахару, даваемые мнѣ дѣдомъ и мелкія деньги, которыя онъ давалъ мнѣ на виноградъ и на пироги, наказывая торговаться какъ можно больше, и никогда не платить того, что спрашиваютъ.

Шести лѣтъ я началъ ходить въ школу, и помню, что въ 1818 году началъ выводить первыя черты на моей тетради чиstopисанія. Въ эпоху, о которой я говорю, школа была очень страшна, и учитель почитался людоедомъ, пугающимъ дѣтей.

У меня было много учителей: первый былъ г. Кампъ, второй г. Зера-Юдсонъ, третій г. Куртисъ Ньютоунъ, четвертый докторъ Оррисъ Тайлоръ; потомъ дядя мой Алансонъ Тайлоръ и много другихъ.

Лѣтомъ мы были подъ присмотромъ миссъ Ганны Старъ, превосходной женщины. Я былъ ея любимцемъ и сохранилъ къ ней уваженіе и дружбу. Три первые педагога, названные мною, употребляли во зло ферулу, и никогда почти не оставляли пустою маленькой голубятни, находившейся на дворѣ и превращенной въ тюрьму для семилѣтнихъ и восьмилѣтнихъ преступниковъ.

Я всегда имѣлъ репутацію хорошаго ученика, и дѣлаясь старше, учился все лучше, такъ что моими соперниками были только двое или трое товарищей. Больше всего я дѣлалъ успѣхи въ ариѳметикѣ, и теперь помню, что когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, учитель разбудилъ меня однажды ночью, потому-что бился объ закладъ съ сосѣдомъ, что я въ пять минутъ сосчитаю число деревьевъ на означенномъ пространствѣ лѣса. Сосѣдъ назначилъ пространство, и я, взявъ доску, такъ скоро сдѣлалъ счетъ, что не прошло еще и двухъ минутъ. Учитель мой былъ въ восторгѣ, мать радовалась и я былъ чрезвычайно доволенъ собою. Что-же касается до сосѣда, то удивленіе его не имѣло границъ.

Отецъ мой занимался многими ремеслами: онъ былъ портной, фермеръ и трактирщикъ при случаѣ; стало-быть, я былъ ему часто нуженъ. Это служило мнѣ предлогомъ бѣгать изъ школы, и я не могъ пользоваться уроками. Что я знаю, то выучилъ прежде въ школѣ округа и потомъ въ данбургской академіи, куда я взялъ привычку ходить лѣтомъ шесть разъ въ недѣлю, несмотря на то, что до нея было три мили.

Какъ все работники на фермѣ, я долженъ былъ смотрѣть за скотомъ, помогать воздѣлывать землю, убирать хлѣбъ, смотрѣть за сбруею, плугами, телегами. Когда силы мои прибавились, то меня не оставляли безъ работы, и все-таки я никогда не любилъ работать руками.

У меня былъ товарищъ, двумя годами старше меня, и котораго я назову Джонъ Гейтъ. Я часто встрѣчался съ нимъ, ведя мои стада въ поле. Онъ былъ сынъ доктора Ангеля Гейта, одного изъ врачей селенія. Джонъ былъ порядочный шалуни, дурной нравственности, всегда готовый красть груши, яблоки и дыни сосѣдей. Моя мать строго запрещала мнѣ играть съ Джономъ, и мнѣ часто случалось выносить строгое наказаніе за ослушаніе.

Джонъ былъ страшилищемъ для всехъ матерей, и хотя онъ былъ уменъ и хитръ, но никакъ не могъ обмануть ихъ, и довольствовался тѣмъ, что имѣлъ полную власть надъ дѣтьми. Мы же не только любили Джона, но и боялись его. Мы любили его за смѣлый и рѣшительный характеръ, и боялись потому, что онъ былъ настоящимъ тираномъ, управлялъ нами самовластно, поступалъ съ нами какъ съ невольниками.

Однажды Джонъ и двѣнадцать мальчиковъ катались на конькахъ на прудѣ, имѣвшемъ не больше двѣнадцати футовъ глуби-

ны. Джонъ, увлеченный смѣлостью и желая похвастать передъ другими, покатился въ то мѣсто, гдѣ ледъ былъ очень тонокъ. Вдругъ подъ ногами его раскололся ледъ, и онъ очутился въ водѣ. Однако онъ успѣлъ удержаться руками за края, такъ что голова его и плечи выходили изъ воды. Тогда Джону было четырнадцать лѣтъ, а мы все были дѣти десяти и двенадцати лѣтъ. Онъ началъ кричать, звать на помощь, но мы стояли неподвижно и не смѣли подойти къ опасному мѣсту. Между-тѣмъ все тѣло несчастнаго было въ холодной водѣ и онъ продолжалъ кричать: Помогите, спасите! Но видя, что мы не двигаемся съ мѣста, онъ началъ бранить насъ, проклинать, и общалъ, если выберется изъ воды, каждому изъ насъ такую таску, какой мы еще не испытывали въ жизни.

Слыша это неутѣшительное общаніе, мы разбѣжались въ разныя стороны, оставя бѣднаго Джона выплутываться изъ воды какъ хочетъ. Дѣти всегда безжалостны. Мы знали очень хорошо, что онъ можетъ утонуть, но такъ какъ онъ билъ насъ цѣлое утро, то мы и оставили его въ критическомъ положеніи, не заботясь что съ нимъ будетъ.

На другой день, встрѣтивъ одного изъ моихъ маленькихъ товарищей, я увидѣлъ, что лицо его обвязано платкомъ, и не смотря на его скрытность, рассмотрѣлъ, что у него глазъ былъ вымазанъ чернымъ масломъ, какъ выражаются школьники.

— Что съ тобой случилось? спросилъ я.

— Джонъ вышелъ изъ пруда, отвѣчалъ онъ, и сегодня утромъ прибилъ меня за то, что я не пришелъ на помощь, когда онъ звалъ.

На слѣдующее утро я подходилъ къ пруду, чтобъ кататься на конькахъ, какъ вдругъ услышалъ голосъ Джона:

— Стой, кричалъ онъ, или я убью тебя.

Я остановился, какъ солдатъ при командѣ капитана.

Онъ подошелъ ко мнѣ такъ близко, что я почувствовалъ на лицѣ его дыханіе; потомъ, посмотрѣвъ на меня пристально, онъ закричалъ.

— Это вы, г. Тайлоръ Барнумъ. Кажется, мы должны немного объясниться, я вамъ долженъ кое что.

И сбросивъ съ себя верхнее платье на снѣгъ, онъ схватилъ меня и приколотилъ такъ больно, что я вернулся домой, обливаясь слезами. Мать спросила меня о причинѣ слезъ, но когда

я рассказалъ ей все, она, вмѣсто утѣшенія, сказала, что мнѣ еще мало досталось за то, что я подружился съ негодяемъ.

Черезъ недѣлю послѣ невольнаго купанья Джона, всѣ его товарищи получили обѣщанную потасовку, и ни одинъ не смѣлъ пожаловаться на тирана, потому-что родители наказали бы еще больнѣе, зато, что дѣти смѣютъ играть съ шалуномъ, котораго должны избѣгать.

Мой отецъ не зналъ ни слова изъ всего происшествія, и встрѣтивъ однажды Джона, сказалъ ему:

— Что это теперъ не видать, чтобъ ты катался на конькахъ. Отчего ты пересталъ?

— Оттого, дядя Филь, отвѣчалъ мальчикъ хладнокровно, что я прокатился до дна пруда.

Несмотря на деспотическое обхожденіе Джона, я предпочиталъ его другимъ товарищамъ, и когда онъ послѣ увхалъ въ Норвалькъ съ своимъ семействомъ, я пересталъ имѣть съ нимъ сношенія, но все-таки приведу нѣкоторыя его приключенія.

Одинъ фабрикантъ гребенокъ въ Норвалькъ, желавшій разжиться въ ущербъ честности, позвалъ однажды шалуна и сказалъ ему:

— Джонъ, здѣшніе фабриканты гребенокъ получили большой запасъ роговъ, который хранится въ магазинахъ Мунсона Гой и компаніи доковъ. Если ты постарайся достать мнѣ нѣсколько роговъ, то я заплачу тебѣ по шиллингу за штуку. Это было, разумѣется, меньше половины цѣнности, но Джону были нужны деньги, и онъ обѣщалъ *достать* рога.

На слѣдующую-же ночь онъ принесъ фабриканту четыре бычачьихъ рога и получилъ полъ-доллара за работу. Потомъ онъ приносилъ больше, и фабрикантъ платилъ исправно, наказывая только, чтобъ онъ былъ какъ можно осторожнѣе. Но Джонъ увѣрялъ, что его никакъ не поймаютъ и что честный фабрикантъ можетъ быть совершенно покоенъ. Прошло нѣсколько недѣль, и Джонъ переносилъ большое количество роговъ, а между-тѣмъ никто и не думалъ подозрѣвать воровства. Наконецъ онъ принесъ дюжину самыхъ большихъ роговъ, и потребовалъ, чтобъ фабрикантъ заплатилъ за нихъ три доллара.

— Это самые лучшіе рога, сказалъ онъ, и стоятъ втрое больше того, что я спрашиваю.

Фабрикантъ осмотрѣлъ ихъ внимательно:

— Это рога испанскихъ быковъ, замѣтилъ онъ. Гдѣ ты ихъ взялъ?

— На набережной въ депо, отвѣчалъ шалунъ.

Фабрикантъ задумался подозрительно.

— Я дамъ тебѣ за нихъ два доллара, прибавилъ онъ, и завтра утромъ пойду самъ въ магазинъ депо, посмотрѣть выборъ этихъ роговъ.

Джонъ взялъ два доллара, но это были послѣднія деньги, полученныя имъ за рога; потому-что на другой день фабрикантъ открылъ, что испанскихъ роговъ совсѣмъ не было въ депо, и что Джонъ взялъ съ него сто долларовъ за то, что красть рога въ собственной его кладовой и продавалъ ему-же.

Черезъ нѣсколько времени послѣ прѣзда Джона въ Норвалькъ праздновали тамъ годовщину 4-го іюля. По этому случаю установили скачку. У одного изъ окружныхъ землевладѣльцевъ была молодая, горячая лошадь, которую онъ хотѣлъ пустить на скачку, но не находилъ смѣльчака, который рѣшился-бы съѣсть на опасное животное. Лошадь уже сбросила нѣсколькихъ всадниковъ, и лучшіе наездники отказывались ѣздить на ней. Услыша объ этомъ, Джонъ, никогда несомнѣвавшійся въ своихъ силахъ, явился къ хозяину коня и объявилъ, что готовъ скакать, если только ему дадутъ часть приза, назначеннаго побѣдителю. Предложеніе было принято, и другъ мой сѣлъ на бѣшенаго коня. Приготовленія къ скачкѣ скоро были окончены, судьи были на своихъ мѣстахъ, лошади поставлены въ рядъ, и наконецъ раздалось рѣшительное слово: Ступайте! Черезъ полмили каждая лошадь, подстрекаемая шпорами и хлыстомъ, побѣжала скорѣе, какъ вдругъ конь Джона, вѣроятно испугавшись чего-нибудь, бросился въ сторону, и всадникъ упалъ, ударясь головою объ каменную стѣну.

Толпа зрителей бросилась къ этому мѣсту. Бѣднаго Джона подняли безъ признаковъ жизни. На лбу его была рана, изъ которой кровь текла сильно, и кромѣ-того все лицо и тѣло было покрыто царапинами и ушибами. Отецъ бѣднаго наездника, услыша подвигъ Джона, прибѣжалъ, взявъ съ собою еще нѣсколькихъ врачей. Джону пустили кровь, обвязали его, влили въ него какое-то лекарство, но онъ все не приходилъ въ чувство, такъ что принуждены были взять носилки, чтобъ отнести его домой. Этимъ происшествіемъ окончились скачки, и все селеніе пришло въ безпокойство, сожалья о бѣдномъ Джонѣ. Тутъ тоже

онъ успѣлъ заслужить всеобщую привязанность, потому-что, несмотря на свои недостатки, онъ не былъ совсѣмъ испорченъ, и умѣлъ поддѣлаться ко всѣмъ, когда хотѣлъ. Его оригинальныя выходки смѣшили всѣхъ жителей селенія, которые жалѣли о немъ.

— Останется-ли онъ живъ? Лучше-ли ему? Не умеръ-ли онъ?

Вотъ вопросы, съ которыми обращались ко всѣмъ выходившимъ изъ дома, гдѣ Джонъ лежалъ безъ движенія и жизни.

— Кажется, что онъ не очнется, былъ обыкновенный отвѣтъ.

Вся ночь прошла въ тревожномъ ожиданіи, и Джона можно-бы было почестъ за умершаго, еслибы не слышно было легкое дыханіе и по-временамъ стоны.

Утромъ онъ былъ въ томъ-же положеніи, только началъ выговаривать какія-то слова, безъ смысла и связи, доказывавшія отсутствіе разсудка.

Собрали докторовъ на консиліумъ, и тѣ рѣшили, что послѣ данныхъ уже лекарствъ надобно ожидать кризиса къ двѣнадцати часамъ, который, можетъ-быть, спасетъ больнаго. Надобно вообразить, какъ мучительно тянулись часы для бѣдныхъ родныхъ Джона. Минуты казались часами, и глаза всѣхъ слѣдили за стрѣлками. Наконецъ было одиннадцать, потомъ половина... наконецъ двѣнадцать. Въ положеніи больнаго незаметно было никакой перемѣны... Прошло еще десять минутъ... пятнадцать... больной все былъ безъ чувствъ.

— Неужели я не дождусь ни одного взгляда, ни одного слова! проговорила несчастная мать.

— Надѣйтесь и будьте терпѣливы, отвѣчалъ одинъ изъ врачей. То, что мы предполагали, не случилось, стало-быть все къ лучшему. Теперь можно утвердительно сказать, что черезъ нѣсколько минутъ онъ придетъ въ себя, и разсудокъ его возвратится.

Въ-самомъ-дѣлѣ Джонъ повернулъ голову къ тѣмъ, которые наблюдали за ходомъ болѣзни; глаза его понемногу открылись, губы заневелились. Всѣ притаяли дыханіе, чтобъ услышать первое слово страдальца, котораго считали погибшимъ.

— Проклятая лошадь начинаетъ бѣситься! проворчалъ Джонъ, который прежде всего вспомнилъ о лошади.

Услыша эти слова, присутствующіе не могли удержаться отъ смѣха. Даже родные Джона улыбнулись, и доктора объявили,

что съ хорошимъ присмотромъ и спокойствіемъ больной скоро поправится.

Черезъ нѣсколько недѣль Джонъ уже гулялъ по улицамъ. Голова его была обвязана, но характеръ его не перемѣнился: онъ былъ опять готовъ на первую шалость.

Шестнадцати лѣтъ Джонъ началъ вести себя такъ дурно, что отецъ, не зная чѣмъ его исправить, рѣшился отдать его на корабль. Джонъ не противился этому распоряженію и похалъ съ отцомъ въ Нью-Йоркъ. Тамъ докторъ уговорился съ капитаномъ, своимъ другомъ, передалъ ему сына, и Джонъ очутился скоро посреди океана, на бригъ, который отправлялся въ Рио-Жанейро. Въ первые дни плаванія онъ было вздумалъ поступать по своему, но дисциплина доказала, что она сильнѣе его, такъ что онъ скоро присмирѣлъ. Однако, должно-быть, жизнь на корабль ему понравилась, потому-что когда капитанъ вернулся въ Нью-Йоркъ, Джонъ по собственному желанію остался въ морской службѣ.

При второмъ пріѣздѣ его въ Рио, кто-то изъ экипажа укралъ платье Джона, и онъ былъ такъ разсерженъ, что спрятался въ городъ, рѣшившись не ворочаться на бригъ. Капитанъ напрасно искалъ его вездѣ, и наконецъ принужденъ былъ отплыть. Отецъ Джона, случившись въ это время въ Нью-Йоркъ по дѣламъ и услыша о приближеніи брига, остался въ городѣ, чтобъ встрѣтить сына. Какъ описать его удивленіе и печаль, когда онъ узналъ, что наследникъ его убѣжалъ и остался въ Южной-Америкѣ. Все семейство было въ отчаяніи. Все просили капитана употребить все средства, чтобъ отыскать дезертира, но, къ несчастію, бригъ былъ назначенъ въ Ливерпуль, а потомъ въ Новый-Орлеанъ, послѣ чего опять собрался въ Бразилію.

Докторъ Гейтъ далъ капитану сто долларовъ, прося его употребить эти деньги на отысканіе бѣглеца, котораго все семейство ждало съ нетерпѣніемъ. Капитанъ обѣщавъ употребить на это все старанія.

Наконецъ бригъ опять явился въ гавани Рио-Жанейро. Капитанъ вышелъ на набережную, и первая особа, съ которою онъ встрѣтился, былъ Джонъ Гейтъ въ полномъ кестюмъ бразильскаго морскаго офицера.

— Вы-ли это, Гейтъ! вскричалъ капитанъ, не вѣря глазамъ своимъ.

— По-крайней-мѣрѣ кто-нибудь очень похожій на меня, отвѣчалъ Джонъ съ достоинствомъ.

— Меня удивилъ вашъ костюмъ, но я очень радъ, что встрѣтилъ васъ.

— Я надѣюсь увидѣть не васъ однихъ, прежде чѣмъ умру, прибавилъ молодой офицеръ.

— Но знаете-ли вы, что я обязался привезти васъ въ ваше отечество. Ваши родные беспокоятся, отецъ вашъ прислалъ вамъ сто долларовъ, чтобъ вы только вернулись домой.

— Мнѣ деньги ненужны, отвѣчалъ Джонъ. Отдайте ихъ моему отцу и кланяйтесь ему отъ меня. Скажите, что мои соотечественники обокрали меня и потому я вернусь домой только тогда, когда мнѣ нечего будетъ терять, или когда я буду довольно силенъ, чтобъ наказать вора.

Джонъ никогда не возвратился въ отечество, и никто не слышалъ, что съ нимъ случилось. Вѣроятно, онъ умеръ преждевременною смертію. Твердость и рѣшительность этого молодаго человека, направленный на хорошій путь, могли-бы сдѣлать изъ него замѣчательнаго человека, полезнаго для согражданъ; но онъ употребилъ во зло свои рѣдкія качества, и неизвѣстно, какъ окончилъ свою бурную жизнь.

Шипка *пріобрѣтенія*, какъ говорятъ френологи, должна быть у меня чрезвычайно развита; къ тому-же родители мои съ перваго дѣтства старались укоренить во мнѣ это расположеніе, такъ что пяти лѣтъ я уже копилъ всѣ мелкія и мѣдныя монеты, которыя мнѣ давали.

Однажды, когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, дѣдушка мой сосчиталъ все мое богатство, и сказалъ, что у меня денегъ цѣлый долларъ, на который можно промѣнять всю мою мѣдь. Я согласился на размѣнъ, завернулъ осторожно деньги въ платокъ, и дѣдъ повелъ меня въ таверну, содержателемъ которой былъ въ то время Смильсъ Вакели. Подведя меня къ хозяину, дѣдъ сказалъ:

— Г. Вакели, представляю вамъ самого богатаго мальчика изъ всего селенія. У него на цѣлый долларъ мелкой монеты, и я прошу васъ вымѣнять его мѣдь на красивый серебряный долларъ.

Содержатель таверны, какъ человекъ услужливый, взялъ мою кассу и далъ мнѣ большую серебряную монету.

Никогда я не воображалъ себя такимъ богатымъ и счастливымъ,

какъ въ то время, когда почувствовалъ въ рукъ первый долларъ, принадлежащій мнѣ одному. Онъ казался мнѣ больше колеса; я воображалъ, что за долларъ могу купить землю и все, что на ней находится, и потомъ думалъ, что лучше ничего не покупать.

Долларъ мой недолго оставался въ кошелекъ одинъ. Мать моя безпрестанно говорила мнѣ, чтобъ я берегъ все су, если хочу имѣть другой долларъ, и я слѣдовалъ ея совѣтамъ. Когда я сталъ побольше, то дѣдъ назначилъ мнѣ десять су въ день, за то, что я сидѣлъ верхомъ на лошади, привязываемой передъ быками, везущими плугъ. Кромѣ-того, я занимался небольшими промышленностями, которыя увеличивали мою казну. Мое воспитаніе и природныя наклонности увлекали меня къ торговлѣ, но не къ расточительности, и я началъ очень рано торговать. Предметъ первой моей операціи была патока. Я купилъ ее боченокъ, сварилъ и сдѣлалъ маленькіе пирожки, которые продавалъ по мелочи. Я выручалъ по доллару съ боченка. Барыши заставили меня распространить торговлю, и я началъ спекуляціи съ пряниками, леденцами и вишнями въ ромъ. Этотъ послѣдній товаръ я приготавливалъ самъ, положи въ бутылку рома Нсвой Англій известное количество дикихъ вишенъ и немного сахару. Когда я сталъ опытнѣе, то замѣтилъ, что солдаты были большіе любители вишенъ съ ромомъ, и потому я слѣдилъ за военными экзерциціями, и гдѣ только раздавалась команда: Стой! Равняйся! я уже являлся съ моею бутылкою и стаканомъ. Торговля моя была въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что я считалъ себя крезомъ, какъ вдругъ отецъ мой вздумалъ, конечно справедливо, что я въ состояніи самъ одѣвать себя, или долженъ платить ему за одежду. Это немного убавило мой капиталъ. Однако я благоразумно обезпечилъ свое состояніе, купивъ себѣ нѣсколько барановъ, теленка и много другихъ полезныхъ предметовъ, принадлежащихъ собственно мнѣ, и на которые никто не имѣлъ права, хотя мнѣ было всего двѣнадцать лѣтъ.

Въ эту-же эпоху я началъ находить, что сфера, окружающая меня, недостаточна, и что я рожденъ не для фермы. Я никогда не любилъ работать, то-есть руками; что-же касается до головы, то она у меня работала въ то время, дѣятельно придумывая планы къ обогащенію и увеселеніямъ. Я чувствовалъ антипатію къ полевымъ работамъ, и мой отецъ напрасно заставлялъ меня обрабатывать землю и чистить садъ; я находилъ

предлогъ не дотрогиваться до лопаты, или портить все, что начиналъ.

Въ двѣнадцать лѣтъ я въ первый разъ посѣтилъ нашу богатую комерческую метрополию. Вотъ какъ это было.

Я уже сказалъ, что отецъ мой содержалъ въ селеніи таверну. Однажды вечеромъ, въ январь 1822 года, Даніель Броунъ изъ Соутбюри остановился у насъ съ стадомъ быковъ, которыхъ вель продавать въ Нью-Йоркъ. Быки были расположены въ паркѣ, лошади кушца и его слуги поставлены въ конюшню, а г. Броунъ, поужинавъ съ нами, снялъ сапоги и расположился передъ огнемъ, въ теплыхъ туфляхъ.

Я считалъ г. Броуна великимъ человекомъ, потому-что онъ былъ въ Нью-Йоркъ, а тогда это для меня значило тоже самое, что путешествіе въ Европу. Онъ рассказывалъ намъ, что случилось въ городѣ и во всей странѣ. Я слушалъ его съ любопытствомъ, боясь проронить одно слово, и наконецъ онъ сказалъ, что намъ-ренъ купить скота въ Ридгефильдъ и другихъ селеніяхъ, находящихся по дорогѣ, но что ему надобно найти мальчика поумнѣе, чтобъ вести быковъ на рынокъ въ Нью-Йоркъ. Я тотчасъ-же началъ просить отца, чтобъ онъ отпустилъ меня съ Броуномъ. Отецъ согласился, мать тоже, и потому тутъ-же рѣшили, что я поѣду въ Нью-Йоркъ. Меня послали спать, чтобъ рано утромъ быть готовымъ къ отъезду; но развѣ я могъ заснуть, находясь въ такомъ страшномъ волненіи. Голова моя кружилась, передо мною являлись видѣнія; новый міръ, полный химеръ и приключеній, открылся предо мною, и если мнѣ случалось задремать на нѣсколько минутъ, то я видѣлъ во снѣ великолѣпный городъ съ золотою мостовою и воздушными замками.

Рано утромъ, я былъ уже готовъ; наскоро съѣлъ кусокъ хлѣба и пошелъ по глубокому снѣгу за стадомъ быковъ, котораго я былъ однимъ изъ кондукторовъ. Не доходя до Ридгефильда, одинъ быкъ ушелъ въ сторону, и г. Броунъ, посадивъ меня на лошадь, послалъ за нимъ въ погоню. Лошадь моя упала, я съ нею, и сильно ушибъ себѣ ногу. Мнѣ было очень больно, но я молчалъ, боясь, что купецъ отошлетъ меня домой, потому-что мы отъѣхали не больше десяти миль. Къ счастью, г. Броунъ былъ такъ добръ, что посадилъ меня сзади себя на лошади, что облегчило мнѣ боль. Вечеромъ въ трактирѣ хозяйка растирала мнѣ ногу; однако такъ какъ я хромалъ еще и на другой день, то г. Броунъ опять взялъ меня на лошадь.

На четвертый день приехали мы в Нью-Йоркъ, и остановились в тавернѣ *Бульсидъ*, которую содержалъ, если помню, г. Живенсъ. Продавецъ быковъ долженъ былъ оставаться в городѣ недолге недели; стало-быть путешествіе мое скоро должно было окончиться.

Но что это памятная недѣля! Передъ отъездомъ мать моя дала мнѣ долларъ, и я вообразилъ, что за эту огромную сумму могу удовлетворить все свои прихоти, испытать все удовольствія, и что отъ нея еще много останется. Прежде всего мнѣ захотѣлось поѣсть апельсиновъ, которые я очень любилъ и которыхъ мнѣ не случалось покушать вдоволь. Я вошелъ в лавку и спросилъ почему апельсины. Мнѣ отвѣчали: по четыре су, за штуку. В Конектикутѣ монета в четыре су ходитъ в шесть сантимовъ, и я, воображая, что вездѣ должно быть такъ, началъ торговаться и сказалъ жещинѣ, сидѣвшей за прилавкомъ, что дамъ десять сантимовъ за пару. Торговка задумалась на минуту, потомъ сказала, что только для меня и потому-что в я первый разъ в Нью-Йоркъ, она согласится на мою цѣну, только съ тѣмъ, чтобъ я у ней бралъ все, что мнѣ понадобится и что у нея есть. Я поблагодарилъ ее за уступчивость, не подозревая, что ей выгодно было оказать великодушіе, потому-что я заплатилъ ей два сантима больше, чѣмъ она запросила в первый разъ. А я вообразилъ, что сдѣлалъ экономію в два су.

Послѣ первыхъ двухъ апельсиновъ аппетитъ мой усилился и я съѣлъ еще два. Послѣ этой издержки у меня остался капиталъ в восемьдесятъ сантимовъ. Я думалъ, что этого достаточно на всю жизнь, и позволилъ себѣ еще покупку маленькаго ружья, которое, посредствомъ машинки, стрѣляло палочкою вместо пули. Я хотѣлъ этимъ ружьемъ удивить моихъ товарищей, потому-что видѣлъ в первый разъ такое чудо. Я вернулся в гостиницу, гдѣ в то время собралось много посѣтителей, и началъ стрѣлять направо и налево, не замѣчая, куда попадала палочка. Вдругъ она задѣла за носъ одного посѣтителя, и потомъ ударилась прямо в глазъ хозяина. Раздосадованный болью, онъ выскочилъ изъ-за прилавка, схватилъ меня за воротникъ, и выдравъ за уши, такъ что у меня зашумѣло в головѣ, прибавилъ, что сломаетъ мое ружье, если я не перестану дурачиться. Обиженный такимъ обращеніемъ, я побѣжалъ по лѣстницѣ, и спряталъ ружье подъ тюфякъ. Скоро однако я опять вернулся в магазинъ, наполненный лакомствами и игрушками, гдѣ учти-

вая дама надула меня. Въ этотъ разъ она показала мнѣ хлоп-
пушки, и бросивъ одну на полъ, гдѣ она разлетѣлась съ трес-
комъ, возбудила мое удивленіе. Я тотчасъ захотѣлъ удивить
наше селеніе, и купилъ хлопушекъ на шесть сантимовъ. Увы!
зачѣмъ я не отложилъ первый мой опытъ до возвращенія домой.
Когда я вошелъ въ гостинницу, то сѣлились обѣдать, и я взду-
малъ испугать всю компанію, воображая, что никто не видалъ
хлопушекъ. Вынувъ изъ кармана двѣ хлоппушки, я бросилъ ихъ
съ силою обѣ полъ, посрединѣ толпы, идущей обѣдать. Торгов-
ка въ этотъ разъ не обманула меня, потому-что хлоппушки раз-
летѣлись съ такимъ шумомъ, что многіе испугались не-на-шут-
ку. Услыша суматоху, прибѣжалъ хозяинъ, и понявъ въ чемъ дѣ-
ло, ударилъ меня такъ сильно, что я упалъ.

— Вотъ тебѣ за шалости! проговорилъ онъ. Вздумай еще
разъ пускать фейерверки въ моей гостинницѣ, и я тебя нетакъ
поколочу.

Но у меня прошла уже охота къ сюрпризамъ. Я опять до-
брался до своей постели, и спряталъ туда мои хлоппушки. Обѣ-
дать я не пошелъ, потому-что стыдъ отнялъ у меня аппетитъ, и
съ досады я опять пошелъ въ магазинъ, гдѣ купилъ часы, бу-
лавку для галстука и волчекъ. У меня осталось одиннадцать
сантимовъ, и я все еще воображалъ себя богачемъ. Во снѣ я
мечталъ все о богатствѣ.

На другой день я побѣжалъ разсматривать опять игрушки, и
увидалъ много новыхъ вещей. Меня привлекъ особенно складной
ножикъ съ штопоромъ и буравчикомъ. Это была тогда новость,
и я думалъ, что предметъ этотъ будетъ мнѣ полезенъ и отецъ
мой похвалитъ меня за такое важное пріобрѣтеніе. Все Бетель-
ское селеніе будетъ удивляться и завидовать мнѣ. Но къ моему
несчастью, ножикъ стоилъ тридцать сантимовъ, а у меня ихъ бы-
ло только одиннадцать. Неистощимаго моего капитала было ма-
ло. Но я хотѣлъ во что-бы то ни стало владѣть ножемъ, и пред-
ложилъ торговкѣ взять въ придачу булавку и волчокъ. Добрая
женщина согласилась. Это была моя первая *мъновья* торговля.
Въ тоже время я замѣтилъ въ уголкѣ большія палки леденцу.
Я всегда любилъ лакомиться, и леденцы казались мнѣ такими
вкусными, что я предложилъ торговкѣ взять назадъ часы, и дать
мнѣ на эту цѣну леденцовъ. Она не противилась моему желанію,
и леденцы понравились мнѣ до того, что я въ тотъ-же день
промѣнялъ на нихъ ружье. На другое утро снесъ я назадъ хло-

пушки, потомъ ножикъ, котораго такъ добивался, и наконецъ у меня ничего не осталось, а я хотѣлъ леденцовъ, и не зналъ, какъ мнѣ ихъ достать безъ денегъ. Мои идеи объ экономіи исчезли, и я, какъ Оливеръ Твистъ, готовъ былъ кричать: Еще! еще!

У торговки былъ сынъ моихъ лѣтъ. Я предложилъ ей два носовые платка, потому-что у меня не было насморка, и она дала мнѣ за нихъ четыре палочки леденцу; потомъ я снесъ ей лишнія чулки, и когда уже мнѣ нечего было мѣнять, я принужденъ былъ отыскивать другихъ развлеченій.

Я встрѣтилъ молодаго челоуька изъ Конектикута, которому было уже лѣтъ двадцать, и который, посѣщая Нью-Йоркъ не въ первый разъ, предложилъ мнѣ показать городъ. Я принялъ съ удовольствіемъ его предложеніе, потому-что мнѣ совершенно было нечего дѣлать. Я удивлялся на каждомъ шагу, но больше всего меня поразилъ Беръ-маркетъ, теперь Вашингтонъ-маркетъ, въ которомъ было такое огромное количество мяса, какого я никогда не могъ вообразить себѣ.

— Что дѣлають со всей этой говядиной? спросилъ я моего спутника.

— Продають и ѣдятъ, отвѣчалъ онъ.

— Возможно-ли это! Да этого мяса нельзя съѣсть до конца жизни.

Вѣроятно однако, что вся провизія была истреблена въ одинъ день, и что только маленькій деревенскій житель, какъ я, могъ удивляться этому. Впрочемъ, спустя нѣсколько лѣтъ, огромные запасы мяса произвели точно такое-же вліяніе и на дядю моего Самуила Тайлора, который воображалъ что Фультонъ-маркетъ долженъ быть наполненъ мясомъ, потому-что видѣлъ, какъ провезли туда три телеги съ говядиною.

Товарищъ мой повелъ меня за городъ, чтобъ показать тюрьму. Я съ такимъ-же удивленіемъ смотрѣлъ на зданіе, какъ и на арестантовъ. Костюмъ ихъ показался мнѣ чрезвычайно страннымъ. Когда мы вошли въ большую комнату, гдѣ работали до двухъ-сотъ сапожниковъ, то всѣ они въ одну секунду обернули головы къ двери, такъ что можно было принять ихъ за автоматовъ, движимыхъ одною пружиною. Въ тотъ-же день я видѣлъ громадную вѣтряную мельницу, которая чрезвычайно заняла меня.

Въ этихъ прогулкахъ время проходило незамѣтно, и однаж-

ды послѣ объѣда г. Броунъ напомнилъ мнѣ, что недѣля прошла, и посадилъ меня въ свой экипажъ. Мы переночевали въ Саунитсъ, называемомъ-теперь Портъ-Честеръ, и на слѣдующій вечеръ были въ Бетель.

Меня осыпали тысячью вопросами. Братья и сестры очень разсердились, узнавъ, что я истратилъ весь долларъ и не привезъ имъ ничего. Потомъ мать начала осматривать мой гардеробъ и увидѣла недостатокъ платковъ и чулокъ. Начались другіе допросы; меня наказали и послали спать безъ ужина. Вотъ какъ кончилось мое первое путешествіе въ Нью-Йоркъ.

Несмотря однако на всѣ неприятности и неудачи, я былъ все-таки героемъ въ глазахъ моихъ школьныхъ товарищей, потому-что былъ въ Нью-Йоркъ и видѣлъ чудеса, о которыхъ они имѣли понятіе только по рассказамъ.

II.

ПРИКАЩИКЪ ВЪ ЛАВКѢ — АНЕКДОТЫ.

Прикащикъ. — Взглядъ на дѣла. — Размѣнъ шутокъ. — Мое наслѣдство. — Ири-Исландъ. — Воздушные замки. — Путешествіе. — Посреди болотъ. — Гнѣздо ось. — Обманчивые сны. — Алмазь рѣжетъ алмазь. — Пьяница. — Печальная картина. — Конецъ кредита. — Плутовство въ торговлѣ. — Трое на одной постели. — Засада и баррикады. — День шпоръ. — Лошадь.

Мое отвращеніе отъ полевыхъ трудовъ дѣлалось все сильнѣе, и часто я отдѣлывался отъ нихъ шутками. Скоро я прослылъ въ селеніи первымъ фарсеромъ между дѣтьми, потому-что каждый день придумывалъ, какъ-бы мнѣ отдѣлаться отъ добыванія хлѣба въ потъ лица. Отецъ, видя мою неспособность и отчаявась меня исправить, рѣшился учить меня торговлѣ. Онъ устроилъ магазинъ, взялъ въ товарищи г. Гимамъ-Вида, купилъ большое количество соленой трески, пряностей и другаго мелкаго товара, и назначилъ меня прикащикомъ этого магазина.

Какъ всѣ мальчики моихъ лѣтъ, я чрезвычайно загордился, когда попалъ за прилавокъ. Я не удостоивалъ вниманіемъ прежнихъ моихъ товарищей, которые продолжали воздѣлывать землю; зато какъ важно игралъ я мою роль, какъ вѣжливо подавалъ дамамъ то, что онѣ спрашивали, и потомъ заботливо велъ счеты какъ старательно услуживалъ я всѣмъ покупателямъ, вѣшая то гвозди, то индиго, то крахмаль, то ромъ изъ Новой Англіи, то патуку Восточной Индіи.

Нашъ магазинъ былъ въ тоже время банкомъ, и въ немъ же происходила мѣновая торговля. Часто я имѣлъ дѣло съ старухами, которыя платили за товаръ не деньгами, но ящиками, масломъ, воскомъ, перьями и старыми тряпками; мужчины-же приносили намъ иногда шляпы, рабочіе инструменты, овесъ, пшено, муку, орѣхи и другія произведенія. Одно только не нравилось мнѣ въ моей новой должности и казалось мнѣ унижительнымъ: это обязанность мести и убирать магазинъ, закрывать и открывать ставни и разводить огонь. Однако меня утѣшала мысль, что я негоціантъ, а не работникъ, и я готовъ былъ для этого переносить все непріятности.

Наклонность моя наживать деньги продолжала развиваться. Я выпросилъ позволеніе у отца торговать на свой счетъ леденцами и накопилъ ихъ большое количество для моихъ маленькихъ пріятелей. Мой отецъ требовалъ, чтобъ я продолжалъ одѣвать себя, но онъ назначилъ мнѣ небольшое жалованье, чтобъ пріохотить меня къ торговлѣ. Это было лучшее средство, чтобъ заставить меня быть отличнымъ прикащикомъ. Однако, какъ я замѣчалъ и въ послѣдствіи моей жизни, когда соединены нѣсколько интересовъ, то всегда больше заботятся о своемъ собственномъ. Кажется, я уже въ эту эпоху хорошо понималъ свои выгоды, потому-что навязывалъ свои леденцы маменькамъ и дѣтямъ, когда меня ждали другіе покупщики, которымъ я могъ продать много отцовскаго товару.

Мелочная лавочка въ селеніи бываетъ пуста въ дурную погоду и при наступленіи ночи. Стало-быть у меня было много свободнаго времени, однако я не скучалъ, благодаря привычкамъ, принятымъ мною, о которыхъ я сообщу читателямъ.

Въ то время, когда происходилъ мой рассказъ, въ каждомъ селеніи Новой Англій было отъ шести до двадцати любителей веселья и шутокъ, добрыхъ товарищей, хорошихъ рассказчиковъ, которые собирались вечеромъ, и даже днемъ, въ дурную погоду, то въ тавернѣ, то въ мелочной лавочкѣ. Эти собранія были очень забавны. Одинъ рассказывалъ происшествія своей жизни, другой анекдоты, все шутили, смѣялись, остряли, и когда не доставало идей, то передавали кругомъ стаканы санта-крузскаго рома, старый голландскій джинъ или ямайскій спиртъ, и все снова оживлялись.

Бетель слѣдовалъ этому полезному учрежденію, и, можетъ-быть, во всѣхъ Соединенныхъ-Штатахъ не было селенія, въ кото-

ромъ было-бы такое блистательное общество весельчаковъ, всегда готовыхъ острить. Между ними последнее мѣсто занималъ мой дѣдъ Финеасъ Тайлоръ. Сосѣдь его, Бенжомъ Гойтъ, занимавшій мѣсто въ мирномъ судѣ, былъ удивительный разскащикъ, и я не думаю, чтобъ кто-нибудь другой умѣлъ такъ превосходно разсказать анекдотъ. Онъ зналъ лично всѣхъ, про кого разсказывалъ, и несмотря на самыя комическіе случаи, сохранялъ до конца свой серьезный видъ, и тогда позволялъ себѣ усмѣхнуться, что служило сигналомъ громкаго хохота.

Хорошо-ли это или дурно, не могу сказать, только всѣ весельчаки селенія собирались въ нашемъ магазинѣ, и я проводилъ цѣлыя часы, и даже дни, слушая неутомимыхъ разскащиковъ. Я часто не закрывалъ лавки послѣ одиннадцати часовъ, чтобъ только дослушать послѣдніе анекдоты. Съ моимъ веселымъ характеромъ я долженъ былъ любить веселое общество, и прислушиваясь къ ежедневнымъ разсказамъ, я запомнилъ ихъ всѣ, такъ что теперь могу разсказать ихъ какъ по книгѣ, почти не перемѣняя ни одного слова. Въ-послѣдствіи я приведу нѣкоторые изъ этихъ анекдотовъ, но теперь разскажу вмѣсто образчика, какъ въ нашемъ селеніи умѣли *шутить*.

Я уже сказалъ, что черезъ нѣсколько дней послѣ моего рожденія, дѣдъ мой, передавая мнѣ свое имя, подарилъ мнѣ землю, называемую Иви-Исландъ. Мнѣ не было еще четырехъ лѣтъ, какъ почтенный родственникъ объявилъ мнѣ очень важно, что я землевладелецъ и имѣю богатое имѣніе. Съ-тѣхъ-поръ и до двѣнадцатилѣтняго моего возраста не проходило недѣли, чтобъ не говорили о моихъ владѣніяхъ. Особенно дѣдъ часто напоминалъ при чужихъ, что я богатый мальчикъ, что имѣю лучшую ферму во всемъ Конектикутѣ. Даже мать называла меня иногда помѣщикомъ и отецъ серьезно просилъ не оставлять семейства, когда я буду введенъ во владѣніе. Слыша безпрестанно одно и то же, я въ-самомъ-дѣлѣ вообразилъ себя богачомъ и просилъ отца не заботиться о будущности семейства, которое я сбирался взять подъ свое покровительство. Наши сосѣди твердили мнѣ тоже объ моемъ имѣніи, говоря, что я очень добръ, что играю съ ихъ *бѣдными* дѣтьми, когда скоро буду богатымъ фермеромъ.

Эти намеки про Иви-Исландъ продолжались нѣсколько лѣтъ, такъ что я былъ совершенно увѣренъ въ цѣнности моего имѣнія и съ нетерпѣніемъ ждалъ совершеннолѣтія, чтобъ зажить набо-

бомъ. Мнѣ случалось часто обѣщать моимъ товарищамъ частицы Иви-Исландъ за какія-нибудь услуги, и я бы не отказался отъ своихъ словъ и въ-последствіи, еслибы меня не обманули жестоко. Скоро мечты мои рушились, и послѣ блистательныхъ надеждъ, мнѣ осталась горькая дѣйствительность.

Въ одинъ лѣтній день, кажется въ 1822 году, когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ, я попросилъ у отца позволенія посѣтить мое владѣніе Иви-Исландъ. Такъ какъ ему надобно было идти въ ту же сторону, за сѣномъ, то онъ обѣщалъ взять меня съ собою. Путешествіе назначено было черезъ три дни. Радость моя была такъ велика, что я почти не спалъ всѣ три ночи. Золотыя мечты наполняли мою голову, и наконецъ мнѣ показалось мало, если на моей землѣ текутъ ручьи изъ меду и молока; я воображилъ, что на ней должны быть пещеры, полныя драгоценныхъ камней, что на ней золото и серебро встрѣчается на каждомъ шагу — вотъ какую землю долженъ былъ подарить великодушный дѣдъ своему внуку.

Наконецъ насталъ желаемый день, и мой отецъ сказалъ, что мы пойдемъ въ поле, лежащее возлѣ Иви-Исланда, и что въ полдень онъ отпуститъ меня съ работникомъ въ мое имѣнье. Дѣдъ напомнилъ мнѣ, чтобъ я не забылъ, отъ кого получилъ богатое наслѣдство, и прибавилъ, что еслибы мнѣ не дали имя Финеаса, то я-бы никогда не владѣлъ Иви-Исландомъ. Даже мать моя нашла необходимымъ сказать:

— Послушай, Тайлоръ, ты не очень радуйся, а то можешь захворать и, пожалуй, умереть, когда черезъ девять лѣтъ будешь первымъ богачомъ.

Я обѣщалъ быть покойнымъ и разсудительнымъ.

— Если ты въ полдень пойдешь осматривать Иви-Исландъ, продолжала мать, то, можетъ-быть, такъ устанешь, что не дойдешь домой, тѣмъ больше, что до этого будешь помогать отцу складывать сѣно. Лучше-бы ты отдохнулъ и отложилъ осмотръ имѣнія.

— Нѣтъ, маменька, я не устану, настаивалъ я; я успѣю обойти Иви-Исландъ, я только взгляну. Мнѣ такъ давно хочется туда.

— Ступай-же; только когда вернешься, такъ не будь очень гордъ съ братьями и сестрами, у которыхъ нѣтъ богатыхъ фермъ.

Я почиталъ это наставленіе очень натуральнымъ, потому-что

самъ чувствовалъ себя другимъ человекомъ и удивлялся, какъ я могъ унижаться, занимаясь работою.

Мы пришли въ поле, находящееся въ Эстъ-Еваннъ. Первый мой вопросъ былъ:

— Въ которой сторонѣ Иви-Исландъ?

— Тамъ, гдѣ растутъ такія прекрасныя деревья, отвѣчалъ отецъ.

Сердце мое забилося, когда я обернулся въ ту сторону. Я ждалъ минуту, когда наконецъ увижу подарокъ дѣда.

Время проходило. Я убиралъ сѣно съ такимъ стараніемъ, что удивилъ работниковъ; потомъ закусилъ подѣ деревьями, вмѣстѣ съ отцемъ. Наконецъ любимый нашъ слуга, ирландецъ Эдмундъ, взялъ на плечо топоръ и сказалъ, что готовъ провожать меня въ Иви-Исландъ. Я въ одну минуту вскочилъ и спросилъ, для чего онъ беретъ топоръ?

— Чтобъ срубить нѣсколько деревьевъ въ вашемъ имѣніи; такихъ нѣтъ нигдѣ.

Этотъ отвѣтъ польстилъ самолюбію землевладельца, и мы пошли къ сѣверу поля. Скоро земля сдѣлалась болотистою, вязкою; мы двигались съ трудомъ, и часто попадались въ ямы. Я провалился разъ выше колѣнъ въ жидкую грязь и насилу выбрался на возвышеніе, которое составляло сухой островокъ. Съ него и до другаго сухаго мѣста была огромная лужа, черезъ которую Эдмундъ перескочилъ, но я боялся, думая, что упаду въ воду.

— Да здѣсь нельзя пройти, сказалъ я, и дальше все вода и грязь, мы не выберемся отсюда.

— Ничего, отвѣчалъ ирландецъ; тутъ опасности нѣтъ. Что за бѣда, если вы выкупаетесь.

— Но можетъ быть тутъ глубоко...

— Нѣтъ, не будетъ и трехъ футовъ, скачите смѣлѣе.

— А если я упаду въ воду, ты вытащишь меня?

— Разумѣется. Не думайте долго, ступайте.

Я собралъ все свои силы и сдѣлалъ отчаянный скачокъ. Ноги мои были на твердой землѣ, и я былъ спасенъ; но скоро опять надобно было переправляться черезъ другія лужи. Я опять задумался, но въ это время наступилъ на гнѣздо ось и онъ началъ съ журчаньемъ летать вокругъ меня. Одна изъ нихъ, посмѣлѣе, съела мнѣ на кончикъ носа и ужалила меня такъ сильно, что я вскрикнулъ отъ боли, бросился впередъ и упалъ въ воду. Тутъ

я началъ кричать еще громче, думая, что тону, и ирландецъ прибѣжалъ меня спасать.

Однако, вѣроятно, опасность показалась ему не такъ велика, потому-что, вмѣсто того, чтобъ подать мнѣ помощь, онъ началъ смѣяться, увѣряя, что вода неглубока и что послѣ болота начнутся мои владѣнія.

— А если вода будетъ глубже моего роста, сказалъ я со страхомъ, вѣдь я не умѣю плавать и могу утонуть прежде, чѣмъ ты придешь на помощь.

— Не безпокойтесь, я въ одну минуту васъ вытащу, а теперь ступайте лучше въ водъ, чтобъ спрятаться отъ осъ.

— Въ-самомъ-дѣль, эти непріятели моего носа продолжали кружиться надъ моею головою, и я опустилъ голову въ воду, чтобъ избавиться отъ нихъ.

Въ-самомъ-дѣль, когда я вынырнулъ, то осы исчезли, и я продолжалъ трудный путь въ Иви-Исландъ.

Черезъ четверть часа самага ужаснаго пути, спотыкаясь на пни, падая въ ямы, купаясь въ болотъ, мы достигли до твердой земли, измоченные, выпачканные, усталые.

— Наконецъ мы выбрались изъ болота живы и здоровы, сказалъ ирландецъ.

— Да, только чего мнѣ это стоило; какъ больно укусила меня оса, отвѣчалъ я жалобнымъ тономъ.

— Это еще не бѣда. Теперь намъ остается только перейти этотъ ручеекъ, и мы будемъ въ вашихъ владѣніяхъ.

Эти слова придали мнѣ бодрости.

Я осмотрѣлся и увидѣлъ, что мы на берегу ручья отъ десяти до двадцати футовъ ширины, оба берега котораго были покрыты такимъ густымъ ольховымъ лѣсомъ, что сквозь него невозможно пройти человеку.

— Неужели моя земля окружена этимъ гадкимъ ручьемъ, спросилъ я?

— А отчего-же она называется островомъ (исландъ), отвѣчалъ хладнокровно ирландецъ.

— Это правда... я никогда не думалъ о значеніи этого названія, но какъ мы попадемъ туда? Кустарники эти и деревья непроходимы.

— Не бойтесь, мы пройдемъ. Зачѣмъ-же я взялъ топоръ? Вотъ онъ и очиститъ намъ дорогу.

И Эдмундъ расчистилъ кустарники, срубилъ маленькій дубъ,

который упалъ на другой берегъ ручья, и по этому импровизованному мосту мы перебрались на другую сторону.

Наконецъ-то я находился въ Иви-Исландъ. Я началъ съ любопытствомъ смотрѣть вокругъ.

— Какъ! вскричалъ я черезъ нѣсколько минутъ, да тутъ ничего нѣтъ кромѣ нѣсколькихъ деревьевъ и плюща!

— Отчего-же ваше имѣніе и названо островомъ плюща (Иви-Исландъ) отвѣчалъ также хладнокровно ирландецъ.

Я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ моемъ имѣніи. Мечты мои разлетѣлись, правда явилась въ самой печальной наготѣ. Я понималъ наконецъ, что все мои родные, сосѣди дурачили меня цѣлыя шесть лѣтъ, и что богатое мое наследство Иви-Исландъ былъ клочекъ дикой, бесплодной, бесполезной земли. Куда дѣвались мои воздушные замки! Въ то время, какъ я стоялъ въ задумчивости, жалѣя о несбывшихся надеждахъ, передо мною поднялась страшная голова чудовища. Это была огромная черная змѣя, которая, шипя, устремила на меня огненные глаза. Я закричалъ отъ ужаса и побѣжалъ къ дубовому мосту. Эдмундъ помогъ мнѣ перебраться, и я какъ можно скорѣе бѣжалъ отъ моего владѣнія.

Это былъ первый мой визитъ въ Иви-Исландъ, и тоже послѣдній.

Мы съ трудомъ дошли до поля, гдѣ отецъ и работники собирались уже домой.

— Ну что, какъ ты нашелъ свое имѣніе? спросилъ меня отецъ совершенно серьезно.

— Оно превосходно, только я готовъ продать его дешево, отвѣчалъ я.

Все захохотали хоромъ, потому-что все знали прежде, что такое Иви-Исландъ.

Къ ночи мы вернулись домой. Дѣдъ очень важно поздравилъ меня, какъ будто-бы я въ-самомъ-дѣлѣ получилъ важное наследство, мать спросила, доволенъ-ли я своимъ состояніемъ, и цѣлый вечеръ родные и сосѣди не переставали завидовать мнѣ, что я такъ счастливъ и что меня зовутъ Финеасъ. Шутка этимъ не кончилась, и цѣлыя пять лѣтъ послѣ этой эпохи меня все дразнили имѣніемъ моимъ Иви-Исландъ.

Теперь я самъ готовъ смѣяться надъ подобною шуткою, но Иви-Исландъ въ-послѣдствіи, несмотря на свою незначительность, принесло мнѣ большую пользу. Была эпоха, когда я находился

въ крайности и былъ несчастливъ, и мое маленькое имѣніе выпутало меня изъ бѣды.

— Что стоитъ ремень для бритвы! спросилъ мой дѣдъ кочующаго торговца, подвижная лавочка котораго, съ тысячею бездѣлушекъ, остановилась передъ нашимъ магазиномъ?

— По доллару штука, отвѣчалъ купецъ.

— По доллару! Какъ это можно! Я увѣренъ, что черезъ годъ ихъ можно будетъ получить за половину цѣны.

— Если вы черезъ годъ купите такой ремень за пятьдесятъ сантимовъ, такъ я согласенъ дать вамъ одинъ даромъ.

— Хорошо, я возьму одинъ съ этимъ условіемъ, сказалъ дѣдъ, и обращаясь къ Гойту, прибавилъ: Ты, Бенъ, будь свидѣтелемъ торга.

— Хорошо, отвѣчалъ Бенъ.

— Не бойтесь, я не откажусь отъ моихъ словъ, что сказалъ, то и будетъ.

Дѣдъ мой взялъ ремень, положилъ его въ карманъ; но черезъ минуту вынулъ и сказалъ Гойту.

— Бенъ, теперъ какъ я купилъ ремень, мнѣ онъ уже не нравится; не хочешь-ли я уступлю тебѣ его.

— Хорошо, я дамъ тебѣ за него пятьдесятъ сантимовъ, отвѣчалъ Бенъ, подмигивая дѣду въ знакъ, что купецъ попался.

— Бери за пятьдесятъ, продолжалъ дѣдъ, поглядывая съ усмѣшкою на купца.

Тотъ, видя, что ремень перемѣнилъ хозяина, закричалъ:

— А кто-же мнѣ заплатитъ, господа!

— Не безпокойся, сказалъ дѣдъ, тебѣ заплатятъ, только угости насъ и признайся, что тебя одурачили или дай мнѣ другой обещанный ремень.

— Я не намѣренъ угощать васъ, возразилъ купецъ, но согласенъ дать другой ремень за вашу остроумную шутку.

И онъ подалъ дѣду кусокъ кожи, при громкомъ хохотѣ присутствующихъ, и еще самъ смѣялся отъ души.

— Признайся, что въ Бетель есть славныя забавники, сказалъ одинъ изъ толпы, обращаясь къ продавцу ремней.

— Какъ-же, отвѣчалъ тотъ, хитры вы, нечего сказать, да только и я не дуракъ, нажилъ съ вашей хитрости семдесятъ пять сантимовъ.

— Какъ такъ? спросили всѣ съ удивленіемъ.

— Да очень просто: я отдалъ за долларъ пару ремней, которые стоятъ мнѣ самому пятьдесятъ сантимовъ дюжина, а такъ какъ я слышалъ, что въ Бетель прославленные шутники, то и приготовилъ свои цѣны, чтобъ не попасться въ дураки. Обыкновенно я продаю ремни по двадцати-пяти сантимовъ, кому-же угодно получить за полдоллара, то я готовъ уступить, берите, сдѣлайте одолженіе.

Сосѣди наши засмѣялись, только принужденно, и никто больше не покупалъ ремней.

Въ Бетель жилъ тогда бѣдный пьяница, у котораго была жена и четверо дѣтей. Прежде онъ былъ искуснымъ, трудолюбивымъ бочаромъ, и дѣла его шли очень хорошо, но десять лѣтъ тому назадъ онъ началъ пить, бросилъ работу, раззорился. Однако были дни, когда онъ раскаявался и давалъ себѣ слово перестать пьянствовать, назначая самъ себѣ срокъ, въ который не бралъ въ ротъ вина. Это продолжалось иногда мѣсяць, и бочаръ въ это время принимался прилежно за работу, поправлялъ дѣла, и сосѣди, радуясь его переменѣ, старались ободрять его. Бѣднякъ самъ плакалъ, слушая добрые совѣты друзей.

— Вы правы, друзья мои, говорилъ онъ; теперь, когда я въ трезвомъ видѣ, то понимаю, какой отвратительный порокъ пьянство и какъ похвально быть хорошимъ работникомъ и отцомъ семейства. Теперь я точно блудный сынъ, возвратившійся изъ праздной жизни въ трудолюбивую; я доволенъ самъ собою.

— Но этого мало, говорили ему сосѣди, надобно совсѣмъ оставить вашу несчастную страсть.

При этихъ словахъ пьяница съ достоинствомъ поднималъ голову и отвѣчалъ:

— Я еще совсѣмъ потерянный человекъ, чтобъ добровольно погубить мое семейство.

Жену его все уважали, дѣтей любили, и все селеніе принимало ихъ охотно, несмотря на поведеніе мужа. Онъ самъ былъ человекъ честныхъ правилъ, твердо держалъ свое слово, и если бы не пьянство, то былъ-бы однимъ изъ почетныхъ гражданъ. Вотъ почему друзья его хлопотали только объ одномъ, чтобъ онъ когда-нибудь далъ честное слово отказаться отъ вина, зная, что онъ сдержитъ его; но пьяница никакъ не хотѣлъ дать этого обѣщанія, и только назначалъ себѣ небольшіе сроки воздержанія.

— Брось ты совсѣмъ пить, сказалъ ему однажды сосѣдъ.

Что пользы, что ты перестанешь пьянствовать мѣсяцъ или два! Хоть-бы ты подумалъ о будущности дѣтей.

— Да я и то ничего не пилъ цѣлыя двѣ недели, отвѣчалъ бочарь, и еще удержусь столько-же; я далъ себѣ слово и исполню его, хоть мнѣ это очень тяжело.

— Ты лучше общай совсѣмъ не пить, это будетъ лучше, чѣмъ мучать безпрестанно жену и дѣтей.

— Вы знаете, что если я что обещаю, то держу, а какъ-же я могу дать слово не пить, когда неуверенъ, буду-ли я въ состояніи удержаться. Я понимаю, что пьянство постыдно, но еслибы вы знали, какая сила влечетъ меня, съ какимъ нетерпѣніемъ я считаю дни назначеннаго срока воздержанія, чтобъ опять напиться, вы поняли-бы, сколько мнѣ надобно силы и твердости, чтобъ удержаться.

И бѣднякъ страдалъ истинно до того дня, когда могъ разрѣшить себѣ вино. Разсудокъ его оставался въ водѣ, о работѣ не было и помину, и онъ съ какимъ-то неистовствомъ принимался пьянствовать дни и ночи.

Бѣдность и нужда посѣщали семейство несчастнаго, и жена съ ужасомъ думала объ участи несчастныхъ дѣтей.

Однажды, послѣ періода воздержанія, бочарь запилъ больше обыкновеннаго. Вставъ по-утру, онъ прибилъ жену, и позвалъ одного изъ дѣтей, чтобъ послать его за ромомъ. Мать отвѣчала, что дѣти ушли въ школу; тогда онъ приказалъ женѣ взять бутылку и принести рому, но она, подъ разными предлогами, заставила прождать пьяницу два часа. Наконецъ терпѣніе его лопнуло; онъ чувствовалъ боль въ головѣ, жаръ въ желудкѣ, и думалъ, что только ромъ поможетъ ему.

— Мистрисъ, сказалъ онъ женѣ, я больнъ, принесите мнѣ бутылку рому.

— Я не могу идти, отвѣчала она тихо, но твердо.

— Какъ не можете? Что это значить? Жена должна повиноваться мужу. Неужели я сталъ такимъ презрѣннымъ человекомъ, что вы пренебрегаете моими приказаніями? Нечего сказать, хорошую подругу жизни умѣлъ я выбрать!

— Я никогда не отказывалась вамъ повиноваться, когда требованія ваши были благоразумны, отвѣчала бѣдная женщина, но должна противиться всѣми силами несчастной страсти, которая погубить васъ и оставить дѣтей нищими.

— Я вамъ покажу однако, что я хозяинъ въ домѣ, и чтобъ

вы не умничали, то я пойду въ мелочную лавочку и скажу, чтобъ вамъ ничего не давали въ долгъ.

И пьяница важно застегнулся, положилъ въ карманъ бутылку, и придя въ нашу лавочку, сказалъ г. Виду.

— Хозяинъ, жена разсердила меня своимъ непослушаніемъ, и я объявляю, что не плачу за то, что она будетъ у васъ брать. Я отказываю ей въ кредитъ, а мнѣ пожалуйте рому.

Г. Видъ видѣлъ по наружности посятителя, въ какомъ онъ находится состояніи, и потому сказалъ ему строго.

— Я исполню ваше требованіе на счетъ жены и въ тоже время отказываю и вамъ въ кредитъ. Рому я вамъ не дамъ.

Этотъ неожиданный отвѣтъ до того поразилъ пьяницу, что онъ устыдился своего униженія и бросилъ свою пустую бутылку на полъ, гдѣ она разбилась въ мелкія дребезги.

— Погибай, проклятая! вскричалъ онъ съ отчаяніемъ, ты чуть было не сдѣлала меня преступникомъ. Клянусь передъ Богомъ никогда не пить крѣпкихъ напитковъ!

И онъ сдержалъ слово. Теперь прежній пьяница считается достаточнымъ, почтеннымъ человѣкомъ, и часто занималъ должность представителя селенія. Семейство его принадлежитъ къ самымъ уважаемымъ въ окружности.

Вотъ какія сцены происходили въ сельской мелочной лавочкѣ, и надобно признаться, что здѣсь я могъ многому научиться, лучше чѣмъ въ любой школѣ. Вообще думаютъ, что только въ большихъ городахъ и въ большой торговлѣ бываютъ обманы и плутни, а что въ селеніяхъ все люди просты и честны и не имѣютъ понятія объ мошенничествѣ. Я испыталъ, что въ этомъ правилѣ очень много исключеній. Сколько разъ случалось, что женщина принесетъ мнѣ свертокъ, объявя, что это нитки или бумага, а развернувъ, я находилъ тамъ старья тряпки, черепки, камни. Часто также фермеры, привозившіе мнѣ припасы овса, хлѣба, муки, обманывали меня на счетъ вѣсу, и когда, я вопреки принятому обычаю, самъ все разсматривалъ, свѣшивалъ, и находилъ обманы, то мошенники всегда оправдывались тѣмъ, что у нихъ дурные слуги, на честность которыхъ нельзя положиться. Я сталъ очень остороженъ съ этими сельскими продавцами и покупателями, удостовѣряясь въ справедливости древней пословицы: *торговля тоже воровство.*

Когда я былъ прикащикомъ въ лавкѣ, отецъ мой открылъ

таверну. Я спалъ съ меньшимъ братомъ Эдеромъ, но часто у насъ было столько пріѣзжихъ, что бѣдный ирландецъ Эдмундъ уступалъ свой уголь и приходилъ къ намъ, такъ что мы иногда спали трое на одной кровати. Закрывъ лавочку, я шелъ не домой, но къ которому-нибудь изъ моихъ товарищей, гдѣ собирались дѣти однихъ лѣтъ, и родители ихъ позволяли намъ играть и разговаривать почти до двѣнадцати часовъ ночи. Послѣ собранія я прибѣгалъ какъ можно скорѣе домой, взбирался тихонько по лѣстницѣ и осторожно ложился, боясь разбудить брата и нашумѣть, потому-что отецъ мой приказалъ мнѣ раньше придти домой.

Братъ-же мой, какъ ребенокъ, хотѣлъ нѣсколько разъ дожидаться моего прихода, чтобъ доказать, что я возвращаюсь позже, чѣмъ мнѣ позволено, и по этому онъ часто застывалъ двери стульями и табуретами, чтобъ я нашумѣлъ. Но самъ онъ засыпалъ скоро, а я такъ осторожно открывалъ дверь, что не уронилъ ни разу стула, и ложился, не разбудивъ никого въ домѣ.

Но братъ мой, хотѣлъ непременно поймать меня на дѣлѣ. Однажды онъ приколотилъ гвоздемъ блокъ, такъ что мнѣ не было никакой возможности войти въ комнату. Я зналъ, что напрасно буду будить брата, а потому такъ-же тихо сошелъ внизъ, отыскалъ лѣстницу, приставилъ ее къ окну, влезъ и легъ спать. Эти ловушки брата сдѣлали меня подозрительнымъ, и я, боясь гнѣва отца, усиливалъ осторожность, возвращаясь домой. Въ одну ночь, придя въ двѣнадцатомъ часу къ дверямъ спальни, я тихонько отворилъ дверь, но она подалась на нѣсколько дюймовъ и остановилась. Я просунулъ въ отверстіе руку, чтобъ удостовѣриться, какое новое препятствіе предстоитъ мнѣ.

Скоро я нашелъ веревку, которая была привязана къ задвижкѣ, но гдѣ былъ другой ея конецъ, этого нельзя было рассмотреть въ темнотѣ. Впрочемъ я и не думалъ долго, и вынувъ мой ножикъ, перерѣзалъ веревку, дверь отворилась совсѣмъ, и я легъ также тихо, какъ обыкновенно. На другое утро, проснувшись, я увидѣлъ, что конецъ веревки привязанъ къ ногѣ брата, который придумалъ это средство, чтобъ проснуться при моемъ приходѣ. Въ другой разъ онъ рѣшился совсѣмъ не засыпать и сѣлъ поперегъ постели. Когда я пришелъ, то онъ спалъ въ этомъ положеніи, и я, оставя его такъ, легъ возлѣ и тоже заснулъ.

На другой день онъ разбудилъ меня, толкнувъ ногою, и сказалъ:

— Ты онять одурачилъ меня, но я подстерегу тебя, полуночникъ. Будешь ты приходить ночьюю.

— Поймай, если можешь, отвѣчалъ я. Надобно встать рано, чтобъ охотиться за зайцемъ.

На слѣдующую ночь братъ привязалъ къ голой ногѣ своей шпору, думая, что когда я буду ложиться, то оцарапаюсь объ нее, закричу и разбуджу его. Я пришелъ поздно, съ обыкновенною осторожностію; не видя никакихъ новыхъ штукъ, думалъ, что брату наскучило дурачиться, и легъ къ нему спиною.

Случилось, что въ эту же ночь нѣсколько путешественниковъ пришли въ таверну довольно поздно, и такъ какъ понадобилась кровать ирландца, то онъ пришелъ просить у насъ гостепріимства. Оба мы спали: братъ по срединѣ кровати, а я съ боку. Эдмундъ, не трогая насъ, легъ съ другой стороны брата. Черезъ два часа меня разбудилъ страшный шумъ. Я открылъ глаза и увидѣлъ, что ирландецъ держитъ брата за ногу, вооруженную шпорою и кричитъ на него:

— Что это ты выдумалъ, шалунъ! Какъ ты смѣлъ надѣть шпору въ постель! погоди я скажу отцу...

— Что такое, Эдмундъ? спросилъ я въ страхъ.

— Да вашъ братъ выдумалъ спать въ шпорахъ и разцарапалъ мнѣ ногу до крови.

— Я хотѣлъ не тебя, а Тайлора, проговорилъ ребенокъ, не совсѣмъ еще проснувшись.

— Мнѣ все равно, что ты былъ намѣренъ сдѣлать, а такъ какъ твоя шалость сдѣлала мнѣ боль, то вотъ тебѣ, чтобъ ты впередъ не дурачился.

И ирландецъ, говоря это, порядочно нахлопалъ рыцаря, потомъ снялъ съ него шпору, поправилъ постель и легъ, ворча:

— Экой маленькій мошенникъ, принялъ меня за лошадь и хотѣлъ погонять шпорою. Да нѣтъ, я и самъ брыкаюсь.

III.

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА.

Воскресная школа.—Старая церковь.—Награды.—Религіозная школа г. Лова.—Уроки.—Сочиненія.—Взрывъ.

Какъ весь жители Новой Англіи, я строго наблюдалъ воскресные дни и ходилъ въ воскресную школу, когда еще не умѣлъ

читать. Скоро я считался однимъ изъ лучшихъ учениковъ. У насъ въ Бетель была старая, скромная церковь, безъ колоколни и колоколовъ, которая льтомъ имела довольно живописный видъ. Мать моя была набожна и сама проходила со мною уроки изъ священнаго писанія и катихизиса. Я-же старался также для того, что отличившихся учениковъ отмъчали и послѣ ста хорошихъ отмътокъ давали имъ въ награду какую-нибудь поучительную книгу. Следственно надобно было цѣлые два года каждое воскресенье быть отмъченнымъ, чтобъ получить книгу. Это было очень трудно, но я все-таки старался добиться до ста отмътокъ. Каждое поощреніе, какъ-бы оно ни было незначительно, всегда возбуждаетъ стараніе дѣтей.

Первый проповѣдникъ, котораго я слышалъ въ Бетель, былъ отецъ Самуилъ Стурджъ, а потомъ, какъ я сдѣлался прикащикомъ, то обязанность эту исполнялъ г. Ловъ, который дѣлалъ все закупки у меня. Кромъ-того, по воскресеньямъ приходилъ изъ Гринфильда отецъ Ричардъ Варикъ Дей, человекъ съ рѣдкимъ талантомъ, краснорѣчіе котораго производило сильное впечатлѣніе на слушателей. Я не пропускалъ ни одной проповѣди, и всегда уважалъ и буду уважать духовенство.

Однажды въ приходѣ г. Дея произошелъ необыкновенный случай. Молодой человекъ, прекрасно одѣтый, называя себя пріѣзжимъ, просилъ обвинчать его съ молодою дѣвушкою, тоже не принадлежащею этому приходу. Пасторъ просмотрѣлъ ихъ бумаги, нашелъ все въ порядкѣ, и обвинчавъ ихъ при свидѣтеляхъ, пригласилъ ихъ къ себѣ, выпить вина и закусить хлѣбомъ, какъ это всегда бываетъ. Молодые поблагодарили его, и сказавъ, что имъ надобно ѣхать, дали ему билетъ въ двадцать долларовъ, прося только заплатить небольшой счетъ въ гостинницѣ. Г. Дей удивился такому великодушію и проводилъ супруговъ до кареты. На другой день узнали, что билетъ былъ фальшивый, и пасторъ долженъ былъ заплатить трактирщику свои три доллара.

Это былъ воровской бракъ. Скоро узнали, что милые молодые супруги вѣнчаются въ каждомъ селеніи, и раздають фальшивые билеты. Журналы въ-послѣдствіи предостерегли отъ подобныхъ случаевъ, но тогда это было еще новостью.

Г. Ловъ, пасторъ Бетеля, вздумалъ учредить религіозную школу для дѣтей обоого пола, отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ. Я, разумеется, поступилъ въ эту школу. Главное занятіе наше состояло въ томъ, чтобъ на удачу брать вопросъ или сюжетъ

сочиненія, написанный на бумажкѣ, и написать небольшое сочиненіе, которое читалось вслухъ. И такъ какъ классы наши происходили тотчасъ послѣ вечерней службы, то почти всѣ родители оставались, чтобъ послушать любопытныя произведенія дѣтей. Случалось, что нѣкоторые сочиненія были дурны до чрезвычайности, другія-же смѣшны; но большею частию ученики писали порядочно, и я могу смѣло сказать, что считался однимъ изъ лучшихъ писателей.

Г. Ловъ всегда самъ читалъ наши произведенія, и при каждомъ, разбирая его критически, давалъ совѣты, наставленія, хвалилъ или охуждалъ какъ можно добросовѣстнѣе.

Однажды я помню, что взялъ билетикъ съ слѣдующимъ вопросомъ: *Что всего необходимѣе для человека?*

Я написалъ слѣдующее разсужденіе:

— На вопросъ: *что всего необходимѣе*, можно сдѣлать много отвѣтовъ, смотря потому, кому предложить его.

— Купецъ отвѣтитъ, что ему необходимы покупщики, платящіе за товаръ чистыми деньгами и не торгуясь.

— Фермеръ скажетъ, что ему необходимъ хорошій урожай и высокія цѣны на произведенія земли.

— Для врача необходимы больные.

— Для судьи процессы.

— Для пастора богатый приходъ.

— Холостой человекъ скажетъ, что ему необходима хорошая жена, которая-бы умѣла скоро пришивать пуговицы.

— Молодая дѣвушка будетъ кричать, что ей необходимъ мужъ, который-бы любилъ ее и баловалъ.

— Но необходимѣе всего для свѣта—это жить по заповѣдямъ Божиимъ, трудиться и быть полезнымъ ближнимъ. Словомъ, надобно жить такъ, чтобъ мы съ сожалѣніемъ вспоминали о прошедшемъ, безъ страха смотрѣли на будущее, и твердо надѣялись на награду въ лучшей жизни.»

По прочтеніи этого небольшого сочиненія, между слушателями разнесся легкій шопоть одобренія, и самъ отецъ Ловъ улыбнулся, и провозгласивъ имя Тайлора Барнума, прибавилъ, что мой отвѣтъ сдѣланъ очень благоразумно. Разумѣется, что эта похвала доставила мнѣ большое удовольствіе.

Г. Ловъ былъ англичанинъ. Онъ купилъ небольшую ферму въ окрестностяхъ Бетеля и началъ обрабатывать ее; но такъ какъ

онъ былъ въ этомъ дѣлѣ неопытенъ, то однажды чуть не заплатилъ жизнью за неосторожность.

Г. Ловъ назначилъ мѣсто, гдѣ построить житницу; но прежде надобно было срыть нѣсколько каменныхъ скалъ, мѣшавшихъ постройкѣ. Пасторъ подвелъ мину подъ камыши, и приказавъ работникамъ уйти подальше, зажегъ фитиль и побѣжалъ къ строенію, находившемуся въ пятидесяти шагахъ. Однако онъ не успѣлъ добѣжать до двери, когда раздался взрывъ, и г. Ловъ успѣлъ только всунуть голову въ окно его, а все тѣло было засыпано обломками, пескомъ и землею; одинъ камень, въ триста фунтовъ, отлетѣлъ съ такою силою, что врылся въ землю на двадцать дюймовъ, задѣвъ платье пастора. Еще-бы нѣсколько линий подальше, и г. Ловъ былъ-бы разможженъ имъ.

IV.

Анекдоты и эпизодъ.

Путешествіе дѣда. — Полувывритые. — Бритва въ водѣ. — Всякій по очереди. — Необыкновенная процессія. — Продолженіе шутки. — Смерть христіанки. — Собака. — Торгъ. — На одного корсара полтора. — Воскресный законъ. — Публичные экипажи. — Сапоги передъ дверцами. — Мельникъ и судья. — Оправданіе. — Старый Бобъ. — Всадникъ безъ лошади. — Вѣчный невольникъ. — Настоящая цѣна.

Данбюри и Бетель были два селенія, занимавшіяся промышленностію. Больше всего занимаются тутъ и теперь приготовленіемъ шляпъ и гребенокъ, которыя всякую весну отвозятъ продавать въ Нью-Йоркъ. Обыкновенно всѣ фабриканты этихъ произведеній сговаривались ѣхать въ одно время, большимъ обществомъ, и ихъ провожала еще толпа друзей, чтобъ только побывать въ городѣ. Обыкновенно въ Норвалькѣ нанимали большую шлюпку, и продолжительность путешествія зависѣла совершенно отъ вѣтра. Съ попутнымъ вѣтромъ довѣзали въ восемь часовъ, въ противномъ-же случаѣ проводили на водѣ нѣсколько дней. Однако это нисколько не огорчало путешественниковъ, которые отправляясь, давали обещаніе быть веселыми, и тотъ, кто былъ грустенъ или сердитъ, долженъ былъ платить штрафъ въ двадцать долларовъ. Стало-быть нѣтъ ничего мудренаго, что перезды эти были шумны и веселы, и всѣ хотѣли попасть въ это пріятное общество.

Однажды четырнадцать человекъ собрались вхаты изъ Бетеля въ Нью-Йоркъ съ этими-же условіями. Въ числѣ ихъ былъ мой дядь, капитанъ Ноа-Ферри, Бенжамень Гойтъ, дядя Самуиль Тайлоръ (какъ ее называло все селеніе), Элеазаръ Тайлоръ и Шарль Дармъ. Всѣ они славились своимъ веселымъ характеромъ, и потребовали, чтобъ остальные пассажиры дали подписку не скучать и не сердиться.

Въ Норвалькъ прѣехали всѣ послѣ обѣда, и въ тотъ-же вечеръ перебрались на шлюпку. Погода была благоприятная. Всѣ воображали, что на другое-же утро будутъ въ Нью-Йоркъ. Въ Норвалькъ присоединилось нѣсколько пассажировъ, и между ними одинъ сердитый господинъ, съ огромными рыжими бакенбардами. Повидимому, ему было неприятно, что онъ попалъ въ такое веселое общество, и онъ хотѣлъ сѣсть въ уголокъ и уснуть; но компанія Бетеля объявила ему, что намѣрена провести ночь весело, и что ему никакъ не дадутъ уснуть ни минуты. Бакенбарды начали ворчать, но вскорѣ, увидѣвъ, что съ большинствомъ нечего спорить, согласился повиноваться принятымъ постановленіямъ.

Нѣкоторые пассажиры вздумали подсмѣиваться надъ красными бакенбардами путешественника, но тотъ отвѣчалъ, что если природа позволила волосамъ расти на щекахъ, то, вѣрно, имѣла на это свои причины.

Отвѣтъ этотъ немного остановилъ насмѣшки, а такъ какъ всѣ ждали скорого переезда, то и приготовились выходить на берегъ. Однако надежда эта не сбылась. Сдѣлался вдругъ штиль, паруса повисли на мачтахъ, и вода сдѣлалась гладкою, какъ стекло. Несмотря на это, пассажиры не отчаявались и сбирались только веселѣе проводить время, какъ-бы оно ни было продолжительно.

Шлюпка выѣхала въ понедѣльникъ вечеромъ, а въ пятницу утромъ стояла еще неподвижно, напрасно ожидая хоть самаго легкаго вѣтра. Надобно себя вообразить, какъ интересны были бороды путешественниковъ, которые все это время не брились. У одного только была бритва, но онъ самъ не употреблялъ ее, и не давалъ никому, говоря, что успѣемъ выбриться въ Нью-іоркъ.

Въ субботу утромъ, когда всѣ вышли на палубу, то увидѣли, что все еще стояли на высотѣ Саунитса (теперь портъ Честеръ). Это открытіе раздосадовало самыхъ терпѣливыхъ.

— Какъ это несносно, ворчалъ одинъ, у меня сегодня есть важное дѣло въ городѣ, а тутъ стой на мѣстѣ

— Я думалъ, что въ среду продамъ все мои гребенки, а онъ остались все у меня, говорилъ другою.

— Я рассчитывалъ, что выручу деньги за шляпы и заплачу долгъ, а теперь что со мною будетъ, вздыхалъ третій.

— Мнѣ непременно надобно быть въ воскресенье въ Нью-Йоркѣ, отъ этого зависитъ моя судьба, говорилъ господинъ, красныя бакенбарды котораго слились съ порядочною бородою, такого-же цвѣта.

— Не отчаивайтесь, господа, успокоивалъ капитанъ, мы не умремъ съ голоду: у меня есть грузъ яицъ и куръ.

Послѣ завтрака, пассажиры, похожіе на дикихъ, пристали къ дѣдушкѣ, чтобъ онъ одолжилъ имъ бритву; но тотъ наотрѣзъ отказалъ, сказавъ, что человекъ не долженъ лишать себя украшенія, дарованнаго природою, и что самъ онъ до Нью-Йорка не дотрется до своей бороды.

Ночь прошла безъ вѣтра и утро воскресенья застало шлюпку на томъ-же мѣстѣ. Пассажиры начали просто приходиться въ отчаяніе, какъ вдругъ море взволновалось и паруса надулись. Все лица въ минуту просвѣтлели, шлюпъ закачался, пошелъ впередъ, и пассажиры обступили капитана съ однимъ вопросомъ.

— Скоро-ли мы дождемъ въ Нью-Йоркъ при этомъ вѣтрѣ?

— Въ два часа по-полудни мы будемъ тамъ, если не встретимъ никакихъ препятствій.

— Какое несчастіе, заговорили многіе. Цирюльнички въ полдень закрываютъ свои лавки, и мы не успѣемъ выбриться.

— Г. Тайлоръ, одолжите мнѣ вашу бритву, просилъ рыжій пассажиръ. Еслибы вы знали, какъ мнѣ необходимо явиться въ приличномъ видѣ.

Дѣдъ мой не могъ наконецъ устоять противъ убѣдительныхъ просьбъ. Онъ открылъ свой чемоданъ и вынулъ оттуда бритву ремень и мыло. Все толпились вокругъ него, чтобъ получить скорѣе средство избавиться отъ некрасивой бороды.

— Господа, сказалъ почтенный мой дѣдушка торжественнымъ голосомъ, я сначала далъ себѣ слово не давать никому бритвы, но такъ какъ мы, пріѣхавъ въ Нью-Йоркъ, не найдемъ ни одной цирюльни открытой, то я согласенъ доставить вамъ удовольствіе. Однако по расчету капитана, времени остается мало и мы все никакъ не успѣемъ выбриться. Чтобъ не произвестъ

ссоръ и чтобъ вы не обвинили меня въ предпочтеніи нѣкоторыхъ изъ васъ, тогда какъ я уважаю всѣхъ одинаково, вотъ что я придумалъ; только вы должны прежде согласиться на мой планъ.

— Говорите поскорѣе, что это за планъ.

— Вотъ въ чемъ дѣло. Пускай каждый изъ насъ выбрѣетъ только одну сторону лица, чтобъ никому не было завидно, и потомъ бритва обойдетъ въ другой разъ кого успѣетъ. Согласны-ли вы?

Всѣ согласились поневолю на это странное распоряженіе, только рыжій господинъ сердился и ворчалъ, что стыдно порядочнымъ людямъ заниматься такими глупостями. Тогда дѣдъ объявилъ во всеуслышаніе.

— Господа, я, какъ хозяинъ бритвы, имѣю право начать операцію, и такъ какъ рыжій пассажиръ больше всѣхъ хлопоталъ о своей красотѣ, то я согласенъ передать ему бритву, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ сбрилъ и красную бакенбарду; иначе пускай онъ останется и при бородѣ, которая къ нему чрезвычайно идетъ.

Красный пассажиръ, видя, что спорить невозможно, тоже согласился.

Черезъ десять минутъ вся правая сторона лица у дѣда, отдѣленная самою правильною линіею, была гладка какъ ладонь, тогда какъ другая покрыта была щетинистыми съдыми волосами.

При видѣ этой странной фізіономіи всѣ пассажиры громко захохотали, и красный путешественникъ, несмотря на свою досаду, не могъ также удержаться отъ смѣха. Дѣдъ серьезно передалъ ему бритву.

Черезъ нѣсколько минутъ исчезъ одинъ красный бакенбардъ и половина рыжей бороды, и явилась такая странная, такая комическая фигура, что хохотъ дошелъ до истерическихъ припадковъ; но дѣдъ успѣшилъ передать бритву другому, въ то время, какъ пристыженный и разсерженный пассажиръ ушелъ спрятаться въ уголь и молча ожидать, когда опять придетъ его очередь.

Съ каждой новой операціею зрители смѣялись до упаду, и наконецъ съ небольшимъ въ часъ всѣ пассажиры были вполонину выбриты. Тогда кто-то предложилъ выйти на палубу и выпить прежде втораго круга бритвы. Всѣ согласились и побѣжа-

ли наверхъ, гдѣ тоже продолжали смѣяться другъ надъ другомъ, такъ были все смѣшны въ этомъ видѣ.

Наконецъ дѣдъ объявилъ, что пойдетъ въ свою каюту, чтобъ окончить бриться.

— Вы-же оставайтесь на палубѣ, прибавилъ онъ, я принесу вамъ бритву и передамъ ее красному господину

— Торопитесь только, замѣтилъ капитанъ, потому-что черезъ два часа мы будемъ на Пекслинской-набережной.

Черезъ десять минутъ дѣдушка явился совершенно выбритый и держа въ рукахъ свое оружіе.

— Теперь моя очередь, закричалъ рыжій пассажиръ, подбѣгая къ нему.

— Погодите, я наточу немного бритву, отвѣчалъ дѣдъ; вы мнѣ ее такъ истушили, что она только царапаетъ. Хорошо, что я взялъ съ собою ремень.

Говоря это, онъ протянулъ ногу на бортъ шлюна, и натянувъ на ней ремень, началъ точить бритву, ожидаемую всеми съ такимъ нетерпѣніемъ. Вдругъ инструментъ этотъ какъ-то свернулся въ его рукъ и упалъ въ воду.

— Боже мой, какое несчастіе! вскричалъ онъ, очень натурально выражая отчаяніе.

Мудрено описать жалкія фізіономіи всѣхъ пассажировъ съ полубритыми лицами. Въ первую минуту все были поражены точно громомъ; но потомъ посыпались на дѣда комплименты.

— Онъ сдѣлалъ это нарочно, злодѣй!

— Старый мошенникъ!

— Онъ вздумалъ дурачить насъ!

— Бездѣльникъ, плутъ! и пр. и пр.

Но скоро всякій вспомнилъ, что за удовольствіе посердиться надобно заплатить штрафъ въ двадцать долларовъ, и потому все старались удержаться; притомъ-же все обратили вниманіе на рыжаго пассажира, отчаяніе котораго было такъ смѣшно, что все невольно захохотали, забывъ о своемъ собственномъ несчастіи.

Разумѣется, что шутка дѣда была уже очень сильна; но помочь было нечемъ, и потому все рѣшились хладнокровно перенести эту маленькую неприємность.

Шлюнъ вошелъ въ докъ. Такъ какъ мой дѣдъ имѣлъ одинъ наружность человека, то полудикіе товарищи его просили, чтобъ онъ шелъ впередъ въ Вальтонъ-гоузъ черезъ Франклинъ-Скверъ,

и что все прочіе будутъ идти за нимъ, гуськомъ по одному. Дядь согласился быть вожатымъ одураченной колонны, только требовалъ, чтобъ никто не терялъ важности и хладнокровія, несмотря на насмѣшки толпы, которая, вѣроятно, будетъ провожать эту необыкновенную процессію.

Въ-самомъ-дѣлѣ, толпа любопытныхъ встрѣтила пассажировъ на набережной и провожала по всемъ улицамъ, смѣясь и осыпая вопросами пріѣзжихъ; но тѣ шли молча, серьезно, какъ на похороны, не удостоивая никого взглядомъ или отвѣтомъ. Содержатель Вальтонъ-гоуза, старый Бакусъ, сидѣлъ въ это время покойно за прилавкомъ, окруженный читателями газетъ. Увидя подходящую къ нему странную процессію, онъ испугался не на шутку и все присутствующіе встали съ своихъ мѣстъ; но дядь мой, не замѣчая ничего, торжественно подошелъ къ нему и сказалъ:

— Подайте рому изъ Санта-Круза, для девятнадцати персонъ.

Бакусъ велѣлъ принести бутылки и стаканы, а самъ не могъ еще опомниться отъ страху. Наконецъ, разсмотрѣвъ поближе своихъ гостей, онъ узналъ своихъ старыхъ друзей и всегдашнихъ посѣтителей трактира.

— Скажите пожалуйста, вскричалъ онъ, что съ вами случилось, для чего вы замаскировались?

— Что васъ удивляетъ, отвѣчалъ дядушка серьезно. У насъ такая мода. Не переменяйте же намъ ее для васъ, потому-что она вамъ не нравится. Жители Нью-Йорка очень невѣжливы, встрѣчая иностранцевъ насмѣшками. Въ каждой странѣ свой обычай.

Старикъ Бакусъ, видя серьезный видъ дѣда и его товарищей, убѣдился въ справедливости его словъ, удивляясь только такой странной модѣ. Не было однако никакой возможности избавиться несчастнымъ отъ половины бороды, и они принуждены были въ этомъ видѣ обѣдать за общимъ столомъ. Тутъ происходили самыя комическія сцены. Дамы пугались, слуги отъ смѣху забывали подавать тарелки, одни только пассажиры шляпа сохраняли самое неподвижное хладнокровіе, какъ будто-бы дѣло шло не объ нихъ. Весь вечеръ прошелъ въ неизъяснимой суматохѣ, все занималось необыкновенными гостями, которые только въ десять часовъ и не теряя важнаго вида, разошлись по своимъ комнатамъ. На другое утро все они чѣмъ свѣтъ отправились въ цирюльни, гдѣ ихъ сдѣлали опять похожими на остальныхъ людей.

Надобно однако замѣтить, что рыжій пассажиръ не участвовалъ въ процессіи, потышавшей городъ. При выходѣ на берегъ, онъ обвязалъ платкомъ небритую сторону лица и побѣжалъ въ Маркетъ-Стритъ, гдѣ, вѣроятно, ждали его важныя дѣла.

Въ августъ 1825 года бабушка моя захворала опасно, хотя причиною ея болѣзни былъ незначительный случай. Гуляя по саду, она наступила на заржавѣвшій гвоздь, который воткнулся ей въ ногу. Гвоздь вынули тотчасъ-же, а нога старушки разболѣлась такъ, что скоро она сама поняла опасность своего положенія, и какъ настоящая христіанка приготовилась къ смерти. Мнѣ въ первый разъ случалось видѣть смерть вблизи, и я никогда не забуду впечатлѣній, когда всѣ дѣти собрались у кровати умирающей, и она начала прощаться съ нами. Когда пришла моя очередь, то старушка взяла меня за руку, долго говорила о религіи, давала совѣты, какъ жить и исполнять долгъ христіанина, и наконецъ поцѣловала меня въ послѣдній разъ. Я почувствовалъ сильную грусть при этомъ послѣднемъ прощаніи, и сцена эта никогда не изгладится изъ моей памяти. Бабушка была добрая, уважаемая женщина. Совѣты ея я исполнялъ не всегда, но вспоминаю о ней всегда съ благодарностью и благоговѣніемъ.

На другое утро послѣ прощанія она скончалась.

Скоро однако горе, причиненное этою потерею, начало ослабѣвать и совсѣмъ исчезло, какъ всегда бываетъ на свѣтѣ. У меня было поврежнему много развлеченій. Нашу лавочку часто посѣщалъ ирландецъ, по имени Петръ О'Бріенъ, небогатый фермеръ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Бетеля, который въ то время считался рѣдкостью Коннектикута. Онъ былъ неглупъ, но до того простъ и разсыянъ, что поминутно съ нимъ случались комическія происшествія, забавлявшія всѣхъ окружающихъ жителей.

Однажды Петръ подѣхалъ въ тележку къ нашей лавочкѣ, и вышелъ, чтобъ сдѣлать нѣсколько покупокъ. Одинъ изъ шутниковъ Бетеля, увидя въ телегѣ собаку, спросилъ О'Бріена, не продаетъ-ли онъ ее.

— Если дадутъ хорошую цѣну, то отчего и не продать, отвѣчалъ ирландецъ.

— Да хорошая-ли это собака? Умѣетъ-ли она стеречь?

— Стоить только показать ей на что-нибудь, и если она увидитъ, то не подпуститъ никого близко.

— Можетъ-ли она отыскивать скоть, отделившійся отъ стада?

— Только-бы она увидала бѣглеца, такъ сейчасъ приведетъ. Словомъ, собака рѣдкая.

— Правда-ли это?

— Если солгалъ, то готовъ отдать назадъ деньги.

— А что стоить собака?

— Два доллара, да и то дешево, потому-что жена моя привыкла къ ней и будетъ меня, пожалуй, бранить. Да и вы, кажется, хотели только посмѣяться надо мною, а собака вамъ не нужна.

— Нѣтъ, я покупаю ее, если въ-самомъ-дѣль въ ней столько хорошихъ качествъ. Вотъ два доллара, а женѣ своей вы можете купить подарокъ, чтобъ она не сердилась.

— Ну, ужъ продалъ, такъ возьмите, сказалъ Петеръ, пряча деньги въ пузырь, который служилъ ему вмѣсто кошелька. Уговорю какъ-нибудь мистрисъ О'Бриенъ.

— Купите ей табаку, возразилъ шутникъ.

— Нѣтъ, я знаю, чего ей привести, продолжалъ ирландецъ, обращаясь ко мнѣ и подавая бутылку. Налейте-ка мнѣ полмѣры рому и дайте полмѣры патоки.

— Куда-же я вамъ положу патоку? Вы привезли другую бутылку? спросилъ я.

— Зачѣмъ-же, другъ мой, когда въ эту бутылку входитъ цѣлая мѣра, отвѣчалъ онъ очень наивно.

Всѣ присутствующіе не могли удержаться отъ смѣха, а я вскричалъ:

— Неужели вы хотите смѣшать ромъ съ патокою!

— Совсѣмъ нѣтъ, сказалъ удивленный Петеръ. Потомъ, понявъ въ чемъ дѣло, ударилъ себя по лбу, прибавя: Какъ я глупъ! Я зналъ, что въ бутылку входитъ мѣра, а не подумалъ, что мнѣ надобно разнаго товару.

Ирландецъ былъ не только неглупъ, но даже остроумень и хитеръ, но по-временамъ онъ дѣлалъ промахи и былъ непонятливъ, какъ столбъ, что доказываетъ распоряженіе его съ бутылкою. Вотъ, напротивъ, образчикъ его ума.

Въ слѣдующій пріездъ г. О'Бриена въ Бетель его остановилъ покупатель собаки и сказалъ сердито:

— Ты меня обманулъ, хитрый ирландецъ. Возьми твою противную собаку и отдай мои деньги.

— Вы, кажется, хотите опять позабавиться надо мною, отвѣчалъ хладнокровно Петеръ. Развѣ я вамъ солгалъ что-нибудь на счетъ собаки?

— Ты не сказалъ мнѣ, что она слѣпа.

— Вы меня объ этомъ не спрашивали, а хотѣли знать, можетъ-ли она стеречь и собирать скотъ; я отвѣчалъ, что можетъ, если увидитъ, а я не виноватъ, что бѣдное животное ослѣпло.

Этотъ отвѣтъ разсмѣшилъ прохожихъ, собравшихся вокругъ разговаривающихъ, и бетельскій шутникъ, видя, что онъ одураченъ сказалъ, смягченнымъ голосомъ.

— Полноте шутить, Петеръ; отдайте мнѣ деньги.

— Мудрено мнѣ отдать то, чего у меня уже нѣтъ. Я давно уже истратилъ ваши доллары.

— Ваша жена такъ любила эту собаку; она обрадуется, когда вы привезете ей это милое животное.

— Жена ужъ нашла себѣ другаго любимца и я не хочу имѣть ихъ много въ домъ; такъ ужъ вы останьтесь съ вашею покупою и не смѣйтесь надъ бѣднымъ Петеромъ.

Въ эпоху, о которой я говорю, въ Конектикутскомъ-штатѣ наблюдали воскресенье гораздо строже, чѣмъ теперь, такъ что въ этотъ день запрещено было не только работать, но путешествовать въ публичныхъ каретахъ и верхомъ на лошади. За этимъ строго смотрѣли, назначая большіе штрафы за ослушаніе. Только почта ходила по воскресеньямъ изъ Нью-Йорка въ Бостонъ, но въ этой-же каретѣ съ депешами не могъ вхатъ ни одинъ путешественникъ. Иногда за большую цѣну почтовые служители соглашались брать пассажировъ; но на станціяхъ кареты осматривали съ такимъ вниманіемъ, что мудрено было скрыть вину. Тогда лошадей распрягали, и пассажировъ не выпускали до другаго дня, взявъ и съ нихъ штрафъ.

Однажды два бетельскіе шутника, Оливье Тайлоръ и Бенжаменъ Гойтъ, были въ Нью-Йоркѣ и захотѣли вернуться домой; но карета была занята на нѣсколько дней впередъ; и имъ надобно было ждать. На другой-же день было воскресенье, и оба они пришли рано утромъ въ контору улицы Бовери, прося, чтобъ ихъ отвезли въ Норвалькъ.

— Я не могу вести васъ сегодня, отвѣчалъ директоръ.

— Но намъ чрезвычайно нужно, сказалъ Оливье. Жена моя и дѣти вдругъ захворали въ Бетель и я тороплюсь къ нимъ.

— А я не знаю, застану-ли въ живыхъ мать мою, прибавилъ Бенжамень трагическимъ тономъ.

— Напрасно вы настаиваете, господа, меня не въ первый разъ обманываютъ внезапными болѣзнями, но я уже столько переплатилъ штрафу, что рѣшился по воскресеньямъ не брать ни одного пассажира въ Коннектикутъ.

— Давно-ли вы стали такъ осторожны? спросилъ Тайлоръ.

— Да съ прошедшей недѣли, отвѣчалъ конторщикъ, когда насъ остановили въ Стамфордѣ.

— И я заплатилъ одиннадцать долларовъ штрафу, прибавилъ директоръ.

— Но увѣрю васъ, продолжалъ Тайлоръ, обращаясь къ послѣднему, что намъ необходимо быть сегодня дома. Мы родились въ Коннектикутъ, знаемъ хорошо законы и съумеемъ поступить такъ, что никто не замѣтитъ ослушанія; словомъ, мы дадимъ вамъ десять долларовъ, чтобъ перевезти насъ въ Норвалькъ, и обязуемся прятаться при въездѣ въ каждое селеніе такъ, что карета ваша будетъ казаться пустою и вы не рискуете ничего.

— Если вы дадите честное слово, что спрячетесь, проѣзжая всѣ селенія, то, пожалуй, я возьму васъ, сказалъ хозяинъ кареты, желавшій получить выгодную плату.

— Общаемъ, общаемъ, сказали путешественники въ голосъ.

— Ну такъ ступайте и будьте осторожныѣ. Я буду очень радъ, если хоть разъ одурачу зрителей, которые наблюдаютъ такъ строго за воскресеньемъ.

Пассажиры принесли свои чемоданы, заплатили деньги и съѣли въ мальпость, провожаемые почтмейстеромъ, который продолжалъ уговаривать ихъ быть осторожныѣ. Почтальонъ махнулъ кнотомъ, и лошади помчались въ галонъ.

Тайлоръ и Гойтъ знали наизусть, всю дорогу, и потому приближаясь къ Коннектикуту, приготовились прятаться. Проѣзжая Гринвичъ, они превратились въ какіе-то узлы, которыхъ нельзя было разглядѣть. Кондукторъ, съ своей стороны, имѣлъ самый невинный видъ, такъ что зритель, видя проѣзжающую карету, сказалъ своему помощнику:

— Кажется, почтмейстеръ усталъ платить штрафъ, и теперь не беретъ пассажировъ по воскресеньямъ.

Въ Стамфордѣ повторили съ успѣхомъ тотъ-же маневръ, и оттуда оставалось только проѣхать селеніе Даріенъ, которое было въ шести миляхъ отъ Норвалька, гдѣ путешественники

должны были искать другихъ путей сообщенія съ Бетелемъ. Подъезжая къ селенію, кондукторъ разогналъ лошадей, а пассажиры легли на полъ кареты.

— Знаешь-ли что, сказалъ Тайлоръ Гейту. Мнѣ хочется подшутить надъ зрителемъ. Я высуну ноги въ дверцы кареты.

— Что ты! Насъ возьмутъ, заставятъ заплатить штрафъ. Перестань дурачиться, прошу тебя.

Но Тайлоръ не послушался его и протянулъ ноги въ дверцы, говоря:

— Можетъ-быть не разглядятъ, что это человѣческія ноги.

— Развѣ ты забылъ, что мы обѣщали хозяину кареты прятаться. Подумай хоть о бѣдномъ кондукторѣ, который пострадаетъ за насъ. Мы скоро прѣдемъ, такъ можешь повременить съ твоими шутками.

— Я обѣщаль прятаться и валяюсь на полу кареты, а ноги мнѣ неловко поджимать и я ихъ протягиваю, потому-что не дѣлалъ никакого условія о ногахъ.

Между-тѣмъ они подъезжали къ церкви селенія, и зритель, увидя карету, ужаснулся и закричалъ:

— Остановитесь! Кучеръ стой!

— Мнѣ нѣкогда останавливаться, отвѣчалъ кондукторъ, не подозревая шутки пассажира; у меня пустая карета, кажется, вы это видите.

— Я вижу, что въ каретѣ путешественникъ, и ты долженъ остановиться.

Кондукторъ оглянулся назадъ и съ ужасомъ увидѣлъ двѣ ноги, которыя танцовали на воздухъ какой-то танецъ. Однако, не теряя присутствія духа, онъ ударилъ по лошадямъ въ то время, какъ зритель протягивалъ руку, чтобъ остановить ихъ, и карета скрылась изъ виду прежде, чѣмъ тотъ могъ опомниться и позвать на помощь.

— Да спрячьте ваши проклятые сапоги! кричалъ кучеръ, погоняя лошадей.

Но пассажиры вмѣсто отвѣта захохотали, и карета проѣхала все селеніе съ двумя ногами у дворецъ. Когда-же послѣдніе дома исчезли вдаль, кондукторъ остановился и началъ упрекать путешественниковъ, что они ввели его въ бѣду. Тѣ дали ему полдоллара, говоря, что опасность прошла и что они скоро будутъ въ Норвалькъ.

— Но меня остановятъ на возвратномъ пути черезъ Даріенъ, и заставятъ заплатить штрафъ, сказала кондукторъ.

— Не бойся, отвѣчалъ Тайлоръ, никто не можетъ утверждать, что ты везъ путешественника. Видѣли только пару сапоговъ и больше ничего; это незапрещенный товаръ.

— Да сапоги-то шевелились.

— Такъ ты скажи, что везъ автомата, который двигаетъ ногами, вотъ и все.

Кондукторъ немного успокоился, но на другой день со страхомъ провѣзжалъ Даріенъ, ожидая, что его остановятъ; однако, вѣроятно, смотритель не былъ увѣренъ, что сапоги принадлежали живому существу, потому-что не пожаловался начальству. Однако кучеръ, прѣхавъ въ Нью-Йоркъ, объявилъ почтмейстеру, что больше не будетъ возить пассажировъ по воскресеньямъ, потому-что могутъ опять встрѣтиться такіе-же шутники.

Последнія преслѣдованія за несоблюденіе воскресенья были въ 1825 году. Въ этотъ годъ была страшная засуха, трава сгорѣла, растительность испортилась и почти вся вода въ окружности высохла. Тогда были еще неизвѣстны паровыя мельницы, по-крайней-мѣрѣ у насъ, и окружнымъ фермерамъ стоило много хлопотъ и денегъ, чтобъ смолоть свой хлѣбъ. Всѣ мельницы были завалены хлѣбомъ, а воды было такъ мало, что жернова не дѣйствовали. Наконецъ въ ночь на воскресенье пошелъ сильный дождь, который обрадовалъ всѣхъ, и особенно бѣдныхъ, почти умиравшихъ съ голоду отъ недостатку муки. Одинъ изъ нашихъ мельниковъ, человекъ разсудительный, видя всеобщую нужду, началъ работать въ воскресенье съ самаго утра, не заботясь о всѣхъ постановленіяхъ и запрещеніяхъ, думая, что спасти человека отъ голодной смерти никогда не можетъ быть грѣхомъ.

Онъ уже приготовилъ нѣсколько мѣръ муки и надѣлилъ ею сосѣдей и бѣдныхъ, какъ вдругъ его остановили и потребовали въ судъ, за то, что онъ работалъ въ воскресный день. Напрасно всѣ сосѣди увѣряли, что онъ сдѣлалъ это по необходимости и по ихъ просьбѣ; что онъ прекратилъ голодъ и спасъ нѣсколько семействъ отъ голодной смерти, мельника все-таки взяли, чтобъ судить по законамъ.

Обвиненный сохранилъ передъ судьями свою веселость и присутствіе духа.

— Вы обвинены въ несоблюденіи воскресенья, сказала ему судья.

— Я сознаюсь въ этомъ преступленіи, отвѣчалъ мельникъ твердо, но все-таки не могу назваться виноватымъ.

Всѣ присутствующіе заплодировали этому отвѣту.

Свидѣтели объявили потомъ, что работа мельника была необходима для спасенія жителей, которые столько времени страдали отъ засухи и не могли достать себѣ муки; словомъ, всѣ были на сторонѣ обвиненнаго, всѣ хвалили его, поздравляли, и судъ обязанъ былъ еще поблагодарить его.

Съ-тѣхъ-поръ идеи о соблюденіи воскресныхъ дней немного измѣнились.

Прежде наказывали кошку, если она въ воскресенье ловила мышь, или боченокъ пива приходилъ въ броженіе; но процессъ мельника показалъ несообразность нѣкоторыхъ требованій. Жители Коннектикута продолжали уважать праздники, но не считали уже грѣхомъ въ воскресный день вытащить быка изъ канавы, въ которую онъ упалъ нечаянно.

Отецъ мой, занимаясь торговлею, въ то же время содержалъ таверну, перевозилъ тяжести въ Норвалькъ и держалъ еще лошадей, которыхъ у него нанимали. Однажды молодой человекъ, по имени Нельсонъ Бирсъ, пришелъ просить у него лошади, чтобъ съѣздить въ Данбюри, въ трехъ миляхъ отъ Бетеля. Нельсонъ былъ подмастерьемъ у сапожника и не славился своимъ умомъ. Такъ какъ пространство между Бетелемъ и Данбюри было не велико, то онъ могъ-бы спокойно дойти пѣшкомъ; но ему вздумалось пофрантить на лошади, и онъ пришелъ нанимать у отца.

У насъ была старая лошадь, по имени Бобъ, которой было уже за двадцать лѣтъ и которая, за прежнюю службу, доживала инвалидомъ на соседнемъ болотѣ. Это былъ настоящій скелетъ, тѣнь лошади. Отецъ отвѣчалъ Нельсону, что всѣ его лошади разобраны и что у него остался одинъ дорогой, породистый конь, которому не даютъ нарочно отъѣдаться, потому-что готовятъ его къ скачкамъ.

— Дайте мнѣ вашего коня, Филь * сказалъ Нельсонъ Бирсъ,

* Отца моего звали Фило, но въ нашей сторонѣ привычка прибавлять къ каждому имени родственныя названія или титула. Вотъ почему всѣхъ звали, дядей теткой, батюшкою, дѣдомъ, полковникомъ, капитаномъ и пр. Отца всѣ звали дядей.

я буду заботиться о немъ, и увѣрю, что возвращу его въ цѣлости. Я самъ буду кормить его и чистить.

— Какъ я могу такую дорогую лошадь поручить почти мальчику, говорилъ отецъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, какъ всегда, когда онъ собирался выдумать какую-нибудь штуку.

Нельсонъ настаивалъ, отецъ противился, и наконецъ согласился, взявъ обѣщаніе, что молодой человекъ поѣдетъ шагомъ и дастъ коню двѣ мѣры овса въ Данбюри.

Вывели второе изданіе Росинанта. Всѣ могли подумать, что ее ведутъ на бойню, но Нельсонъ гордо сѣлъ на нее, какъ на самаго красиваго коня, хотя его беспокоила немного ответственность. Отецъ кричалъ ему вслѣдъ:

— Помните, Нельсонъ, что если случится съ лошадыю несчастіе, то вы во всю жизнь не расплатитесь со мною.

Молодой Бирсъ доѣхалъ благополучно до Данбюри, и тутъ такъ угостилъ стараго Боба, что тотъ не запомнитъ такого праздника. Черезъ нѣсколько часовъ путешественникъ собрался обратно въ Бетель, и выбралъ новую дорогу, черезъ поля. Тутъ онъ или забылъ приказъ отца вѣхать шагомъ, или хотѣлъ доставить себѣ удовольствіе проскакать въ галопъ, только началъ погонять старика; но слабыя мускулы животнаго не могли повиноваться, и Бобъ остановился, не трогаясь съ мѣста. Нельсонъ, испугавшись, слезъ съ лошади и дрожалъ неменьше, Боба. Небольшой ручей протекалъ возлѣ, и Бирсъ, воображая, что вода освежитъ животное, потащилъ его къ ручью. Старый Бобъ вошелъ въ воду, увязъ въ тинь, и не въ состояніи уже двинуться съ мѣста, закрылъ глаза и упалъ въ воду, какъ патриархъ, умирая безъ стона, безъ жалобы.

Невозможно описать отчаянія бѣднаго Бирса. Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ, старался вытащить Боба, прикладывалъ ухо къ его мордѣ, но дыханія было уже не слышно.

Бѣднякъ горько заплакалъ при мысли объ ответственности, о послѣднихъ словахъ отца. Какъ онъ заплатитъ за такую дорогую лошадь! Какъ явится въ дядѣ Филь! Наконецъ, онъ рѣшился идти съ повинною головою, снялъ сбрую, сѣдло, и пошелъ печально въ селеніе.

Отецъ ждалъ возвращенія своей жертвы, и наконецъ увидѣлъ вдали отчаянную фигуру Нельсона, обвѣшанную сбруей. Онъ понялъ, что старый Бобъ уже не былъ живъ, и хотя это ему было даже пріятно, потому-что онъ избавился отъ безполезнаго

животного, но все-таки онъ принялъ серьезный видъ, и ждалъ, когда Бирсъ подойдетъ поближе.

— Что это значитъ, Нельсонъ? закричалъ онъ наконецъ. Неужели вы были такъ неосторожны, что не удержали лошади и она убѣжала отъ васъ.

— О нѣтъ, дядя Филъ, вы не можете вообразить, что случилось, прошепталъ сквозь слезы Бирсъ.

— Ужъ не украсть-ли ее у васъ какой-нибудь любитель, который во всей странѣ не найдетъ такой лошади? И я былъ такъ глупъ, что поручилъ ее такому вѣтреннику.

— Нѣтъ, дядя Филъ, ее не украли..

— Ну такъ я еще могу надѣяться, что найду мою драгоценную лошадку. Гдѣ вы ее оставили? Не ушиблась-ли она?

— Нѣтъ... хуже...

— Да говорите, что случилось. Вы мучите меня.

— Я не смѣю .. бормоталъ, задыхаясь, Нельсонъ; я боюсь нанести вамъ жестокий ударъ...

— Только-бы лошадь была жива, то все еще нѣтъ большаго несчастія.

— Она... умерла, проговорилъ бѣдный мальчикъ и уналъ на полъ, ожидая приговора. Отецъ мой вскрикнулъ, такъ искусно выражая гнѣвъ и отчаяніе, что Нельсонъ вскочилъ опять на ноги, какъ послѣ гальваническаго удара, и началъ умолять со слезами.

— Дядя Филъ, добрый дядя! сжальтесь надо мною, я готовъ отдать мою жизнь, чтобъ только не случилось этаго несчастія.

— Кто мнѣ заплатитъ за мою лошадь! кричалъ отецъ, продолжая играть свою роль.

— Я всю жизнь буду работать для васъ, дядя Филъ; я скоро выду изъ ученья, и буду все деньги отдавать вамъ.

— А какъ вы думаете, чего стоила моя лошадь? спросилъ отецъ, смягчая немного свой гнѣвъ.

— Не знаю, бормоталъ Нельсонъ, я никогда не покупалъ лошадей, а слышалъ, что за иныхъ платятъ огромныя деньги.

— Да вѣдь моя лошадь была самая рѣдкая. Какіе мускулы, какая красота!

— Да, хорошая была лошадь, проговорилъ молодой человекъ такъ наивно и съ такою увѣренностію, что всякій другой расхохотался-бы, но отецъ мой хотѣлъ еще продолжить комедію, и сказалъ:

— Я не хочу начинать съ вами процесса, но готовъ окончить это дѣло по дружески. Вы сами оцѣните мою лошадь и напишете на клочкѣ бумаги сумму, которой она стоитъ. Я, съ своей стороны, напишу мою цѣну, и мы потомъ сговоримся и поторгнемся на счетъ разницы.

— Я готовъ на все, дядя Филь. Только, пожалуста, будьте снисходительнѣе; вы знаете мое положеніе.

— Не могу-же я слишкомъ сбавить цѣну, какъ будто-бы дѣло идетъ о клячѣ. Я сожалею о вашей неосторожности, но все-таки напишу настоящую цѣну моей бѣдной, драгоценной лошади, которой лишился такъ неожиданно. Я не требую, чтобъ вы заплатили мнѣ сейчасъ, потому-что я знаю, что у васъ нѣтъ денегъ, а вы подпишете мнѣ вексель, и будете его выплачивать по срокамъ. Не забудьте, что я не хотѣлъ вамъ давать моей лошади и что вы выпросили ее.

Нельсонъ съ благодарностію согласился на всѣ предложенія. Сцена эта происходила въ присутствіи дюжины сосѣдей, которые сохраняли важность, приличную такому необыкновенному случаю. Принесли два листа бумаги; на одномъ изъ нихъ отецъ тотчасъ-же написалъ какую-то цифру, а Бирсъ долго думалъ надъ своимъ перомъ и не могъ рѣшиться выставить цѣну лошади.

— Покажите наконецъ, что вы тамъ написали, сказалъ отецъ.

— Я не смѣю, отвѣчалъ Нельсонъ; вы найдете, что я оцѣнилъ дешево.

— Триста семьдесятъ долларовъ, сказалъ отецъ, читая. Ну неочень-же вы великодушны.

Нельсонъ не смѣлъ взять бумаги, на которой отецъ написалъ свою цѣну, но одинъ изъ сосѣдей громко прочиталъ: шесть сантимовъ съ половиною. При этой необыкновенной суммѣ всѣ захохотали въ голосъ, а бѣдный Бирсъ, не понимая, что случилось, глядѣлъ на всѣхъ глупыми глазами. Когда-же ему объяснили въ чемъ дѣло, то такъ обрадовался, что запрыгалъ и закричалъ.

— Слава Богу! У меня въ карманѣ больше доллара, и я готовъ на все угостить компанію. Славно-же меня напугали! А я считалъ себя погибшимъ человѣкомъ!

И Нельсонъ Бирсъ въ-самомъ-дѣлѣ предложилъ собранію выпить за счастливое окончаніе дѣла; только шутники отказались раззорить его, и онъ ушелъ почти съ цѣлымъ долларомъ домой.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

ЖЮЛЬ-ЖАНЕНЪ.

1804 годъ! Прекрасная пора для явившагося на свѣтъ! восклицаетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій Жаненъ.

Дѣйствительно, это была знаменитая эпоха. Немногіе годы представляли болѣе важныя событія: Наполеонъ, побѣдитель при Маренго и у Пирамидъ, возлагалъ на свое чело императорскую корону. Въ этомъ-же году князь критики явился на свѣтъ въ Сентъ-Этьенъ, близъ Ліона, отъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей.

День такого событія навсегда останется незабвеннымъ.—Это было 11 декабря. Новорожденный названъ при крещеніи именемъ Жюль-Габріель.

Второму городу Франціи выпала честь, въ стѣнахъ лица, развить первыя познанія въ мальчикъ.

До-сихъ-поръ еще растолстѣвшій герой возится съ Тацитомъ, выѣзжаетъ на Ювеналъ, осѣдываетъ Светонія, держитъ одною рукою стихъ Виргилія вмѣсто баланса, а другою, какъ мячами, перебрасываетъ друмя-тремя полустипшиями старика Горація, и все это съ цѣлю, доказать, что онъ не забылъ школьной латыни. Въ пятнадцать лѣтъ Жюль вообразилъ себя, что онъ проглотилъ всю греческую мудрость; онъ былъ убѣжденъ, что ученость его достигла конечныхъ предѣловъ. Физическое его развитіе рано пріостановилось, зато самолюбіе росло не по днямъ, а по часамъ, какъ-будто въ ущербъ тѣлу. Въ своей семьѣ его называютъ: «маленькимъ дивомъ.» «Надо отправить этого молодца въ Парижъ, въ коллегіумъ Людовика Великаго, говорить одинъ изъ дядей нашего героя. Онъ получитъ первую награду, и вы увидите, что возникнетъ споръ о чести, гдѣ ему кончить курсъ бесплатно. По прошествіи года, воспитаніе его не будетъ стоить намъ ни гроша.»

Мысль дяди показалась всею прекрасною. Въ Сентъ-Этьенъ разносится всюду вѣсть о томъ, что Жюль ѣдетъ въ Парижъ, для стяжанія ученой побѣды. Двоюродная бабка, нянчившая его, вызывается заплатить за первый годъ ученья. Эта добрая старушка очарована своимъ внукомъ. Жюль самъ говоритъ объ этомъ въ своихъ «Contes nouveaux». Отъ него узнаемъ мы, что бабушка, за недѣлю до отъезда внука, скрылась изъ дому, чтобы не присутствовать при прощаньи его съ семействомъ.

Бѣдная старушка! она боится не выдержать разлуки съ любимымъ своимъ «Жаненчикомъ», какъ она называетъ его со своею наивною нежностью.

Начинаются приготовленія къ отъезду. Экипировка Жюля готова. Карета стоитъ у крыльца. Жюль прощается съ матерью, которую ему несуждено болѣе увидѣть.

«Еслибы я заплакалъ, слезы матери потекли-бы еще обильнѣе», говоритъ авторъ приведеннаго нами сочиненія.

Рѣдко случается видѣть подобный примѣръ сыновней любви, столь замѣчательный и столь трогательный. Удерживаться отъ слезъ по причинѣ избытка чувствительности, намъ кажется геройскимъ подвигомъ, и только одинъ Жюль-Жаненъ могъ представить такое явленіе.

Только что Жюль занялъ мѣсто на школьныхъ скамьяхъ, какъ профессоръ Бюрнуфъ замѣтилъ, что мальчикъ ничего, ровно ничего не знаетъ!

Посудите объ удивленіи жителей Сентъ-Этьена, при подобномъ извѣстіи!..

Бюрнуфъ оставляетъ несчастнаго героя нашего между тридцатью отсталыми, то есть, въ среди самаго темнаго индивидуума, который, по школьному лексикону, называется: «клячами.»

Прощай надежда на первую награду! Спекуляція дядюшки разсыпалась въ прахъ! Никто не споритъ за честь окончить образованіе «маленькаго сентъ-этьенскаго дива», и старушка бабушка должна вносить деньги за ученье внука ровно три года!

Зато какіе нападки на профессора Бюрнуфа со стороны Жанена!

О небо! гдѣ живемъ мы? отъ кого зависимъ? какой вѣкъ! какое безначаліе! Вотъ въ какомъ положеніи наука! hoc est scientia. Вотъ наши учителя и судьи! magistrorum squalidum pecas! Способности ученика, сила его разума и воображенія, умъ его, душа, все-измѣряется мѣрою какого-нибудь осла! Asinus discipu-

tim fricat. О стыдъ! prof pudor! Взгляните на лица этихъ педагоговъ, расписанныя алгебраическими знаками и съ торчащими нечесанными волосами! Caput birsutum!» и прочее въ такомъ-же родѣ.

Однако надо сказать, что это было сказано нашимъ героемъ уже по выходѣ изъ школы. Попадись ему и тогда фельетомъ Debats въ распоряженіе, мы вѣрно-бы ранѣ имѣли этотъ безцѣнный образецъ стиля Жюль-Жанена, со всеми его барбаризмами.

Профессоръ Бюрнуфъ не одинъ былъ его жертвою. Онъ еще болѣе сердитъ на своего профессора Маллеваля... этого ханжу и лицемѣра.

«Ему какъ-то приснилось», говоритъ о немъ Жюль, что онъ человекъ нравственный и добродѣтельный.»

Далѣе.

«Онъ на цѣлые дни запиралъ меня въ карцеръ или гдѣ-нибудь на чердакъ.»

И за что-же? Посудите сами. За сатирическія выходки Жюля, которыя прекращалъ онъ только въ обѣденной залѣ, гдѣ важнѣйшія занятія занимали ротъ его. Наконецъ, ученіе кончено. Вся награда досталась другимъ, ни одна не коснулась нашего героя.

Что-же станетъ съ нимъ по выходѣ изъ училища? Не бивъ увѣнчанъ класнымъ вынкомъ, напророченнымъ ему дядюшкой во всеуслышаніе, Жюль не хочетъ возвращаться въ Сентъ-Этьенъ, подвергнуться насмѣшкамъ своихъ земляковъ. Ему не льститъ даже свиданіе съ семьей своею, такъ жестоко обманутой въ своихъ ожиданіяхъ на его счетъ.

— Я скорѣе умру съ голоду, но не оставлю Парижа,—сказалъ самъ себѣ Жюль.

Однако-же онъ предпринимаетъ мѣры противъ такого отчаяннаго событія. Его старая бабушка еще имѣетъ кое-какіе доходы,—почему не рѣшится ей жить въ Парижъ? Внукъ пишетъ ей объ этомъ, она переезжаетъ въ столицу,—и нашъ герой успокоенъ. «Жаненьчика» будутъ беречь, холить, лакомо кормить, потому что въ этомъ старушка глубоко смыслить. Пирогі и пирожное по ея части! Еслибы вы знали, какая на это мастерица добрая старушка! Что за удивительное тѣсто она умѣетъ готовить! Какіе соусы à la lionnaise она мастерить! Объяденъ!

Но къ несчастію, все дорого въ Парижъ; деньги за квартиру отнимаютъ половину доходовъ старушки.

— Надо работать, Жаненьчикъ, говоритъ она Жюлю, иначе намъ не хватитъ моихъ доходовъ.

Боясь упадка бабушкиной кухни, Жаненъ сталъ отыскивать уроковъ по домамъ; онъ ихъ находить, и начинаетъ, въ виду будущности соусовъ бабушки, ревностно преподавать латынь, греческій языкъ, географію и исторію. Всѣ эти предметы довольно поверхностно знакомы молодому учителю, но «что до этого?— это дѣло второстепенное.

— Еслибы мнѣ давали денегъ впередъ, я-бы сталъ учить языкамъ еврейскому и сирійскому, говаривалъ онъ.

О Бюрнуфъ! Бюрнуфъ! не знаемъ, живъ-ли ты еще, но *здѣсь или тамъ*, ты долженъ страшно удивляться своимъ заключеніямъ о познаніяхъ твоего ученика!

Впрочемъ, по словамъ Жанена, онъ имѣлъ дѣло съ головами глупыми и непонятными.

— Они ничего не понимали, и я учился самъ тому, что преподавалъ имъ.

Но несмотря на это, плата за уроки шла своимъ чередомъ, и кошелекъ Жанена никогда не былъ пустъ. Онъ давалъ старушкѣ небольшую часть изъ заработанныхъ денегъ, а остальное уходило Богъ вѣсть куда. Нашъ герой имѣлъ немало друзей обоего пола. Они любили поужинать и повеселиться. Да здравствуетъ веселье! Жюль имѣлъ неосторожность проговориться на счетъ именъ своихъ подругъ, ихъ звали Александриной, Розой, Лилли.

— Гризетка парижская не сонъ, не мечта!.. Это граціозное созданіе поэтической жизни!.. Эти милашки являлись къ намъ, подъ-часъ, съ оледенѣвшимъ *рыльцемъ* и красными отъ холоду *лапками*.

Не примите этихъ выраженій Жанена, *рыльцо* и *лапки*, за вольность стили, за риторическую фигуру, за недостатокъ уваженія къ дамамъ; нѣтъ, это не то. Жюль почерпаетъ свои воспоминанія изъ окружавшей его тогда дѣйствительности, и въренъ природѣ.

Въ эту-же эпоху на него напала страсть завестись собакою. Всѣ его мысли, всѣ его выраженія носятъ отпечатокъ этой прихоти.

— Собака! говоритъ онъ, собака прыгаетъ, рѣзвится, жалуется, радуется, играетъ съ вами и веселитъ васъ!

— Но, возражаетъ бабушка, если ты заведешься собакой, *хозяинъ откажетъ намъ отъ квартиры*.

— Ну что́-же? Мы перемѣнимъ ее.

Какъ видите, желаніе уже переходитъ въ страсть. Жаненъ бѣжитъ къ мѣсту торга собаками. Его сердце бьется, слушая разнаго рода лай. Онъ дрожитъ отъ радости, глядя на живой товаръ, который прыгаетъ кругомъ него, лаетъ, ворчитъ, показываетъ неприязненно бѣлые зубы, или машетъ привѣтливо хвостомъ.

Жаненъ переходитъ отъ борзой къ бульдогу, отъ мопса къ ньюфундленду, отъ шпица къ болонкѣ, отъ гончей къ дворняшкѣ. Онъ попеременно беретъ за лапу того, или другаго четвероногаго, разсматриваетъ ихъ породы, спрашиваетъ объ ихъ нравахъ и качествахъ, и кончаетъ выборъ свой безобразнымъ пуделемъ съ остриженными ушами, съ торчащею шерстью, но которому удалось привѣтливѣе протянуть къ нему свою запачканную, грязную лапу. Жаненъ платитъ за него 25 франковъ, называетъ его именемъ Азора, уводитъ его и представляетъ своей бабкѣ.

Та приходитъ въ отчаяніе, которое однако переходитъ въ умиленіе при видѣ трогательной привязанности, возстановившейся внезапно между пуделемъ и ея внукомъ.

— Напрасно я сначала жаловалась и была недовольна, говоритъ она знакомымъ. Азоръ и Жюль между собою истинные братья.

Есть другое сказаніе о знаменитомъ пудель знаменитаго человека. Иные историки увѣряютъ, что пудель былъ подаренъ Жанену однимъ мелочнымъ торговцемъ, о чемъ Жюль намекаетъ и самъ въ своихъ «Contes nouveaux.» Но намъ больше нравится сказаніе о покупкѣ, тѣмъ болѣе, что оно передано было намъ бѣднымъ Ладвока, тѣмъ самымъ Ладвока, фениксомъ между книгопродавцами, на могилу котораго Жюль-Жаненъ бросилъ такую кучу цвѣтовъ. Лучше-бы было помочь ему при жизни. Ладвока умеръ въ больницѣ, истративъ больше милліона франковъ въ пользу нѣкоторыхъ писателей. Жаненъ былъ его любимѣйшимъ авторомъ; онъ былъ съ нимъ на ты. По заказу Ладвока, Жаненъ написалъ для «Сто и одинъ» «Аббата Шателя» и «Продавецъ собакъ».

Вы видите, по послѣднему, что сказаніе Ладвока лучше.

Съ друзьями, съ собакою, съ полнымъ кошелькомъ, Жаненъ жилъ припеваючи. Но съ наступленіемъ лѣта ученики его развѣхались съ своими семействами подышать загороднымъ воздухомъ.

— Не стало уроковъ, не стало и ужиновъ.

Нашъ герой поступилъ профессоромъ, по пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ, въ пансіонъ Бимара. Некоторые парижане, бывшіе подъ ферулой Жанена въ этомъ пансіонѣ, еще хранятъ о томъ воспоминаніе и понынѣ.

О заведеніи Бимара стали относиться неблагопріятно, родители дѣтей мало-по-малу у него ихъ отобрали; дѣла Бимара пошли такъ худо, что въ одно прекрасное утро, получивъ о томъ полицейское увѣдомленіе, онъ ожидалъ описи всего своего имущества.

Онъ не могъ сомкнуть глазъ цѣлую ночь, отъ безпокойства. Съ разсвѣтомъ дня раздается звонокъ въ его передней.

— Боже мой, уже! говоритъ Бимаръ, и съ трепетомъ открываетъ дверь своего жилища. Но вмѣсто полицейскихъ чиновниковъ онъ видитъ передъ собою ранняго посѣтителя и знакомаго. То былъ Жюль-Жаненъ. Бимаръ вздохнулъ свободнѣе. Нашъ герой какъ-то провѣдалъ объ грозившей Бимару обязанности. Бимаръ долженъ ему за три мѣсяца жалованья. Не давая бабушкѣ денегъ, бабушка, съ своей стороны, стала кормить внука довольно тощими обѣдами.

— Надо, говоритъ самъ себѣ внукъ, вытянуть изъ бѣдственнаго положенія Бимара по-крайней-мѣрѣ на приготовленіе порядочнаго завтрака. Желудокъ внушаетъ ему великолѣпный планъ.

— Мнѣ нужны деньги, говоритъ Жаненъ Бимару, а вы мнѣ должны полтораста франковъ.

— Ахъ, милый мой, отвѣчаетъ почти сквозь слезы содержатель пансіона, мы обѣдали вчера въ долгъ, а сегодня я ожидаю описи своего имущества.

— Я все это знаю, возражаетъ Жаненъ; я потому только такъ рано всталъ, чтобы спасти что-нибудь изъ когтей оцѣнщиковъ, конечно спасти для уплаты должныхъ мнѣ денегъ.

— Увы! но что-же можно спасти? Мебель не позволить вынести привратникъ.

— У меня есть мебель, говоритъ Жаненъ, прикладывая палецъ ко лбу. Скажите мнѣ, нѣтъ-ли у васъ вина въ погребѣ.

— Есть.

— Сколько боченковъ?

— Одинъ, непочатой.

— Прекрасно! Вотъ все, что мнѣ нужно знать. Пусть явятся господа въ назначенный часъ; положитесь на меня.

Жаненъ ушелъ почти бѣгомъ. Спустя двадцать минутъ, онъ является снова, переодѣтый въ рабочую блузу, въ фуражкѣ съ козырькомъ и таща маленькую тележку съ боченкомъ, хорошо закупореннымъ.

— Увѣдомъ поскорѣе господина Бимара, сказалъ Жаненъ привратнику, что его погребшикъ прислалъ ему другой боченокъ вина, вмѣсто отпущеннаго ему недавно; да поскорѣе возвращайся помочь мнѣ спустить его въ погребъ.

Привратникъ не узнавъ пансіонскаго учителя подъ блузой работника, и новый боченокъ спущенъ въ погребъ, а старый вытасченъ и поставленъ на тележку, въ которую запрягся снова Жаненъ, и рысью выбѣжалъ со двора.

Оставленный боченокъ наполненъ былъ водою. Спустя еще часъ, Жаненъ снова является уже опять въ своемъ видѣ. Онъ успѣлъ сбыть боченокъ съ виномъ.

— Я выручилъ свои полтора ста франковъ, говоритъ онъ Бимару. Хотите, я вамъ дамъ росписку въ полученіи; но для этого приходите къ Вефуру.

— Къ Вефуру? спрашиваетъ удивленный Бимаръ.

— Ну да! Чортъ возьми всѣхъ оцѣнщиковъ! Идемъ!

Жаненъ увлекаетъ содержателя пансіона съ собою, кормитъ его у Вефура великолѣпнымъ завтракомъ и напиваетъ его пьянымъ.

Когда Жанену случается рассказывать этотъ анекдотъ, онъ распространяется на счетъ всего имъ съѣденнаго, выпитаго и заплаченнаго по поданному счету.

— Бѣдный Бимаръ! говоритъ онъ въ заключеніе своего рассказа, мнѣ удалось развлечь и утѣшить его, отъ постигнаго разоренія, въ-продолженіе цѣлаго дня. Это было лучшимъ дѣломъ въ моей жизни, и лучшимъ моимъ завтракомъ. Между-тѣмъ Жаненъ остается безъ мѣста. Ученики не возвращались въ Парижъ. Осень стоитъ свѣтлая и теплая! Кому-же охота перевозжать въ городъ.

Неразлучный съ своимъ другомъ Азеромъ, Жаненъ прогуливается по уединеннымъ аллеямъ Люксамбурга. Лишенный средствъ питать свой желудокъ солидною, питательною пищею, онъ ищетъ такой пищи, по-крайней-мѣрѣ, для души своей. Между безчисленными чудесами, которыми обладаетъ французская литература, онъ предпочитаетъ всему собраніе фельетоновъ Жоффруа, которое ему кажется лучшею книгою для человека со вкусомъ. Не видите-ли вы тутъ стремленія къ своему назначенію?

Нькогда, придворныя женщины Ликомеда были свидѣтельницами, какъ малолѣтній Ахиллесъ бросился на увидѣнное имъ оружіе... Спустя сорокъ вѣковъ, мы видѣли князя-критика, бросающагося на театральныя критическіе фельетоны.

Но оставимъ нашего героя, углубленнаго въ чтеніе этихъ со-вѣстливыхъ и правдивыхъ листовъ, на которыхъ Жоффуа разоблачаетъ таланты своего времени, и такъ умельчаетъ ихъ, что дѣлаетъ изъ нихъ какихъ-то карликовъ. Жаненъ удивляется нецеремонности критика, съ которою онъ относится о величайшихъ знаменитостяхъ своего времени, (Жоффуа никогда не сознавалъ геніальности Тальмы).

Такъ вотъ что значить сила пера! Вотъ до какихъ результатовъ она доводитъ! Не нужно своего собственнаго творчества и вдохновенія; стѣбитъ только анализировать, судить и осуждать чужое. Это гораздо легче, а пріобрѣсть славу можно одинаково.

— О еслибы мнѣ сдѣлаться журналистомъ! восклицаетъ Жаненъ.

Такимъ-образомъ мечталъ, въ одну изъ своихъ прогулокъ, Жаненъ, какъ вдругъ Азоръ, бѣгая по аллеямъ, повстрѣчался съ прелестной собачкой изъ породы борзыхъ, которая, съ своей стороны, какъ видно очень рада была этой встрѣчѣ, и прыгала и рѣвилась, подбѣгая чуть не подъ ноги Жанена.

— Сюда, Флора!.. поди прочь, мерзкое животное! сказала приближавшая вслѣдъ за борзой молоденькая дама, прелестно одѣтая, замахиваясь зонтикомъ на Азора, къ которому относилась вторая ея фраза, несовсѣмъ вѣжливая.

— Сударыня, сказалъ въ свою очередь Жаненъ, вы можете находить пуделя мерзкимъ, но умоляю васъ не бить его.

Молодой человѣкъ, отъ котораго дама удалилась, гонясь за Флорой, чтобы помѣшать ея знакомству съ Азоромъ, приблизился въ эту минуту и обратился къ хозяину пуделя съ извиненіями на счетъ живости своей спутницы. Взглянувъ въ лицо Жанену, молодой человѣкъ вскрикиваетъ; въ тоже мгновеніе вскрикиваетъ и Жюль. Они узнали другъ друга и бросились дружески цѣловаться. То были товарищи по коллегіуму Людовика Великаго.

Азоръ и Флора воспользовались этимъ случаемъ, чтобы короче познакомиться. Дама не смѣетъ уже разлучать ихъ.

— Нечего тебя спрашивать о здоровьѣ?.. Поздравляю тебя съ цвѣтущей твоей полнотою! говоритъ молодой человѣкъ.

— Да, да! это отъ бѣдности! отвѣчаетъ Жаненъ, улыбаясь.

— Фи, какое слово! Въ наши года не должно произносить его. Если тебѣ не удалось занять выгоднаго мѣстечка, послѣдуй моему примѣру, возьмися за перо и пиши журнальныя статейки.

— Что я слышу?.. Ты журналистъ! вскричалъ Жаненъ, радостно сжимая руки друга въ своихъ. Это удивительно! Я только что мечталъ объ этомъ.

— Ну зачѣмъ-же дѣло стало? Я тебѣ предлагаю свое покровительство.

— О я его принимаю съ благодарностью, съ радостью.

— Приходи вечеромъ обѣдать со мною у нихъ; (молодой человекъ указалъ на свою спутницу, Жаненъ низко поклонился). Онъ извѣстенъ на сценѣ бульварнаго театра. (Жаненъ поклонился чуть не до земли). Мы вмѣстѣ поведемъ въ Комическую-Оперу, гдѣ ты можешь занять мѣсто въ ихъ ложѣ. (Жаненъ чуть не сталъ на колѣна).

— Сколько милостей... такая доброта!.. клянусь вамъ... бормоталъ Жаненъ.

— Флора! сюда!.. закричала дама, не обращая на него вниманія. Извините меня, мы васъ ждемъ къ обѣду, но не приводите съ собою этого гадкаго пуделя.

Новые знакомцы растались.

Съ этого дня между Азоромъ и Жюлемъ родилась совершенная холодность. А между-тѣмъ пуделю обязанъ былъ Жюль новымъ знакомствомъ, столь для него выгоднымъ. Онъ ему обязанъ былъ покровительствомъ журналиста, прекраснымъ обѣдомъ, мѣстомъ въ лучшей ложѣ театра, въ обществѣ съ милой женщиной и надеждами въ будущемъ. Но не впервые собакамъ приходится жаловаться на неблагодарность людскую.

Пудель былъ въ отчаяніи. Хроника говоритъ, что онъ былъ отравленъ домовладельцемъ. Жаненъ, обрадованный тѣмъ, что втерся въ журналистику, не оплакивалъ кончины столь вѣрнаго друга.

Бывшій товарищъ по училищу выхлопоталъ ему мѣсто между редакторами «Лорнета», театральннй фельетонъ, въ которомъ Жаненъ отдавалъ отчетъ пьесамъ, играннмъ въ театрѣ Ambigu Comique.

Если читателямъ вздумается упрекнуть насъ въ томъ, что мы принимаемъ тонъ шутки, описывая эти мелочныя подробности, хотя совершенно справедливыя, мы сдѣлаемъ имъ слѣдующій вопросъ:

— Приходило-ли вамъ когда-нибудь въ мысль считать Жюль-Жанена дѣльнымъ, серьезнымъ человѣкомъ?

Всѣ читатели въ одинъ голосъ навѣрное мнѣ отвѣтятъ: О, конечно никогда!

Возьмите-же назадъ ваше обвиненіе.

Тонъ этой біографіи совершенно гармонируетъ съ ея сюжетомъ.

Г. Жаненъ очень честный человѣкъ, примѣрный гражданинъ и съ этой точки зрѣнія онъ достоинъ всего нашего почета, — а это чего-нибудь да стоить. Но зачѣмъ пустился онъ въ литераторство? Гдѣ была необходимость сдѣлаться ему фельетонистомъ? Кто толкалъ его на этотъ скорбный путь?

Скажите откровенно, съ его-ли толстымъ, цветущимъ здоровымъ лицомъ, созданнымъ для простодушнаго смѣха и откровенной улыбки, дѣлать грозную мину и показывать острые зубы критика?

Чтобы достойно служить критикъ, въ какомъ-бы то ни было родѣ, надо прежде всего быть увѣреннымъ въ самомъ-себѣ; надо было предварительно укрѣпить свой разумъ серьезными и положительными свѣдѣніями.

Надо было провѣрить свою совѣсть, сойти въ глубину тайниковъ своей души, и убѣдиться, что въ ней господствуютъ разумъ, убѣжденіе и справедливость.

Сдѣлалъ-ли это г. Жюль-Жаненъ?

Критика требуетъ большой нравственной силы, свѣтлаго разума, очищеннаго отъ всѣхъ темныхъ пятенъ невѣжества; она требуетъ, чтобы служитель ея былъ выше страстей, каковы зависть, гнѣвъ и злоба, пристрастіе и прихоть.

Чтобы быть хорошимъ критикомъ, мало того, чтобы, окончивъ курсъ наукъ, поднять первое попавшееся перо, и засѣвъ за угломъ какого-нибудь журнала, поджидать авторовъ.

Жюль-Жаненъ подаетъ намъ самъ бібліографическую нить, чтобы слѣдовать за нимъ шагъ за шагомъ, въ своихъ собственныхъ разсказахъ. Мы дошли до той поры, какъ онъ сдѣлался наконецъ журналистомъ, взявъ въ свое распоряженіе сцену театра *Ambigu Comique*.

Всякій вечеръ онъ отправляется черезъ Сену, вдоль улицы Сентъ-Мартенъ, до бульвара, сворачиваетъ тутъ направо, и послѣ двухъ сотъ шаговъ разстоянія, онъ въ своемъ царствѣ.

Мѣстные нимфы ластятся къ нему и привѣтствуютъ, чтобы

заслужить нѣсколько строкъ одобренія на страницахъ «Лорнета», но за глаза страшно надсмѣхаются надъ нимъ, называя его не иначе какъ Жанъ-Жанъ. Это глупое прозвище произошло отъ буквъ Ж. Ж., выставляемыхъ имъ подъ своими статьями.

Иногда эти насмѣшки дѣлаются и не за глазами.

— Здравствуйте Жанъ-Жанъ! кричатъ ему эти барыни. Какъ здоровье ваше, Жанъ-Жанъ?

— Ты не читала послѣдней статьи Жанъ-Жана? спрашиваетъ одна у другой.

— Какъ-же. Статьи Жанъ-Жана поглощаются цѣликомъ.

— Толстякъ Жанъ-Жанъ въ большой модѣ.

— Другъ мой, Жанъ-Жанъ, вы насъ накормите сегодня ужиномъ? спрашиваетъ его одна изъ этихъ дамъ.

Нашъ толстякъ пыхтитъ и краснѣетъ съ досады. Но какъ известно, отъ малыхъ причинъ бываютъ часто большія послѣдствія, какъ это побѣдоносно доказалъ г. Скрибъ; вся жизнь князя критики проистекаетъ изъ несчастнаго прозвища его Жанъ-Жаномъ.

Вмѣсто того, чтобы съ достоинствомъ пренебречь этими глупыми насмѣшками, редакторъ «Лорнета» вздумалъ изъ своего пера сдѣлать орудіе, отражающее ихъ.

Вообразите теперь, что случилось съ безпристрастіемъ въ отдаваемыхъ имъ отчетахъ объ артистахъ.

Истинна уже не можетъ водить перомъ его совѣсть; не исполняетъ своего долга.

— Вы меня назвали Жанъ-Жаномъ, сударыня! Хорошо-же! Я не признаю въ вашей игрѣ ни таланта, ни тонкости, ни граціи. У васъ нѣтъ вдохновенія, нѣтъ и увлеченія.

Вы публикѣ не нравитесь и къ тому-же у васъ худыя, костлявыя плечи.

— Кто это прошелъ, меня не замѣтивъ и мнѣ не поклонившись?

— Это авторъ такой-то новой пьесы.

— Ну постой-же, я тебя проучу.

И «Лорнетъ» выпускаетъ вамъ чудесную статейку, наполненную и животрепещущую эпиграммами. Авторъ въ ней пораженъ, уничтоженъ, прошигованъ, убитъ. Пьеса его есть нѣчто, чему не приберешь названія и охуденія, нѣчто дикое и безобразное, гдѣ бессмысленность сталкивается съ бездарностью, гдѣ замѣтны—своимъ отсутствіемъ только—хорошій вкусъ и слогъ...

Такія сужденія научать тебя быть учтивымъ!

Г. Жаненъ не выходитъ изъ принятой имъ системы. Ему удается она въ очень большихъ размѣрахъ.

Чтобы заслужить его одобреніе, надо преклонять предъ нимъ колѣна, и въ особенности надо не смѣть ему сказать, что всякую недѣлю мы слышимъ отъ него пѣсню все одну и ту же. О, тогда ваши дѣла пойдутъ какъ по маслу. Онъ даже сторицею вознаградитъ васъ за ваши любезности; онъ будетъ ласкаться къ вамъ самымъ сладчайшимъ своимъ слогомъ; онъ осыплетъ васъ самыми краснорѣчивѣйшими и мягкими своими рѣчами; онъ сложитъ для васъ цвѣточное ложе изъ своихъ періодовъ, и умаститъ васъ самымъ душистымъ елеемъ своихъ фельетоновъ. Но зато, если вы не станете оказывать ему ласкъ, ни расточать похвалъ, не ляжете у ногъ этого закулиснаго ламы—вы погибли.

Распроститесь со славою, которой лучи онъ держитъ въ рукъ своей и разсыпаетъ ихъ по своему произволу. Никогда извѣстность и знаменитость не увѣнчаютъ чела вашего, если вы обошлись съ добрякомъ Жаненомъ непочтительно, невнимательно, небрежно.

Забудьте, хотя по разсѣянію, не поклонитесь ему, встретившись съ нимъ, и вы не всплывете никогда изъ илу и грязи, въ которую онъ повергаетъ всѣхъ тѣхъ, кто не склоняется передъ его величавой, шарообразной личностью.

Мы знаемъ, что Жаненъ честенъ и безкорыстенъ; мы это объявили выше и повторяемъ еще разъ. Онъ не чернитъ уваженія литератора кражею чужой собственности. Богъ насъ избави даже подумать, что онъ способенъ на эти безстыдныя продѣлки, совершающіяся не ночью, а при солнечномъ сіяніи, въ цивилизованный вѣкъ. Никакой директоръ театра не осмѣлится ему предложить какую-нибудь постыдную сдѣлку. Но критику запрещается быть рабомъ своей прихоти; онъ не долженъ быть пристрастенъ; его личныя неудовольствія, щекотливость самолюбія, оскорбленная гордость, антипатіи и симпатіи не должны переступать порога его рабочаго кабинета. Здѣсь равно должны быть приняты друзья и недруги.

День, въ который жрецъ переступитъ долгъ истины и безпристрастія, долженъ быть послѣднимъ днемъ его служенія; за симъ онъ безщадно изгоняется изъ храма.

Вы этотъ жрецъ, г. Жюль-Жаненъ.

Была-ли въ нашу эпоху хотя одна достойная знаменитость, или истинный талантъ, которыхъ критика ваша не старалась-бы затемнить? Вы поступали съ Бальзакомъ съ такою непочтительностью, которую опровергаетъ и ставитъ вамъ въ стыдъ и поношеніе славная его могила. Все, что было въ нашу пору великаго и прекраснаго, все вами унижено и забрызгано грязью. Завистливый Пигмей, вы нападаете на гигантовъ и кусаете ихъ за пяты, чтобы остановить ихъ въ пути. Если вамъ случалось, послѣ нападокъ на какое-нибудь дарованіе, вдругъ вздумать хвалить его, вы это дѣлали не по сознанію своей ошибки или раскаянія. Можно было поручиться, что какая-нибудь сторонняя досада или зависть водила перомъ вашимъ и заставляла его противорѣчить самому себѣ. Такъ вы поступили съ Викторомъ Гюго, котораго таланта вы долго не признавали, противъ котораго вы написали столько непочтительныхъ страницъ, называя его нынѣ *царемъ поэзій, неземнымъ пьвцомъ, орломъ съ мощными крылами.*

Позвольте вамъ сказать, что вы поступаете неискусно и опрометчиво. Къ чему вамъ бичевать свое настоящее своимъ-же прошлымъ? Неужели отъ этого будетъ вамъ выгода въ будущемъ?

Старая бабушка Жюля, замѣнявшая ему мать, перешла въ вѣчность, издержавъ свой послѣдній экю. Злые языки увѣряютъ, что она умерла въ крайней нищетѣ. Это невозможно. Жюль-Жаненъ не могъ быть до того неблагодаренъ къ преданнѣйшей особѣ и другу его дѣтства, къ благодѣтельницѣ, которая нянчила, кормила, содержала его во все продолженіе молодости и времени вступленія его на литературное поприще. Повторяемъ — это быть не могло.

Послѣ смерти старушки, Жаненъ оставляетъ занимаемое имъ съ нею помѣщеніе и переселяется на чердакъ въ кварталъ Святаго Іакова, несмотря, что къ тому его не побуждала крайность. Онъ имѣлъ въ то время деньги, но этимъ способомъ хотѣлъ попасть въ оригиналы. Только въ-теченіи восьми мѣсяцевъ «Лорнетъ» имѣлъ честь быть подъ его редакціею. Жаненъ вдругъ перешелъ къ «Фигаро», со всеми своими орудіями и запасами.

Этотъ новорожденный листокъ явился на свѣтъ со всеми своими зубами. Жюль-Жаненъ самъ говоритъ о немъ:

— Этотъ журналъ преисполненъ былъ негодованія и желчи. Ежедневно появлялись на листахъ его новыя насмѣшки, новыя жесткости. Мы все были жестки и злы, безъ злости, сами того не зная.

О, добрые люди! прибавьте, что вы были остроумны безъ ума, и забавляли публику, сами того не подозревая. Кромь участія въ «Фигаро», Жюль-Жаненъ писалъ для слѣдующихъ изданій: «Journal des Enfants» «Magasin des Familles» «Revue de Paris» и «L'Artiste.» До редакціи фельетона въ «Débats онъ издавалъ фельетоны» «Quotidienne и Messenger.»

Въ то время, какъ нашъ герой участвовалъ въ изданіи журнала La Quotidienne, онъ сочинилъ своего «Продавца Утокъ», курьозный типъ, забытый Балзакомъ въ «Монографіи парижскихъ изданій.

Одинъ изъ друзей его не переставалъ добиваться того, чтобы его статьи были напечатаны.

— Это невозможно, возражалъ ему Жаненъ, ты пишешь какъ устрица. Если хочешь, чтобы твои статьи были въ печати, то послѣдуй моему совету: лги въ нихъ безсовѣстно, сочини необычальныя самоубійства; выкопай изъ своего воображенія елєвозможныя преступленія. Объяви въ нихъ, что какая-то женщина родила ребенка съ рогами; говори утвердительно, что вблизи Гавра, у его береговъ, видали морскую змью въ триста метровъ длины, и прочее въ такомъ-же родѣ, отъ десяти до пятнадцати строкъ для каждаго вымысла. Если который-нибудь изъ нихъ возбудитъ возраженіе, тѣмъ лучше для тебя; за подобную статью тебѣ заплатятъ вдвое.

Другъ послѣдовалъ благимъ совѣтамъ, и подобнаго рода спекуляція въ наше время расширила кругъ своихъ дѣйствій до необычайныхъ размѣровъ. Мы сами были свидѣтелями, какъ подобный «Продавецъ Утокъ» явился въ контору господина Дюмона, издателя журнала «Эстафеты.» Послѣ обычнаго поклона, онъ вынулъ изъ кармана кучу небольшихъ объявленій, которыя онъ читалъ редактору.

— Что вы хотите за это? спрашиваетъ редакторъ,

— Два франка.

— Это дорого, довольно 30 су.

Деньги отсчитаны, и продавецъ уходитъ и идетъ къ другимъ покупателямъ своихъ птицъ. Этотъ торгъ очень прибыленъ.

Жаненъ много способствовалъ успѣху «Фигаро.» Онъ выказалъ на листахъ его много веселья и юмористическихъ придиорокъ. Однимъ изъ славныхъ его дѣяній на семь поприщъ была академическая рѣчь, съ подписью: «Дюкъ де Монморанси.» Послѣдній потомокъ славнаго имени только что былъ избранъ членомъ академіи. Онъ протестовалъ противъ дико-шутовской

рѣчи, появившейся на листахъ «Фигаро» и съ его подписью. Все журналы, принадлежащія къ монархической партіи, равно возстали за славное имя Монморанси.

У Жанена отвѣтъ былъ давно готовъ.

— Къ чему такой гнѣвъ? кричитъ Жаненъ. Графъ Монморанси съдланъ академикомъ! Я даже и не зналъ этого, увѣрю васъ. Г. Дюкъ, трактирщикъ подъ вывѣскою «Благо коня» въ Монморанси, удостоился быть избранъ въ число пѣвчихъ упомянутого города. Я отдалъ отчетъ торжества избранія и рѣчи новаго члена. Я въ отчаяніи отъ случайнаго столкновенія именъ и происшедшаго недоумѣнія. Имя дюка де-Монморанси тутъ не причемъ.

Двусмысленность была очень остроумно прикрыта и поддерживаема съ начала до конца всей статьи. Жертва злой насмѣшки, благородный графъ долженъ былъ покориться ей, потому-что насмѣшники безнаказанно могли стать въ ряды Жанена.

Въ это время герой нашъ познакомился съ Генріетой Л..., дочерью привратника въ улицѣ де Турнонь, прелестнымъ и граціознымъ созданіемъ, исполнявшимъ роли наивныхъ на одномъ изъ лучшихъ парижскихъ театровъ.

Генріета подражала своимъ подругамъ, и старалась всячески заслужить благорасположеніе Жанена.

Послѣ каждаго представленія онъ провожалъ ее въ улицу св. Доминика. Генріета звонила у дверей одного изъ домовъ, и когда дверь отворялась, она раскланивалась съ своимъ проводникомъ, оставляя его на улицѣ.

— Я живу вмѣстѣ со своими родителями, говорила актриса, и вамъ нельзя, мой другъ, слѣдовать за мною.

— Безцѣнный другъ! думалъ Жаненъ, покойся въ мирѣ, хранящая цѣломудріемъ! Да убаюкиваютъ тебя мирные сны на своихъ золотыхъ крыльяхъ!

И мечтая такимъ образомъ, онъ уходилъ къ себѣ на чердакъ.

Но разъ вечеромъ, въ фойѣ театра Водевиля, Жаненъ узнаетъ, что у него есть соперникъ, и что этотъ соперникъ не кто иной, какъ юный, даровитый живописецъ, живущій въ той-же улицѣ св. Доминика, какъ и его возлюбленная.

Возникаетъ огласка — за оглаской неизбежна дуэль. Услужливые друзья противятся этому событію. Слѣдуетъ тягостное, хотя и дружеское объясненіе.

— Поклянемся не видать болѣе этой женщины! восклицаетъ молодой живописецъ.

— Да, поклянемся, отвѣчаетъ фельетонистъ.

Они бьютъ по рукамъ, съ приличною случаю торжественностью. Три дня спустя, обитатель улицы св. Доминика помирился съ невѣрной, а Жюль съ своей стороны отыскивалъ случай увидѣться съ нею.

— Клятва влюбленныхъ! думалъ онъ лукаво; У нихъ гдѣ клятва, тамъ и обманъ.

Узнавъ-же, что соперникъ опередилъ его и на этомъ поприщѣ, Жаненъ поднялъ гнѣвный крикъ, схватилъ перо и началъ писать своего «Мертваго осла и обезглавленную женщину.»

Но Жанену не дана дальновидность. Его героиня, къ счастью ея собственному и нравственности, не оправдала всѣхъ его предсказаній на ея счетъ. «Жгучій бредъ его двадцатыхъ годовъ» какъ выражается самъ Жюль-Жаненъ показалъ ему при пробужденіи Генріету женою живописца, женою вѣрною, благоразумною, добродѣтельною, матерью семейства, достойною уваженія какъ своего мужа и свѣта, такъ и любви своихъ дѣтей.

Да послужить это урокомъ господамъ цѣнителямъ талантовъ. Страхъ не можетъ быть любовью. Не обманывайтесь на счетъ значенія вашего вліянія. Относите все къ вашимъ статьямъ, и повѣрьте, что личность ваша тутъ не причемъ. Если женщина оказалась слабою по страху и боязни—это еще не доказываетъ, что она безнравственна.

Кромѣ «Мертваго осла», Жаненъ свершилъ еще нѣсколько литературныхъ дѣлъ; публика ихъ забыла, и Жаненъ можетъ на сей счетъ спать спокойно. Его «Исповѣдь» и шесть томовъ повѣстей, болѣе или менѣе фантастическихъ, болѣе или менѣе «новыхъ», не составляютъ еще литературнаго достоянія, даже если къ нимъ прибавить «Одно сердце для двухъ любовей» и «Перекрестокъ.»

Несторъ Рокепланъ, который достаточно изучилъ Жанена, увѣряетъ, что его «Gaietés de Toulouse» и La Religieuse champêtre маленькія литературныя продѣлки, жившія недолге бумаги журнальныхъ листковъ.

Рокепланъ, хорошій цѣнитель, если только дѣло не идетъ о музыкѣ, говоритъ еще гдѣ то, обращаясь къ Жанену:

— Вы писатель безцвѣтный, нерышительный, а главное легкомысленный. Напугавъ на себя фальшивыхъ блондъ и одѣвшись въ полинялое платье, на которомъ нельзя разглядѣть никакого узора, вы сыплете несвязныя отрывистыя, рѣчи. Запутавшись въ этихъ безысходныхъ рѣчахъ, вы жужжите безъ толку и бьетесь,

какъ оса объ стекла запертаго окна; и чтобы не разбить себя черепа объ высокопарность своего стиля, вы часто прибѣгаете къ цитатамъ—единственному вашему спасенію.

Далѣе Рокеплашъ судить Жанета какъ критика и какъ писателя. Мы совершенно съ нимъ согласны въ мнѣніяхъ и большая часть публики за одно съ нами.

— Ваши нападкы и обвиненія всегда неискренни,—говорить Несторъ; ваши стрѣлы, какъ у китайцевъ, до того зубчаты, что не вонзаются. Боецъ кулачный, безъ кулаковъ, вы прибѣгаете къ подшибамъ ногою. У васъ шумъ безъ удара, громъ безъ молніи, подмоченный, неудавшіяся фейерверкъ въ словахъ.

Все это совершенно справедливо. Г. Жанена можно назвать, какъ и многихъ иныхъ критиковъ, литературнымъ евнухомъ. Его можно уподобить золотыхъ дѣлъ мастеру, который отдѣлываетъ только стразы. Изъ всѣхъ произведеній Жанена только и есть замѣчательнаго: эпизодъ де «Deux filles de Sejan» въ его «Barnave.» къ несчастію и этотъ бриліантъ отдѣланъ былъ Феликсомъ Пиа-томъ, съ которымъ Жаненъ былъ сначала очень дружесъ, но въ-послѣдствіи въ разрывъ, по политическимъ мнѣніямъ.

Извѣстно, что внѣ фельетона Жаненъ ниже посредственности. Ему не удалось набросать ни одной удачной сцены. Онъ не отличился ни въ одномъ родѣ.

Нѣкогда, въ Атенеъ, онъ взялся было за исторической родъ. Лагарпъ, занимавшійся тѣмъ-же въ концѣ прошлаго столѣтія, имѣлъ пагубное вліяніе на судьбу Жанена въ этомъ родѣ. Жаненъ наконецъ самъ сознался въ своемъ безсиліи и избралъ критику для конечнаго и спеціального своего занятія.

Но кто можетъ слѣдить за нимъ по страницамъ журнала Debats? Кто опишетъ всѣ штуки его и продѣлки его? Кто исчислитъ всѣ перемѣны, всѣ хитрости, скачки, всѣ блески на платьѣ этаго Пьеро, выпачканнаго мукою? Какая прыткость! какая ловкость! Бѣгущее облако, летящая муха, щещещущая птичка, бабочка, гоняющаяся за зефиромъ и болтающая безъ умолку женщина—все это взятое вмѣстѣ не дастъ понятія о жужжаніи, измѣчивости, прихотливости и болтливости Жанена. Онъ говоритъ, говоритъ еще, непрерывно говоритъ, не умолкая. Это рѣчка словъ, водопадъ эпитетовъ, океанъ фразъ. Все это течетъ безъ направленія, случайно, толкаетъ другъ друга, поднимается или опускается, какъ волны во-время бури. Вѣтеръ дуетъ и вертитъ перомъ Жанена. Любопытное и забавное зрѣлище!

Попытайтесь поискать идеи въ этой сумятицѣ, въ этой толкотнѣ, въ этой кутерьмѣ—трудъ напрасный! Прыжки слога, фальшивый блескъ, ненужныя цитаты и ссылки, систематическое повтореніе извѣстныхъ рѣчей, смѣшная игра словъ.—Вотъ весь Жанень. Четвертушки какой-нибудь мысли ему достаточно на созданіе цѣлаго фельетона въ двѣнадцать столбцовъ.

А если перечитать все его обмолвки, несообразности и нелѣпости, Боже мой! какой богатый матеріалъ!

Несчастный критикъ, невѣжественный во всемъ, но съ страшными претензіями на знаніе, впадаетъ въ самыя забавныя промахи.

Заговоритъ онъ объ исторіи,—у него Карлъ Великій и его бароны участвуютъ въ первыхъ крестовыхъ походахъ, или вдругъ возстаетъ противъ Лудовика XI за гоненіе Абельяра, любимца Элоизы. Или, что всего забавнѣе, онъ срываетъ съ чела Вилліара лавровую вѣтвь и отдаетъ ее Катинату (Catinat), упорно утверждая, что ему принадлежитъ честь победы при Денень. Вдругъ вздумается ему измѣнить карту Франціи и объявить Марсель главнымъ городомъ департамента des bouches du Rhone; Смирну преобразовываетъ онъ въ островъ, а Наполеона заставляетъ, по возвращеніи его съ острова Эльбы, выйти на поле сраженія въ Каннѣ. Въ натуральной исторіи Жюль-Жанень—съѣлъ собаку, да еще премохнатую. Онъ торжественно возвеличиваетъ рака въ «кардиналы морей.»

Вы пожалуй подумаете, что критикъ нашъ выслушиваетъ внимательно тѣ пьесы въ театрѣ, о которыхъ онъ долженъ дать отчетъ публикѣ? Какъ-бы нетакъ! Онъ даже не повернется лицомъ къ сценѣ, и все время представленія ихъ проводитъ въ разсказахъ. Онъ хохочетъ, шутитъ, напѣваетъ, лорнируетъ дамъ, разгуливаетъ по коридорамъ и заламъ. Зато на другой день онъ пишетъ въ своемъ фельетонѣ, что Самсонъ игралъ первую роль, тогда какъ ее исполнялъ Прево. Онъ перемѣшаетъ *jeune premier* съ благороднымъ отцемъ, субретку съ *injéne*, роль кокетки съ ролей дуэньи. Нѣтъ такой несообразности, передъ которой онъ остановился бы; онъ все пишетъ, что ему мелькнетъ въ голову, только заботясь о томъ, чтобы листокъ былъ готовъ къ положенному часу. Все прочее до него не касается.

Хотите, мы приведемъ еще одинъ примѣръ. По словамъ Жанена, «*Le diner de Madelon*» было дано въ первый разъ въ театрѣ Палерояльскомъ въ 1812 году; Мицетта создала въ этомъ во-

девилъ роль и выказала свой необычайный талантъ. Засимъ слѣдуютъ четыре столбца похвалъ даровитой Минеттъ. Между тѣмъ эта актриса никогда не оставляла сцены театра въ улицѣ де Шартръ; ни въ какое время, ни въ какую эпоху, однимъ словомъ никогда, она не показывалась на сценахъ Палерояльской и театра Varietés. Госпожа Эломиръ создала роль Маделоны. Какъ вамъ это кажется? Стоило только взглянуть на отчеты той эпохи, чтобы не сдѣлать такого грубаго промаха; но зачѣмъ принимать на себя лишній трудъ. Les Debats ждать не могутъ, а добрые читатели проглотятъ всякую небыллицу. Вотъ вся система Ж. Жанена.

Въ октябрѣ 1841 нашъ герой женился. По окончаніи свадебнаго обряда и дня, Жаненъ запирается въ своемъ кабинетѣ, чтобы написать фельтонъ къ слѣдующему утру. Чѣмъ займетъ онъ своихъ читателей? О чемъ заведетъ съ ними рѣчь? О театрѣ? Нѣтъ. О своей женитьбѣ? Да.

Это будетъ недельною новостью.

— Какъ удивятся всѣ! Какъ такъ? Онъ женился? Да. Въ его годы? Онъ умершій человекъ. Что будетъ съ нимъ? Боже праведный! И какая судьба ожидаетъ бѣдную дѣвушку? Онъ сдѣлаетъ изъ ея жизни цыганское кочевье, какъ онъ самъ сдѣлался цыганомъ. Окончивъ эти возгласы, Жаненъ рассказываетъ о всѣхъ препятствіяхъ, которыя ему надо было побѣдить, чтобы достигнуть желаемаго супружества. Что за коммиссія жениться! Сколько для этого надо перенести непріятностей и огорченій! Признанія Жанена были подслушаны; надъ нимъ смѣются; Г. Роль уже чинитъ перо свое. Ахъ Жаненъ, Жаненъ! Теперь, когда брачныя торжества кончены, выслушайте, что пишутъ и говорятъ про васъ:

— Позвольте и мнѣ присоединить свои поздравленія къ вашимъ собственнымъ поздравленіямъ, господинъ Жюль Жаненъ. Вы назвали свой брачный фельтонъ «Женитьбою критика» вообще, а не вашею въ особенности. Нѣкто сказалъ: «Франція это я!», вы скромно провозглашаете: критика это я! Примите-же нашу общую благодарность, за счастливый выборъ супруги. Вы великодушнѣйшій изъ мужей! Сколько изъ нихъ прячутъ женъ своихъ съ бдительностью гесперидскаго дракона, а вы, напротивъ, на первыхъ порахъ выставляете на показъ всѣ прелести вашей супруги, вы ее описываете, литографируете, отпечатываете, и раздаете ее по всему Парижу и его окрестностямъ. Подобнаго рода публи-

кація приобрьтеть вамъ безчисленное множество подписчиковъ.
PS. Еврона ожидаетъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ отраслей знаменитаго рода вашего.

Жаненъ не отвѣчалъ на это прѣвѣтствіе; насмъшки его уничтожили совершенно.

Спустя нѣсколько времени послѣ этого, ему пришлось выдержать страшную полемику съ авторомъ «Воспитанницъ Сень-Сирскаго училища.» Съ вершины своего оскорбленнаго самолюбія и кичливости, Александръ Дюма сталкивалъ на голову Жанена каменные глыбы, въ наказаніе за осужденіе его піесы. Дюма называлъ его неучемъ, клеймилъ всеми позорными эпитетами, и даже ядовитымъ гадомъ.

— Вы всѣхъ кусаете, говорилъ онъ; не смѣя коснуться нашего поэта въ фельетонахъ журнала *Les Debats*, потому что это было запрещено вамъ правительственными мърами, вы его поджидали за угломъ какого то неизвѣстнаго журнала, чтобы уязвить его, въ той надеждѣ, что если онъ не погибнетъ отъ раны, то умретъ отъ яда, которымъ вы нанитали ваше оружіе.

Кромъ этого, Дюма неоспоримо доказалъ неспособность Жанена написать въ-продолженіе трехъ мѣсяцевъ одинъ актъ піесы «*La Tour de Nesle*». Насмъшки Александра Дюма иногда грѣшили противъ вкуса и приличій. Такъ въ своихъ Мемуарахъ онъ говоритъ, что Гарель воспитывалъ свинью въ комнатахъ госпожи Жоржъ съ такою любовью, что нечистое животное въ-теченіе шести недель въсило 20 фунтовъ болѣе Ж. Жанена.

Бѣдный критикъ уже не могъ подняться послѣ такихъ событій, и послѣдній ударъ, данный ему Рокепланомъ, былъ почти бесполезенъ. Теперь, если вы толкнете Жанена, онъ отвѣтитъ вамъ въжливимъ поклономъ. Куда дѣвались гордость и заносчивость его? Онъ смиренно проводитъ свои вечера въ кондитерской Верона, играетъ въ *double-jeux* съ первымъ встрѣчнымъ, и выходитъ изъ кондитерской лишь для того, чтобы проболтать до полночи у торговки табакомъ на Итальянскомъ-бульварѣ.

Онъ ищетъ друзей, почти вымаливаетъ дружбу и привязанность. Онъ желаетъ по возможности возстановить все, что старался разрушить въ-продолженіе тридцати лѣтъ.

Это исправленіе трогаетъ насъ искренно; намъ становится почти прискорбна наша правдивость. Прошлые проступки искупаются настоящими благими стремленіями князя критиковъ, такъ глубоко павшаго съ высоты своего величія.

III.

ВЕЧЕРА ВЪ КАЮТЪ-КОМПАНИИ.

Вечеръ четвертый.

НЕГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ БРИГЪ НОЭМИ.

Однажды вечеромъ, бригъ «Ноэми» скользилъ по морю, подходя къ скаламъ, прикрывающимъ входъ въ маленькую бухту, на западномъ берегу Африки, возлѣ мыса Біафра.

Вѣтеръ былъ свѣжъ, зыбь шла съ моря, и дѣлалась все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ бригъ, легко разсыкая волненіе, приближался къ заливу, въ которомъ намѣренъ былъ бросить якорь и отъ котораго отдѣлялъ его мысъ Біафра и рифъ. Ихъ нужно было обогнуть; оставалось неболѣе одной трети мили.

Подобно кокеткѣ, любующейся собою въ зеркалахъ, луна отражалась въ каждой волнѣ, поднимаемой вѣтромъ. По небу катились тяжелыя и грозныя облака, бѣлый, густой туманъ разстилался широкой пеленой со стороны вѣтра, гдѣ уже горизонтъ не означалъ линіи, отдѣляющей море отъ неба.

Темнѣло и мрачность все болѣе и болѣе увеличивалась; металлическій блескъ луны замѣтно тускнѣлъ, по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ поверхности моря, въ которомъ должна

была погрузиться; скоро стала она только изрѣдка выглядывать изъ за густѣющихъ облаковъ. Такое состояніе ночи имѣетъ свою поэзію, но оно страшно и грозно. Долго надобно плавать по морямъ, чтобъ сдѣлаться хладнокровнымъ зрителемъ подобной картины. Эта природа, покрытая вуалью, съ своими глухими звуками, усыпляетъ умъ и чувства. Желая избѣжать этого впечатлѣнія, ложишься спать, но сонъ тяжелъ и безпокоенъ; воображеніе возбуждаетъ страшныя грѣзы, которыя часто продолжаются и на яву, и долго мучатъ своей ужасною фантазмагоріей. Самое судно, кажется, предается тогда, какъ неподвижное тѣло, волѣ волненія, иногда, подобно груди человѣческой, стонетъ въ мачтахъ, въ блокахъ и въ другихъ своихъ частяхъ; все это вмѣстѣ сильно способствуетъ къ возбужденію страха въ душѣ молодаго моряка, котораго краткая опытность на моряхъ не пріучила еще къ различнымъ фазамъ природы, его окружающей.

Въ эту ночь всѣ эти элементы соединились вмѣстѣ: луна, будто-бы страшась чего-то, спряталась за горизонтъ; небо покрылось густою, сплошною массою облаковъ, обрисовывавшихъ на сводѣ его самыя фантастическія изображенія; глухо раздавался плескъ волненія; вѣтеръ начиналъ завывать; однимъ-словомъ, ночь была великолѣпно-страшна. Одинъ только человѣкъ на бригѣ оставался холоднымъ, равнодушнымъ зрителемъ и не былъ подѣявъ вліяніемъ чувствъ, порожденныхъ этой дивной ночью во всѣхъ присутствующихъ. Облокотясь на подвѣтренный бортъ, не двигаясь даже и тогда, когда волна, шутя, обрызгивала его бронзовое лицо, онъ думалъ только о размытѣ съ королемъ Пакъ-Ари и о людяхъ, черныхъ, какъ эта ночь, ожидавшихъ его на песчаномъ берегу Біафры.

Бригъ шель по восьми узловъ и приближался къ выдавшемуся мысу, который надобно было обогнуть, чтобъ войти въ тихія воды залива, гдѣ ожидали его отдыхъ и покой; онъ шель подѣ марселями и фокомъ; четыре матроса были на вахтѣ, одинъ изъ нихъ смотрѣлъ впередъ; капитанъ былъ на верху, значить, все было какъ слѣдуетъ. Остальные люди отдыхали, и по близости берега, уже не безпокоились о состояніи вѣтра и моря; они надѣялись скоро уснуть въ койкахъ. Еще нѣсколько галсовъ, и бригъ, минуя опасности, станетъ на якорь.

— По мѣстамъ стоять!—скомандовалъ капитанъ, выйдя изъ задумчивости и подходя къ рулевому.

Нѣсколько дремавшихъ матросовъ вскочили и схватились за снасти, ожидая, въ молчаніи, слѣдующей команды.

Въ темнотѣ ночи уже хорошо можно было различить мысъ Біафра: онъ совершенно отдѣлился отъ облаковъ, и всплески волнъ о скалы раздавались глухимъ ропотомъ подъ самымъ носомъ судна; разстояніе до берега было самое малое, но капитанъ зналъ мѣстность и надвѣлся на себя.

— Держи полнѣе! Вотъ такъ, хорошо!—и выждавъ немного, капитанъ началъ поворачивать; команда тихо работала, и черезъ нѣсколько секундъ... гротъ-марса-булень отдай!—бригъ перевалился на другой галсъ, и полетѣлъ впередъ. Ноэми отлично ходитъ, имѣетъ всѣ качества хорошаго судна, легка, чудно слушаетъ руля, и вообще лучшаго брига не надо.

Капитанъ остался на верху и опять въ задумчивости стоялъ у борта, какъ вдругъ, къ общему удивленію всей команды, онъ отскочилъ и устремилъ свои зоркіе глаза по направленію залива. Матросы, слѣпо увѣренные въ своего капитанъ, теперь не могли понять причины такой внезапной переменны, и въ молчаніи ожидали приказаній. Онъ-же, отойдя отъ борта, подошелъ къ рулевому и посмотрѣлъ на компасъ... Въ эту минуту темнота, окружавшая бригъ, исчезла, и грохотъ выстрѣла изъ орудій большого калибра раздался и повторился нѣсколько разъ эхомъ въ береговыхъ скалахъ; удивленіе команды уступило мѣсто ужасу, когда они увидѣли отдѣлявшійся отъ берега бушпритъ, фокъ-мачту, потомъ весь рангоутъ и наконецъ самый корпусъ судна большого ранга. Это былъ фрегатъ. Даже въ темнотѣ ночи можно было разглядѣть баттарену, которая будто грозила бѣдному бригу. На горѣ былъ виднѣн огонь, откуда часовые, вѣрно, открыли Ноэми, когда она, передъ поворотомъ, такъ близко подошла къ берегу.

По всему видно было, что фрегатъ уже снялся съ якоря, хотя еще ни одинъ парусъ на немъ не былъ отданъ; онъ замѣтно отдѣлялся отъ берега, продолжая стрѣлять на удачу изъ коронадъ, и пользуясь блескомъ выстрѣла, чтобъ разглядѣть положеніе бѣглеца, который давно уже спустился по ветру, поставивъ всѣ паруса, какіе могъ. Наконецъ и фрегатъ двинулся. Безпрестанно повторявшіеся выстрѣлы показывали его экипажу брига, подобно огромной, бѣлой тѣни, ихъ преслѣдующей. Ядра конечно не могли попадать, но минутный блескъ, освѣщая темноту, показывалъ фрегату всѣ движенія брига. Впрочемъ негро-

промышленный капитанъ не очень боялся военного судна, которое конечно хорошо ходитъ, но и Ноэми нехуже его разсѣкаетъ волны. Ея преслѣдователи всегда видѣли только издали золотыми буквами написанное на кормѣ поэтическое имя *Ноэми*. Увѣренность въ преимущество своего хода успокаивала капитана за бригъ. Но капитанъ безпокоился о неграхъ, собранныхъ для него на берегу, потому-что каждый день число ихъ могло уменьшаться, а король Пакъ-Ари всѣхъ ихъ поставитъ на счетъ.

Маленькій бригъ продолжалъ нырять въ волненіи съ удивительнымъ хладнокровіемъ; проходила-ли волна черезъ него, онъ самъ перескакивалъ черезъ слѣдующую, и продолжалъ храбро идти впередъ. Иногда, впрочемъ, онъ будто пошатывался на неровной поверхности моря, но вскорѣ оправлялся; мачты его стонали отъ тяжести парусовъ и отъ давленія вѣтра, брасы и шкоты пищали въ блокахъ; бакъ преданъ былъ волненію, которое, расходясь, безпрестанно качивало его, такъ, что дѣйствительно было страшно. — Идетъ себѣ! ворчалъ сквозь зубы капитанъ; я очень хорошо зналъ, что мы никогда не будемъ плеснуть на палубъ военного судна.

Между-тѣмъ и фрегатъ не терялъ времени: на немъ поставлены были брамсели; брамъ-стенги его гнулись и готовы были сломиться. Разстояніе между судами было немного больше мили; каждое неправильное движеніе руля удаляло фрегатъ отъ цѣли; на обоихъ судахъ не звали; удары рупора щедро сыпались на плечо неловкаго рулеваго. Утренній проблескъ начиналъ превращать чернѣйшій цвѣтъ облаковъ въ сѣрый, но фрегатъ не выигрывалъ, и продолжалъ покрываться легкими парусами, рискуя потерять верхній рангоутъ. Ходъ Ноэми останавливало волненіе, фрегату-же это было шуточнымъ дѣломъ, и волны, будто умоляя его, разбивались о носовую часть.

Наконецъ, капитанъ брига разсудилъ, что надобно на что-нибудь рѣшиться, потому-что утро откроетъ корпусъ его судна канонирамъ фрегата, и тогда прощай все.

— Ба! я лишусь шляпки! проворчалъ онъ, ну, да возьму другую у короля Пакъ Ари, и значить ничего не потеряю.

Черезъ пять минутъ, нѣсколько ловкихъ матросовъ вышпихнули шляпку до половины за бортъ, приладили къ ней зажженный фонарь, и потомъ, соединенными силами, окончательно выбросили шляпку на воду. Лишь только это успѣли сдѣлать, какъ пере-

брасопили паруса, и бригъ легъ на другой румбъ, пересъкая подь прямымъ угломъ старый курсъ; потомъ спустили верхніе паруса, чтобы облегчить рангоуть и уменьшить поверхность, открытую взорамъ крейсера.

Шлюпка между-тѣмъ бѣтается на волненіи, и фонарь то блещитъ, то тускнѣетъ; подходя къ ней, фрегатъ радуется, но напрасно. Бригъ-же выигрывалъ, что могъ, на вѣтеръ; съ гротъ-марса его еще виднѣлся фрегатъ черной массой, подходившей къ огоньку, но вскорѣ все сокрылось во мракъ ночи.

Борьба между-тѣмъ еще не кончилась; начало свѣтать, и въ двухъ миляхъ, подь вѣтромъ у брига, открылся фрегатъ; вѣтеръ стихалъ, зыбь уменьшалась, и храбрый бригъ теперь уже не боялся фрегата. Нѣсколько разъ оба судна поворачивали, но каждый галсъ увеличивалъ между ними разстояніе; наконецъ, фрегату наскучила напрасная погоня, отъ которой страдала его гордость; онъ легъ въ дрейфъ и началъ мѣнять паруса. Замѣтивъ это, безстрашный и торжествующій бригъ также легъ въ дрейфъ, на разстояніи полуторы мили отъ фрегата, и началъ также мѣнять паруса, чтобы поднять новые и крѣпкіе. Увидя это, фрегатъ быстро перемѣнилъ свой парусъ, снялся съ дрейфа и началъ палить въ смѣльчака; но тотъ нѣсколько не торопился мѣнять марселей своихъ, и въ отвѣтъ фрегату стрѣлялъ изъ ружья. Наконецъ одно ядро, удачно пущенное, упало въ нѣсколькихъ футахъ отъ брига, но марсели были готовы, и въ минуту вѣтеръ ихъ наполнилъ.

— Довольно шутить, подумалъ капитанъ, пожалуй, кончится тѣмъ, что проклятый фрегатъ насъ поцарапаетъ. Пошелъ на брам-сели! А потомъ подвахтенные спать.

Черезъ нѣсколько минутъ на палубѣ брига все было убрано; капитанъ, лейтенантъ и четыре матроса остались наверху; бригъ шелъ по восьми узловъ, круто держась къ вѣтру; фрегату ничего не оставалось дѣлать.

Радостная улыбка озаряла лицо негропромышленника; онъ насмѣшливо поглядывалъ на фрегатъ, покрытый парусами, который продолжалъ лавировать, гонясь за фантастическимъ судномъ, въ существованіи котораго онъ только увѣрился съ разсвѣтомъ. Старый морякъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа; радость его въ состояніи постигнуть только тотъ, кому море служило, такъ сказать, колыбелью и океанъ отечествомъ. Добрая его Ноэми! Какъ онъ любитъ ее и отдаетъ полную справедливость ея

отличнымъ качествамъ; грубой рукой своей онъ ласкаетъ ее, какъ возлюбленную; и въ-самомъ-дѣль, никакая женщина не могла быть болѣе любима, какъ это милое судно своимъ капитаномъ.

Для него и подъ его надзоромъ она строилась, росла, развивалась, наконецъ спустили ее; она стала ходить, и во всѣхъ различныхъ обстоятельствахъ послушно и быстро повиновалась его волю. Какъ понятна такая любовь, и сильная ревность, если чужая рука будетъ править такимъ судномъ. Ядро, попавшее въ корпусъ Ноэми, заставило-бы капитана ея столько-же страдать, какъ-будто самаго его ранило; дерево сдѣлалось тѣломъ, нѣмое послушаніе всѣмъ требованіямъ сдѣлалось душою; всѣ привязанности стараго моряка сосредоточились въ Ноэми; на берегу его никто не помнилъ, никто о немъ не сожалѣлъ; онъ жаждаль золота, но только для того, чтобы украшать свою любимицу.

Съ исчезающимъ днемъ разстояніе между судами замѣтно увеличивалось, и когда вечеръ началъ покрывать черною тѣною море, по которому летѣла Ноэми, фрегатъ потерялся изъ виду, во-время длиннаго галса, и такимъ образомъ прекратилъ погоню за смьльчакомъ.

Какъ только капитанъ брига удостоверился, что движеній его, за темнотою, нельзя разсмотрѣть, онъ поставилъ всѣ лисели (боковые паруса) и спустился опять къ мысу Біафра, который нѣсколько часовъ, какъ уже скрылся изъ вида. Курсъ взяли прямо въ заливъ, на берегу котораго человѣческой грузъ, въ эту ночь, вѣрно будетъ приготовленъ, по случаю удаленія фрегата. Новая, смѣлая выходка, столь правящаяся отчаяннымъ морякамъ, которыхъ неустрашимость и страсть къ золоту привязываютъ къ страшному ремеслу негропромышленника. Капитанъ вполне надѣялся, что команда его употребитъ всѣ силы, чтобы способствовать его смѣлому предпріятію, если вѣтеръ, продолжая имъ содѣйствовать, дозволитъ прійти и уйти изъ залива до разсвѣта.

Бѣдный бригъ гнулся поръ бременемъ парусовъ; безпрестанно что-нибудь лопалось, но команда была на мѣстахъ и поврежденіе немедленно исправлялось. Въ одиннадцать часовъ вечера бригъ находился подъ защитою мыса; ничего не было въ заливѣ такого, что-бы заставило его опять бѣжать, какъ въ предъидущую ночь. Вѣтеръ, за высокими берегами, не достигалъ до якорнаго мѣста, и бригъ, съ незакрѣпленными парусами, сталъ

на верпъ *. Черезъ нѣсколько минутъ, спустили шлюпку и капитанъ отправился на берегъ. Онъ не ошибся въ своемъ расчетѣ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега черные ожидали его прибытія; бѣгство и преслѣдованіе за бригомъ занимали цѣлый день ихъ вниманіе. Спустя нѣсколько времени, негры невольники, связанные по два, были приведены въ большую палатку, которую король Пакъ-Ари устроилъ на берегу. Капитанъ наскоро ихъ осмотрѣлъ, время не позволяло ему медлить; потомъ ихъ отвели къ пристани, гдѣ лодки короля приготавливались ихъ перевезти. Дѣло шло очень скоро; въ два часа негровъ уложили въ лодки и перевезли на бригъ, гдѣ ихъ помѣщали въ трюмъ, вмѣсто товаровъ, выгруженныхъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ.

Последніе тридцать негровъ отвалили отъ пристани. Довольный удачею своего предпріятія и полный надеждъ, капитанъ только что хотѣлъ ступить на свою шлюпку, какъ вдругъ блеснулъ въ морѣ огонь, потомъ скрылся, потомъ снова блеснулъ; трепеть страха пробѣжалъ по жиламъ негропромышленника; нагруженная неграми шлюпка медленно двигалась къ бригу, который покачивался на волненіи, разведенномъ засвѣжившимъ вѣтромъ. Капитанъ скоро достигъ своей палубы и тотчасъ сталъ глядѣть вдаль, чтобы разсмотрѣть огонекъ, наполнявшій душу его тревогой. Но сомнѣваться не было никакой возможности: это былъ фрегатъ, который доврчиво возвращался къ своему якорному мѣсту.

Удастся-ли Нозми избѣжать его?

По приказанію капитана, всѣ огни на суднѣ были погашены. Стараясь слиться съ тьмою горъ, бригъ выпустилъ канатъ и подошелъ къ берегу какъ можно ближе, но несмотря на темноту, часовые на фрегатѣ разглядѣли судно, стоявшее на якорѣ подъ берегомъ, невдалекъ отъ скалъ, ограждающихъ узкій проливъ Сомбреро. Такъ какъ всѣ суда, посѣщающія эти берега, особенно ночью, подозрительны, то капитанъ фрегата приказалъ выпалить холостымъ зарядомъ, при свѣтѣ котораго негропромышленники увидѣли у борта фрегата шлюпку и спускающихся въ нее гребцовъ, посланныхъ, вѣрно, для того, чтобы овладѣть неизвѣстнымъ судномъ.

На фрегатъ бросили якорь и убрали паруса; команда рассчитывала уже на призовыя деньги, но она не знала, что имѣла дѣло съ тою-же Нозми.

* Малый якорь.

Палуба и батарея фрегата освѣщены; вездѣ видно на немъ движеніе; на Ноэми, напротивъ, молчаніе и мракъ. Капитанъ брига скорѣе готовъ разбить свое судно на каменьяхъ опаснаго прохода Сомбреро, нежели отдаться въ руки крейсера. Вслѣдствіе этого боцманъ, съ топоромъ въ рукахъ, стоялъ готовый обрубить канатъ, а команда и нѣсколько негровъ держали на рукахъ снасти, чтобы бѣгомъ поставить паруса по вѣтру. Самъ король Пакъ-Ари уговаривалъ своихъ подчиненныхъ усердно помогать спасенію брига; онъ пріѣхалъ получить послѣдніе и самыя дорогіе товары за грузъ, данный имъ капитану, и боялся потерять выгоды своего обмена.

Торжественная минута настала; послѣдній грузъ негровъ былъ взятъ на бакштовъ; военная шлюпка подходила; капитанъ, стоя на возвышеніи, выжидалъ удобнаго момента; все было готово; на палубѣ брига царствовало мертвое молчаніе.

— На бригъ! — закричалъ офицеръ, командовавшій шлюпкой. Первый вопросъ остался безъ отвѣта, чтобъ убѣдить офицера, что никто на бригъ не ожидалъ подобнаго посѣщенія.

— На бригъ! — повторилъ громче офицеръ.

— Алло! — отвѣчалъ глухимъ голосомъ капитанъ.

— Развѣ у васъ нѣтъ огня? — продолжалъ офицеръ.

— Есть, есть! — отвѣчалъ капитанъ.

Шлюпка подходила ближе. Минута была прекрасная, несмотря на опасность висѣвшую надъ головами негропромышленниковъ, минута трепета и нетерпѣнія, когда дрожь пробѣгаетъ по всемъ жиламъ; храброму и смѣлому челоуѣку подобныя минуты нравятся.

Когда капитанъ разсчелъ, что военная шлюпка достаточно удалилась отъ фрегата, чтобъ крики и сигналы съ нея не были слышны, онъ скомандовалъ своимъ людямъ, дрожавшимъ отъ нетерпѣнія.

Тонкій канатъ, одинъ державшій бригъ на мѣсть, перерубленъ, паруса развернулись и руль постепенно уклонялъ судно, по мѣрѣ того, какъ брасопились реи, паруса наполнялись... И бригъ легъ по направленію узкаго прохода Сомбреро.

Шлюпка съ фрегата такъ близко подошла къ Ноэми, что видѣла всѣ движенія ея и угадала ея намѣреніе. Офицеръ, въ отчаяніи, велитъ гребцамъ своимъ сильнѣе грести; они въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ брига, но онъ пошелъ впередъ и шлюпка отстала. По глухому шуму въ трюмъ, офицеръ догадался, что

негропромышленники успѣли забрать свой грузъ; бѣшенство его увеличивается; онъ не знаетъ что начать, но вдругъ шлюпка его стукнулась о какое-то твердое тѣло; ударъ былъ такъ силенъ, что сбросилъ нѣсколько человекъ гребцовъ; въ это-же время раздались какіе-то дикіе крики; это была лодка, привязанная на длинномъ бакштовѣ за бригомъ, съ остатками запрещеннаго груза. Крикъ и ругательства продолжались нѣсколько времени на обѣихъ шлюпкахъ.

Во-время этой маленькой сцены бригъ быстро подходилъ къ проходу; скоро онъ долженъ былъ выйти изъ береговой тѣни и показать свой корпусъ и рангоуть въ сѣромъ просвѣтѣ, оставленномъ проливомъ. Шлюпка на бакштовѣ криками старалась обратить на себя вниманіе людей на палубѣ брига, но эти были слишкомъ заняты уборкою и распределеніемъ негровъ, чтобы по-смотреть на то, что дѣлалось за кормой, и если кто-нибудь и поглядывалъ черезъ борты, то обращалъ глаза къ фрегату, все еще стоявшему на якорѣ.

Но вся опасность не миновалась этой мгновенной сѣмкой съ якоря, и хотя капитанъ умѣлъ хорошо управлять своимъ судномъ въ мѣстахъ, ему очень знакомыхъ, но въ проходѣ Сомбреро есть одинъ только узкій фарватеръ; темнота и беспорядокъ, царствовавшіе еще на бригѣ, беспокоятъ капитана; онъ не то, чтобы боялся,—вся жизнь его энергически опровергаетъ подобную мысль, — но онъ чувствовалъ, что, почти достигая своей цѣли, могъ отъ самаго легкаго и непредвидѣннаго препятствія потерять всё.

Нозми понемногу начала выходить изъ тѣни и стала обрисовываться темнымъ цвѣтомъ въ промежуткѣ, оставленномъ проходомъ; море бѣшено билось о камень; бригъ такъ близко обрѣзывалъ ихъ, что брызги отъ буруновъ (всплески) долетали до палубы.

Капитанъ сталъ на бортъ, и держась за снасти, отрывисто командовалъ рулевому всѣ движенія, для избѣжанія камней, число которыхъ, по мѣрѣ того, какъ бригъ входилъ далѣе въ проходъ, все увеличивалось.

Всѣ матросы наклонили впередъ головы и съ поблѣднѣвшимъ отъ страха лицомъ глядѣли на капитана, въ которомъ теперь соединялись для нихъ и жизнь и смерть. Онъ-же неподвижно стоялъ на бортъ; на смугломъ лицѣ его выражалось безпокой-

ство, волосами игралъ вѣтеръ, но вся жизнь, всѣ мысли, вся душа стараго моряка сосредоточились въ его блестящихъ глазахъ.

Близко открытое море; Ноэми покачивается, будто радостно кланяясь ему. Капитанъ на секунду отвернулъ глаза отъ каменей; въ нетерпѣннн своемъ онъ хотѣлъ прибавить парусовъ, но, о ужасъ!.. вдругъ продолжительное треніе потрясаетъ все судно, и Ноэми легла на бокъ. Всѣ, кто былъ на палубѣ, остолбеньли. Безпокойство, мучившее всѣхъ столько времени, обратилось въ ужасъ; они молча глядятъ на капитана, который кричить, командуетъ, но никого не можетъ оживить.

— Лоть! * Бросай лоть! Спускайте паруса!.. Ну, чтожь вы стоите! Трогайтесь-же, несчастные!

Капитанъ соскочилъ съ борта и самъ бросился отдавать снасти для спуска парусовъ, но въ торопливости палець его попалъ въ блокъ. Ко мнѣ, сюда, помогите! Руль на вѣтеръ! Лоть, лоть!

Нестерпимая боль придала его приказаніямъ что-то разрывающее душу; это возвратило жизнь нѣсколькимъ матросамъ; они освободили своего капитана, принесли лоть и стали промѣрять глубину. Капитанъ завернулъ руку свою въ галстухъ и повидимому былъ въ жестокой нервнтельности. Его Ноэми остановилась, когда, почти уже освободившись отъ всякой опасности, достигла открытаго моря; теперь она неподвижна и сильно бьется о камни; трескъ ея членовъ смѣшивается съ шумомъ волненія, ударяющагося въ корпусъ.

Конечно, было средство немедленно снять бригъ, но слишкомъ различныя мысли, которыя довольно трудно объяснить, толпились въ головѣ негропромьшленника; главное, состраданіе и скупость не допускали его тотчасъ принять это средство. Оно состояло въ уменьшеніи тяжести брига выброшеніемъ около двухъ сотъ негровъ за бортъ! Въ это время на шлюпкѣ, бывшей на бакштотѣ, готовилась сцена, которая могла вдругъ измѣнить развязку этой драмы.

Вскорѣ послѣ столкновенія, военная шлюпка изъ-подъ ногъ сидѣвшихъ на ней матросовъ, погрузилась въ воду, а они вскарабкались на лодку, нагруженную черными; послѣ довольно долгой борьбы, для полученія себѣ мѣста, порядокъ возстановился, но лодка не допускала излишнихъ движеній, потому-что тоже была повреждена. Когда бригъ стукнулся, матросы очистили

* Инструментъ для измѣренія глубины.

себѣ мѣсто, выбросивъ нѣсколько негровъ въ воду и вознамѣрились взять на бордажъ негромышленника, на палубѣ котораго все было въ движеніи: убирали паруса, приспускали мачты, чтобы уменьшить кренъ. Капитанъ на минуту сошелъ въ каюту, чтобы посмотреть, когда приливъ можетъ освободить его судно съ банки. Нѣсколько человекъ дѣйствовали помпой, потому что въ бригъ открылась течь. Въ это-то время военные матросы начали притягиваться къ борту, чтобы влезть на бригъ и постараться овладѣть имъ.

Пакъ-Ари былъ въ отчаяніи; онъ очень желалъ броситься въ воду, чтобы доплыть до берега, но расчетъ и скупость удерживали его. Онъ напрасно подходилъ нѣсколько разъ къ капитану, который, выйдя изъ каюты, задумчиво прохаживался по палубѣ и не хотѣлъ слушать его; онъ думалъ о судьбѣ своего судна и о фрегатѣ. Походивъ немного, онъ отправился на носъ судна, гдѣ съ работавшими матросами смѣшаны были и негры, которыхъ не успѣли помѣстить въ трюмъ.

Капитанъ громко приказалъ своимъ людямъ оставить работы и собраться на шканцы для совѣщанія: морякъ въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаетъ къ этой мѣрѣ. Команда пошла на зовъ своего капитана.

Негры пріютились кое-гдѣ въ уголкахъ, гдѣ потеплѣе и поудобнѣе; безлунное небо едва освѣщало эту картину.

Тридцать матросовъ, составлявшихъ команду брига, сошлись у гротъ-мачты, но удары судна были такъ сильны, что они все принуждены были держаться за снасти.

Звучнымъ голосомъ, съ едва замѣтнымъ отъ безпокойства дрожаніемъ, капитанъ объяснилъ своимъ людямъ всю опасность ихъ положенія и необходимость рѣшиться на что-нибудь; но онъ не смѣлъ взять ответственности на себя, не отобравъ предварительно у нихъ мнѣнія и согласія.

Подобное ночное совѣщаніе, между такими людьми, на такой сценѣ, не есть-ли одна изъ самыхъ странныхъ картинъ, которыя въ состояніи представить себѣ воображеніе? Судно ихъ стало на камень. Каждый ударъ брига о банку можетъ сдѣлаться для него смертельной раной; бдительный военный фрегатъ непременно воспользуется этимъ случаемъ, чтобы овладѣть судномъ; (они не знали, что за кормою уже готовится абордажъ); кромѣ всѣхъ этихъ опасностей, они могутъ лишиться полного груза, который стоилъ имъ столькихъ трудовъ, и теперь

могъ сдѣлаться добычею или фрегата или моря. И если подумать, что еще бы нѣсколько минутъ, два-три дюйма воды на банкѣ, и они были-бы на волѣ... Ноэми оставалось два или три кабельтова до открытаго моря, гдѣ она уже ничего не боится.

Никто не посмѣлъ подать голоса послѣ начальника; матросы вполне ему доверяли, и имѣли привычку слѣпо исполнять безъ возраженія всѣ мѣры, которыя онъ принималъ въ трудныя минуты; теперь-же они страшились и говорить, потому-что опасность конечно была велика, если онъ рѣшился собрать совѣтъ.

— Ну, молодцы! — продолжалъ онъ — выгрузимъ-ли мы безъ околичностей черныхъ за бортъ, чтобы облегчить бригъ и снять его съ банки, или выждемъ прилива, который, къ несчастію, будетъ только съ разсвѣтомъ?

Лейтенантъ предложилъ выпустить прѣсную воду изъ бочекъ; но это опровергли тѣмъ, что въ бригъ и безъ того была течь, и что невозможно будетъ до разсвѣта выкачать прѣсную воду, вылитую изъ бочекъ, и соленую воду, входившую въ щели подводной части.

— Кромѣ того, присовокупилъ боцманъ, какимъ образомъ добраться до бочекъ, когда трюмъ, плубы и люки загромождены неграми.

Все это было совершенно справедливо. Выбросить за бортъ негровъ было для нихъ большимъ затрудненіемъ. Тѣ, которые утонуть, для нихъ потеряны, а также и тѣ, которымъ удастся выплыть на берегъ конечно воспользуются свободой и уйдутъ, не принимая въ расчетъ того, что Пакъ-Ари принялъ за нихъ хорошіе товары.

— Капитанъ, сказалъ наконецъ одинъ изъ матросовъ, мы сдѣлаемъ то, что вамъ угодно, — вотъ наше мнѣніе.

Въ эту минуту на кормѣ послышался шумъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ былъ собранъ экипажъ. Несмотря на темноту, негропромышленники увидѣли нѣсколько человекъ, влѣзавшихъ на бортъ... потомъ слышно было, какъ шлюпка сильно билась о бортъ... Всѣ удивились, но капитанъ, не теряя присутствія духа, схватилъ здоровой рукой ганшпугъ *, закричалъ: за мной! и бросился на корму; за нимъ команда, и въ минуту они схватили вышедшихъ на палубу матросовъ; остальные еще лезли и также были схвачены.

* Желѣзный рычагъ для подъема тяжестей.

— Ну, сказалъ капитанъ, я полагаю, первый разъ случается, чтобы офицеръ и матросы съ военного судна попались негропромышленнику! Господа, вы мои плѣнные: матросовъ отвести внизъ и связать, а офицеръ можетъ остаться на волю.

Приказаніе было немедленно исполнено.

— Чортъ возьми! сказалъ одинъ изъ матросовъ брига: мы вымажемъ плѣнниковъ сажею и они пойдутъ у насъ за негровъ.

Но капитанъ не такъ рассчитывалъ.

Съ разсвѣтомъ, фрегатъ увидитъ его опасное положеніе и конечно воспользуется имъ, чтобы завладѣть судномъ; тогда офицеръ и двѣнадцать матросовъ, можетъ-быть, ему пригодятся.

Красноватые отблески восходящаго солнца уже освѣщали горизонтъ, вѣтеръ былъ довольно свѣжъ, море, повидимому, спокойно, исключая того мѣста, гдѣ стоялъ бригъ, и гдѣ, по узкости и множеству подводныхъ камней, была сильная толчея. Капитанъ приказалъ, по возможности привести судно и рангоутъ въ порядокъ. Плѣнные утѣшались нѣсколькими бутылками рому, которыми приказано было ихъ снабдить: одинъ только офицеръ, облокотясь о бортъ, со вниманіемъ слѣдилъ за всѣмъ, что дѣлалось на палубѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ посматривалъ безпрестанно въ промежутки скаль, на то мѣсто, гдѣ долженъ былъ стоять его фрегатъ.

Во-время всего описаннаго, Пакъ-Ари былъ молчаливымъ зрителемъ; но когда на палубѣ все начало приходить въ порядокъ, онъ одинъ хотѣлъ возмутить его: нетерпѣніе его возрасло и ему сильно хотѣлось оставить бригъ, который начиналъ дѣлаться для него опасной темницей, но тѣбцы его не нашли ни одной шлюпки. Онъ безпрестанно подходилъ къ капитану и требовалъ настойчиво остальные товары. Но король выбралъ дурную минуту: отливъ кончился, и негропромышленникъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за всякимъ движеніемъ брига, который впрочемъ уже подвинулся на нѣсколько футовъ впередъ; паруса были отданы, и ждали только минуты, когда бригъ освободится отъ препятствія, чтобъ ихъ наполнить. Наконецъ Пакъ-Ари такъ надоелъ капитану, что онъ велѣлъ посадить его въ желѣза.

Между-тѣмъ ночь начала сливаться съ днемъ; на бригъ все было готово; вода начала возвышаться, а съ нею и бригъ; съ

каждымъ движеніемъ волны онъ подвигался впередъ по дну, потомъ наклонялся на подвѣтренный бортъ, отъ давленія вѣтра на паруса, и ударился нѣсколько разъ килемъ. Положеніе Нозми было ужасно: отъ каждаго удара всѣ члены ея тряслись, и можно было ожидать, что она не выдержитъ, если это долго продлится: или пробьетъ подводную часть, или весь рангоутъ свалится. Экипажъ молчалъ и не сводилъ глазъ съ капитана, но вскорѣ радостный крикъ раздался на бригъ: громкое ура возвѣстило, что Нозми перескочила черезъ банку и вышла на чистую воду.

Освободившись отъ этого препятствія, обрадованный капитанъ вспомнилъ о фрегатѣ; за скалами не было его видно; капитанъ поднялся на марсъ и увидѣлъ фрегатъ, лавировавшій подъ всеми парусами, чтобъ выйти изъ залива.

Нозми едва двигалась; ее порядкомъ поколотило на банкъ; вода во многихъ мѣстахъ лилась въ трюмъ и тѣмъ уменьшала обыкновенную ходкость. Команда усердно дѣйствовала помпами, но вода все прибывала.

Фрегатъ продолжалъ лавировать: ему оставалось только обогнуть гряду камней, расположенныхъ прямо на вѣтрѣ.

Плѣнный офицеръ не произносилъ ни одного слова и все слѣдилъ за движеніями фрегата. Онъ также беспокоился о своей участи, потому-что вода прибывала въ трюмъ, а на бригъ не было ни одной шлюпки, и еслибы пришлось покинуть судно, не было возможности попасть на берегъ.

Капитанъ, также все это взвѣсилъ, но не показывалъ безпокойства, зная, сколько необходимо поддерживать духъ команды. Въ это время конопатчикъ и боцманъ пришли доложить, что, осмотрѣвъ трюмъ и прислушиваясь вездѣ, они открыли, что главная печь въ носовой части. Капитанъ пошелъ внизъ, самъ все осмотрѣлъ, удостовѣрился, что показанія ихъ справедливы, и рѣшился немедленно употребить средства для спасенія своего судна. Воды въ трюмъ было уже четыре фута. Капитанъ приказалъ вынести на палубу запасные паруса, и выбравъ между ними самый новый и крѣпкій, велѣлъ къ каждому углу его привязать крѣпкую снасть, и потомъ парусъ вымазать составомъ изъ смолы съ саломъ, заранее изготовленнымъ. Легли въ дрейфъ; приготовленный парусъ подвели подъ носовую часть, и немедленно опять взялись за помпы. Въ это время фрегатъ отигалъ рифъ и входилъ въ открытое море, и хотя вода въ

трюмъ брига начинала убывать, но фрегатъ имѣлъ еще большое преимущество въ ходѣ. Солнце уже взошло; разстояніе между судами было около двухъ миль; во-время своей лавировки, фрегатъ осмотрѣлъ весь берегъ, весь уголки, весь скалы, но следовъ своей шлюпки не нашелъ; онъ разсудилъ, что офицеръ и гребцы должны быть на бригѣ, и потому не смѣлъ открывать пальбы, опасаясь ранить или убить своихъ... но видя плохой ходъ брига, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ минуты, когда догонитъ его и потому безпрестанно прибавлялъ парусовъ.

Капитанъ брига былъ въ сильномъ волненіи: ходъ не прибавлялся, вода медленно выкачивалась изъ трюма. Безпрестанно осматривалъ капитанъ палубы, рангоутъ и паруса, изыскивая средства увеличить скорость судна, обыкновенно такого послушнаго и легкаго, но которое теперь съ трудомъ развѣвало волненіе, что такъ шутя дѣлало наканунѣ. Прошелъ часъ, фрегатъ все выигрывалъ: оставалось не болѣе миль.

Негропромышленникъ не зналъ, на что рѣшиться, и едва не сходилъ съ ума. Мысль, что милое судно его сдѣлается призомъ, что онъ и отважная его команда попадутся въ плѣнъ ужасала его; онъ готовъ былъ дать отрѣзать себѣ правую руку, чтобы вдругъ выкачать воду изъ трюма. Еслибы онъ могъ взорвать свое судно, когда оно будетъ въ рукахъ крейсера, онъ былъ-бы спокоенъ, но и этого сдѣлать было невозможно, по недостатку пороха. Себя-же онъ не выдастъ: пистолетъ съ двойнымъ зарядомъ обезпечивалъ его.

Фрегатъ все выигрывалъ; оставалось полъ-мили.

Вдругъ лицо капитана засіяло радостью, свѣтлая мысль блеснула въ его умъ. Быстро обернувшись, капитанъ осмотрѣлъ палубу, потомъ подозвалъ къ себѣ лейтенанта и боцмана, которымъ шопотомъ передалъ приказанія; они, улыбаясь, отошли отъ него; команда воскресла; это показало ей хорошимъ знакомъ.

Вскорѣ юнга вынесъ изъ каюты нѣсколько бутылокъ рому; каждому матросу дали по чаркѣ; послѣ чего капитанъ приказалъ какъ можно дружнее дѣйствовать помпами.

Офицеръ все стоялъ у борта и съ радостной улыбкой слѣдилъ за всеми движеніями фрегата, который замѣтно нагонялъ бригъ. Не заботясь о томъ, что происходило вокругъ него, онъ не замѣтилъ, какъ по сигналу капитана, два дюжіе матроса,

схватили его и бросили за бортъ; приготовленный курятникъ былъ немедленно брошенъ ему вслѣдъ, офицеръ успѣлъ за него схватиться и ждалъ помощи отъ фрегата.

И въ-самомъ-дѣль на фрегатъ произошло большое движеніе: спустили верхніе паруса, легли въ дрейфъ и спасли плавающего лейтенанта; но на это нужно было время; между-тѣмъ на Нозми продолжали сильно качать, вода замѣтно убывала. Хитрость эта оживила команду. Фрегатъ отставалъ, а бригъ шелъ скорѣе.

Однакожъ военное судно опять поставило паруса и начало догонять бригъ; прошелъ часъ, разстояніе между судами убавилось значительно, и на бригъ выбросили за бортъ двухъ матросовъ и за ними другой курятникъ; фрегатъ долженъ былъ опять лечь въ дрейфъ и спасать своихъ людей. На Нозми продолжали такъ дѣйствовать, пока не осталось ни одного военного матроса; за ними бросали доски, люки, однимъ-словомъ, что ни попадалось подъ-руку; въ послѣдній разъ выбросили пять человекъ и, для поддержки ихъ на водѣ, бросили запасную брамъ-стенгъ (верхнюю часть мачты). Экипажъ брига былъ внѣ себя отъ радости, когда фрегатъ въ послѣдній разъ легъ въ дрейфъ, чтобы спасти своихъ людей; въ это время онъ отсталъ на пять миль; помпы на бригъ легко дѣйствовали; воды въ трюмъ было мало, и прежняя легкость и ходкость Нозми опять проявилась; она теперь уже не боялась ядеръ военного фрегата.

Вѣтеръ былъ ровный, море гладко, съ маленькимъ волненіемъ, и по мѣрѣ того, какъ берега Африки скрывались вдаль, погода улучшалась; нѣсколько часовъ спустя, капитанъ съ офицерами своими весело ужиналъ, команда занималась тѣмъ-же, и всѣ смѣялись надъ удачной выдумкой, которая спасла бригъ отъ неминуемой гибели.

Пакъ-Ари, какъ прекрасный, рослый негръ, былъ проданъ за пятьсотъ піастровъ. Когда на хозяина его находила скука, онъ заставлялъ Пакъ-Ари рассказывать, какимъ образомъ оставилъ онъ свое владѣніе на берегахъ Африки.

Вечеръ пятый.

МОЛОДОЙ КАПИТАНЪ И СТАРЫЙ ЛЕЙТЕНАНТЪ.

Пушечный выстрѣлъ, пообыкновенію, привѣтствовалъ наступающій день. При первыхъ лучахъ солнца, всплывшаго надъ Булонскимъ-рейдомъ, открылся корветъ «Жемчужина», стоявшій на якорь.

Красавцемъ смотрѣлъ этотъ корветъ, съ своими восемнадцатью огненными жерлами, съ своими высокими снастями, медленно описывавшими, при легкой качкѣ, дугу въ воздухѣ.

Хорошъ онъ былъ съ своей бѣлой, какъ снѣгъ, полосой, съ своимъ чернымъ, какъ крыло ворона, бортомъ, съ своей граціозною посадкою на корму!

Самый опытный и завистливый глазъ, самая взыскательная критика ревниваго моряка не могли-бы открыть въ его вооруженіи ни малѣйшаго повода къ осужденію. Корветъ былъ вооруженъ лейтенантомъ Дерилье, временно исправлявшимъ должность командира и считавшимъ сорокъ лѣтъ отъ рожденія и почти вполнину лѣтъ службы, самой неусыпной и трудной, но мало вознагражденной. Въ то время, для проложенія пути къ почестямъ надобно было имѣть, кромѣ способностей и предприимчивости, кое-что болѣе существенное: надобно было имѣть покровителей. Но куда осмѣлится идти за покровительствомъ бѣдный и безызвѣстный офицеръ, проведеншій всю жизнь свою на палубѣ и знавшій свѣтъ только по имени? Лейтенантъ Дерилье, столь достойный уваженія среди опасностей на морѣ, былъ смѣшонъ и неловокъ въ глазахъ свѣтской молодежи, населяющей гостиныя. Притомъ, надобно сказать правду, заслуженный лейтенантъ Дерилье, при всемъ знаніи и дѣятельности, никогда не могъ пріобрѣсть расположенія своихъ начальниковъ, съ которыми, по натурѣ своей, всегда былъ сухъ и тяжелъ въ обращеніи, потому-что не умѣлъ держаться мудрой середины между тонкимъ приличіемъ и ласкательствомъ; вотъ почему начальники, неволью уважавшіе его какъ моряка, не чувствовали къ нему любви какъ къ человѣку. Въ отмщеніе за несправедливость и невниманіе къ его долгой и трудной службѣ, Дерилье всею тяжестью своей власти и своего гнѣва раздражался надъ своими

подчиненными. Правда, онъ былъ справедливъ, какъ само правосудіе, но и какъ правосудіе былъ холоденъ и непоколебимъ безъ состраданія. Не потому, однакожь, чтобы онъ былъ золь и нечувствителенъ отъ природы, но потому, что невниманіе начальства, постоянно разрушая его надежды и убивая въ душѣ всѣ нежныя чувства, развило въ немъ строгость до жестокости, до потребности наказывать за малѣйшее отступленіе отъ правилъ дисциплины, что, однакожь, не препятствовало ему быть любимымъ матросами, которые по первому слову его готовы были броситься въ огонь и воду.

Никогда не рѣшался онъ просить о своемъ повышеніи: это казалось ему недостойнымъ его званія. Однажды, впрочемъ, рѣшился онъ напомнить о себѣ, и вотъ какимъ образомъ: запечатавъ свой формуляръ въ конвертъ, онъ препроводилъ его прямо къ морскому министру, безъ всякаго письма и объясненія, такъ, что министръ, не зная, чего хотѣлъ пославшій, возвратилъ формулярный списокъ по начальству, отвѣчая, что лейтенантъ Дерилье еще очень молодъ для отставки, и что подобная просьба его несовсѣмъ прилична въ военное время. Эта неудача еще болѣе увеличила суровость его характера, и безъ того желчнаго и мизантропическаго.

Было восемь часовъ утра. Палуба корвета блистала чистою. Экипажъ завтракалъ, и лейтенантъ Дерилье прохаживался въ каютѣ съ г. Деларошемъ, молодымъ человѣкомъ, недавно произведеннымъ въ мичманы, послѣ блестящаго экзамена, выдержаннаго имъ предъ старшими офицерами брестской эскадры. Бывши отличнѣйшимъ ученикомъ Политехнической-школы и глубокимъ математикомъ, Деларошъ въ совершенствѣ изучилъ теорію мореплаванія, но такъ плохо зналъ практику, что не умѣлъ управиться даже съ самой маленькой шлюпкой. Впрочемъ недостатокъ этотъ былъ почти общій всѣмъ молодымъ офицерамъ французскаго флота временъ Имперіи, когда французская армія одерживала победы, а трехцвѣтный флагъ терпѣлъ пораженія на всѣхъ моряхъ.

Напротивъ того, Дерилье, знавшій свое судно и управлявшій имъ, какъ движеніемъ руки своей, не обладалъ рѣшительно никакими теоретическими свѣдѣніями.

Мичманъ Деларошъ былъ кротокъ, скромнень и чрезвычайно привлекателенъ въ обращеніи. Несмотря на всю противополож-

ность характера лейтенанта и мичмана, они полюбили другъ друга.

Недалеко отъ нихъ, но *подъ-вѣтромъ*, какъ предписываетъ морской этикетъ, строжайшимъ блюстителемъ котораго былъ Дерилье, прохаживались три гардемарина, одинъ старшій и два младше, безпечныя, веселыя дѣти, съ пухленькими розовыми щечками, на которыхъ, казалось, еще не изгладились слѣды послѣднихъ материнскихъ поцѣлуевъ и слезъ; бѣдняжки, избравшіе поприще, которое въ то время вело или въ плѣнь или въ могилу!

— Чертовски скучно ожидать командира, котораго еще не знаешь! — говорилъ Деларошъ, бросивъ взглядъ на берегъ. Другое дѣло, когда-бы извѣстно было его имя, служба, возрастъ; во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ знать кое-что предварительно о начальникѣ, подъ властью котораго придется служить и, можетъ-быть, очень долго.

— Э! какое вамъ дѣло до имени новаго командира? Исполняйте строго свои обязанности, и вамъ нечего будетъ бояться его немилости; а что касается до такъ-называемой командирской благосклонности, то, узнайте отъ меня, молодой человекъ: начальники протезируютъ только шаркуновъ; я знаю кое-что въ этомъ отношеніи, потому-что просидѣлъ много лѣтъ и, вѣроятно, просижу всю жизнь лейтенантомъ... И этотъ новый капитанъ, о которомъ вы такъ желаете имѣть свѣдѣнія — знаете-ли, кто онъ такой? Дряхлый старичишка, уже ни къ чему неспособный, или, что еще хуже, какой-нибудь вертопрахъ, никогда не видавшій другой воды, кромѣ мутной Сены. Да, — продолжалъ лейтенантъ, болѣе и болѣе горячась и выражая взглядомъ и голосомъ глубочайшее презрѣніе — да, нѣтъ сомнѣнія, что какой-нибудь изъ породы *конфетныхъ*, раздушенный съ головы до пятокъ и падающій въ обморокъ отъ смолянаго запаха или отъ легкой качки — будетъ командовать *Жемчужиной*. Но, клянусь небомъ, продолжалъ лейтенантъ, ускоряя шаги, онъ не сдѣлаетъ изъ меня ступеньки для своего повышенія, во вредъ прекраснымъ офицерамъ, которые плѣскаются и будутъ вѣчно плѣскаются въ первыхъ чинахъ.

И послѣ этого, продолжалъ онъ, можно-ли удивляться, что порты наши въ блокадѣ и флагъ нашъ обезчещенъ? Ахъ, еслибы императоръ зналъ все это! Дѣла пошли-бы иначе! О, тогда онъ

отмстил-бы за безчестіе!.. Когда-же наконецъ я встрѣчусь лицомъ къ лицу съ этими *безмозлыми* англичанами?

Между-тѣмъ, какъ Дерилье предавался такимъ образомъ свободному изіянію своей ипохондрии, старый матросъ, прозванный *Булинемъ* (веревка у средняго паруса), семифутовой Геркулесъ, первый марсовой Жемчужины, рассказывалъ на бакъ, окружавшимъ его матросамъ, какую-то исторію про заколдованный бригъ, ходившій противъ вѣтра:

— Врешь ты! это былъ не бригъ, а гальотъ, перебилъ сказчика *Фалинь*, мальчикъ лѣтъ двѣнадцати.

— Ага! и впрямь гальотъ... На-ка, возьми себя на память эту загвоздку, чтобъ научиться не перебивать старшихъ, крыса ты трюмная! отвѣчалъ Булинь, ударивъ широкой своей ладонью по лицу выскочку-юнга, который, перевернувшись какъ волчокъ, растянулся во весь ростъ на палубѣ, несмотря на то, что Булинь, давшій *это легонькое родительское наставленіе*, какъ онъ выражался, по возможности удержалъ размахъ руки при ударѣ. Другой ребенокъ долго не могъ-бы поправиться отъ этой пощечины, но *Фалинь*, получившій уже *тридцать шесть тысячъ фонарей*, медленно приподнявшись, потеръ одной рукой поясницу, другой щеку, показалъ языкъ Булиню и исчезъ въ палубѣ.

— Славный мальчишка! Я его очень люблю и награжу чѣмъ-нибудь, сказалъ Булинь, приготавливаясь возобновить прерванный рассказъ; но приближеніе шлюпки къ корвету и свистокъ боцмана прервали бесѣду на бакъ.

— Что за лицестъ къ намъ ѣдетъ? говорилъ Дерилье, рассматривая въ трубу сидящаго въ шлюпкѣ. И будь я проклять, если этотъ *молокососъ* уже не кавалеръ ордена почетнаго легіона!

Когда шлюпка пристала къ борту, изъ нея вышелъ молодой человекъ, лѣтъ около двадцати пяти, съ длинными свѣтлорусыми и вьющимися, какъ у дѣвушки, волосами. Поднявшись на палубу и граціозно раскланявшись съ офицерами, молодой человекъ хотѣлъ идти далѣе, къ каютѣ капитана, какъ вдругъ Дерилье грубо остановилъ его и спросилъ, почти дерзкимъ тономъ:

— Что вамъ угодно?

— Какъ что, чортъ возьми! Принять начальство надъ корветомъ! отвѣчалъ новоприбывшій.

— Какъ? Вы назначены капитаномъ корвета? спросилъ лейтенантъ съ величайшимъ удивленіемъ, потому-что возрастъ, манеры,

походка незнакомца превосходили все, что только могъ себя представить лейтенантъ о такъ называемомъ имъ *могуществѣ* *любокъ*.

— Но, скажите пожалуйста, спросилъ капитанъ, улыбаясь, что вы находите въ этомъ страннаго?

— Милостивый государь, я...

— Не милостивый государь, а капитанъ.

— Прежде, чѣмъ величать васъ этимъ званіемъ, я долженъ знать, имъете-ли вы право носить его, возразилъ лейтенантъ съ видомъ неудовольствія.

— Вы правы, отвѣчалъ незнакомецъ, подавая бумагу, которую онъ вынулъ изъ красиваго, раздушеннаго, сафьянаго бумажника. Дерилье прочелъ слѣдующее:

— Симъ предписывается лейтенанту Дерилье, а равно и всѣмъ гг. офицерамъ и матросамъ корвета *Жемчужина*, признавать г. *Делестре* въ званіи командира.

Морской министръ *Декре*.

— Надѣюсь, что ваши подозрѣнія теперъ разсѣялись, и что вы наконецъ позволите мнѣ принять во владѣніе мою каюту! сухо сказалъ новый капитанъ лейтенанту, который въ замѣшательствѣ перевертывалъ и мялъ въ своихъ рукахъ министерское предписаніе.

— Безъ сомнѣнія... потому-что... это дѣйствительно такъ... бормоталъ лейтенантъ, удерживаясь отъ въжливости проводить своего начальника до каюты, хотя эта въжливость почти вмѣняется въ обязанность.

— Не предсказывалъ-ли я, что капитаномъ *Жемчужины* будетъ молокососъ? сказалъ Дерилье мичману тономъ едва удерживаемой ярости. Отъ него несетъ розовой водой такъ сильно, что можетъ заразить все судно! — прибавилъ онъ съ презрительною гримасою.

Спустя часъ, новый капитанъ сдѣлалъ смотръ экипажу, который чрезвычайно изумился, услышавъ капитанское приказаніе, стереть имя корвета, написанное на кормѣ золотыми буквами, и закрасить бѣлую полосу... полосу, придававшую судну такой щегольской видъ и внушавшую гордость экипажу. Это казалось униженіемъ для корвета и весьма дурнымъ предвѣщаніемъ для будущаго плаванія.

Когда все было готово къ отправленію, снялись съ якоря, и

судно, при легкомъ брамсельномъ вѣтрѣ, скоро скрылось изъ вида французскихъ береговъ...

— Вотъ и эти несчастные моряки пошли на жертву къ англичанамъ, въ замѣнъ своихъ товарищей, погибшихъ отъ нищеты и голода въ ихъ адскихъ понтонахъ!

Такъ говорили добрые жители Булони, собравшіеся на пристани посмотреть на удалявшійся корветъ.

Къ несчастію, это роковое предсказаніе не разъ сбывалось уже, и всѣ суда, вышедшіе изъ ихъ порта, почти никогда не возвращались.

На другой день утромъ, часовой на марсѣ закричалъ, что видѣть судно на вѣтрѣ; по разсмотрѣніи его оказалось, что это люгеръ о шести пушкахъ. Принявъ, вѣроятно, корветъ за купеческое судно или за тяжелый транспортъ, потому-что переодѣтая Жемчужина не походила болѣе на самую себя, люгеръ тотчасъ пустился въ погоню за корветомъ; заблужденіе люгера особенно поддерживали спущенныя брамстеньги (верхнія деревья мачтъ) корвета, что значительно уменьшало высоту его рангоута.

— Эге! смотрите ребята! мы сейчасъ проглотимъ этого годдема, говорилъ Булинь, забавно поглаживая подбородокъ. Жаль только, что онъ такой тощій, словно пугалица!.. И горохъ нашъ отъ него не будетъ жирнѣе, прибавилъ онъ съ громкимъ хохотомъ, которому послѣдовалъ весь экипажъ. Между-тѣмъ годдемъ, какъ его называлъ Булинь, сближался все болѣе и болѣе, неся всѣ паруса, но не поднимая флага.

— Не прикажите-ли выпалить изъ пушки, чтобы заставить его поднять флагъ? спросилъ Дерилье у капитана.

— Отдайте у марселей всѣ рифы и лягте полнѣе! отвѣчалъ капитанъ.

— Но такимъ образомъ мы оставимъ люгеръ позади себя, между-тѣмъ, какъ онъ будетъ нашъ, если захотимъ... скромно замѣтилъ Деларошъ.

— Отдать у марселей всѣ рифы! повторилъ громко капитанъ, и такимъ тономъ, который не допускалъ возраженія. Лейтенантъ, обмѣнявшись съ мичманомъ значительнымъ взглядомъ, исполнилъ приказаніе.

Всѣ матросы, молча, переглянулись. Лица ихъ выражали сильное неудовольствіе.

Между-тѣмъ люгеръ несъ всѣ паруса, и корветъ, казалось,

не имѣлъ преимущества въ ходу; тогда капитанъ приказалъ выстрѣлить брамстенги и поставить брамсели. Едва были натянуты брамъ-шхоты, корветъ, какъ рьяная лошадь, затрясая, прыгнулъ на волну и понесся съ необычайною быстротою, такъ, что гнувшіяся и трещавшія мачты, казалось, не могли снести уже болѣе ни одного дюйма новой парусности.

— Капитанъ! сказалъ Дерилье, я уже двѣ кампаніи сдѣлалъ на *Жемчужинѣ* и никогда не видалъ, чтобъ ее подвергали подобному испытанію; она не въ состояніи этого вынести!

— Держите ближе къ вѣтру, правьте въ бейдевиндъ! отвѣчалъ капитанъ, показывая видъ, что не слышалъ замчанія лейтенанта. Съ исполненіемъ этого отчаяннаго маневра, во-время сильнаго вѣтра и волненія, всѣ находившіеся на палубѣ остолбенѣли отъ удивленія и страха.

Но глубочайшее повиновеніе не переставало царствовать между матросами, покорившимися своей участи.

Корветъ, покрытый парусами сверху до низу, лежалъ въ бейдевиндъ, и подставляя весь свой бокъ дѣйствию вѣтра, постоянно свѣжѣвшаго, накренился такъ, что подвѣтренный бортъ его почти весь уходилъ въ воду, а противоположная сторона почти выказывала киль. Тогда глаза всѣхъ то устремлялись на кипѣвшія и ударявшіяся о навѣтренную скалу волны, которыя всплесками своими заливали весь бокъ корвета и ежеминутно угрожали поглотить все, что на немъ находилось, то на вытянутыя въ струну снасти и надувшіеся паруса, готовые лопнуть, то, наконецъ, на холодное и безстрастное лицо молодаго командира, который, скрестивъ руки на груди, казалось, былъ погруженъ въ размышленія, чуждыя всему, что вокругъ него происходило.

— Вотъ чего мнѣ не случалось еще видѣть! говорилъ Дерилье. Признаюсь, никому-бы не повѣрилъ я самъ, еслибы не былъ очевидцемъ!.. Только сильная боязнь непріятельскихъ ядеръ могла заставить этого челоуѣка подвергнуть судно и все, что есть на немъ, видимой гибели. И для чего? Для того, чтобы убѣжать отъ этой ореховой скорлупы!.. И подобнымъ-то вертопрахамъ, безъ чувства долга, безъ опытности, ввѣряется жизнь и честь стѣлькихъ храбрыхъ моряковъ!

— Я думаю, говорилъ спокойно Деларошъ, видѣвшій въ критическомъ положеніи судна только ученый вопросъ, я думаю, что мы дошли до момента возможнаго равновѣсія: малѣйшаго

дыханія ребенка достаточно, чтобы его нарушить... Счастливы мы будемъ, если капитану не придетъ капризь поставить еще бомъ-брамсели!..

— Ну, мы скоро, кажется, напьемся изъ большой чарки, и если кому изъ насъ нужно раздѣлаться съ своей совѣстью, то не мѣшаетъ поторопиться: скоро всѣмъ нашимъ грѣхамъ конецъ!» серьезно сказалъ *Булль*, съ наслажденіемъ поворачивая во рту табачную жвачку и поглаживая своими сухими, жилистыми руками бѣлокурую головку *Фалиня*, котораго онъ любилъ болѣе всѣхъ на свѣтъ, и вѣроятно, теперь раскаявался въ данной ему вчера заговздкѣ. Этотъ косвенный призывъ къ религіи, сдѣланный такимъ-человѣкомъ, каковъ былъ *Булль*, призывъ, имѣвшій въ себѣ нѣчто торжественное въ моментъ видимой опасности, заставилъ поблѣднѣть самыхъ неустрашимыхъ, и глубочайшее молчаніе воцарилось на палубѣ.

Вѣтеръ свѣжѣлъ болѣе и болѣе, корветъ трещалъ и содрогался подъ тяжестью своей громадной парусности, все болѣе и болѣе ложился на бокъ, и, казалось, дѣйствительно близокъ былъ моментъ, когда онъ потеряетъ равновѣсіе, какъ замѣтилъ мичманъ.

— Рулевой! Слушается-ли руля корветъ? спросилъ капитанъ спокойнымъ голосомъ, спустя часъ послѣ того, какъ корветъ легъ бѣдственнымъ курсомъ.

— Не могу знать навѣрное, капитанъ; мнѣ кажется, что иногда корветъ вовсе не управляется, отвѣчалъ матросъ равнодушно.

— Положи три шлага подъ вѣтеръ! закрѣпите брамсели! командовалъ капитанъ рѣзко и отрывисто сквозь рупоръ, и команда съ восторгомъ бросилась исполнять приказаніе капитана, чувствуя, что малѣйшее промедленіе можетъ стоить имъ жизни.

Облегченный такимъ образомъ корветъ тихо приподнялся, и молодой капитанъ повернулся въ ту сторону, гдѣ долженъ былъ находиться люгеръ, уже скрывшійся изъ виду. Прекрасно! сказалъ капитанъ, принявъ довольный видъ и медленно закрывая зрительную трубу; я не ошибся: все цѣло и прочно; никакое судно не догонитъ мою Жемчужину, только развѣ буря опередитъ ее.

— Куда ведетъ онъ насъ? спросилъ мичманъ.

— Не знаю; но во всякомъ случаѣ не къ славѣ, отвѣчалъ Дериле. Впрочемъ каждый изъ насъ долженъ въ-послѣдствіи отдать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, прибавилъ онъ, и спустился

въ каютѣ-компанію, записалъ въ шканечный журналъ слѣдующее:

— 24 октября 1809 года, 2 часа пополудни. Вступили въ погоню *передъ* люгеромъ о шести пушкахъ, и хотя было очень свежо, Жемчужина, имѣющая 18 орудій и 200 человекъ экипажа, покрытая вся парусностію, по приказанію командира, благополучно избѣгнула встрѣчи съ своимъ грознымъ непріателемъ.

— Злое и ввроломное намѣреніе диктовало эти строки, сказалъ на другой день капитанъ, проводя своей бѣлой и нѣжной рукою по той страницѣ журнала, на которой написалъ Дерилье. Слова эти сопровождались взглядомъ гнѣва и презрѣнія, брошеннымъ на лейтенанта.

— Развѣ есть здѣсь что-нибудь лишнее, развѣ это не сущая правда? спросилъ лейтенантъ, смѣло вынося грозный взглядъ разгнѣваннаго начальника.

— Нѣтъ. Случаи написаны вѣрно; но въ той манерѣ, съ какой вы ихъ выразили, дышетъ злоба. Можетъ-быть, придетъ время, — вспомните слова мои, — когда вы будете глубоко раскаяваться въ томъ, что написали, и дорого-бы дали, чтобъ имѣть право стереть эти строки.

— Не думаю, отвѣчалъ Дерилье, сардонически улыбаясь.

Съ этого дня между капитаномъ и лейтенантомъ не проронилось ни одного слова, кромѣ командъ и служебныхъ обязанностей.

Капитанъ очень рѣдко выходилъ изъ своей каюты и любилъ быть одинъ. Когда ему доносили, что видно судно, неизмѣннымъ его отвѣтомъ было: лечь удаляющимъ курсомъ. Такимъ-образомъ, спустя два мѣсяца по выходѣ изъ Булони, они не окликнули ни одного судна.

— Незачѣмъ было стирать имя Жемчужины, прежде съ гордостью показываемое и другу и недругу, мрачно говорилъ лейтенантъ. Теперь, съ этимъ *ликернымъ* капитаномъ и при подобномъ плаваніи, никто не можетъ похвалиться, что приближался къ намъ на такое разстояніе, чтобы могъ прочесть кормовую надпись даже въ трубу. Признаюсь, я очень много выиграю по службѣ, внеся эту странную и позорную компанію въ свой формулярный списокъ!

— Дѣйствительно нечѣмъ гордиться, прибавилъ Деларошъ. Впрочемъ, надобно замѣтить, что г. Делестре превосходный морякъ.

— Это правда, хотя и неизвестно, гдѣ и какъ онъ учился. Впрочемъ, я гораздо болѣе уважалъ-бы его, еслибъ онъ былъ не-столь свѣдущъ, но болѣе храбръ.

Несмотря на то, что Дерилье называлъ дѣтскимъ капризомъ безпрестанно предписываемыя капитаномъ пушечныя и другія ученія, экипажъ въ короткое время достигнулъ той степени ловкости и знанія, какого ни на одномъ французскомъ суднѣ того времени нельзя было найдти.

— Капитанъ не знаетъ лучшаго употребленія пороха, какъ только пугать чаекъ, говорилъ лейтенантъ; но въ-послѣдствіи я отдамъ отчетъ въ недостойной его тратѣ, прибавилъ онъ, ударивъ рукой по казенной части коронады.

Такъ протекли семьдесятъ дней плаванія, и корветъ, находившійся теперь на водахъ С. Доминго, казалось, не имѣлъ другой цѣли, какъ только бороздить океанъ и убѣгать отъ всѣхъ судовъ, едва показывающихся на горизонтъ. По колкому выраженію лейтенанта, Жемчужина убѣгала отъ своей тѣни. Но вотъ наконецъ, утромъ, сигнальщикъ опозналъ нѣсколько купеческихъ судовъ, конвоируемыхъ сорока-пушечнымъ фрегатомъ.

— Вотъ прекрасныя сѣти для такихъ рыболововъ, какъ мы, сказалъ капитанъ Деларошу, внимательно разсматривая въ трубу многочисленный купеческій флотъ. Какъ вы думаете, если мы разобьемъ этотъ караванъ, то это будетъ хорошимъ дебютомъ для насъ, порядочныхъ лентяевъ, до-сихъ-поръ только прогуливавшихся и ничего недѣлавшихъ съ самаго выхода изъ порта, прибавилъ онъ, улыбаясь.

— Безъ сомнѣнія, капитанъ, еслибы не было при караванѣ доброй защиты, отвѣчалъ мичманъ такимъ тономъ, который означалъ: къ чему эти мечты, когда ихъ нѣтъ возможности исполнить и когда они несогласны съ нашими правилами и поступками?

— Волки начинаютъ съ пастуха, а потомъ уже нападаютъ на стадо, оставшееся безъ защитника, возразилъ капитанъ, и приказавъ бить тревогу, легъ на румбъ, ведущій прямо на фрегатъ, къ величайшему удивленію всего экипажа, непонимаващаго этой новой тактики своего капитана. Но удивленіе экипажа еще удвоилось, когда капитанъ, вдругъ сбросивъ съ себя всѣ женскія манеры, громко скомандовалъ. «Молодцы, видите этотъ фрегатъ! На немъ сорокъ орудій. Прекрасно! Или вы его уничтожите и воз-

мете купеческій караванъ, или я заставлю васъ прыгнуть на воздухъ. Выбирайте!

Матросы переглянулись; но послѣ краткаго молчанія, произшедшаго отъ странной рѣчи, произнесенной такъ неожиданно, общій крикъ: Ура! да здравствуетъ императоръ! былъ отвѣтомъ на энергическій призывъ капитана.

Дерябѣ, едва вѣря происходившему, — такъ низко ставилъ онъ въ своемъ мнѣніи капитана, — занялъ свой постъ баттарейнаго командира, несмотря на сильную болѣзнь, постигшую его уже нѣсколько дней назадъ. Не имѣя силъ стоять, онъ велѣлъ принести кресло и сѣсть.

— Только одна смерть можетъ помѣшать моряку быть на своемъ мѣстѣ во-время опасности, сказалъ онъ.

Великобританскій флагъ вздернули на гафель, и глубокое, торжественное молчаніе, всегда предшествовавшее морской битвѣ, воцарилось на палубѣ. Корветъ летѣлъ навстрѣчу страшному врагу, который, не подозрѣвая обмана, думалъ, что это дѣйствительно англійскій крейсеръ, и желая вступить съ нимъ въ переговоры, спокойно убавлялъ паруса и позволялъ сближаться, безъ малѣйшаго опасенія, безъ всякаго приготовленія къ битвѣ. И кому-бы, притомъ, могло придти въ голову, что восемнадцатипушечный корветъ осмѣлится атаковать вдвое сильнѣйшаго непріятели? Черезъ-часъ корветъ проходилъ на разстояніи ружейнаго выстрѣла подъ кормою фрегата; на ютъ послѣдняго толпились многочисленные пассажиры обоюго пола, и совершенно спокойные, съ любопытствомъ и нетерпѣніемъ разсматривали подходившій корветъ, надѣясь услышать отъ него что-нибудь новенькое о своихъ друзьяхъ и родныхъ, ибо всѣ думали, что онъ идетъ изъ роднаго порта. Но въ то самое время, когда всѣ надежды и пріятныя ожиданія устремлены были на французскій корветъ, капитанъ и офицеры котораго нарядились въ англійскіе морскіе мундиры, а команда стояла по орудіямъ, прижавшись къ сѣткамъ, въ тотъ самый моментъ, когда съ фрегата готовы уже были сдѣлать окликъ, огненный столпъ вырвался изъ портовъ корвета. Съ страшнымъ громомъ посыпавшійся на непріятельскій фрегатъ дождь картечь и ядеръ, снесъ ютъ, разломалъ сѣтки, сбиль мачты, разорвалъ паруса, снасти...

Продолжительный, страшный крикъ удивленія, ужаса и отчаянія раздался въ отвѣтъ на неожиданное привѣтствіе.

На палубѣ фрегата представилось ужасное зрѣлище. Еще не-

давно веселія пѣсни, смѣхъ и танцы разливали радость въ беззаботной и пестрой толпѣ, весьма далекой отъ мысли объ угрожающемъ несчастіи. Но теперь нельзя было безъ сожалѣнія смотреть на этихъ молодыхъ, прекрасныхъ, изящно-одѣтыхъ женщинъ, ошеломленныхъ испугомъ, убитыхъ и растерзанныхъ ядрами. Какая страшная существенность вслѣдъ за сладкою мечтою о встрѣчѣ, объ извѣстіи о родныхъ и знакомыхъ! Невольныя участницы битвы, какъ-бы пораженные громомъ, тамъ-и-сямъ блуждали между матросами, оглашая воздухъ раздирающими душу воплями.

—Злодѣи!! Мерзавцы!! кричалъ англійскій капитанъ, трепеща отъ ярости, стыда и горя. Но едва окончилъ онъ свое проклятіе, едва утихло первое смятеніе, корветъ, уже поднявшій трехцвѣтный флагъ, сдѣлалъ поворотъ, снова подошелъ подъ корму фрегата, и новый дождь ядеръ изъ орудій другаго борта посыпался на несчастный фрегатъ. Повалившіяся стѣнки покрыли своими парусами и снастями страшную массу мертвыхъ и умирающихъ. Храбрый, но несчастный капитанъ, сорванный ядромъ съ вахтъ-трапа, заплатилъ жизнью за непростительное неблагоуміе и, по-крайней-мѣрѣ, не былъ свидѣтелемъ пораженія купеческаго флота, безопасность котораго была ему ввѣрена. Смерть избавила его отъ поданія роковаго сигнала: *спасайся кто можетъ.*

Не желая выпустить изъ рукъ купеческія суда и не имѣя возможности располагать своимъ малочисленнымъ экипажемъ ни для завладѣнія фрегатомъ, ни для принятія къ себѣ пленныхъ, несравненно многочисленнѣйшихъ противъ корветскаго экипажа, капитанъ нашелся вынужденнымъ, къ величайшему сожалѣнію Дерилье, окончательно разгромить непріятельскій фрегатъ и потомъ уже пуститься въ погоню за остальными судами. Въ короткое время большая часть ихъ была разбита сожжена или пущена на дно. Ночь положила конецъ этому разрушенію, единственному и безпримѣрному въ-продолженіе всей англо-французской войны. Эта побѣда оставила по себѣ долгое и непріятное воспоминаніе въ англійской націи. Великобританское правительство, глубоко-уязвленное въ своей гордости, потерявшее огромную потерю, обѣщало чрезвычайную награду тому, кто отыщетъ, поймаетъ или уничтожитъ дерзкаго пирата. *Властительница морей*, увлеченная своимъ слѣпымъ и безсильнымъ гнѣвомъ, не

сомнѣвалась, что корветъ былъ разбойничій и уже готовила висѣлицу для его экипажа.

— Благодарю васъ! Вы много сдѣлали для славы и выгодъ Франціи, сказалъ капитанъ Жемчужины своимъ матросамъ, когда все уже было кончено. Что-же касается до вашей доли въ призахъ, вы ее получите отъ императора, прибавилъ онъ. И корветъ продолжалъ свое побѣдоносное плаваніе, посреди криковъ радости и триумфа всего экипажа, и оставляя позади себя обширное поле развалинъ.

— Но кто вы капитанъ? воскликнулъ Деларошъ, приведенный въ восторгъ битвою, которая тѣмъ прекраснѣе казалась ему, что была такъ неожиданна.

— Когда въ индѣйскихъ водахъ я, на моемъ люгеръ Крокодилъ, разстроилъ англійскую торговлю, меня прозвали *Истребителемъ*. Но здѣсь, на *Жемчужинѣ*, къ моему имени привили позорные и поносные эпитеты: *молокососа, вертопраха и труса*, небрежно отвѣчалъ капитанъ, бросая взглядъ презрѣнія на лейтенанта, который, вполнѣ чувствуя справедливость этого горькаго упрека, потушилъ глаза предъ начальникомъ, столь дурно оцѣненнымъ. Но вмѣсто того, чтобы уступить добродушному движенію сердца, и пользуясь благоприятнымъ случаемъ, извиниться, не унижая себя, и путемъ столь естественнымъ загладить свои прошедшія заблужденія, лейтенантъ не могъ побѣдить своего самолюбія, и молчалъ. Теперъ-то болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ чувствовалъ, что въ начальникъ своемъ онъ имѣлъ неумолимаго врага, такого врага, который никогда не проститъ его и непременно воспользуется всеми случаями для его униженія. Находясь подъ вліяніемъ этой мрачной мысли, лейтенантъ, попрежнему, ограничилъ свои сношенія съ капитаномъ только строгою необходимостію службы, и отдавая въ душѣ полную справедливость его талантамъ и храбрости, напрасно старался побѣдить непріязнь свою.

Утромъ, на разсвѣтъ, какъ помнится, 22 апрѣля 1811 года, спустя восемнадцать мѣсяцовъ, изо-дня въ день, послѣ выхода Жемчужины изъ Булонскаго-порта, гдѣ считали ее уже погибшею, лѣнливые горожане этого городка были разбужены пушечными выстрѣлами съ рейда, на которые равнымъ числомъ отвѣчала крѣпость. Выстрѣлы эти напомнили имъ краткую, но страшную канонаду, выдержанную крѣпостью отъ англійской эскадры два дни назадъ, и толпа любопытныхъ бросилась въ гавань. Удивленнымъ глазамъ ихъ представилась довольно рѣдкая и поч-

ти невиданная ими картина. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то стояла «Жемчужина», находились два судна, изъ которыхъ большее имѣло на гафель опрокинутый англійскій флагъ а меньшее горделиво распустило трехцвѣтный французскій, весь разорванный ядрами и закопченный пороховъ. И никто не узналъ въ этомъ совершенно черномъ суднѣ, съ разорванными парусами, сломанными кранболами, прекраснаго рѣзваго корвета, гордившагося прежде своимъ щегольскимъ уборомъ, того корвета, о которомъ не разъ мирные горожане, во-время длинныхъ зимнихъ вечеровъ, вели рѣчь, когда свисталъ вѣтеръ и билъ дождь или снѣгъ въ ихъ окна. Гдѣ-то нашъ красавецъ? говорили они бывало. Какъ-то справляется онъ теперь съ непогодой? Но не знали эти добрые люди, что ихъ злой красавецъ, переходя отъ победы къ побѣдѣ, часто схватывался съ врагомъ не подъ силу; но одолевалъ его и бралъ въ плѣнъ, бросилъ на мель, сжегъ или пустилъ на дно болѣе ста купеческихъ судовъ, выдержалъ бури Индѣйскаго-моря, ураганы антильскіе, и наконецъ, послѣ долгихъ и опасныхъ битвъ съ человѣкомъ и стихіей, возвратился на родину съ одной только третью своего экипажа. Теперь-то, избитый и изломанный, пришелъ онъ искать въ родимомъ портѣ отдохновенія и покоя, купленнаго столь славною работою!

На другой день послѣ прибытія Жемчужины, капитанъ ея получилъ огромный пакетъ съ депешами, за печатью морскаго министерства. Узнавъ ихъ содержаніе, онъ приказалъ собраться офицерамъ и экипажу на шханцы, и почтительно снявъ шляпу, прочиталъ слѣдующее:

Господинъ капитанъ!

«Императоръ, узнавъ послѣдствія вашего долгаго и славнаго крейсера, поручилъ мнѣ уведомить васъ, что онъ въ изъявленіе своего совершеннѣйшаго удовольствія и въ вознагражденіе вашихъ превосходныхъ заслугъ отечеству жалуетъ васъ кавалеромъ ордена почетнаго легіона, съ назначеніемъ командиромъ фрегата Guerrierе—тулонской эскадры».

Здѣсь капитанъ остановился и послѣ краткаго молчанія продолжалъ:

«Съ равномѣрнымъ удовольствіемъ его величество жалуетъ мичману Деларошу чинъ лейтенанта, старшему гардемарину Дюмону чинъ мичмана, а младшаго, Дюрвиля, производитъ въ старшіе гардемарины».

Уважаемой матери гардемарина *Гейллара*, умершаго за отечество, назначается пенсіонъ изъ собственныхъ суммъ императора.

Вмѣстѣ съ симъ его величество приказать извоилъ: выдать двойное жалованье гг. офицерамъ и матросамъ корвета *Жемчужина* со дня отправленія съ Булонскаго-рейда по день возвращенія на оный, и оказавшуюся по оцѣнкѣ сумму за призы, взятые вами у береговъ Франціи, выдать всю безъ изъятія офицерамъ и экипажу корвета.

Имѣя счастье быть исполнителемъ высочайшей воли императора, который не оставляетъ никакой службы, никакого прекраснаго поступка безъ вознагражденія, поручаю вамъ объявить о томъ, кому слѣдуетъ.

Морской министръ *Декре*.

По окончаніи чтенія, выслушаннаго съ религіознымъ молчаніемъ, глаза всѣхъ обратились съ глубочайшимъ выраженіемъ сожалѣнія и участія на лейтенанта *Дерилье*, забытаго въ высочайшемъ рескриптѣ. Блѣдность, искаженныя черты лица, холодный потъ, катившійся съ горячаго лба, горьваго стыдомъ и негодованіемъ, измѣняли внутреннему глубокому волненію лейтенанта. Но умѣя владѣть собою, онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго движенія, обнаруживавшаго его потрясеніе, и повидимому, былъ спокоенъ, несмотря на то, что мрачныя мысли самоубійства уже бродили въ воспламененномъ мозгу его. Изъ чувства уваженія къ несчастію своего начальника, экипажъ удерживался отъ малѣйшаго выраженія радости. Опомнившись отъ перваго потрясенія, *Дерилье* поднялъ глаза, до того опущенныя, и встрѣтилъ взглядъ капитана, устремленный на него съ особеннымъ выраженіемъ, сопровождаемымъ неопредѣленной улыбкой.

Приписывая это выраженіе оскорбительному торжеству врага своего, *Дерилье* былъ не въ состояніи перенести это послѣднее униженіе. — Судьба моя уже рѣшена, сказалъ онъ мрачнымъ голосомъ... Но капитанъ, движеніемъ, полнымъ достоинства, остановилъ его и сказалъ: Г. лейтенантъ! въ депешѣ находится еще параграфъ, касающійся до васъ; позвольте мнѣ сообщить его вамъ, и потомъ дѣлайте, что вамъ угодно. И снова взявъ министерскій приказъ, капитанъ прочиталъ громко:

«Императоръ, равномерно довольныйъ чрезвычайнымъ благоразуміемъ, неустрашимостію и неусыпностію, оказанными въ этой компаніи лейтенантомъ *Дерилье*, о которомъ вы сдѣлали столь блестящее представленіе и отнесли въ самыхъ убѣдительныхъ

похвалахъ, жалуетъ его кавалеромъ ордена почетнаго легіона и производитъ въ чинъ капитана фрегата, съ назначеніемъ командиромъ корвета Жемчужина. Его величество поручилъ вамъ привести въ исполненіе это повышеніе столь храбраго и достойнаго офицера.

Съ этими словами крикъ радости, долго удерживаемый, раздался въ экипажъ: Да здравствуетъ императоръ!

Дерилье, удивленный, сконфуженный, почти ничего непонимавшій отъ радости, едва держался на ногахъ и тихо склонилъ голову. Теплая слеза, первая слеза въ его жизни, упала на знакъ ордена, поданнаго ему капитаномъ.

— Простите мнѣ это маленькое мщеніе, любезный Дерилье, говорилъ капитанъ, принимая его братски въ объятія. И желѣзная душа лейтенанта, закаленная въ опасностяхъ, неустрашимая и холодная въ битвахъ, сдѣлалась мягка, какъ воскъ, при первомъ лучѣ благополучія! Внезапно застигнутый такимъ рѣдкимъ великодушіемъ со стороны того, котораго онъ такъ долго презиралъ, котораго считалъ своимъ смертельнымъ врагомъ, лейтенантъ долгое время не поднималъ головы своей съ груди капитана.

Эта торжественная картина извлекла слезу изъ глазъ многихъ, и крики: да здравствуетъ императоръ! да здравствуетъ капитанъ! да здравствуетъ нашъ храбрый лейтенантъ! долгое время потрясали корветъ.

И вскорѣ эти два новые друга пали въ одномъ сраженіи, украшенные лавровымъ вѣнцомъ безсмертія!

ЗАМѢТКИ РУССКАГО

О

СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИИ.

А. Вышеславцева.

Для глазъ наблюдателя край Закавказскій представляетъ въ настоящее время картину, любопытную неменьше зрѣлища рождающихся государствъ Америки; для насъ-же Русскихъ онъ любопытенъ особенно, потому-что представляетъ собою, въ некоторыхъ отношеніяхъ, Россію временъ Петра Великаго и Екатерины 1-й, то время, когда реформа Петра начала укореняться въ государствѣ и проникать въ глубину обширныхъ его предѣловъ, эпоху преобразованія, переворота и перелома во всей жизни народа. Понятно, какое богатое содержаніе представляетъ теперь край Закавказскій для наблюденія, какая чудная драма разыгрывается здѣсь непрерывно передъ глазами.

Россія, принявъ подданство Грузіи и усыновивъ народъ ея, предприняла великій подвигъ. Край былъ бѣденъ, раззоренъ и невѣжественъ; въ немъ надобно было не исправлять дурное, не искоренять зло и не усовершенствовать; надобно было создать

все вновь: создать правленіе, законы, гражданственность, промышленность и торговлю; дать дикой странѣ видъ благоустроеннаго государства; надобно было воспитать, какъ дѣтей, ея жителей. Нужно-ли изображать состояніе Грузіи до присоединенія ея къ Россіи, когда вспомнимъ, что за пять лѣтъ до этого времени (въ 1794 году), полки Ага-Магомедъ-Хана вторглись въ ея предѣлы, раззорили, сожгли Тифлисъ и съ огнемъ и мечемъ прошли по всему Закавказскому краю, гоня передъ собою толпы плѣнныхъ. Въ эту бѣдственную эпоху Грузія испытала все, что можетъ испытать страна во-время набѣга азіатцевъ. Отряды непріятелей, персіянъ и лезгинъ, безнаказанно бродили по краю, захватывали плѣнныхъ, и въ виду всѣхъ, большими дорогами, гнали ихъ на продажу въ Ахалцыхъ, Анапу и другіе притоны торговли людьми. Жители сѣль и городовъ едва были безопасны за своими стѣнами, близь которыхъ Лезгини стерегли неосторожныхъ, съ арканомъ въ рукахъ. Народъ бѣдствовалъ, но не упалъ; онъ употребилъ все силы свои, всю энергію духа на сохраненіе религіи, имени и самобытности, и покровительство Россіи было для него наградою судьбы за мужество, за великодушную стойкость и непреклонность въ бѣдствіяхъ.

Прошло пятнадцать, двадцать лѣтъ, и Грузія представляла страну, въ которой повсюду царствовали порядокъ и гражданское благоустройство; дѣйствовали законы и господствовала безопасность; на прежнихъ развалинахъ и на пеплѣ пожаровъ строились города и селенія. Они обносимы были не каменными оградями, не укрѣпленіями съ башнями и бойницами, но садами и виноградниками. Въ городахъ явилось русское общество, русскіе и европейскіе товары, въ прежнихъ ханскихъ дворцахъ, въ тѣхъ залахъ, гдѣ плясали баядерки и пѣлъ сазандаръ, * явились русскіе мундиры и русскія сѣверныя красавицы, съ парижскими модами.

Политическое, нравственное и внѣшнее вліяніе Россіи на жителей края становится теперь съ каждымъ годомъ сильнѣе, и русскій элементъ проникаетъ повсюду въ жизнь разнородныхъ здѣшнихъ племенъ, соединяя ихъ въ одно цѣлое, въ стройное и могучее тѣло. Быстро, во многихъ отношеніяхъ изумительно быстро, идетъ Грузія на пути образованія, руководимая менто-

* Пѣвецъ.

ромъ своимъ Россіею, и скоро придетъ время, когда ученикъ докажетъ, что труды, попеченія и жертвы, на него употребленныя, не были напрасны.

Какъ человекъ, образовавшійся подъ эгидою мудраго наставника, отличается во многомъ отъ человека, достигшаго мудрости собственнымъ, часто горькимъ, опытомъ, такъ и край за-кавказскій представляетъ въ своемъ развитіи ту же особенность, какую представляла Россія, когда образованіе Европы внесено было въ нее вдругъ, готовое и всеобъемлющее. Грузія, также какъ и Россія, стала жить новою, чуждою, но усвоенною ею жизнію, какъ вѣтвь, привитая къ плодovitому дереву. Образованіе, неразвившееся на собственной почвѣ, но пересаженное съ чужой, начало распространяться и здѣсь такъ-же быстро, какъ распространялось въ Россіи, и также препятствуя на время развитію многого національнаго.

Однако, какъ ни сильно и повсемѣстно вліяніе Россіи на жителей Грузіи, но слѣды быта туземнаго, оригинальнаго, еще господствуютъ въ народѣ, мѣшаются съ чужеземнымъ и часто пересиливаютъ его. Иначе и быть не можетъ: возрастъ и воспитаніе народа совершаются не годами, но десятками, сотнями лѣтъ. Грузія жила своею азіатскою жизнію слишкомъ двадцать вѣковъ, и переродиться вдругъ было ей, безъ сомнѣнія, невозможно. Настоящее время—эпоха перерожденія края, состояніе переходное, всегда тяжелое и самое невыгодное для показанія, хотя, можетъ-быть, тѣмъ болѣе любопытное для наблюденія. Смѣсь стараго съ новымъ замѣтна здѣсь во всемъ, начиная съ понятій народа, до костюма, языка и образа жизни.

Первое вліяніе Россіи за Закавказьемъ проявилось утвержденіемъ повсюду безопасности, водвореніемъ порядка, правильнаго образа правленія и внушеніемъ страха врагамъ Грузіи, ея воинственнымъ и сильнымъ сосѣдямъ. Храбрая грузинская милиція была свидѣтельницею и участницею блестящихъ подвиговъ генерала Лазарева противъ лезгинъ въ Кахетіи, гдѣ 1300 русскихъ разбили на голову больше 20,000 непріятелей и обложили данью тѣхъ самыхъ лезгинъ (джарцевъ), которые за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ сами собирали дань съ Грузіи. Это первое явленіе русскихъ за Кавказомъ должно было дать народу высокое понятіе о Россіи, ея могуществѣ; мнѣніе это укоренялось съ каждымъ новымъ удачнымъ подвигомъ, почти съ каждымъ годомъ.

И въ то время, когда войска русскія штыками очищали край отъ старыхъ враговъ его, на мѣсто грознаго и кровожаднаго правленія хановъ утверждалось правленіе справедливое, кроткое и законное; начальники не били по пятамъ людей по произволу, но судили по законамъ, и народъ съ уваженіемъ и признательностію долженъ былъ смотрѣть на новыхъ властителей.

Счастлирое и мудрое назначеніе главнокомандующимъ края г. Циціанова, успѣхи, имъ пріобрѣтенные, еще болѣе утвердили туземцевъ въ мысли о могуществѣ Россіи и благодати ея правленія. Съ Циціанова, потомка одной изъ первыхъ фамилій Грузіи, начинается первое замѣтное сближеніе грузинскаго народа со всѣмъ русскимъ. Достигшій въ Россіи высокаго званія своими заслугами, онъ могъ служить примѣромъ того, какъ смотрѣла Россія на новыхъ своихъ подданныхъ; туземцы должны были видѣть, что русскіе считаютъ ихъ не иноплемениками, но братьями, что интересы ихъ роднаго края такъ-же близко принимаются русскими, какъ выгоды, слава и честь собственнаго отечества. Этотъ великодушный образъ мыслей, свойственный почти однимъ намъ русскимъ, замѣтенъ былъ въ каждомъ распоряженіи Правительства и доступенъ понятію послѣдняго простолюдина; и если онъ иногда видѣлъ злоупотребленія мелкихъ, ближайшихъ къ себѣ чиновниковъ, то видѣлъ часто и наказанія, слѣдовавшія за злоупотребленія. Притомъ народъ не былъ избалованъ своими прежними властителями.

Богатство двора русскаго сардаря (главнокомандующаго) его сила и власть, огромныя суммы денегъ, раздаваемыя имъ непрерывно, жалованье, которое тратили безъ большаго разсчета русскіе чиновники,—все это, въ первое время, заставляло туземцевъ удивляться и показывало, какъ лестно и выгодно было сдѣлаться русскимъ, или по-крайней-мѣрѣ сблизиться съ русскими; у нихъ, у источника всѣхъ этихъ благъ, выигрывали тѣ изъ туземцевъ, которые знали по-русски; къ этимъ счастливымъ обращался народъ съ своими нуждами, и вскорѣ жители городовъ дѣятельно принялись учиться новому, необходимому языку. Съ языка должно было начаться образованіе.

Одинъ изъ самыхъ важныхъ и замѣтныхъ для туземцевъ переворотовъ совершился въ ихъ жизни введеніемъ женщинъ въ общество и перемѣною ихъ положенія. Россія освободила женщинъ отъ рабства и гаремной жизни, и дала имъ то мѣсто и

назначеніе, которыя были имъ дарованы Христіанствомъ въ древнемъ языческомъ мірѣ. Введеніе женщины въ общество имѣло и здѣсь тѣ-же важныя послѣдствія, какъ и въ Россіи во времена Петра Великаго, какъ и въ древнемъ мірѣ: съ этою реформою должны были исчезнуть духъ и идеи Азіи. Вліяніе женщинъ смягчало нравы мужчинъ, рождало общественность, дало болѣе содержанія жизни обоимъ половъ, и слѣдовательно, сильно способствовало къ развитію просвѣщенія. Въ-слѣдствіе переменъ въ положеніи женщинъ родилась потребность женскаго образованія, которое ограничивалось прежде рукодѣліемъ, механическими работами и хозяйствомъ; а образованіе матери должно имѣть сильное и благотворное вліяніе на правильное воспитаніе дѣтей, и такимъ образомъ улучшить цѣлое поколѣніе.

Безъ сомнѣнія, каждый новыи шагъ народа на новомъ пути былъ сначала медленъ, нерѣшителенъ, и сопровождался сомнѣніями въ пользу и достоинствѣ новизны; но мало-по-малу сомнѣнія исчезали передъ убѣжденіемъ очевидностію. Жители не могли оставаться съ своими прежними обычаями и понятіями; они должны были, по закону природы, перенимать все отъ русскихъ, какъ отъ народа, имѣвшаго на своей сторонѣ перевѣсъ и въ образованіи и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Дѣти первыхъ фамилій Грузіи отправляемы были въ Петербургъ, въ высшія учебныя заведенія, а потому скоро и другія сословія стали доверять дѣтей русскимъ наставникамъ, такъ, что въ Тифлисъ, еще прежде заведенія частныхъ пансіоновъ, офицеры, чиновники, даже писаря, заняты были обученіемъ дѣтей и многихъ взрослыхъ, особенно русскому языку и письму.

Замѣтимъ, что Грузія легче встрѣтила реформу, легче приступила къ преобразованію, нежели Россія. Въ Россіи былъ Петръ, и только гений его, его непреклонная воля и неусыпные труды побѣдили у насъ сопротивленіе старины противъ реформы; Грузія-же приняла и принимаетъ все по убѣженію, руководимая примѣромъ. Въ этомъ отношеніи Грузія была въ другомъ положеніи. Здѣсь все новое правленіе состояло изъ русскихъ; люди для этаго правленія были готовые, и съ нихъ туземцы могли брать примѣръ, по-крайней-мѣрѣ въ наружномъ, поверхностномъ образованіи, которое, можно сказать, есть начало образованія настоящаго; могли заимствовать костюмъ, языкъ и образъ жизни, прежде, нежели стали принимать понятія

и убѣждаться въ вѣрности новаго образа мыслей. Въ Россіи-же Петру Великому нужно было создавать и образовывать не только главныхъ правителей народа, но и тысячи мелкихъ чиновниковъ,—подвиговъ, возможный только для Петра и ему подобныхъ.

По общей слабости человѣческой природы весьма естественно, что преобразование жителей Грузіи, какъ и Россіи, началось съ наружныхъ формъ, и даже съ перенимаемыхъ недостатковъ. Великій Петръ постигъ эту слабость и увидѣлъ необходимость прежде всего сбрить бороды у людей, предназначенныхъ къ преобразованію; наружный знакъ многимъ обязываетъ человѣка; нося его, каждый невольно подчиняется больше или меньше его требованіямъ. Легче шить себѣ нѣмецкій кафтанъ, нежели усвоить образъ мыслей и образованіе нѣмца; а между-тѣмъ легче побѣдить сопротивленіе къ нѣмецкому кафтану, нежели закоренѣлыя понятія, противныя понятіямъ новымъ. Поэтому скоро многіе изъ туземцевъ начали носить европейское, или, какъ здѣсь называютъ, русское платье; богатые люди начали строить европейскіе дома, по образцу первыхъ зданій, выстроенныхъ русскими, и хотя немногіе изъ нихъ успѣли скоро переродиться изъ азіатцевъ въ европейцевъ, но первый шагъ былъ сдѣланъ.

Успѣхи образованія замѣтныя всего, безъ сомнѣнія, въ Тифлисѣ, какъ столицѣ Грузіи; самый городъ прежде другихъ городовъ началъ перемѣнять свою азіатскую наружность на европейскую, и вмѣстѣ началъ населяться и распространяться. До прихода русскихъ Тифлисъ состоялъ изъ нѣсколькихъ сотенъ саклей и землянокъ, тѣснившихся по берегу Куры и у свѣрныхъ ключей, между стѣнами, защищавшими жителей отъ хищныхъ непріятелей; остатки этихъ стѣнъ, сохранившіеся и понынѣ, занимаютъ пространство не болѣе, какъ въ одну пятую часть новаго города. Тѣсные, кривые и грязные переулки, носившіе названіе улицъ, были проходимы только для пешеходовъ и лошадей, проводимыхъ по одиначкѣ; низенькія калитки замѣняли ворота и двери, и были дѣлаемы нарочно какъ можно ниже и уже, чтобы непріятели, гостившіе часто въ городъ, не могли възхатъ въ комнаты верхомъ. * Но и эти строенія найдены были русскими полуразрушенными, послѣ пребыванія персіянъ; сожженные сакли, почернѣвшія отъ дыма стѣны церквей, на улицахъ

* Въ 1800 г. населеніе Тифлиса простиралось до 40,000 жителей.

камни и бревна, нѣсколько бѣдныхъ армянскихъ лавокъ, которыя едва могли удовлетворять первымъ потребностямъ одного полка Лазарева,—таковъ былъ Тифлисъ. Что касается до его жителей, то они, если не политически, то нравственно, несли иго Персіи; Персія представляла имъ идеаль образованности и учености; языкъ и литература ея были изучаемы, какъ образцы; костюмъ, обычаи и моды заимствованы изъ Персіи, и великолѣпніе дворцовъ шаховъ и зданій Тегерана было въ пословицахъ; понятія, которыя и нынѣ еще остались отчасти въ простомъ народѣ. Туземки, встрѣчаясь съ русскими, считали за долгъ вернуться въ чадру или отвернуться лицомъ къ стѣнѣ, если нельзя было спрятаться за первыми попавшимися дверями...

Черезъ двадцать лѣтъ послѣ прихода русскихъ трудно было узнать Тифлисъ, и въ строеніяхъ, и въ жителяхъ. Сначала постройка Штаба удивила всѣхъ, и архитектурой, и великолѣпнѣмъ зданія; за нимъ начали быстро возникать дома полувосточной архитектуры; пролагаемы были прямыя и широкія улицы и тротуары; вмѣсто дарбазовъ * съ каминами, изъ которыхъ дымъ разстилался нерѣдко по всему дому, явились залы съ крашеными полами и даже съ паркетомъ; плоскія земляныя крыши замѣнились черепичными и желѣзными и не пропускали дождя, который прежде довольно часто проникалъ въ комнаты; обмазанныя грязью или глиною стѣны внутри домовъ выбѣлились и выкрасились; вмѣсто масляной бумаги, едва пропускавшей дневной свѣтъ, теперь видимъ повсюду стекла, и во многихъ домахъ лучшія зеркальныя; дымные бухари (камины) и мангалы ** исчезаютъ; въ домахъ являются русскія и голландскія печи. Дома въ два и три этажа, въ которыхъ прежде находились одни присутственные мѣста, теперь встрѣчаются на каждой улицѣ; въ дома ведутъ парадныя лѣстницы, устланныя коврами и сукномъ; изъ передней гость входитъ въ залу, гостиную, кабинетъ, и видитъ мебель ореховаго или краснаго дерева, по стѣнамъ зеркала, диваны на пружинахъ, лимонныя деревья, и даже иногда цвѣты, вѣрный знакъ утонченія вкуса!

Вмѣстѣ съ постройкою новыхъ домовъ и переходомъ изъ

* Залы въ два этажа, съ двумя, тремя небольшими окнами. и потому темныя и прохладныя лѣтомъ.

** Жаровня, глинная большая чашка, куда кладутся горячіе угли, для нагрѣванія комнатъ.

сакли въ домъ европейскій долженъ былъ измѣниться и самый быть жителей, совершившихъ это переселеніе: одно тѣсно связано съ другимъ. Жизнь уличная, наподобіе жизни древнихъ Аѳинъ, становилась комнатною; когда есть гдѣ принять гостей, то ихъ больше желаютъ и просятъ. Русскій посѣтитель найдетъ теперь во многихъ домахъ туземцевъ тоже самое угощеніе, какъ у своихъ; все также хорошо, богато и ново. За столомъ, накрытымъ со всеми условіями европейскаго этикета, съ бѣльемъ и заграничною посудою, онъ найдетъ блюда французской кухни, и хересь, и мадеру, и лафитъ; тогда какъ онъ, можетъ-быть, ожидалъ удовольствія кушать пловъ и *шишлыкъ* (1) съ помощію пальцевъ, пить шербетъ или бурдючное кахетинское и сидѣть на войлокъ, поджавъ подъ себя ноги.

Правду сказать, трудно было туземцамъ рѣшиться перемѣнить свои національныя блюда, *чахартму* (2) на французскій супъ или русскія щи, толму на котлеты и разные соусы; страннымъ казалось обыкновеніе подчивать гостей сначала супомъ, потомъ другимъ и третьимъ кушаньемъ, тогда какъ они привыкли уставлятъ столъ вдругъ всеми припасенными блюдами, предоставляя желающимъ брать себѣ изъ того или другаго и удивляться ихъ многочисленности. Но чего не дѣлаетъ мода, общественное мнѣніе!.. Въ старые годы собесѣдники просиживали вокругъ обильной трапезы своей съ полдня до вечера, и любили поговорить преимущественно за столомъ, гдѣ языкъ развязывается и раскрывается сердце, подъ вліяніемъ *кулы* и *азарпешы*. (3) Прежде въжливость требовала выпить за здоровье каждаго присутствующаго и за многихъ отсутствующихъ, а обычай и привычка требовали пить послѣ каждаго блюда. Въмѣсто разливательныхъ и всякихъ ложекъ, ножей и вилокъ, употреблялись орудія природы; въ блюдо плова являются вдругъ 15, 20 пальцевъ, и искусство набирать въ три пальца пловъ такъ, чтобы захватить какъ можно больше и не уронить ни одного зернышка рису, было доведено, въ старые годы, до высокой степени совершенства, искусство, которое со-

(1) Куски мяса, закаренного на вертелъ, на шпиль; шпиль татарское слово и означаетъ пруть, шпиль.

(2) Туземное блюдо.

(3) Кула-сосудъ сферической формы, съ длиннымъ и узкимъ горлышкомъ; азарпеша—ковшъ.

временемъ исчезнетъ, подобно многимъ другимъ древнимъ искусствамъ...

Теперь полные приборы за столомъ стали необходимостію, и тѣ самые люди, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ обвиняли смѣлыхъ послѣдователей новизны за употребленіе, напримеръ, вилокъ, теперь осудятъ тѣхъ, которые, имѣя возможность, не употребляютъ ихъ.

Новыя жилища и образъ жизни входили въ употребленіе вмѣстѣ съ новымъ костюмомъ; въ теплыхъ комнатахъ стало не нужно носить ни бараньихъ шапокъ, ни сапоговъ съ шерстяными чулками; папахи замѣнились фуражками и шляпами, грузинскіе сапоги и *коши* * сапогами русскими, башмаками и ботинками. Теперь прекрасный полъ, который обыкновенно всегда и вездѣ впереди на дорогѣ нововведеній и преобразованій, особенно въ отношеніи костюма, оставилъ отъ своей прежней одежды только тавсакрави (головной уборъ), чадры и *катибу*; ** такъ, что теперь въ Тифлисѣ весьма трудно отыскать старинный, чисто туземный женскій нарядъ; башмаки носятъ теперь даже въ деревняхъ! Мода распространяетъ свое владычество въ Грузіи такъ-же успѣшно, какъ и въ Россіи, а мода неразрывно связана съ чистотою, опрятностію и вмѣстѣ съ образованіемъ вкуса; поэтому мишура и безвкусныя украшенія выводятся и въ костюмъ и въ убранствѣ комнатъ; жемчугъ, которымъ прежде унижали катибы, вышелъ почти изъ употребленія; зеркала въ рамкахъ краснаго дерева, съ позолотою и фольгою, встрѣчаются гораздо рѣже; бурнусы, шляпки, перчатки и т. п. играютъ первую роль въ жизни дѣвицъ всего міра; а такъ какъ здѣсь, по мнѣнію старыхъ маменекъ, одежда эта прилична только чиновницамъ и, главное, раззорительна по причинѣ моды, то шляпки весьма сильно содѣйствуютъ бракамъ между туземками и чиновниками; таково благое вліяніе моды на соединеніе народовъ во едино: такъ часто маловажныя причины производятъ великія послѣдствія!..

Живущіе въ Грузіи не могутъ не видѣть, какъ быстро образуется Тифлисъ и нѣкоторые другіе города Закавказскаго края; быстро даже при сравненіи успѣховъ ихъ съ ходомъ об-

* Коши—башмаки, или лучше туфли, короткія, на высокихъ каблукѣхъ.

** Кацавейка съ разръзными длинными рукавами.

разованія въ Россіи со временъ Петра. Намъ легко судить объ этомъ, потому-что примѣръ Россіи у насъ передъ глазами. Взглядъ на одинъ Тифлисъ можетъ убѣдить въ этомъ всякаго. Здѣсь постоянно строится нѣсколько домовъ на каждой улицѣ; половина садовъ города исчезла въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, занятая домами и новыми улицами; а такъ какъ число русскихъ жителей города увеличилось незначительно и наемъ квартиръ также дорогъ, какъ былъ прежде, то ясно, что эти дома занимаются туземцами, которые довольствовались прежде саклями и ветхими зданіями съ дарбазами; жители переселяются въ новыя, лучшія строенія, и сакли видимо исчезаютъ. Жилище-же, безъ сомнѣнія, много объясняетъ степень просвѣщенія чловѣка.

Во всемъ остальномъ таже перемена; въ старыя годы женщины, даже высшаго сословія, употребляли для повздокъ арбы, которыя, въ торжественныя дни и для церемоніальныхъ визитовъ, были украшаемы балдахинами, коврами, кистями и разноцвѣтными матеріями; но часто прекрасному полу приходилось вѣхать верхомъ. Теперь же парные извозчики развозятъ по улицамъ ремесленниковъ и простыхъ *бичо* (1); кареты и коляски выписываются туземцами изъ Москвы и Петербурга; и что сказалъ-бы дѣдъ современнаго гражданина Тифлиса, увидя внука въ коляскѣ, запряженной щегольскойю парюю, въ русской сбруѣ, съ русскимъ кучеромъ, дѣдъ, вздвигшій только верхомъ?.. Телеги съ русскою упряжью, съ дугою, входятъ въ употребленіе въ простомъ народѣ; *зурна*, *дайра* и *чонгури* (2) замѣняются шарманкою и гармоникою; наконецъ русскія водовозныя бочки вытѣсняють національныхъ *тулукчи*, (3) такъ что теперь положеніе однихъ *мушей* (4) довольно прочно и обезпечено на будущее, до соперничества ломовыхъ извозчиковъ. Восемь лѣтъ тому назадъ пронесся слухъ въ Тифлисъ, что труппа актеровъ намѣрена посѣтить городъ и основаться въ немъ, если публика будетъ къ ней благосклонна. Слухъ этотъ принять былъ съ насмѣшкою; всѣ

(1) Малый, парень, мальчикъ.

(2) Национальные музыкальные инструменты, весьма непріятныя для европейскаго уха.

(3) Тулукчи—водовозъ; здѣсь возятъ воду въ кожаныхъ большихъ мѣхахъ, тулукахъ.

(4) Муша—носильщикъ.

утверждали, что въ Тифлисъ еще рано быть театру, что туземцы не пойдутъ на представленія; театръ будетъ всегда пустъ, а одни русскіе не въ состояніи будутъ его поддерживать. Мнѣніе это, какъ теперь видимъ, было весьма ошибочно; вотъ уже четыре года, какъ въ Тифлисъ существуетъ театръ, поддерживается весьма хорошо, и туземцы, не только охотно вздять на представленія, но многіе изъ нихъ пристращаются къ сценическому искусству неменьше нашихъ театраловъ. Кто-бы подумалъ, что въ этомъ уголкѣ Азіи будутъ раздаваться итальянскіе мотивы Россіи, Беллини, Донизетти: въ Тифлисъ существуетъ итальянская опера... А вслѣдъ за Тифлисомъ, вѣроятно, скоро явится театръ и въ другихъ главныхъ городахъ Закавказскаго края; труденъ только первый шагъ.

Согласившись однако, что Грузія идетъ быстрыми шагами къ великой цѣли—просвѣщенію, никакъ не слѣдуетъ выводить утѣшительнаго, но обманчиваго заключенія, что она дошла до этой цѣли. Теперь, какъ мы сказали, состояніе ея есть переходное, въ которомъ старое и новое являются вмѣстѣ на каждомъ шагу, часто въ довольно комическомъ соединеніи. Въ тифлисскихъ домахъ, на улицахъ, въ костюмѣ жителей, въ обычаяхъ и языкѣ,—всюду смѣсь Азіи съ Европой представляется взору занимательною, живописною пестротою и чуднымъ, паразитическимъ разнообразіемъ. Кажется, только типъ грузинской и армянской фізіономіи остается покамѣсть безъ замѣтной примѣси чужихъ, европейскихъ, славянскихъ чертъ. Даже въ разговорахъ между собою туземцы часто мѣшаютъ съ своимъ языкомъ слова и выраженія русскія. Войдете въ любой домъ новой туземной постройки (исключеній немного), и увидите ту же борьбу двухъ противоположныхъ элементовъ, Азіи и Европы, или представительницы Европы за Кавказомъ—Россіи; вездѣ можно увидѣть проявленіе прежнихъ, старыхъ понятій, съ которыми такъ неохотно расстаются почтенные старички, нажившіе деньги на постройку этихъ домовъ, нося не модные фраки и потому признающіе моду только по неволѣ. Эта борьба стараго міра съ новымъ всего очевиднѣе проявляется въ Тифлисъ, гдѣ ярче сіяютъ лучи просвѣщенія, и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, глубже гнѣздятся преданія и вѣрованія старой Азіи; въ другихъ городахъ и деревняхъ новое принимается легче, и если что не принялось, то только потому, что еще не дошло до нихъ. Въ залахъ съ

огромными зеркалами и дорогою мебелью часто можно встрѣтить на полу туземнаго произведенія войлокъ; на стѣнахъ увидите нарисованные альфреско пейзажи; пастушка со стадомъ изъ трехъ овецъ, виды горъ, горшки съ цвѣтами и проч., а на потолокъ амуровъ, спускающихъ неуклюжую люстру, всегда завернутую въ чахолъ. Въ передней не найдете ни души, и если двери въ домъ заперты, то, не зная языка, почти нѣтъ средствъ узнать, дома-ли хозяинъ; дворники также еще не вошли во всеобщее употребленіе; во многихъ домахъ до сего времени существуютъ дарбазы; въ комнатахъ ящики и шкафы въ стѣнахъ, довольно удобные, при недостаткѣ мебели, но вовсе некрасивые. Найдется одна, двѣ комнатки съ кирпичными полами, съ тахтою, * бухари и мангаломъ; нѣкоторые изъ владельцевъ домовъ живутъ и пребываютъ единственно въ этихъ заветныхъ комнатахъ, напоминающихъ старое время, и строятъ залы и гостиныя съ европейскимъ убранствомъ только для гостей и торжественныхъ дней. Тоже самое есть и у насъ, особенно у купцовъ.

Отъ этого невниманія къ параднымъ, или европейскимъ комнатамъ происходитъ то, что онѣ строятся со всѣми неудобствами, какія только можно себя вообразить, съ отсутствіемъ всякаго понятія объ архитектурномъ искусствѣ. Или встрѣчается рядъ комнатъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ двери, открывающіяся на улицу или на балконъ; или-же эти комнаты всѣ проходныя, такъ что живущіе въ нихъ не даютъ другъ другу покоя; въ большей части домовъ комнаты имѣютъ окна и двери во всѣхъ четырехъ стѣнахъ, и постояльцу негдѣ съѣсть иначе, какъ у окна или двери. Прежде, когда житель города могъ, сидя дома, ничего не дѣлать, ему можно было довольствоваться саклею и дарбазомъ; спрятавъ руки въ карманы и подогнувъ подъ себя ноги, можно было просидѣть и въ холодной комнатѣ, согрѣваемой мангаломъ; лѣтомъ-же въ сильный жаръ, можно было съ удовольствіемъ пробыть день въ темномъ дарбазѣ, а гостя принять — на улицѣ или на площади, гдѣ знакомые собирались кучками и дѣлали другъ другу визиты — отъ одной кучки къ другой. Но теперь, когда приходится работать, писать, читать, когда нельзя все время держать руки въ карманахъ и кучки выходить

* Широкая деревянная софа на низкихъ ножкахъ.

изъ употребленія, теперь приходится думать больше о внутреннемъ украшеніи домовъ, объ удобствахъ, о комфортѣ; къ тому же, дома, построенные съ этими удобствами, отдаются въ наймы гораздо выгоднѣе. Правду сказать, такихъ домовъ еще немного, даже и въ Тифлисъ; большая часть изъ нихъ выстроена безъ всякаго примѣненія къ климату и къ образу жизни наемщиковъ, большею частію русскихъ; почти вездѣ въ комнатахъ холодно и сыро зимою и жарко лѣтомъ. Цвѣты составляютъ здѣсь украшеніе немногихъ квартиръ, занимаемыхъ преимущественно русскими семействами; у туземцевъ можно часто встрѣтить лимонныя деревья, но ухаживать за цвѣтами, — до этого не охотницы туземки, которыя гораздо больше любятъ игру въ лото, визиты и *dolce far niente*. Да и какъ упрекать ихъ за это, когда онѣ еще такъ недавно стали пользоваться правомъ дѣлать визиты, играть въ лото и быть въ обществѣ мужчинъ?.. Работа, воспитаніе дѣтей и тому подобныя женскія занятія придуть послѣ, со временемъ; теперь же пора вступленія въ свѣтъ, пора переходная. Поэтому и мужья ихъ предпочитаютъ всѣмъ существующимъ цвѣтамъ виноградный садъ, подъ тѣнью котораго можно погулять на свободѣ и на распашку, поцѣловать пальцами и вышить отъ души турій рогъ, съ возгласомъ Аллаверды! Въ садахъ и виноградникахъ можно быть еще азіатцемъ, хотя на нѣсколько часовъ; все остальное время надобно учиться, пересоздаваться: — тяжело и скучно!

Часть этихъ перевоспитывающихся туземцевъ слѣдуетъ примѣру русскихъ для моды, ради обычая и общаго стремленія, но не по убѣжденію; мѣшаютъ европейское съ азіатскимъ, часто не видя между ними разницы въ достоинствѣ. Молодое поколѣніе, воспитанное среди русскихъ, въ учебныхъ заведеніяхъ, уже не изъ подражанія, но по собственной склонности и собственному вкусу убираетъ комнаты по европейски, встѣ по европейски, и у него мы конечно не найдемъ ни мангаловъ, ни тахтъ, ни пейзажей по стѣнамъ. * Теперь же, во-время всеобщаго разнообразія и анархіи вкусовъ, многіе носятъ національныя чохи и вмѣсто папаховъ картузы всякихъ фасоновъ, бѣлые галстуки и манишки; подъ чадрую видимъ платье, сшитое по европейской

* Есть много фамилій въ Тифлисъ, которыхъ, безъ сомнѣнія, нельзя отличить отъ европейцевъ, ни по понятіямъ, ни по образу жизни; но здѣсь говорится о большинствѣ.

модь, или обратно, европейскій сюртукъ и папахъ, широкія персидскія шальвары и прюнелевыя ботинки составляютъ костюмъ неразборчиваго горожанина. Это отсутствіе единства въ формѣ костюма, это равнодушіе къ гармоніи въ одеждѣ доходятъ здѣсь до невѣроятныхъ предѣловъ, особенно въ низшемъ сословіи. Носильщикъ (мушá) или водовозъ, сверхъ лоскутьевъ своего бывшаго архалуха, надѣваетъ старшій солдатскій мудиръ съ краснымъ воротникомъ, купленный за три абазы на базарѣ, и въ этомъ нарядѣ, съ папахомъ на головѣ, ходитъ два года, пока мѣсть не купитъ на смѣну — солдатской шинели, давно отслужившей свой срокъ. Хотя, конечно, отъ водовоза нечего требовать разборчивости въ костюмѣ, но пестрота его одежды есть слѣдствіе общаго, повсемѣстнаго смѣшенія двухъ элементовъ — Азіи и Европы. У насъ послѣдній изъ простолюдиновъ, надѣвъ сверхъ кафтана солдатскій мундиръ, обратитъ на себя всеобщее вниманіе.

Эта борьба стараго съ новымъ объясняетъ многое странное, совершающееся въ здѣшнемъ краѣ, и оправдываетъ даже многое смѣшное и дурное; она исторически необходима и неизбежна. Нѣкоторые осуждаютъ туземцевъ за подражаніе русскимъ въ костюмѣ, въ образѣ жизни, за принятіе маски наружнаго образованія; говорятъ, напримѣръ, что туземки несравненно красивѣе въ своихъ катибахъ и тавсакрави, съ личагомъ (вуаль), развѣвающимся по вѣтру, или драпированныя въ чадры, нежели въ шляпкахъ, выбранныхъ безъ вкуса. Положимъ, что это справедливо; но эти шляпки безъ вкуса означаютъ ходъ народа отъ одной ступени просвѣщенія къ другой, третьей и т. д., тогда какъ чадры показываютъ пребываніе на одномъ мѣстѣ. Если судьба повела Грузію по новому пути, то надобно слѣдовать по нему безостановочно, безъ сожалѣнія объ ставленномъ. Странно говорить, будто можно носить папахъ, вѣсть пловъ пальцами и, вмѣстѣ, учиться, становиться европейцемъ по образованію и понятіямъ, конечно можно, но этого нигдѣ не бываетъ и не было, что-бы ни говорили умники, мечтающіе о желтыхъ сафьянныхъ сапогахъ и собольихъ шапкахъ нашихъ предковъ.... Точно также напрасны, несправедливы и непохвальны всѣ упреки, недоброжелательныя замѣчанія и насмѣшки, которыми закидываютъ гг. путешественники и непутешественники жителей Закавказскаго края. На все есть свое время, и никто, въ здравомъ умѣ, не осудитъ ребенка за его дѣтскія понятія.

Отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, и потому мы не должны удивляться, встрѣчая здѣсь, въ Грузіи, высокое стремленіе къ образованію рядомъ съ пародією на образованіе; героизмъ война съ смѣшными ухватками и претензією на ловкость, великія дѣла вмѣстѣ съ нелѣпыми понятіями. Вспомнимъ время конца царствованія Петра Великаго, когда самое комическое искаженіе европейскаго просвѣщенія и европейскихъ понятій такъ часто соединялось съ высокими чувствованіями и великими подвигами, возбуждая въ одно время смѣхъ и слезу восторга; когда самыя забавныя сцены заключали въ себѣ великія идеи. Чтобы понять это, стоитъ вообразить себѣ, на примѣръ, боярина или генерала, считающаго необходимостію бриться, завивать и пудрить свой парикъ, несмотря на градъ пуль, осѣпающихъ его палатку; или вспомнимъ съдаго гренадера арміи Наполеона, совершающаго въ шубкѣ московской кулчиhi путешествіе отъ Москвы до Березины, гдѣ онъ гордо умираетъ на пикахъ казаковъ. Полуобразованіе, съ смѣшными и дурными сторонами, встрѣчается здѣсь, конечно, весьма часто; но, какъ мы сказали, оно есть необходимое слѣдствіе переходнаго состоянія. Есть и здѣсь театралы, молодые люди, хотя нигдѣ некончившіе курса наукъ, но дающіе тонъ и голосъ молодежи, обсуживающіе съ жаромъ и убѣжденіемъ пьесы и актеровъ тифлискаго театра; въ убранствѣ комнатъ здѣшнихъ денди найдете статуэткн Тальони, Наполеона и амуровъ, сдѣланныхъ изъ туземнаго алебаstra, мастерами самоучками; подобно тому, какъ и наши дѣды покупали для своихъ подмосковныхъ дворцовыхъ коллекцій Рафаэлей, Рубенсовъ и Тиціановъ по полсотнѣ экземпляровъ, въ счастливомъ убѣжденіи, что приобрѣли произведенія великихъ мастеровъ. И здѣсь можно часто, особенно на улицѣ, встрѣтить людей, которые наряжаются постоянно какъ вывѣски портныхъ, между-тѣмъ какъ они бывають въ обществѣ только у своихъ товарищей или въ присутственныхъ мѣстахъ, людей, гуляющихъ по базару и въ своемъ саду въ палевыхъ перчаткахъ. Нерѣдко встрѣтить розовый галстухъ съ голубымъ жилетомъ, или новомодный фракъ съ такими широкими лацканами, что, кажется, они могли-бы быть застегнуты на спинѣ. Но все это необходимо, все забавно и даже живописно, потому-что пестро и разнообразно: все это было и у насъ послѣ Петра Великаго, есть и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ нѣкоторой степени.

Вообще ошибочны мнѣнія тѣхъ строгихъ философовъ, ко-

торые во всякомъ отступленіи отъ идеала добродѣтели и нравственнаго совершенства видятъ бездну порока, непростительныхъ слабостей и развращенія. Говоря о Грузіи, подобные люди сказали-бы, на примѣръ, что перемѣна костюма и образа жизни вовлекаютъ туземцевъ въ роскошь; а такъ-какъ между ними промышленная дѣятельность развивается медленно, то у нихъ недостаетъ средствъ къ удовлетворенію потребности роскоши, и потому разстроиваетъ состояніе людей небогатыхъ; что только шитое по модѣ платье и хорошо убранная квартира, по мнѣнію многихъ, означаетъ образованнаго чловѣка; что наконецъ, молодые люди обоюго пола стараются схватить одно наружное образованіе, наружный лоскъ, и мать семейства только этого и желаетъ для дѣтей своихъ. Къ этому можно прибавить еще, что на примѣръ, шарманки развелись по всему краю; что подъ каждымъ почти домомъ строятся подвалы со сводами и немедленно занимаются подъ духаны, принося большія выгоды хозяевамъ; въ нихъ собирается народъ, и пристращается къ этимъ сборищамъ. Сидѣльцы въ лавкахъ общитываютъ своихъ хозяевъ, люди—своихъ господъ, чтобы пить и играть въ карты; иной работникъ въ одинъ вечеръ проигрываетъ деньги, заработанныя тяжелымъ трудомъ въ теченіе недели, и пр. и пр.

Если все это справедливо, то гдѣ-же всего этого нѣтъ? Но эта филиппика фанатизма и нетерпимости находитъ слушателей, которые забываютъ, что находятъ слабыя стороны легче, нежели видѣть достоинства, и что жалка критика тѣхъ, которые разбираютъ одни недостатки. Люди съ этимъ мнѣніемъ не хотятъ или не могутъ видѣть ни положенія народа, ни его молодости; не видятъ и не признаютъ слѣдствій переворота въ жизни цѣлой націи, и мѣряютъ все на свой аршинъ. Взглядъ этотъ есть слѣдствіе раздраженія и предубѣжденія...

Давно-ли мы сами были учениками? Но насъ никто не упрекаетъ за прошлое, сколько-бы въ немъ ни было смѣшнаго и нелѣпаго.

Народъ, жители городовъ, пристращаются къ мотовству, къ жизни не по состоянію, увлекаются веселыми сборищами и пр. Смѣшныя опасенія за народъ, который всегда былъ склоненъ къ открытой, разгульной жизни и между-тѣмъ перенесъ двадцативѣковую вражду съ сильнѣйшими непріятелями. Если-же дѣйствительно въ городахъ подъ каждымъ домомъ строятся духаны и лавки, то это означаетъ развитіе въ край промышленности

и торговли и увеличеніе благосостоянія народа, отчего мы, кажется, не должны приходить въ отчаяніе. Въ невоздержаніи никто туземцевъ упрекнуть не можетъ; а гдѣ, въ какомъ царствѣ нѣтъ лавочниковъ, общитывающихъ своихъ хозяевъ, нѣтъ работниковъ, истрачивающихъ трудовыя деньги цѣлой недѣли въ одинъ день?.. Веселья сборища никогда не портятъ народа, чему примѣромъ служатъ Спарта, Аѣины и Римъ, во времена ихъ процвѣтанія; на сборищахъ, въ питейныхъ домахъ, такъ устрашающихъ ревнителей народной нравственности, нѣтъ ни травли невольниковъ львами, ни боя гладіаторовъ. Шарманки также, кажется, не могутъ имѣть вреднаго вліянія на сердца жителей Грузіи; они могутъ развѣ портить ихъ слухъ. Мальчишки на улицахъ поютъ за шарманкой «По улицѣ мостовой» и «Ты не повѣришь»; зато зурія слышится рѣже и не выводитъ по ночамъ изъ терпѣнія утомленнаго трудами чиновника, желающаго спокойно уснуть. И здѣсь, какъ вездѣ, шагъ впередъ!

Наперекоръ всемъ осуждающимъ, люди, изучающіе край, люди безпристрастные, по-прежнему убѣждены, что онъ быстро идетъ на пути образованія, что вліяніе въ немъ Россіи сильно, повсемѣстно и благотельно. Образованность не признается здѣсь въ одной наружной формѣ, ни въ модномъ костюмѣ, ни въ убранствѣ комнатъ; образованіе приноситъ здѣсь существенную пользу тѣмъ, которымъ удалось получить его, и выгода его весьма ясно понимаема туземцами, не только взрослыми, но даже дѣтьми. Кромѣ близкаго, личнаго знакомства съ народомъ, можно убѣдиться въ этомъ, разсмотрѣвъ послѣдніе отчеты учебнаго вѣдомства за Кавказомъ: здѣсь въ Азіи, за Кавказскими горами, число учащихся, относительно къ числу жителей, превосходитъ число учениковъ бѣльшей части нашихъ губерній; и тогда, какъ въ концѣ царствованія Петра Великаго, и даже позднѣе, дворянъ нашихъ отыскивали по уздамъ и ловили для опредѣленія на службу или въ ученіе, когда у насъ и теперь найдутся «недоросли», неучившіеся нигдѣ, здѣсь, въ Грузіи, въ Имеретіи, школы полны учениками, часто безродными, явившимся учиться по собственной охотѣ, въ-слѣдствіе общаго, народнаго сознанія пользы науки и просвѣщенія. Въ иныя школы часто приходятъ ученики изъ деревень, за пять, за восемь верстъ, ежедневно, съ чурекомъ и горстью лоби въ карманѣ, и съ этимъ запасомъ сидятъ за книгою до вечера. Многіе изъ жителей городовъ, при всѣхъ недостаткахъ въ средствахъ, пре-

красно выучиваются по-русски, знаютъ одинъ, а нѣкоторые два, европейскіхъ языка, читаютъ русскіе журналы и пишутъ для нихъ; образованные люди также знаютъ нашу литературу, какъ и мы, и дорогіе для насъ имена Крылова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя произносятся и здѣсь съ тѣмъ-же чувствомъ, какъ и въ Россіи. Большую часть воспитанниковъ, кончившихъ курсъ въ тифлисской гимназій, нельзя отличить отъ русскихъ ни въ какомъ отношеніи; между-тѣмъ какъ родители многихъ изъ нихъ живутъ въ сакляхъ и носятъ папахи и чадры. Назадъ тому восемь, девять лѣтъ въ Тифлисъ считалось, кажется, восемь фортепянь; теперь ихъ больше 150, изъ которыхъ многія лучшихъ мастеровъ, что, конечно, должно приписать распространенію образованія между женскимъ поломъ; и если высшее сословіе здѣшнее еще далеко отстаетъ отъ нашего въ образованіи, то виною этому, по большей части, его недостаточность, или лучше, бѣдность, о причинахъ которой говорить здѣсь не мѣсто.

Невидавшіе Грузіи не должны удивляться быстрому распространенію въ ней образованія. Грузія, представительница Закавказья, занимаетъ весьма небольшое пространство; народъ ея такъ тѣсно связанъ со всѣмъ русскимъ и правительство употребляетъ столько усилій для его просвѣщенія, что медленный ходъ его на пути образованія былъ-бы неестественъ. Успѣхи въ образованіи наиболее замѣтны здѣсь въ среднемъ сословіи, и если лучи просвѣщенія еще не проникли въ народъ, то, за малыми исключеніями, гдѣ и какой-нибудь народъ не бродитъ въ потемкахъ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ сумеркахъ?..

Все новое, всякая важная мысль передается здѣсь необыкновенно быстро, какъ по малому пространству края, такъ и по живости характера и ума большинства жителей; все здѣсь принимается и обсуживается съ увлеченіемъ. Пройдетъ еще два, три десятка лѣтъ, и Грузія будетъ страной образованною, благоустроенною и богатою, одною изъ лучшихъ частей имперіи, и старовѣръ патриотъ воскликнетъ съ горькимъ отчаяніемъ: «Увы! гдѣ старое доброе время, когда можно было проводить жизнь, сидя съ поджатыми подъ себя ногами, и ѣсть пловъ пальцами, когда дѣти не были умнѣе отцовъ!» и подумаетъ, еще съ большимъ отчаяніемъ, что скоро некому будетъ и восклицать такимъ образомъ...

Въ этомъ краткомъ очеркѣ изображены только главныя черты общей и преимущественно внѣшней перемѣны въ бытѣ наро-

да, какъ послѣдствія водворенія здѣсь власти Россіи; но вліяніе это повсемѣстно, проникаетъ во все стороны жизни туземцевъ и отражается повсюду, такъ, что еслибы нужно было писать о вліяніи Россіи на здѣшній край вообще, то пришлось-бы составить полную картину его въ нравственномъ, политическомъ, статистическомъ и во всехъ возможныхъ отношеніяхъ.

Показавъ ошибочность взгляда людей, непризнающихъ нравственнаго хода впередъ жителей Грузіи, замѣтимъ взглядъ еще болѣе странный, взглядъ людей, которые признаютъ это нравственное движеніе народа, видятъ успѣхъ, съ которымъ совершается преобразование Грузіи,—и сожальютъ объ этомъ!.. Они говорятъ: все національное исчезаетъ, все сливается въ одинъ какой-то безцвѣтный колоритъ, все принимаетъ общія, европейскія формы, но не одушевляемая европейскими идеями, формы, которыя не выливаются изъ этихъ идей; рѣже и рѣже видимъ мы народныя игры, обычаи и увеселенія; почти не встрѣчаемъ сборищъ прекрасныхъ туземокъ на крышахъ, туземокъ съ ихъ чадрами, съ вуалями, живописно развѣвающимися въ воздухъ, рисующимися на голубомъ фонѣ тифлискаго неба; рѣже видимъ пляску подъ мѣрные звуки дайры; зурна и мествири * бродятъ только по деревнямъ; а сатаръ **, соловей сатаръ, какъ рѣдкость слышимъ былъ только въ театрѣ!» и проч. и проч.

Правду сказать, близорукое, ложное, забавное сожалѣніе! Есть люди, которые сожальютъ, можетъ-быть, даже о томъ, что живописныя, полуразрушенныя сакли и землянки съ плоскими крышами, которыя такъ характеризировали востокъ и восточный пейзажъ, замѣняются здѣсь однообразными, всюду встрѣчаемыми европейскими домами, съ желѣзными и черепичными крышами. Поэтъ и художникъ, заботящіеся только о себѣ и о предметахъ области ихъ искусства, могутъ сожалѣть объ утратѣ поэтическаго и живописнаго колорита въ нравственной жизни народа Грузіи, колорита, затираемаго образованіемъ; художникъ можетъ даже пожелать, чтобъ люди ходили и теперь также, какъ во времена владычества боговъ и героевъ, не принося въ соображеніе, что костюмъ Аполлона или Венеры неудобенъ для людей нашего вѣка; какое ему дѣло до людей и удобствъ жизни, ему нужна картина, этюдъ, натура. Старовѣръ патріотъ мо-

* Играющіи на вольникѣ.

** Сатаръ — извѣстный персидскій пѣвецъ.

жетъ сътовать на развалинахъ старины о перерожденіи своихъ соотечественниковъ, которыхъ онъ не узнаеть и не хочетъ признать; но не-поэтъ, не-художникъ и не-старовѣръ не будетъ сожалѣть о прошломъ, будетъ радоваться, смотря на картину разрушенія и на развалины старины: за этою картиною его глазамъ является другая, болѣе высокая, съ болѣе разумнымъ содержаніемъ; онъ видитъ успешный ходъ народа къ достиженію великой цѣли, назначенной ему промысломъ.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: У. М. Тэккерей и его сочиненія. — **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Происхожденіе оперы. — **ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ:** Полгода въ Сициліи. (*Изъ записокъ французскаго туриста*). — **МЕЛКІЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:** Рене-Поль и Поль-Рене. (*Физиологическій рассказъ Эмиля Дешанъ*).

І. ЛИТЕРАТУРА.

У. М. ТЭККЕРЕЙ И ЕГО СОЧИНЕНІЯ. По замѣчанію редактора «Британскаго Обозрѣнія», псевдонимы могли-бы занять любопытную главу въ исторіи современной англійской словесности. Въ этомъ отношеніи одно изъ первыхъ мѣсть принадлежитъ Уильяму Мэкпису Тэккерей, какъ по числу принятыхъ имъ въ разное время псевдонимовъ, такъ и по многостороннему его дарованію, которое доставило литературную извѣстность *Микель-Анджелло-Титмаршу*, *Фитцъ-Будлю*, *Пенденису* и прочимъ критикамъ, артистамъ и романистамъ, двойникамъ автора «*Семейнаго алмаза*» и «*Ярмарки тщеславія*». Нѣкоторые изъ этихъ псевдонимовъ не должны быть принимаемы за простыя фантастическія прозвища или личины, прикрывающія писателя; нѣтъ, они получили отъ него своеобразную жизнь, они играютъ роль сотрудниковъ въ его дальнѣйшихъ произведеніяхъ, принимаютъ на себя извѣстную долю отвѣтственности, словомъ, живутъ и возрастаютъ вмѣстѣ съ авторомъ. Въ новомъ романѣ, *Newcomes*, выходящемъ ежемѣсячными главами, перо писателя переходитъ поочереди изъ рукъ Артура Пендениса въ руки Тэккерей. Феерическій святочный рассказъ на 1853 г., «*Роза и Перстень*», мастерски переданный Тэккереемъ въ поученіе маленькихъ и большихъ слушателей, иллюстрированъ каррикатурами *Микель-Анджелло Титмарша*. Будущему біографу Тэккерей придется составлять цѣлую галерею изъ этихъ вымышленныхъ лицъ, такъ непохожихъ одно на другое съ перваго взгляда, но при внимательномъ

изученіи представляющихъ такое поразительное семейное сходство. Ему-же придется объяснить и бывшее убѣжденіе автора въ возможности скрыть свое настоящее имя, а также скромное желаніе—не притязуя на званіе писателя, пройти литературное поприще въ качествѣ сотрудника одного изъ періодическихъ сборниковъ, какого-нибудь «Обозрѣнія» или «Магазина». Но всѣ эти объясненія дѣло будущаго биографа; мы, съ своей стороны, окажемъ ему посильную помощь и приведемъ нѣсколько данныхъ для будущаго жизнеописанія знаменитаго англійскаго юмориста.

Уильямъ Мэкписъ Тэккерей родился въ 1811 году, въ англійскихъ остъ-индскихъ владѣніяхъ, отъ благородныхъ родителей; нѣкоторые изъ его однофамильцевъ приобрѣли заслуженную извѣстность на поприщѣ англійской службы, науки и литературы; но мы не можемъ опредѣлить степени родства между этими лицами и авторомъ Пенденниса. Онъ получилъ превосходное пріуготовительное образованіе, прослушалъ курсъ юридическихъ наукъ въ Кембриджскомъ университетѣ, однако не держалъ экзамена на полученіе ученой степени, потому-что званію адвоката предпочелъ званіе художника. Три года, проведенные въ мастерскихъ лондонскихъ художниковъ, объясняютъ намъ, почему Тэккерей также свободно передаетъ свою мысль карандашомъ, какъ и перомъ. Но въ живописи онъ остался только каррикатуристомъ, послѣдователемъ Гогарта и Крюикшенка, тогда какъ по стилю литературныхъ своихъ произведеній съ перваго раза сталъ на ряду съ многими писателями соединенныхъ королевствъ, идущими по стопамъ Аддисона, Стиля, Фильдинга и Гольдсмита. Сотрудничество въ періодическихъ сборникахъ, въ еженедѣльныхъ и ежедневныхъ листкахъ, безспорно, образовало замѣчательныхъ критиковъ, но, къ сожалѣнію, даровитѣйшіе изъ нихъ погрѣшаютъ противъ науки, во-первыхъ, отсутствіемъ метода, во-вторыхъ, торопливостью изложенія, неизбѣжною при спѣшныхъ и срочныхъ занятіяхъ.

Но Тэккерей даже въ первыхъ своихъ опытахъ выказываетъ добросовѣстное изученіе писателей прошедшаго вѣка, которыхъ въ-послѣдствіи онъ такъ ловко очертилъ въ «Юмористахъ» и такъ вѣрно воспроизвелъ въ «Гейнрихѣ Эмондѣ».

По поводу журнальныхъ занятій Тэккерей, мы, кажется, можемъ порадоваться за него прекращенію литературно-художественнаго листка, когда-то издававшагося подъ главною его редакціею, а еще болѣе окончательному паденію одного политическаго журнала, въ которомъ вмѣстѣ съ Тэккереемъ былъ сотрудникомъ Д-ръ Мэджинъ, человекъ крайне даровитый, оригинальный и ученый. Мэджинъ писалъ въ одно и тоже

время для «Магазиновъ» гг. Блэквуда и Фрезера. Въ послѣднемъ сборникѣ и появились первыя критическія статьи и рассказы Тэккерей, подъ псевдонимомъ Микель-Анджело Титмарша. Нѣкоторые изъ этихъ небольшихъ разсказовъ, очаровавшихъ читателей «Fraser's magazine», могли-бы развиться въ значительные романы; другіе замѣчательны какъ остроумное опроверженіе народныхъ преданій и романовъ: такова «Подлинная исторія *Синей Бороды*, оправдывающая Гейнриха VIII отъ сказочныхъ извѣтовъ, и доказывающая, что онъ былъ оклеветанъ своими женами и терпѣлъ отъ нихъ самую горькую участь. Таково также, по идеѣ и направленію, продолженіе «*Айвенго*», предложенное, какъ сюжетъ романа, автору «*Монте-Кристо*», двойная сатира, которой смѣется Александръ Дюма; также какъ смѣялся-бы Вальтеръ-Скоттъ. Въ Fraser's Magazine была также напечатана въ первый разъ исторія «Семейнаго алмаза», доказавшая, можетъ-быть, самому автору, что онъ въ-правѣ рассчитывать на созданіе болѣе полной драмы, чѣмъ тѣ, которыя онъ до-тѣхъ-поръ умѣщалъ въ рамку небольшого разсказа. «Этотъ романъ, постоянно-любимое произведеніе автора», говоритъ Тэккерей въ предисловіи къ отдѣльному изданію *Семейнаго алмаза*, «при первомъ появленіи въ свѣтъ былъ неслишкомъ благосклонно принятъ публикою. Однакоже нѣкоторыя лица его замѣтили, и между прочими покойный Джонъ Стирлингъ (молодой поэтъ, умершій въ-послѣдствіи); онъ мнѣ написалъ письмо, которое сдѣлалось для меня источникомъ утѣшенія и удовольствія.» Тэккерей присовокупляетъ, что только повсемѣстный успѣхъ «Ярмарки Тщеславія» заставилъ одного изъ книгопродавцевъ рѣшиться на новое изданіе *Алмаза*. Впрочемъ надобно замѣтить, что французскіе журналы съ самаго начала оцѣнили *Алмазъ* по его достоинству, и поставили нѣкоторыя сцены на-ряду съ самыми патетическими сценами Диккенса. И дѣйствительно, страницы этого романа носятъ на себѣ отпечатокъ неподдѣльнаго чувства и глубокой душевной скорби. Тэккерей самъ сознается, въ своемъ предисловіи:

«Этотъ разсказъ, появившійся въ печати въ 1841 году, былъ написанъ въ такую эпоху, когда самъ авторъ страдалъ подъ гнетомъ тяжелаго житейскаго гора.

«И такъ, тѣ, для кого занимательны автобіографическія подробности, могутъ объяснить себѣ, почему страницы этого маленькаго романа пропитаны тихою грустію. Перечитывая этотъ романъ черезъ семь лѣтъ, я припоминаю тѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ онъ написанъ, и мысли, не тѣ, которыя сливались съ перомъ, а тѣ, которыя преслѣдовали меня во-время разсказа.»

Семейное горе стыдливо, и опущенная на него завѣса должна быть

неприкосновенною; но кто не догадается, какого рода несчастье поразило автора, прочтя слѣдующій разсказъ бѣднаго Самюэля:

«Видно было суждено, чтобы мать и ребенокъ не жили вмѣстѣ въ убогой хижинѣ... А ихъ присутствіе такъ-бы ее украсило для меня!.. Мы должны были перебраться въ понедѣльникъ утромъ; въ субботу вечеромъ съ бѣднымъ малюткой сдѣлались судороги. Все воскресенье мать просидѣла надъ нимъ и молилась; но Богу угодно было взять его къ Себѣ, и въ то-же воскресенье, въ полночь, однимъ ребенкомъ стало меньше... однимъ ангеломъ больше. Бѣдная мать все еще прижимала къ своей груди это маленькое тѣло, изъ котораго вылетѣла душа. Господи, буди воля Твоя!.. У насъ другія дѣти, дѣти взрослыя, наша утѣха и опора, память о нашемъ первенцѣ почти изгладилась изъ сердца отца; но я увѣренъ, что мать всякой день воспоминаетъ о малюткѣ, котораго Господь ей далъ и взялъ назадъ... Сколько разъ водила она другихъ дѣтей на кладбище Св. Бригитты, гдѣ онъ похороненъ! Она не снимаетъ съ шеи маленькаго медальона съ бѣлокурыми волосами, драгоценными остатками маленькаго Огюста. Мнѣ случалось иногда забывать день его рожденія; но она! о! никогда! никогда! Часто, посреди простаго или даже посреди самаго веселаго разговора, когда Госъ-Госкинесъ моритъ насъ со смѣху своими остротами и забавными исторіями, Мери вдругъ почему-то вспомнить о своемъ ребенкѣ. Словно облако пробѣжить по ея лицу; двѣ слезы заблестятъ на длинныхъ рѣсницахъ. Госъ Госкинесъ помолчитъ съ минуту и шепнетъ мнѣ на ухо:—Опять мой крестникъ!»

Даже у Диккенса, въ исторіи маленькаго Павла Домби, нѣтъ столько задумчивой простоты и чувства.

Но Тэккерей воздерженъ на порывы чувствительности. Сатира преобладаетъ въ его произведеніяхъ; иногда, возбудивъ въ высшей степени сочувствіе и состраданіе къ своимъ героямъ, онъ, одной пронической чертою, вмгъ осушить наворачившуюся на глаза читателя слезу, и напомнитъ намъ, что мы читаемъ сочиненіе остроумнаго сотрудника Рунс'а, историографа *снобсовъ*. Исторія *снобсовъ*—одно изъ самыхъ популярныхъ произведеній Тэккерей. Трудно опредѣлить значеніе этого условнаго названія, обнимающаго самые разнообразныя типы. Самъ авторъ, съ каждымъ новымъ примѣромъ, дробитъ понятіе *снобсъ* на множество особенностей. Вотъ нѣкоторые признаки *снобизма*: всякое рабское, безотчетное удивленіе есть прямой актъ *снобизма*, и по этому аксіому Тэккерей лучше всего переводится стихомъ:

Un sot trouve toujours un plus sot qui l'admire.

Глупое удивленіе чему-бы-то ни было обыкновенному—важности,

модѣ, богатству, — *снобизмъ*. Бываютъ снобсы мѣщане, снобсы провинціалы; но бываютъ и великосвѣтскіе снобсы, снобсы милліонеры, снобсы ученые, снобсы литераторы. Отъ лорда до лакея, всѣ классы британской іерархіи представляютъ различныя видоизмѣненія снобизма. Хотя и государственные люди Великобританіи не всегда укрываются отъ стрѣлъ, направленныхъ въ снобсовъ, но вообще надобно замѣтить, что сатира Тэккерея не имѣетъ политическаго направленія. Не принадлежа ни къ торѣ, ни къ вигамъ, ни къ радикаламъ, онъ въ своихъ журнальныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ выводитъ на сцену тѣхъ и другихъ, съ полной независимостью; обусловливающей добросовѣстную дѣятельность романиста, критика, сатирика и каррикатуриста. Независимость его воззрѣнія и образа мыслей всего нагляднѣе проявляется въ *Ярмаркѣ тщеславія*, романѣ, начинающемъ собою серію широко-задуманныхъ и художнически выполненныхъ картинъ нравовъ, которыя доставили своему автору названіе Фильдинга XIX вѣка. Всякой романистъ избираетъ себѣ героя, и въ особенности героиню: Фильдингъ не скрываетъ своего пристрастія ни къ *Софіи*, ни къ *Амеліи*, и эти два идеала женскихъ совершенствъ прикрываютъ щитомъ своей нѣжной преданности обоихъ героевъ автора, иногда даже ненавистныхъ читателю, потому что оба они, и *Томъ Джонсъ*, и *капитанъ Босъ*, недостойны любви, особенно когда къ прочимъ ихъ проступкамъ присоединяется невѣрность. Въ *Ярмаркѣ тщеславія* Тэккерей не только заранее объявляетъ, что героя у него не будетъ, но даже и героини его вовсе не заслуживаютъ этого титула: одна умна, но и зла, какъ бѣсъ, другая добра, но очень недалеко. Однако-же *Ребекка Шарпъ* и *Амелія Седлей* интересуютъ читателя, благодаря тонкому анализу ихъ характеровъ, искусно вмѣшанному авторомъ въ разсказъ. Всѣ дѣйствующія лица, вращающіяся около этихъ двухъ женщинъ—живые портреты. Съ самага скрытнаго изъ нихъ легко сорвать личину. Истинно-психологическій этюдъ, знакомящій болѣе съ человѣческимъ *я*, чѣмъ многіе трактаты нравственной философіи: нѣтъ ни одного сердца, за біеніями котораго мы не могли-бы слѣдить глазомъ, какъ за движеніемъ часовой пружины, закрытой однимъ стекляннымъ колпакомъ. Кромѣ-того эта драма изъ частной жизни имѣетъ связь съ историческимъ событіемъ — съ послѣднею борьбою Наполеона, съ кампаніею 1815 года и съ Ватерлоо.

Допустивъ, вмѣстѣ съ авторомъ, что въ *Ярмаркѣ Тщеславія* нѣтъ собственно героя, мы все-таки выдвинемъ на первый планъ маіора Доббина, мученика двойной преданности,—любви и дружбы. Это лицо отчасти напоминаетъ Ральфа въ *Индіанѣ Ж. Занда*: и тотъ и другой любятъ и молчатъ цѣлыя двѣ трети романа.

Вліяніе французской литературы замѣтно и въ другомъ романѣ Тэккерей, въ «Молодости Пенденниса»: оно отразилось на одномъ изъ лучшихъ лицъ романа, дирижерѣ оркестра *Боцель*, сильно напоминающемъ *Мишонно* Евгенія Скриба (въ Адриэниѣ Лекуврерѣ). Въ свою очередь, Скрибъ могъ-бы заимствовать сюжетъ для комедіи изъ любовныхъ похожденій Артюра. Маіоръ Пенденнисъ, его сестра, почтенный преподаватель, ирландская «*Champmeslé*», генераль Костиганъ, типы чисто-комическіе. Желаящимъ познакомиться съ однимъ изъ снобсовъ Тэккерей можемъ указать на школьнаго товарища молодого Пенденниса, Гарри Фокера.

«Молодость Пенденниса» составляетъ сама по себѣ небольшой оконченный романъ; но Тэккерей рассказалъ всю жизнь своего героя (на этотъ разъ герой признанъ авторомъ), измѣнившаго съ лѣтами убѣжденія и вѣрованія юности. Авторъ заставляетъ своего героя сдѣлаться литераторомъ, и вводитъ его въ такой кружокъ, въ которомъ не всѣ члены могутъ похвалиться безукоризненною честностью. Изъ числа ихъ одинъ Уоррингтонъ съ честью поддерживаетъ достоинство литературы и выведенъ Тэккереемъ намѣренно, въ опроверженіе тѣхъ критиковъ, которые обвиняли автора въ желаніи унижить своихъ собратьевъ по искусству. «Единственный нравственный выводъ», пишетъ Тэккерей къ редактору журнала *Экзаминаторъ*, «на который я рассчитывалъ, вывода на сцену всѣ эти осуждаемыя вами лица, заключается въ указаніи прямыхъ обязанностей литератора, какъ человѣка—обязанности вести нравственную жизнь, снискивать себѣ уваженіе въ обществѣ и въ своей семьѣ, и платить долги.»

Одинъ изъ извѣстныхъ критиковъ «Эдинбургскаго Обзорѣнія», Сениоръ, недавно упрекалъ Тэккерей, за то, что онъ въ такой-же мѣрѣ снисходителенъ къ лицамъ дѣйствительнымъ, въ какой строгъ къ лицамъ воображаемымъ. Этотъ упрекъ, вызванный «Юмористами» Тэккерей, напоминаетъ любезную терпимость автора въ общественныхъ отношеніяхъ. Въ обществѣ онъ не суровый цензоръ нравовъ, но пріятный собесѣдникъ, моралистъ, нимало непосягающій на надзоръ за салонами и за клубами, и всегда готовый допустить «облегчающія обстоятельства.» Притомъ-же у кого нѣтъ своей доли общечеловѣческихъ слабостей?—Справедливость требуетъ извинить эти слабости литератору, какъ и всякому другому; справедливость требуетъ извинить ему естественное чувство горечи, порождаемое воспоминаніемъ о первыхъ шагахъ на житейскомъ поприщѣ, о томъ моментѣ жизни, когда молодой человѣкъ, безъ денегъ, безъ покровителей, попадаетъ въ кругъ людей расчетливыхъ, своекорыстныхъ, себялюбивыхъ, готовыхъ съ наслажденіемъ

унизить всякое неоперившееся дарованіе. Наконецъ нельзя-же не дать сколько-нибудь льготы простодушному и даровитому человѣку, виновному въ нѣсколькихъ необдуманныхъ проступкахъ, за которые онъ первый-же и поплатился; нельзя не дѣлать различія между необдуманностью и порокомъ. Самъ Тэккерей остерегается смѣшивать Свифта и Стиля, Стерна и Гольдсмита; а въ процессѣ нравственнаго упадка Фильдингга заботливо выставляетъ на первый планъ законную гордость родовитаго человѣка, котораго возмущала всякая низость и всякая ложь.

«Опытъ изученія англійскихъ юмористовъ», передъ появленіемъ въ печати, составлялъ для Тэккерей очень прибыльную рукопись, читанную авторомъ въ избранномъ кружкѣ подлинниковъ. Подобное чтеніе въ большомъ ходу въ Англии, и надобно отдать полную справедливость Тэккерей: онъ умѣлъ поддержать на своей кафедрѣ достоинство профессора. Нѣкоторые литераторы обращаютъ такое чтеніе въ какое-то сценическое представленіе; напримѣръ, Альбертъ Смитъ въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ рассказываетъ свое восхожденіе на Монбланъ, подъ аккомпаниментъ комическихъ пѣсень, звуковъ фортепіано, горныхъ рожковъ, савойярдокъ и прочихъ альпійскихъ инструментовъ, и при посредствѣ движущейся діорамы,—все для соблюденія мѣстнаго колорита. Тэккерей нельзя упрекнуть въ подобномъ шарлатанствѣ. Очаровавъ своимъ чтеніемъ аристократическую публику Лондона, онъ отправился въ Соединенные Штаты, и вывезъ оттуда порядочный запасъ доміэровъ и воспоминаній объ усердномъ американскомъ гостепріимствѣ. Теперь онъ намѣревается снова отправиться въ Америку, для прочтенія объяснительныхъ текстовъ на каррикатуры — постоянное его занятіе въ последнее время.

Когда Тэккерей возвратился изъ Америки, все думали, что онъ, по примѣру Диккэнса, привезъ сюжетъ для новаго романа. Но вмѣсто втораго «Мэртипа Чоддльзунтта», Тэккерей напечаталъ «*Мемуары полковника Гейнриха Эмонда*», будто-бы найденные въ Виргиніи, но въ сущности составляющіе итогъ тѣхъ познаній, которыя доставило автору прилежное изученіе восемнадцатаго столѣтія. Какъ историческій романъ, «*Гейнрихъ Эмондъ*» достоинъ пера Вальтеръ-Скотта и можетъ занять мѣсто между *Уэверлей* и *Красной перчаткой*. Въ романахъ Вальтеръ-Скотта, за исключеніемъ разговоровъ дѣйствующихъ лицъ, вездѣ сохраненъ одинъ и тотъ-же исключительно ему принадлежащій слогъ; *Гейнрихъ Эмондъ* вездѣ говоритъ языкомъ своего вѣка, конечно пересыпаннымъ извѣстными идиотизмами, но полнымъ жизни и движенія.

Въ его мемуарахъ историческія лица воскресаютъ со всеми подробностями современныхъ имъ нарядовъ, привычекъ, приемовъ и рѣчи. Иллюзія доходить до-пелъзя, когда на сцену выступаютъ тогдашніе литераторы, напримѣръ *Стимъ* и *Аддисонъ*; читатель видитъ передъ собой даже поддѣльный № «Зрителя» (*Spectator*), который такъ и просится въ полное собраніе сочиненій англійскихъ классиковъ. Занимательность интриги не слабѣетъ ни на минуту, не смотря на колебанія автора, повидимому несознающаго, что онъ любитъ двухъ женщинъ; щекотливое положеніе Гейнриха Эсмонда разрѣшается довольно неожиданно: бракъ съ одной изъ героинь мемуаровъ, съ матерью, вознаграждаетъ его за взмѣну другой героини, дочери. Этотъ романъ, безспорно, лучшее произведеніе Тэккерей. Изданный разомъ, подобно романамъ Вальтеръ-Скотта, онъ не имѣетъ недостатковъ, нераздѣльных съ сочиненіями новѣйшихъ писателей, которые, рассказывая ежемѣсячно похождения своего героя, забываютъ иногда, когда они породили его на свѣтъ, а иногда не знаютъ—какъ и уморить его.

Въ этомъ бѣгломъ обзорѣ сочиненій Тэккерей мы не можемъ пройти молчаніемъ «Путевыхъ впечатлѣній», отличающихся такою-же своеобразностью, какъ и все остальные произведенія того-же автора. Вотъ ихъ названія: «*Ирландскіе эскизы*» (несколько непохожіе на эскизы Вашингтона-Ирвинга), и «*Поѣздка Корнгилля въ Каиръ*» (путешествіе на востокъ, еще менѣе похожее, по своему содержанію, на поэтическія страницы Ламартина). Тэккерей также и поэтъ, поэтъ въ урочный часъ; въ его стихотвореніяхъ, разбросанныхъ по разнымъ сборникамъ, чередуются колкая насмѣшка и глубокое чувство. Эти стихотворенія, вмѣстѣ съ ненапечатанными, но однакоже читанными авторомъ въ извѣстныхъ литературныхъ кружкахъ, могли-бы составить очаровательную книжку... Къ сожалѣнію, она еще не издана. (Revue Britannique).

II. ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Происхожденіе оперы. Извѣстный музыкальный критикъ и теоретикъ, основатель Лейпцигской Музыкальной Газеты, — Фридрихъ Рохлицъ помѣстилъ въ первомъ томѣ избранныхъ своихъ сочиненій «Für Freunde der Tonkunst» статью о происхожденіи оперной музыки, написанную имъ въ видѣ эскизныхъ замѣтокъ, въ видѣ его «личнаго» мнѣнія объ этомъ предметѣ, но просьбѣ одного литератора. Предоставляя себѣ современемъ подробно и въ методической связи разобрать этотъ занимательный предметъ, — для предварительнаго ознакомленія съ нимъ нашей журнальной публики, считаю нелишнимъ перевести статью Рохлица, которая хотя

не изъ новыхъ, но гораздо менѣе извѣстна, чѣмъ сколько того заслуживаетъ.

Еще гораздо раньше 1480 года, въ Италіи, точно также, какъ (нѣсколько позже) въ Германіи, при представленіи драматическихъ зрѣлищъ изъ священной исторіи (мистерій) или изъ героическихъ и историческихъ преданій было въ употребленіи пѣніе: начиная съ 1480 г., постоянно упоминается, что такія пьесы были «пѣты». Здѣсь остается еще подъ сомнѣніемъ, должно-ли это понимать такъ, что пѣніе происходило къ-ряду, отъ начала до конца пьесы, или такъ, какъ мы говоримъ, напримѣръ: такой-то *пльз* партію Зороастро, — гдѣ слово «пльз» не исключаетъ и тѣхъ частей роли, гдѣ пѣнія не было (или «говоренныхъ рѣчей» какъ встарину называли). Какого рода пѣніе было въ этихъ итальянскихъ драматическихъ представленіяхъ XV столѣтія, съ точностью неизвѣстно: дошедшіе до насъ отрывки этого пѣнія, вѣроятно, пьесы особенно-поздравившіяся, показываютъ только, что музыка эта не была предназначена для народа, сочинялась всегда контрапунктно и непремѣнно на многое голоса (полифонически), хотя-бы на сценѣ дѣйствовало одно лицо — (остальные голоса, составныя части гармоніи — пѣли изъ-за-кулисъ). Достоверно извѣстно также, что речитативное пѣніе тогда еще не было придумано, тѣмъ менѣе — арія, въ позднѣйшемъ смыслѣ слова. Но такъ какъ сплошная драматическая пьеса (какого-бы ни была содержанія), для связи и понятности дѣйствія, требуетъ или речитативовъ или «говоренныхъ рѣчей» (уже не говоря о формѣ нашихъ финаловъ оперныхъ и *tableaux d'ensemble*, которые введены только въ концѣ прошлаго вѣка) то, понятно, что или, какъ выше замѣчено, подъ «пѣніемъ» тогдашнимъ должно подразумѣвать и говоренныя рѣчи, или въ зрѣлищахъ этихъ вовсе не было истинной драматической связи, а происходило дѣло такъ: лицо въ опредѣленномъ костюмѣ являлось на сцену, чтобъ спѣть нѣсколько стиховъ; затѣмъ хоръ пѣлъ моральныя «размышленія» по случаю пропѣтаго отдѣльнымъ лицомъ; потомъ выходило другое лицо, за нимъ опять хоръ, и такъ далѣе, пока всему конецъ составлялъ гимнъ, очень похожій на церковное пѣніе. Завязка и развязка пьесы являлись въ видѣ намековъ; но такъ какъ содержаніе этихъ зрѣлищъ составляли священная исторія, легенды или очень извѣстныя народныя преданія, то смыслъ пьесы былъ всегда понятенъ зрителямъ. Эти драматическія представленія были чисто-народными. Лоренцо Медичи, при помощи Риччио и другихъ, основалъ во Флоренціи Академію, по образцу Платоновой, и при его дворѣ были въ модѣ бесѣды въ родѣ Платоновыхъ. Въ то же время въ Флоренціи и въ Римѣ дѣлались опыты подражанія древнимъ греческимъ трагедіямъ. Актерами въ этихъ модныхъ предста-

вленіяхъ были все придворные, аристократы. Народъ въ нихъ не участвовалъ. Въ историческихъ источникахъ этой эпохи упоминается и о музыкѣ, но она участвовала, вѣроятно, только въ антрактахъ, между дѣйствіяхъ, или — быть-можетъ — иногда въ особенно-рельефныхъ мѣстахъ драмы допускался аккомпаниментъ лютни или тому подобнаго инструмента (какіе-нибудь аккорды арпеджіо). Средину между народною комедіею и придворною трагедіею составляли небольшія пьески «на случай» (*pièces d'occasion, Gelegenheitsstücke*) исполнявшіяся также при дворахъ, въ торжественные дни бракосочетанія и другихъ празднествъ; это были — прологи аллегорическаго или мифологическаго содержанія, почти безъ дѣйствія, съ участіемъ пѣнія (въ такомъ-же родѣ, какъ и при трагедіяхъ).

Такъ продолжалось до конца шестнадцатаго столѣтія, пока нѣсколько образованныхъ флорентинцевъ не изобрѣли особый родъ пѣнія. Онъ отличался отъ прежняго тѣмъ, что, по возможности, близко подходилъ къ декламационной рѣчи, но основывался на музыкальныхъ правилахъ и сопровождался аккордами инструментовъ въ связномъ, гармоническомъ послѣдованіи. Такое пѣніе, съ успѣхомъ служившее для всѣхъ моментовъ драмъ не-лирическихъ, названное *musica in stilo rappresentivo* и окончательно приведенное въ систему съ 1599 года, было ни что иное, какъ нашъ «речитативъ.» Этотъ новый родъ музыки, столько полезный, удобный для поэтовъ и для драматическихъ пѣвцовъ, векорѣ пріобрѣлъ большую симпатію и вошелъ въ общее употребленіе. Такимъ образомъ еще въ 1596, во Флоренціи встрѣчается первая, еще слабая, но удавшаяся попытка музыкальной драмы: «Дафна» — стихи Ринуччини, музыка Пери; потомъ въ 1600 году, того-же Ринуччини, съ музыкою Пери и Каччини — «Эвридика», которая обработана лучше, полнѣе; и такъ какъ въ ней драматическое дѣйствіе постоянно выражено музыкою, то речитативомъ, то соло, то хоромъ, она можетъ идти за «первую» настоящую «оперу.»

Вотъ почти все, что объ этомъ первоначальномъ времени оперной музыки извѣстно съ достовѣрностью, и что обыкновенно принимается за историческое основаніе. Для многихъ этого уже очень достаточно; но тотъ, кто, замѣтивъ въ этихъ данныхъ нѣкоторую неполноту, захочетъ самъ уяснить себѣ происхожденіе оперы подробнѣе, непременно натолкнется на нѣкоторые факты и мнѣнія, которыя довольно нелегко согласить между собою. Чтобы облегчить себѣ умственную работу при выводѣ окончательныхъ результатовъ, нехудо свести и разграничить главные разногласія, въ видѣ отдѣльныхъ, опредѣленныхъ мнѣній. Такихъ будетъ два (не считая пока еще третьяго, о которомъ послѣ).

1. Опера произошла прямо изъ народныхъ драматическихъ зрѣлищъ съ участіемъ пѣнія. Этого мнѣнія держится Бланкенбургъ *. И здѣсь я уже упомянулъ, да и сомнѣваться въ томъ невозможно, что гораздо раньше появленія оперы бывали драматическія зрѣлища съ пѣніемъ. Говорять, это поправилось, особенно поправилось пѣніе; стали пѣть больше и больше въ каждой драмѣ или мистеріи, наконецъ все сплошь. Казалось-бы такъ и въ порядкѣ вещей. Но тутъ есть большой скачокъ — именно отъ пѣнія, которое входило въ драму или мистерію «эпизодомъ», до сплошнаго драматически-музыкальнаго языка идеальныхъ дѣйствующихъ лицъ въ оперѣ! Надо ясно себѣ представить тѣ старинныя зрѣлища, которыя еще кое-гдѣ сохранились въ архивахъ и библиотекахъ, со стихами, то шуточными, то въ родѣ кантовъ, чтобы убѣдиться, что такія простонародныя зрѣлища никакъ не могли сами собою и мало-по-малу превратиться въ драматическія представленія совсѣмъ особаго рода и по формѣ и по содержанію, и притомъ предназначенныя для высшаго, аристократическаго общества.

Такъ какъ очень для многихъ стала ясна трудноватость этого «будто-бы постепеннаго» перехода, то возникло второе, противоположное мнѣніе, а именно:

2. Опера произошла изъ подражанія древнимъ греческимъ трагедіямъ и комедіямъ, которыя во времена «возрожденія наукъ и искусствъ на западѣ» были очень извѣстны и очень любимы въ кругу ученыхъ и вообще образованныхъ людей, оттого и при дворахъ. Это гораздо вѣроятнѣе, и историческія данности не разнорѣчатъ съ этимъ предположеніемъ. Тѣмъ неменѣе, если вемотрѣться въ сущность дѣла поближе, и не въ общую только идею, а въ частности, то и тутъ встрѣтится много кое-чего, что довольно трудно мирится съ этимъ вторымъ мнѣніемъ. Замѣтно-ли на-самомъ-дѣлѣ въ текстѣ первоначальныхъ оперъ прямое подражаніе древнимъ драматическимъ произведеніямъ? Правда, что дѣйствующія лица (и то не вездѣ) взяты изъ греческой міоологіи и исторіи; но эти-же лица встрѣчаются во всѣхъ родахъ европейской поэзіи тогдашняго времени; на міоологію и грецизмъ была, такъ-сказать, мода въ тогдашней поэзіи, въ тогдашнемъ языкѣ (въ продолженіе всего XVII и всего XVIII вѣковъ). Какъ были обработаны эти сюжеты для оперъ? Ни въ характерахъ, ни въ ходѣ дѣйствія, ни въ выраженіяхъ не было ничего похожаго на то, что мы находимъ въ древнихъ образцахъ **. Оставались обыкновенно однѣ элементарныя

* Zusätze zu Salzer's Theorie der schönen Künste und Wissenschaften, 3-t Band. S. 585, Artikel. Oper.

** Нельзя не замѣтить, что и во всей псевдо-классической словесности

данности сюжета, напримѣръ, что Андромеда прикована къ скалѣ, на жертву морскому чудовищу, а Персей является ея избавителемъ и потомъ супругомъ. Самые характеры греческихъ боговъ и героев измѣнились отъ передѣлокъ на средневѣковой рыцарскій ладъ. Тогдашніе Геркулесъ, Ахиллъ очень похожи на Амадисовъ, Роландовъ. Наконецъ, еслибы поэты, сочинявшіе первыя оперы, непременно прямо хотѣли подражать греческимъ трагедіямъ и комедіямъ,—почему имъ было не взять извѣстныхъ пьесъ, уже обработанныхъ въ драматическомъ видѣ, напримѣръ, изъ трагедій Эврипида, изъ комедій Аристофана? Но сколько извѣстно, это было сдѣлано уже гораздо позже — Зено въ Италіи и прославленнымъ французами Кинó (Quinault). Изъ самыхъ-же первыхъ попытокъ оперъ ни одна не написана на готовую драматическую пьесу древнихъ классиковъ.

Такого рода колебанія встрѣчались у всѣхъ музыкальныхъ историковъ, занимавшихся первыми временами оперы. Одинъ изъ позднѣйшихъ писателей объ этомъ предметѣ излагаетъ свои соображенія, во многомъ отличныя отъ приведенныхъ двухъ мнѣній, имъ опровергнутыхъ. Вотъ въ чемъ это третье мнѣніе, которое я общалъ сообщить вамъ.

Въ средніе вѣка инструментальная музыка встрѣчается исключительно какъ пособіе, вспомогательное средство для пляски, для пѣсенъ и для духовнаго пѣнія. Пляски относятся къ развитію танцевальнаго искусства, слѣдовательно о музыкѣ плясовой здѣсь не мѣсто говорить.

Въ области духовнаго пѣнія, около того времени, къ которому относятся первыя попытки оперъ, то есть, въ концѣ пятнадцатаго и въ началѣ шестнадцатаго вѣка, инструментальная музыка такъ развилась, что пересилила самое пѣніе, затемнивъ его лишнею контрапунктною ученостью. Музыка превратилась въ дѣло сухаго расчета, въ без-

(которая, такъ-сказать, задавала тонъ другимъ искусствамъ) не было никакого «истиннаго» сходства съ поэзією эллинскою, но никакъ не слѣдуетъ изъ этого заключать, что писатели (французскіе, итальянскіе и т. д.) не желали «подражать» древнимъ. «Желали» напротивъ, но не умѣли, не могли; во-первыхъ потому, что совершенно превратно, косо и криво понимали древній классическій міръ; во-вторыхъ потому, что всѣ условія общественной жизни, непременно входящія содержаніемъ въ поэзію и искусства, были совершенно другія, нисколько непохожія на древне-греческія, и это «подражаніе» какъ всякое пересаживаніе на совсѣмъ чужую почву, всякое искусственное повтореніе былаго, минувшаго, отжившаго — не могло быть иначе, какъ ложнымъ, слѣдовательно—вышло искаженіемъ, карриатурой. Какъ-бы то ни было, во всякомъ случаѣ однако, «стремленія къ подражанію» древнимъ никакъ нельзя отрицать во всѣхъ уродливыхъ пропзведеніяхъ псевдо-классическаго вкуса, куда относятся и первоначальныя мнѣологическія оперы. — *Прим. переводч.*

отрадный схоластизмъ. Этими злоупотребленіями музыкальной учености былъ вызванъ переворотъ въ музыкальномъ искусствѣ, переворотъ, произведенный великимъ Палестриною *. Его гений не только исправилъ церковную музыку, но, можно сказать, создалъ ее вновь; законами ея сдѣлались снова величайшая простота (хотя вовсе неисключающая величайшей учености, музыкальнаго сочиненія), возвышенность, истинная благочестивость всего направленія. Всѣ музыкальныя орудія, кромѣ органа, были удалены, почти изгнаны изъ храмовъ. Музыка церковная стала такою, какою сохранилась и понынѣ въ Римѣ, въ дни особенно торжественнаго богослуженія въ соборѣ Св. Петра и въ Сикстинской-капеллѣ. Но надобно себѣ представить вполнѣ тогдашнее положеніе музыкальныхъ дѣлъ въ Италіи. Инструментовъ музыкальныхъ тогда было уже очень много въ повсемѣстномъ употребленіи. Всѣ смычковые инструменты напримѣръ уже существовали, подъ именемъ разныхъ «віоля» и были почти совсѣмъ похожи на нынѣшніе наши басы, виолончели, альты - даже и собственно скрипки. А какъ при развитіи умѣнья играть на инструментахъ параллельно развивается и стремленіе щеголять «виртуозностью» при каждомъ удобномъ случаѣ, то реформа духовной музыки, которой строгость уничтожила значительное количество этихъ «удобныхъ случаевъ», вызвала сильную оппозицію, не только между музыкантами, но и между слушателями. Оппозиція эта, конечно, не могла уже имѣть вліянія на духовную музыку, которая въ новомъ, строгомъ видѣ была неизмѣнно утверждена главою Римской церкви.

Что касается до инструментальнаго акомпанимента пѣсенъ или вообще пѣнія недуховнаго, то оное, существовавшій конечно у всѣхъ народовъ и во всѣ времена, быть-можетъ еще никогда не былъ въ такомъ употребленіи и такъ любимъ, какъ именно въ Италіи, начиная съ XIII вѣка, при пѣніи пѣсенъ провансальскихъ поэтовъ. Между этими пѣснями въ слѣдующемъ столѣтіи особенную всеобщую любовь приобрѣли «романсы». Эта форма музыки проникла въ народъ и пустила глубокіе корни. При сухости и педантской учености, которая завладѣла церковною музыкаю передъ Палестриною, и сдѣлала ее недоступною и непривлекательною для массы, и при всеобщей симпатіи къ игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ, очень понятно, что пристрастіе многихъ музыкантовъ и любителей музыки склонилось къ любимой уже народной

* При Папѣ Маркеллѣ II (Marcellus), который властію своею участвовалъ въ совершенномъ Палестриною преобразованіи духовнаго пѣнія римской церкви, въ 1555г., а такъ какъ Маркеллъ въ томъ-же году скончался, то преобразование это оффиціально утверждено Папою Павломъ IV.

формѣ романса, и явилось стремленіе придать этой формѣ сколько можно больше музыкальности, обработать ее сколько можно искусѣе. Вотъ и начали сочинять акомпаниментъ для этихъ романсовъ уже не на одинъ инструментъ, какъ прежде, а для нѣсколькихъ вдругъ; и самый выборъ инструментовъ здѣсь уже не былъ стѣсенъ важностью предмета, какъ прежде, при участіи инструментовъ въ церковной музыкѣ. Такимъ образомъ возникъ особый стиль музыки, болѣе свободный, который всюду нравился, хотя еще не былъ подведенъ подъ правила и зависѣлъ отъ вкуса и произвола каждаго отдѣльнаго музыканта. И стихотворцы пожелали получить свою выгоду отъ новой любимой формы музыкальной поэзіи, стали придавать романсамъ болѣе широкости, стали приспособлять ихъ къ музыкѣ, вводя больше и больше рѣчей самихъ дѣйствующихъ лицъ, героевъ романса. Съ упадкомъ рыцарства, конечно, упала и любовь къ романсамъ (остаткамъ трубадуровъ); видоизмѣненіемъ ихъ сдѣлались такъ называемыя «пасторали», родъ идиллій, гдѣ, вмѣсто рыцарей и ихъ дамъ, дѣйствовали пастухи и пастушки воображаемой, идеальной страны. — Все направленіе этихъ стихотвореній было уже очень отлично отъ провансальской поэзіи; но и эти пасторали сочинялись почти въ формѣ романсовъ; по-крайней-мѣрѣ и въ нихъ преобладали «разказы» — элементъ эпическій. Между-тѣмъ вкусъ къ собственно-музыкѣ, диллетанство и виртуозность въ игрѣ на музыкальныхъ инструментахъ очень распространились. Уже ни одинъ праздникъ при дворѣ, ни одинъ торжественный день не обходились безъ музыки. То, къ чему развивается вкусъ въ массѣ, всегда подвигается впередъ усиліями даровитыхъ людей. Публикѣ нравилось пѣніе. Всѣ желали слушать побольше пѣвцовъ и пѣвицъ вмѣстѣ. Для этого стоило только распространить форму «пасторалей». Музыканты жаждали новаго поля дѣятельности; стихотворцы очень охотно предлагали свои услуги. Романсы-пасторали стали обрабатываться въ такой формѣ, что, кромѣ хора, отдѣльныя реплики каждаго говорящаго лица въ романсѣ были поручаемы исполненію отдѣльныхъ пѣвцовъ и пѣвицъ, а рапсодистъ удерживалъ для себя роль разсказчика. Для пояснительнаго примѣра можно взять, положимъ, «Бюргерову Ленору», и представить себѣ эту балладу положенною на музыку для четырехъ лицъ: разсказчикъ, Ленора, ея мать и Вильгельмъ; кромѣ того *хоръ*.

Все это было заучиваемо исполнителями наизусть, пѣлось безъ нотъ: поэтому не только вѣроятно, но даже несомнѣнно, что поющія лица стали сопровождать пѣніе жестами, игрою, соответствующею смыслу того, что пѣли. Итальянцы, по свойственной имъ живости, впечатлительности вообще, при разсказѣ, разговорѣ не обходятся безъ жестовъ, а здѣсь это было совершенно въ порядкѣ вещей.

Отдѣльные возвышенные помосты уже давно были въ употребленіи для всего, что производилось передъ большими собраніями публики. Иначе-бы масса никогда не могла разслушать пѣвцовъ или инструментистовъ. Послѣ всего этого что было естественнѣе, какъ не желаніе превратить этого рода музыкальныя увеселенія въ драматическо-музыкальныя зрѣлища, то есть придать дѣйствующимъ лицамъ приличное ихъ ролямъ платье, костюмъ,—окружить ихъ декорацией? А когда дошло до этого, оставалось только, чтобъ стихотворцы, по образцу-ли древнихъ трагедій, или по образцу народныхъ театральныхъ представленій среднихъ вѣковъ, приспособили свои пасторали такъ, чтобъ смыслъ цѣлаго былъ ясенъ изъ рѣчей и дѣйствій пѣвцовъ и пѣвицъ, безъ участія рапсодиста, чтобъ, однимъ-словомъ, изъ репликъ дѣйствующихъ лицъ составилась связанная драма, и драма сплошь музыкальная, то есть опера. Содержаніемъ этихъ первыхъ попытокъ были также, какъ и въ романсахъ и пасторалахъ, геройскіе подвиги изъ-за-любви и пастушескія любовныя сцены; къ этому присоединились, со времени возрожденія вкуса къ древне-классической словесности, сюжеты изъ мифологіи и древней исторіи. Текстъ первыхъ оперъ вполне согласуется съ такимъ предположеніемъ.

Я сказалъ, что предположеніе развито однимъ позднѣйшимъ писателемъ; признаюсь, что этотъ писатель я самъ, и такъ какъ уже довольно времени прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ я выпустилъ въ свѣтъ статью объ этомъ, и самъ почти забылъ объ ней, то теперь могу обсудить это предположеніе, какъ дѣло посторонняго *.

Ходъ дѣла, какъ онъ былъ мною разсказанъ, довольно близокъ къ правдѣ и весьма согласуется съ немногими ясными историческими данными. Но съ этими-же данными согласуются во многомъ и два прежде приведенныя мнѣнія. Полныхъ-же историческихъ доказательствъ, что все дѣйствительно такъ происходило, не имѣется.

* Инымъ можетъ показаться нѣсколько страннымъ способъ изложенія разныхъ мнѣній объ одномъ и томъ-же предметѣ, употребленный здѣсь Рохлицомъ. Особенно странно то, что онъ себя-же опровергаетъ отчасти (какъ будетъ ниже); но ненадобно забывать, что статья Рохлица, которую я здѣсь сообщаю, вызвана однимъ коротко знакомымъ Рохлицу писателемъ, который принялся обработывать первоначальныя времена оперной музыки, нѣсколько затерялся въ источникахъ, часто разпорѣчавшихъ, и просилъ Рохлица, какъ опытнѣйшаго и самаго свѣдущаго въ этомъ дѣлѣ, пособить въ распутываніи этихъ узловъ. Для того, вѣроятно, самъ Рохлицъ старается по порядку и во всей наивности изложить и свои собственныя колебанія, чтобъ предметъ выказался съ разныхъ сторонъ. Тѣмъ болѣе, что, какъ онъ самъ говоритъ, вся эта статья только замѣтки, матеріалъ для серьезнаго труда, и не имѣетъ никакого притязанія на строго-ученую, догматическую или историческую форму. *Прим. переводч.*

Когда статья, изъ которой я сообщил здѣсь существенныя мысли, была уже въ печати, получилъ я посланіе отъ одного изъ самыхъ начитанныхъ и самыхъ уважаемыхъ литераторовъ по части музыки, отъ *Гербера*, справедливо прославившагося своимъ «Словаремъ музыкантовъ» (*Tonkünstler-Lexicon*). Герберъ, въ своей отповѣди мнѣ, самымъ дружескимъ, радушнымъ тономъ впрочемъ, далъ мнѣ почувствовать, что размышлять, строить гипотезы по случаю историческихъ явленій—дѣло, конечно, хорошее, похвальное, но приступать къ этому философствованію раненку, если не пройдены, не прослѣжены подробно сами факты. Въ настоящемъ предметѣ нельзя прибѣгать ни къ историкамъ политическимъ, которые о подобнаго рода вещахъ изъ области искусствъ говорятъ только вскользь, мимоходомъ; ни къ писаніямъ дилеттантовъ по части искусствъ, отъ которыхъ опять ничего не дождешься, кромѣ личныхъ мнѣній и разсужденій,—и единственно важный источникъ въ этомъ случаѣ составляютъ отдѣльныя письма или разнаго рода замѣтки очевидцевъ самаго изобрѣтенія или нововведенія въ искусствѣ. Въ этихъ мелкихъ лѣтописныхъ замѣткахъ можно найти ясныя отчеты о томъ, что какъ и гдѣ было; такого-же рода указанія отыщутся и въ небольшихъ, иногда очень наивныхъ трактатцахъ практиковъ музыкальныхъ того времени или нѣсколько позднѣйшихъ. Господа историки не обращаютъ на все это вниманія, какъ на ничтожныя мелочи; а для господъ дилеттантовъ, пускающихся въ критическія разсужденія, это все кажется слишкомъ подробнымъ, скучнымъ и т. д. Вотъ и пропускаются все эти свѣдѣнія, безъ которыхъ ни шагу при истинно-исторической разработкѣ.

А! подумалъ я, какъ правъ Герберъ! И тотчасъ-же рѣшился приложить его замѣчанія къ дѣлу. Оно успѣло уже сдѣлаться дорогимъ и важнымъ для меня. Я тогда какъ разъ находился въ томъ моментѣ литературной жизни, когда нѣтъ лучше наслажденія, какъ закопаться въ самыхъ пыльныхъ углахъ огромныхъ библіотекъ и архивовъ, и завоевать оттуда неоцѣненные сокровища: безчисленныя замѣтки на безчисленныхъ лоскуткахъ и лоскуточкахъ бумаги. Такимъ образомъ я тотчасъ принялся за дѣло. Особенно прилежно перечитывалъ богатую библіотеку самого Гербера и много другихъ. Результатъ моего труда сообщаю теперь вамъ, въ видѣ короткихъ, отрывочныхъ, быть-можетъ, даже сухихъ замѣтокъ. Если ихъ развить, приукрасить болѣе живыми подробностями, придать больше связи и одушевленія формѣ, — выйдетъ цѣлая, порядочная книжка. Изысканія мои кое въ чемъ отклоняются отъ того, что вы сыскали въ другихъ; но разница эта незначительна. Всего немного, но что есть, за вѣрность того ручаюсь, и по моему мнѣнію,

при пособіи потныхъ примѣровъ въ книгахъ Гаукинса и Борнея *, этого очень достаточно, чтобъ получить ясное и довольно полное понятіе о первыхъ началахъ оперной музыки. Полагаю, что замѣтки мои вамъ пригодятся.

Начинаю съ того, что свое мнѣніе, высказанное въ прежней моей статьѣ (и вамъ здѣсь вкратцѣ сообщенное, въ видѣ третьей гипотезы) отвергаю совсѣмъ. Предположеніе это согласуется съ исторіею только въ томъ смыслѣ, что выражаетъ направленіе вкуса той эпохи, когда образовалась опера. Но чтобы пасторали и романсы, съ участіемъ болѣе и болѣе дѣйствующихъ лицъ, привели прямо въ оперѣ, это—никакъ не историческій фактъ. Даже не находится и косвенныхъ, но сколько-нибудь определенныхъ намековъ на такое происхожденіе оперы, а между вѣрными данностями немало и такихъ, которыя противорѣчатъ этому предположенію. Намъ надобно возвратиться къ тому мнѣнію, которое выше приведено мною, какъ *второе*. Возраженія противъ этого мнѣнія (второго), мною высказанныя, несильны. Но еслибъ были и сильнѣе, то къ опроверженію ихъ довольно историческихъ фактовъ, оправдывающихъ это *второе* мнѣніе, т. е. происхожденіе оперы изъ «подражанія древнеклассическимъ трагедіямъ». Если иногда и трудно, почти невозможно себѣ представить, какимъ образомъ одна вещь произошла изъ другой, очень мало на нее похожей, непонятны и законы, которыми условилось это происхожденіе, что дѣлать! — факты за себя говорятъ:

До того времени, о которомъ у насъ идетъ рѣчь, то есть, около 1590 г., въ вокальной музыкѣ, кромѣ церковнаго пѣнія, существовали народныя пѣсни, но только для простолюдиновъ, между которыми сохранялись по преданію. Высшіе слои общества гнушались этими пѣснями. У нихъ были въ ходу мадригалы и канцонеты. Эти мадригалы и канцонеты писались всегда на нѣсколько голосовъ, въ стилѣ фугированномъ, или строго-имитационномъ. Многоголосность (полифоническій стиль) и самая ученая обработка гармоніи были такъ развиты въ эту эпоху, что если подобная пѣса ограничивалась «только» пятью голосами или четырьмя, и гармоніи ихъ была нѣсколько менѣе сложна, то объ этомъ композиторъ навѣрное выставилъ замѣчаніе на самой пѣсѣ, т. е. что такой-то мадригалъ, для особенной пріятности и удобства исполненія, сочиненъ въ «легкомъ» (?) стилѣ **.

* John Hawkins: A general History of the Science und Practice of Music etc. London. 1776. — Пять томовъ (gr in 4°). Charles Burney: General History of Music etc. 1776—1788, четыре тома in 4°.

** И въ этомъ «легкомъ» стилѣ совершенно запутались-бы съ «первыхъ-же тактовъ» пѣвцы, и нынѣшніе слушатели. Особенно итальянцы нашего времени

Такіе-то мадригалы и такія канцонеты введены были и на сцену, во-время представлений исторических зрѣлищъ, такъ что, какъ уже и выше замѣчено, хотя-бы одно лицо находилось на сценѣ и выражало свои чувства пѣніемъ, еще нѣсколько голосовъ (три, четыре, пять), необходимые для музыки (какъ ее тогда понимали) пѣли вмѣстѣ съ дѣйствующимъ лицомъ, стоя отъ него нѣсколько поодаль; и кромѣ-того за кулисами помѣщались музыканты, на инструментахъ акомпанировавшіе пѣнію. Наконецъ-то стали догадываться, что этотъ обычай очень страненъ, смѣшонъ. Поэты, которыхъ стихи безпощадно крошились и искажались подъ вѣчными фугами и имитаціями мадригального пѣнія, любители музыки, которымъ наконецъ прискучила эта контрапунктная ученость, гдѣ для нихъ было очень мало прямого наслажденія—составили оппозицію противъ музыкантовъ и стали надъ ними подсмѣиваться. Въ тоже время Медичи, блиставшіе образованностью, и ученые литераторы, бывшіе при ихъ дворѣ, задумали, наряду съ основанною ими, и уже прославленною, Академіею философіи, по образцу древне-греческой—учредить и драматическую Академію, тоже по образцу древнихъ. Въ первой подражали Платону,—здѣсь намѣревались повторить трагиковъ. Но эти благія намѣренія встрѣтили важное препятствіе—въ тогдашнемъ положеніи музыкальныхъ дѣлъ. Музыканты жили тогда однимъ контрапунктомъ. Эта сторона искусства дошла до нихъ преемственно и разрабатывалась чрезвычайно рачительно. Но для предполагаемыхъ поэтическихъ цѣлей контрапунктная ученость ни къ чему не годилась, а другаго ничего музыканты не знали. Для большинства ихъ (рутинистовъ, какъ всегда) было просто непостижимо, чего-же еще можно требовать отъ музыкальнаго искусства? Распри между поэтами и музыкантами и насмѣшки надъ мадригальною музыкою при сценическихъ представленіяхъ возбудили опять оставленную было мысль о драматической академіи и о препятствіяхъ къ осуществленію этой идеи. Тогда, очень въ пору, появился при дворѣ флорентинскомъ Джовани де-Барди, графъ Верніо. Это былъ отлично образованный аристократъ, даже ученый, въ такомъ именно родѣ, какъ тогда въ модѣ было: членъ философской Академіи, знатокъ древней и новѣйшей поэзіи, вообще очень любезный, умный, уважаемый человекъ (при папѣ Климентѣ VIII состоялъ въ должности *maestro di camera* и былъ любимцемъ папы) и ко всему этому дарови-

до-крайности далеки отъ стиля многоголоснаго или, что все равно, фугированнаго, имитационнаго. Слово «имитационный» отъ «имитация», а «имитация» техническій музыкальный терминъ для означенія очень важной стороны контрапункта: повторенія другимъ голосомъ той музыкальной фразы, которую сказалъ первый, въ то время, какъ первый «продолжаетъ» вести свою мелодію. А. С.

тый и образованный любитель музыки. Онъ вошелъ въ намѣреніе флорентинскаго двора касательно основанія драматической академіи; а такъ какъ дворъ, не желая дѣйствовать наудачу, не хотѣлъ придавать основанію этой академіи характера оффиціального, то Барди самъ созвалъ Академію въ своемъ «палаццо» и, въ качествѣ предсѣдателя, сталъ управлять ея собраніями.

Барди принялъ твердое намѣреніе удовлетворить тѣхъ, которые составляли оппозицію противъ тогдашнихъ музыкантовъ, то есть, угодить поэтамъ и любителямъ музыки, и сдѣлать опыты музыкальныхъ драматическихъ произведеній по образцу древне-греческихъ зрѣлищъ. Для этого надобно было прежде всего ввести въ музыку пренебрегаемое, въ область искусства еще вовсе недопущенное — одноголосное пѣніе*. Но этому пѣнію надо было придать такую форму, которая-бы какъ можно ближе подходила къ декламационному чтенію стиховъ, избѣгала-бы всѣхъ лишнихъ повтореній одного и того-же слова, приходилась подъ всѣ разнообразныя размѣры стиховъ, не разрушая и не затемняя ихъ,

* Для тѣхъ, кто незнакомъ съ исторіею элементовъ музыки, то есть, съ исторіею развитія нынѣ употребительныхъ мелодіи, гармоніи и ритма, страннымъ покажется, что значить «вводить» одноголосное пѣніе какъ *новость* въ искусство, въ которомъ существовали уже самыя ученныя хитросплетенія восьми, десяти голосовъ—? Но дѣло именно въ томъ, что вся наша нынѣшняя *гармонія*, вокальная и инструментальная, составила изъ многоголоснаго пѣнія, выросшаго мало-по-малу изъ контрапунктнаго и съ первыхъ началъ весьма негармоническаго сочетанія музыкальныхъ интерваловъ. На-ряду съ этимъ искусственнымъ сочетаніемъ многихъ голосовъ, по правиламъ контрапункта, болѣе и болѣе ученаго, простое, безъискусственное пѣніе шло своимъ естественнымъ ходомъ, т. е. въ видѣ народныхъ пѣсней у всѣхъ націй, потомъ въ видѣ романсовъ провансальскихъ, «*villote parolitane*» и т. д. Оно было въ постоянной органической связи, то съ пляскою, то со словами и текстомъ пѣнія; а «ученая» музыка болѣе и болѣе оставляла текстъ въ сторонѣ, нуждаясь не въ «словахъ», а въ «словахъ», какъ пособіи для контрапункта. Наконецъ, т. е. въ XVI столѣтіи, уже пѣлая бездна раздвѣляла «музыкальное искусство» отъ самостоятельно-развившагося пѣнія безъискусственнаго, въ которомъ, безъ сомнѣнія, было очень много истинно-музыкальныхъ сторонъ (особенно элементъ «ритма» въ этихъ пѣсенныхъ напѣвахъ былъ несравненно больше развитъ, чѣмъ въ ученой контрапунктной музыкѣ). Въ пѣсняхъ и романсахъ гармоническая основа всегда была, но преобладало пѣніе «одноголосное», потому-что только тогда ясны и понятны слова,—первое условіе «пѣсни». Между-тѣмъ музыка ученая, искусственная и шагу ступить не могла безъ «многихъ» голосовъ; — элементъ чисто-мелодическій для нея почти не существовалъ. Даже тѣ одиночныя мотивы (мелодическое послѣдованіе немногихъ нотъ), которые служили темою для контрапунктныхъ сочетаній, не были никогда изобрѣтаемы тогдашними учеными музыкантами. Они брали эти мотивы готовыми или изъ неизмѣнныхъ напѣвовъ ритуальнаго пѣнія церковнаго (*plainchant*) или... изъ на-

наконецъ, чтобъ допускала полную свободу пѣвца, позволяла-бы ему придавать выраженіе, желаемое поэтомъ, какъ въ частностяхъ, такъ и въ цѣломъ драматическомъ характерѣ (хотя сознаніе «драматизма» въ музыкѣ было тогда еще очень неопредѣленно). Все это было большой, трудной задачей. Трудность ея намъ теперь неочень удобно себѣ представить, потому-что разрѣшеніе ея для насъ обыкновенная вещь, которую мы слышимъ чуть не каждый день, съ самаго дѣтства, и слѣдовательно къ ней привыкли. Надо «отвлечься» отъ нашихъ нынѣшнихъ требованій и привычекъ, и прилежно всмотрѣться въ примѣры «тогдашней» музыки (до изобрѣтенія оперы), приведенные въ книгахъ Гаукинса, Борнея и другихъ.

Но если и все, что составляло задачу, удалось, — дѣло не могло быть конченнымъ. Должны были встрѣтиться новыя, несовѣмъ легкія условія. Новозобрѣтаемая музыка должна была основываться на тѣхъ самыхъ гармоническихъ правилахъ и законахъ, безъ которыхъ не можетъ обходиться никакая музыка, какъ только она приведена въ какой-нибудь правильный, органическій видъ, точно такъ, напримѣръ, какъ стихотворство не можетъ обойтись безъ опредѣленныхъ размѣровъ, стопъ. Кромѣ того этотъ новый родъ музыкальной поэзіи долженъ былъ поправиться всеѣмъ, посвященнымъ и непосвященнымъ, чтобъ войти въ употребленіе, получить ходъ въ публикѣ. И новыя, небывалыя стороны привлекательности должны были находиться въ новозобрѣтенныхъ зрѣлищахъ, для того, чтобъ они могли прочно удержаться. Все это было понято и взвѣшено графомъ Верніо. Передъ нимъ неявно носилась идея одушевленной музыки, вызванной самою декламаціею стиховъ; но онъ не былъ въ состояніи осуществить эту мысль, не могъ приспособить ее къ требованіямъ гармоніи и музыкальнаго искусства вообще. Это заставило

родныхъ пѣсень. Когда — какъ Рохлицъ рассказываетъ — многими была почувствована потребность оживить ученую музыку, сблизить эти контрапунктныя ухищренія съ поэтическимъ смысломъ того, что пѣлось, — сдѣлать музыку, какъ искусство, больше доступною массѣ публики, естественно, что надобно было обратиться къ «одноголосному пѣнію». Но при тогдашнемъ порядкѣ музыкальныхъ дѣлъ такая простая вещь не могла не казаться рѣзкимъ, страннымъ нововведеніемъ. Все это, также какъ и первоначальныя судьбы оперы, занимательно разсказано въ книгѣ г. Улыбышева «Biographie de Mozart» (Томъ II, стр. 7—104). Довольно-полный очеркъ исторіи всей музыки до Мацарта включительно составленъ г. Улыбышевымъ тщательно и по хорошимъ руководствамъ. Только много вредить дѣлу чрезмѣрное пристрастіе автора къ своему идолу — Моцарту, и еще болѣе вредить недовольно-серьезный тонъ всей книги, — вѣчное щеголянье фразами, шуточки не умѣста и краснорѣчивость на манеръ французскихъ фельетонистовъ. А. С.

его избрать сотрудниковъ: Винченцо Галилеи (отецъ астронома) и Джулоламо Мей. Последний (Hieronymus Maeus), ученый знатокъ искусства, помогъ Барди со стороны науки, словесности, а Галилеи, основательный музыкантъ, виртуозъ и композиторъ, — со стороны музыки.

«Въ чемъ-же состояло произведеіе этого триумвирата?» Судя по отрывкамъ, дошедшимъ до насъ, это былъ родъ одногласной псалмодіи, или силлабическіи-декламационнаго пѣнія; короче, родъ речитатива, но съ опредѣленнымъ тактомъ (a tempo), и речитативъ этотъ, выстроенный на правильномъ основномъ басѣ, перемежанъ былъ, въ лирическихъ мѣстахъ, особенно при концѣ, съ мелодическимъ оборотомъ фразы. Остальная гармонія, смотря по требованіямъ поэтическаго смысла, состояла или изъ отрывистыхъ аккордовъ, или изъ арпеджіи (accords brisés), то снизу вверхъ, то сверху внизъ, связанныхъ между собою. Арпеджіи эти, т. е. аккомпаниментъ речитатива, были исполняемы, по обычаю тогдашней музыки, или на виолѣ ди-гамба (родъ небольшого виолончеля), или на большой лютнѣ, на теорбѣ (tiogba), въ такомъ родѣ, какъ въ-последствіи — речитативамъ аккомпанировали постоянно на клавесинѣ (посреди оркестра), а еще позже, то есть, въ наше время, этотъ клавесинный аккомпаниментъ замѣненъ смычковыми инструментами. Это былъ въ-самомъ-дѣлѣ «особый» родъ пѣнія, который удовлетворялъ вышеприведеннымъ требованіямъ, — веѣмъ, кромѣ одного, къ которому еще возвратимся; приспосаблился и къ разговорнымъ речитативамъ дѣйствующихъ на сценѣ лицъ, даже и къ игрѣ актеровъ: это была «musica puova», «musica in stilo rappresentativo». Вотъ *первыя начала оперы*.

Но самая опера еще не могла тотчасъ-же образоваться. Первыя попытки новаго рода пѣнія были еще довольно нескладны, и ихъ еще не рѣшались примѣнить къ настоящимъ драматическимъ произведеніямъ, а примѣнили къ такимъ текстамъ, гдѣ выражались опредѣленные чувства одного драматическаго лица, съ возможностью сценическаго дѣйствія. Такимъ-образомъ первоначальный выборъ сюжетовъ палъ на превосходный эпизодъ изъ Дантова «Ада» — сцена Уголино въ башнѣ голода, и нѣкоторыя особенно-драматическія мѣста изъ плача Іереміи о судьбѣ израильтянъ. Барди, Мей и Галилеи втроемъ положили эти отрывки на музыку, и предложили ихъ Академіи, на торжественномъ за-сѣданіи, въ присутствіи герцога и двора. Обѣ пьесы были исполнены Меемъ, съ аккомпаниментомъ виолы ди-гамба, и разумѣется, увѣнчались большимъ успѣхомъ. Тогда къ трудамъ Академіи присоединили свои усилія многіе изъ отличнѣйшихъ музыкантовъ. Самый даровитый, или, по-крайней-мѣрѣ, самый удачливый изъ нихъ былъ Джуліо Каччини, родомъ изъ Рима, но поселившійся во Флоренціи. Это былъ одинъ изъ

величайшихъ пѣвцовъ того времени, извѣстный и любимый во всей Италіи, при этомъ и композиторъ, хотя не изъ ученыхъ, но съ пріятнымъ талантомъ и успѣшный въ работѣ. Онъ легко перенялъ характеръ нововведеннаго рода пѣнія, самъ написалъ много небольшихъ пьесъ въ этомъ родѣ, выбравъ для текста любимѣйшія въ то время стихотворенія, самъ исполнялъ свои сочиненія, отлично аккомпанируя себѣ на лютнѣ, произвелъ много эффекта, прославился этими новыми попытками и возбудилъ къ нимъ любовь даже внѣ Флоренціи.

Успѣхъ и дѣйствительныя достоинства новаго дѣла привлекли къ трудамъ Академіи еще одного флорентинскаго музыканта, Джакомо Пери. Это былъ артистъ замѣчательный, знаменитый какъ сочинитель музыкальный, какъ учитель пѣнія и какъ пѣвецъ. Участіе его было очень выгодно для первыхъ началъ оперы, потому-что онъ авторитетомъ своимъ и познаніями оградилъ новоизобрѣтенный родъ музыки отъ вреднаго вліянія дилеттантства и виртуозничества. На первое время горячій энтузіазмъ дилеттантовъ очень полезенъ потому-что дѣлаетъ вещь модною, воспаляетъ толпу, распространяетъ вкусъ къ новому дѣлу; но само дѣло отъ этого не подвигается, не укореняется, не развивается—напротивъ, чрезмѣрный энтузіазмъ вызываетъ непременно реакцію, вскорѣ опошляетъ вещь, иногда до крайности, и значить гораздо больше приноситъ ей вреда, чѣмъ пользы—и въ наше время музыка (да и не она одна!) могла-бы очень пожаловаться на мнимыя услуги дилеттантовъ и «quasi» знатоковъ.

Пери, по привычной скромности, держалъ себя отъ всего вдалекѣ, но скоро очутился въ главѣ общества; тѣмъ болѣе, что Барди въ это время былъ отозванъ папою ко двору его въ Римъ. Президентомъ Академіи сталъ также аристократъ, Корси, и засѣданія ея происходили уже въ его палатцѣ. Это было выигрышемъ для Академіи, потому-что у Корси другомъ дома былъ даровитый и уже очень извѣстный стихотворецъ, нѣкто—Оттавіо Ринуччини, котораго, конечно, Академія пригласила въ члены.

Пери и Ринуччини, очень дружные между собой, повели новое изобрѣтеніе шагомъ далѣе, потому-что въ 1596 г. примѣнили новый родъ музыки къ драматическому произведенію, которое, по-крайней-мѣрѣ, во внѣшнемъ распорядкѣ приближалось къ древнимъ трагедіямъ. Текстъ сочинилъ Ринуччини, музыку—Пери. Они еще не отважились избрать возвышенный, чисто-трагическій сюжетъ, а взяли полу-пастораль—«Дафну» *. Впрочемъ сюжетъ ея довольно серьезенъ, а нѣкоторыя по-

* Эта самая пьеса въ 1620 г. явилась на нѣмецкомъ, въ передѣлкѣ Мартина Опица,—Авторъ.

ложенія уже близки къ трагическому. Эта пьеса цѣликомъ положена была на музыку, т. е., если говорить по нашему нынѣшнему, состояла изъ сплошныхъ речитативовъ (мѣрныхъ, а tempo) и хоровъ. Дѣйствія было тутъ мало, лицъ также очень немного, вся пьеса невелика и скорѣе похожа на драматическую кантату; стиль музыки былъ тотъ-же самый, что и въ попыткахъ Барди и Каччини, только посерьознѣе, правильнѣе, основательнѣе. Давали эту пьесу—также какъ и прежнія, не публично, а только въ домѣ Корси, передъ дворомъ и избраннымъ обществомъ. Если взять въ основаніе самыя существенныя условія оперы, то и эту «Дафну» можно считать *первою настоящею оперою*.

Успѣхъ этого перваго опыта былъ огромный; это заставило друзей-сотрудниковъ въ слѣдующіе годы сочинить нѣсколько подобныхъ-же пьесъ, которыя всѣ приняты были съ участіемъ. Едвали нужно упоминать, что при дальнѣйшихъ опытахъ оба автора больше и больше овладѣли искусствомъ, одинъ въ отношеніи стиховъ, какъ текста музыкальной драмы, другой—въ отношеніи самой музыки. Оба стали больше и больше обращать вниманія на эффекты отдѣльныхъ сценъ, подробностей, и понемногу старались расширить прежде избранныя рамки такого рода пьесъ. Поэтъ желалъ себѣ трагической основы, которую-бы могъ полнѣе и шире обработать, и сдѣлать изъ пьесы богатое, великолѣпное зрѣлище, уже не для небольшого, избраннаго кружка посѣтителей, какъ до-сихъ-поръ было, а для массы, для публики. И композиторъ раздѣлялъ это желаніе, и съ своей стороны, конечно, хотѣлъ не отставать, хотѣлъ воспользоваться нѣкоторыми наблюденіями, сдѣланными имъ надъ собственно-музыкальнымъ впечатлѣніемъ въ первыхъ опытахъ. Отъ него не ушло—то, что намъ, нынѣшнимъ, безъ сомнѣнія, слишкомъ ясно, то-есть, что эта просто-декламационная (речитативная) музыка, какъ-бы ни была удачно написана, какъ только текстъ получалъ значительное развитіе, становилась однообразною, утомительною, чтобъ не сказать—холодною, вялою и скучною. Требовалось больше разнообразія, больше силы и красоты—объ этомъ-то требованіи я намекнулъ выше, когда говорилъ объ условіяхъ новаго рода, бывшихъ большою задачею для изобрѣтателей оперы. Всего этого Пери думалъ достигъ тремя способами: 1) усилить хоръ и чаще вводить его въ музыкальную драму; 2) въ самыхъ выразительныхъ мѣстахъ речитатива употреблять гораздо чаще «мелодическія» окончанія, болѣе пѣвучіе обороты фразъ, и для этой цѣли повторять поэтическую мысль текста, особенно если она пришлась въ формѣ сентенціи и на богатыя рифмы; такимъ образомъ мысль получала усиленный оттѣнокъ и черезъ самую музыку, и чрезъ ея исполне-

не пѣвцомъ *; наконецъ онъ желалъ, не только для разнообразія и красоты, но и для различенія отдѣльныхъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, придать каждому лицу въ аккомпаниментѣ его пѣнія особый характерный инструментъ, такъ, чтобъ этотъ индивидуальный аккомпаниментъ оставался для каждаго лица съ начала и до конца пьесы. Мысль счастливая, гениальная, которою и нынѣшніе оперные композиторы могли-бы съ большою выгодною воспользоваться; разумѣется, примѣняя эту мысль къ нынѣшнимъ условіямъ музыки и оркестровки **.

Пока первые изобрѣтатели оперы занимались такими мыслями объ ея улучшеніи, случилось, что именно во Флоренціи окончены были переговоры о бракѣ французскаго короля, Генриха IV, обратившаго на себя вниманіе всей Европы, и дочери тосканскаго великаго герцога, Маріи Медичи. Во Флоренціи готовилось великолѣпное брачное торжество. Французы со времянь Франциска I уже приучены были къ высшей степени роскоши и придворной пышности. На флорентинскомъ праздникѣ для нихъ не могло быть ничего новаго, кромѣ—театральнаго зрѣлища, по образцу древней афинской трагедіи, съ точнымъ ей подражаніемъ (какъ тогда думали) въ поэзіи, въ музыкѣ и въ сценическомъ представленіи. Гран-Дука тосканскій позвалъ къ себѣ Ринуччини и Пери и переговорилъ съ ними. Обѣ стороны остались какъ нельзя довольнѣе другъ другомъ, потому-что стремленіе всѣхъ было направлено къ одной цѣли: къ возможно-большему великолѣпію и къ публичности зрѣлища. Поэтъ и музыкантъ тотчасъ приступили къ дѣлу: Ринуччини выбралъ мифъ объ Орфѣѣ и Эвридикѣ, и оба автора рѣшились тутъ осуществить всѣ мысли, которыя давно уже стали ихъ любимыми. Со стороны герцога былъ отданъ приказъ исполнителямъ его власти: со-

* Изъ этихъ фразъ «arios», вскорѣ сдѣлавшихся любимѣйшими мѣстами оперы, образовалась мало-по-малу форма ариі; но для ея развитія, самостоятельнаго утвержденія и повсемѣтнаго введенія потребовалось отъ тридцати до сорока лѣтъ. Изъ формы ариі произошли дуэты, терцеты и т. д.; изъ нихъ, съ присоединеніемъ, «подвиганье впередъ», самого дѣйствія, хода пьесы, образовались тѣ части оперы, которыя называются «morceaux d'ensemble»; соединеніе нѣсколькихъ такихъ «ансамблей» въ одинъ, съ условіемъ постепеннаго нарастанія интереса до какого-нибудь важнаго перелома въ ходѣ драмы, до рѣшительнаго ея момента—образуетъ финалъ, позднѣйшую форму опернаго стиля.

** Что Пери всего этого «сознательно» желалъ, на это нѣтъ прямого указанія въ дошедшихъ до насъ матеріалахъ того времени, но онъ все это *сдѣлалъ*, и сдѣлалъ тотчасъ-же, въ слѣдующемъ большомъ своемъ произведеніи этого рода; а такія вещи никому не приходятъ въ голову инстинктивно, случайно, напротивъ всегда очень обдумываются; тѣмъ больше, когда рѣчь идетъ о такомъ спокойномъ, осторожномъ художникѣ-мыслителѣ, каковъ былъ Пери.

брать сколько можно больше пѣвцовъ, инструментистовъ, живописцевъ, декораторовъ и проч. Все пришло въ движеніе, все подоспѣло во время, и «Эвридика» (сея именемъ названо было цѣлое произведеніе) сдѣлалась не только самымъ блестящимъ, но и самымъ привлекательнымъ изъ всѣхъ зрѣлицъ во-время придворныхъ праздниковъ. Вблизи и вдали отъ Флоренціи только и рѣчи было, что объ этомъ очаровательномъ театральномъ представленіи, совершенно въ новомъ вкусѣ. Эта пьеса (Эвридика) гораздо полнѣе обработана въ музыкальномъ и драматическомъ отношеніи, нежели ея предшественница, Дафна, а потому съ художественной стороны имѣть болѣе права на имя *первой* настоящей оперы.

Упомяну еще объ одномъ обстоятельстве, не столько важномъ въ отношеніи самой оперы, сколько для характеристики Пери, этого замѣчательнаго, достойнѣйшаго дѣятеля. Ему на произведеніе Эвридики времени, какъ всегда бываетъ при подобныхъ торжествахъ, было удѣлено очень скупо; по этому невозможно ему было самому наблюдать за всѣмъ, что составляло условіе удачнаго представленія. Онъ нуждался прежде всего въ такомъ музыкальномъ помощникѣ, который-бы вполне понималъ дѣло и могъ пройти роли съ пѣвцами и партіи съ инструментами, но и въ такомъ, который-бы хорошенько условился съ декораторами и ихъ подмастерьями, о всемъ, что нужно было для сцены; однимъ словомъ, говоря по нынѣшнему—нуждался въ корретиторѣ и режиссёрѣ; но кромѣ того долженъ былъ прискаты отличнаго, опытнаго и любимаго пѣвца и актёра для главной роли. Всѣ эти условія нашлись въ одномъ лицѣ—въ уже упомянутомъ виртуозѣ Каччини. Но въ немъ были и недостатки, очень свойственные виртуозамъ: онъ былъ тщеславенъ и самолюбивъ до крайности, сѣсивъ и избалованъ омиамомъ лести.

Тріумфы на поприщѣ виртуозности и актерскаго искусства были для него дѣломъ слишкомъ обыкновеннымъ; — здѣсь, при особенномъ, небываломъ торжествѣ, онъ хотѣлъ блеснуть другой стороной своихъ дарованій—талантомъ музыкальнаго сочиненія. Пери, который прежде всего заботился объ успѣхѣ самаго дѣла, уступилъ его желанію, и вотъ на заглавіи произведенія стала красоваться надпись: «музыка Пери и Каччини.» Впрочемъ, очень возможно, что такъ какъ «мелодическою» изобрѣтательностью Пери особенно богатъ не былъ (что доказываютъ его сочиненія въ другомъ родѣ), то талантъ Каччини дѣйствительно былъ ему пособіемъ въ этомъ случаѣ.

Здѣсь кстати, въ видѣ эпизода, упомянуть также объ одномъ предметѣ, который во многомъ затемнилъ исторію первыхъ началъ оперы.

Въ то время существовало соревнованіе, соперничество (очень по-

лезное для наукъ и искусствъ) вельможъ, ученыхъ и художниковъ римскихъ съ флорентинскими. Это соперничество выказалось и по случаю новаго рода музыкальныхъ зрѣлищъ, впрочемъ безъ особенно важныхъ результатовъ и безъ вліянія на судьбу оперы. Когда Барди задумалъ первыя посылки, о которыхъ у насъ шла рѣчь, во Флоренціи находился римскій «Nobile», дилеттантъ и композиторъ, Эмилио дель Каваліере. Онъ ознакомился съ нововведенными мыслями и примѣнилъ ихъ къ дѣлу въ одно время съ «Дафной» Пери, даже нѣсколько разѣ; но частію (какъ заключать можно) только въ отдѣльныхъ сценахъ, частію (какъ достовѣрно извѣстно) съ меньшимъ искусствомъ и меньшею удачею; а знаменитая «Эвридика» совершенно затмила его покусенія. Задѣтый за живое славою, которую авторы «Эвридики» получили какъ изобрѣтатели новаго рода, выступилъ онъ въ публику съ доказательствами, что честь и слава изобрѣтенія оперы принадлежать ему. Пошла сильная полемика между Римомъ и Флоренціею, причемъ римляне, быть-можетъ, не безъ основанія, жаловались на то особенно, что соотечественникъ ихъ именно оттого не былъ поддержанъ во Флоренціи, что былъ изъ другаго города и не принадлежалъ къ флорентинской Академіи. Все это не произвело большаго дѣйствія—слава и вліяніе авторовъ «Эвридики» были уже дѣломъ рѣшеннымъ, упроченнымъ. Даже изъ римлянъ знатоки дѣла и люди безпристрастные оспаривали у Каваліере защищаемое имъ право, отдавая ему справедливость въ томъ, что онъ приступилъ ранѣе другихъ къ практическому примѣненію новой мысли*. Что самъ Барди сохранялъ молчаніе въ этомъ спорѣ, легко объясняется его официальнымъ положеніемъ при дворѣ римскомъ.

Первая опера появилась,—слѣдовательно исторія рожденія ея здѣсь оканчивается. Но чтобъ завершить дѣло чѣмъ-нибудь болѣе занимательнымъ, чѣмъ полемикою, которая ни къ чему не повела, прибавлю здѣсь дальнѣйшія указанія о счастливой мысли Пери—каждому дѣйствующему въ оперѣ лицу назначить особую характеристическую инструментовку. Къ сожалѣнію, въ свѣдѣніяхъ объ «Эвридикѣ» и другихъ тотчасъ слѣдовавшихъ за нею операхъ не упоминается объ этой оригинальной оркестровкѣ; по-крайней-мѣрѣ это означено неполнѣ. Для того, чтобъ получить ясное понятіе, какъ эта оригинальная идея могла быть въ то время

* Въ такомъ смыслѣ пишетъ и отличный, замѣчательный историкъ искусства, де-Росси (Джованни Витторіо), который подъ латинскимъ именемъ: Janus Nicius Erythraeus издалъ: Pinacotheca imaginum illustrium doctrinae vel ingenii laude vigogum, quise superstite obierunt; сочиненіе, которое въ сравненіи съ его достоинствами слишкомъ мало извѣстно.—Авторъ.

осуществлена, надо взять нѣсколькими годами позже, и перенестись въ Венецію.

Этотъ городъ, тогда еще чрезвычайно богатый и блестящій, пожелалъ наряду со всѣмъ, что было самого хорошаго и роскошнаго въ свѣтѣ, имѣть и свою большую оперу, по точному образцу знаменитой «Эвридики». Такое желанное зрѣлище даровалъ Венеціи талантливый, оригинальный, хотя и не всегда правильный композиторъ Клаудио Монтеверде. Именно, въ 1606 г. онъ окончилъ свою оперу «Ариадна», совершенно въ духѣ Пери и Каччини, только эффектиѣе со сценической стороны.—Въ немъ, какъ въ школѣ венеціанской живописи, преобладала способность къ колориту. Въ отношеніи-же грамматической правильности гармоніи это произведеніе во многомъ уступало «Эвридикѣ.» — «Ариадна» была съ большимъ успѣхомъ дана въ Мантуѣ, гдѣ Монтеверде состоялъ капельмейстеромъ при дворѣ герцога. Венеціанцы призвали Монтеверде къ себѣ, чтобъ онъ далъ имъ «Ариадну». И въ Венеціи эта опера понравилась чрезвычайно. Монтеверде получилъ тотчасъ-же много заказовъ въ подобномъ родѣ; а чтобы удержать его въ Венеціи, ему дали мѣсто капельмейстера при соборѣ Сан-Марко, и назначили такое богатое жалованье и такую плату за оперы, чего онъ, конечно, никогда-бы не дождался при дворѣ мантуанскаго герцога. Первая опера, для Венеціи написанная,—конечно опять въ томъ-же самомъ вкусѣ, была «Орфей». * Эта опера дана была въ 1607 году съ величайшимъ великолѣпіемъ постановки. Кромѣ того тотчасъ-же напечатана, и такимъ образомъ дошла до насъ въ цѣлости. Есть указанія и инструментовки, гдѣ Монтеверде вполнѣ слѣдовалъ счастливой мысли Пери.

Чтобъ понять эффектъ этихъ намѣреній оркестровки, надобно ясно представить себѣ тогдашнюю музыку вообще, и музыку этихъ первыхъ оперъ въ особенности. Вся опера состояла изъ речитативовъ, но мѣрныхъ (a tempo), перемежанныхъ, въ приличныхъ мѣстахъ, съ короткими мелодическими періодами (въ родѣ нашихъ «arioso») и съ нѣскольболѣе развитыми хорами и танцами; въ оркестрѣ, кромѣ основнаго баса и обыкновеннаго акомпанимента (въ соединеніи съ основнымъ басомъ), для каждаго дѣйствующаго лица, пока оно на сценѣ, назначался «особый» инструментъ. Лица въ этой оперѣ были вотъ какія: «Музыка», то есть аллегорическое олицетвореніе ея въ прологѣ; Орфей, Эвридика, Апол-

* Занимательно было-бы, при случаѣ, сосчитать, сколько именно разъ былъ обработанъ сюжетъ «Орфея» въ видѣ оперы? Это одинъ изъ самыхъ любимыхъ оперныхъ сюжетовъ въ-теченіе цѣлыхъ двухъ вѣковъ. Съ «Орфеемъ» можетъ состязаться въ этомъ отношеніи только что развѣ «Армида». А. С.

лонь, Плутонъ, Прозерпина, Харонъ, олицетворенія надежды (!) хоръ духовъ тартара, хоръ нимфъ и пастуховъ, хоръ пастуховъ и пастушекъ въ заключительномъ балетѣ. Теперь, какіе именно инструменты приданы для характеристики лицъ? Если припомнить и живо представить себѣ тогдашнее положеніе инструментальной музыки, то нельзя не согласиться, что выборъ въ этой оркестровкѣ чрезвычайно удаченъ, иногда просто-изященъ. «Музыкѣ» (въ прологахъ) аккомпанируютъ два «clavicembali», то есть клавицины, тономъ весьма похожія на позднѣйшія «клавикорды»; «Орфею» аккомпанируютъ двѣ низкія віолы *. «Эвридикѣ» — двѣ высокія віолы (это наши альты) — «Аполлону» — «un regale», то есть родъ позитива (маленькаго органа) съ однимъ регистромъ, металлическимъ, но мягкаго тона; «Плутону» — четыре тромбона (какъ нельзя больше кетати для суроваго адскаго судьи и властелина); — «Прозерпинѣ» — три віолы ди-гамба; «Харону» — двѣ гитары (?) — этому лицу приданъ характеръ нѣкоторой пошловатости; олицетворенію «надежды» — двѣ «violini piccoli alla francese» — то есть двѣ наши обыкновенныя скрипки, только настроенныя квартою выше, для избѣжанія высокихъ хватокъ, съ которыми тогдашніе скрипачи еще не могли сладить. Хору духовъ адскихъ аккомпанируютъ два «organi di legno», то есть органы съ деревянными низкими трубами (въ 8 и въ 16 футовъ); хору нимфъ и пастуховъ — двойная арфа; финальному хору съ танцами — маленькая флейта, 2 cornetti, одна труба (Trompette) solo и три другія трубы съ сурдинами.

Какъ именно эти инструменты были употреблены, объяснить невозможно безъ подробнаго практическаго разбора тогдашней музыки и безъ пособія многихъ нотныхъ примѣровъ.

(На этомъ Рохлицъ останавливаетъ свой рассказъ о происхожденіи оперы. Музыка этихъ Дафнъ, Эвридикъ, Ариаднъ и Орфеевъ была, безъ сомнѣнія, такого свойства, что наши нынѣшнія уши не выдержали бы ея и четверть часа, безъ злѣйшей скуки. Но въ этихъ начинаніяхъ таились зародыши произведеній, столько богатыхъ красотою. Вялыя мелодіи и скучныя речитативы Перри и Монтеверде вспахали почву, на которой потомъ, черезъ два столѣтія, появились созданія Глюка, Моцарта и Россини).

А. СВРОВЪ.

Такъ надо понимать названія «contrabasso de viola» — это басъ, «bassetto» предшественникъ виолончеля, такого-же строя, но корпусомъ поменьше и употребительный всего больше для «solo cantabile».

III. ПУТЕШЕСТВІЯ И СЦЕНЫ ПРАВОВЪ.

Полгода въ Сициліи. (*Изъ записокъ французскаго туриста*). Многіе путешественники, ѣздившіе въ Сицилію и не видавшіе ничего больше, кромѣ Палермы, Багарли, Мончереаги и Фавориты, спрашивали меня: отчего въ Сициліи нѣтъ дорогъ? Неужели сицилійцы не чувствуютъ всѣхъ удобствъ хорошаго сообщенія? Или южная страсть къ *far niente* (праздности) такъ сильна, что далѣе видимаго горизонта имъ никуда не хочется?

И однако-же, дороги въ Сициліи имѣютъ свою исторію, длинную, любопытную, почти баснословную, исторію дорогъ, стоившихъ огромныя суммы и все еще несуществующихъ. Я-бы могъ ученымъ и техническимъ образомъ рассказать все это, потому-что именно былъ для того выписанъ изъ Франціи, чтобъ составить общій планъ сицилійскихъ дорогъ. Но для читателей это было-бы очень скучно. Я лучше расскажу имъ мои поѣздки, то верхомъ, то на носилкахъ, то пѣшкомъ, и они узнаютъ тогда все, что нужно, чтобъ никогда сюда не ѣздить.

Одинъ писатель, говоря о желѣзной дорогѣ, сказалъ, что по ней нѣтъ времени для ѣзды, а только для пріѣзда. Въ Сициліи употребляешь только время для ѣзды; но пріѣздъ всякій разъ очень сомнителенъ. Посмотрѣлъ-бы я на нашихъ путешественниковъ—скороспѣлокъ, что бы они сказали, взглянувъ на нашъ караванъ муловъ съ погонщиками ихъ, на наши носилки, смирненно шествующіе по печально-меланхолической платанской долинѣ, по джирджентской дорогѣ, между Камитини и Капель-Терлини.

А впрочемъ, это въ Сициліи типическое мѣсто. Рѣка Платани, послѣ слиянія своего съ Санъ-Шестро, течетъ передъ нами. Вокругъ насъ воздухъ зараженъ *маларіемъ*; не видно ни одного работника въ полѣ. Мы одни, и больше никого. *Бардонары* указываютъ намъ, гдѣ лучше бродь для проѣзда черезъ эту мелкую теперь рѣчку, которая однако-же ежегодно поглощаетъ столько жертвъ. Вдали видны башни, колокольни и стѣны новаго Агригента. Мы ѣдемъ по отрывкамъ неконченныхъ и уже давно испорченныхъ дорогъ. Съ покатоостей ближайшихъ къ намъ горъ поднимаются сѣрные испаренія. Вотъ передъ нами вся Сицилія, съ ея богатствами и нищетою, съ его прошедшимъ и настоящимъ.

Я довольно слабо знаю медицину, чтобъ опредѣлить, какой-родъ лихорадки производитъ *маларію*. Но она наиболѣе дѣйствуетъ въ-теченіе

іюня, іюля и августа. Немного до захожденія солнца и часъ спутя по восхожденіи поднимаются изъ земли злокачественныя испаренія, отъ которыхъ ежегодно погибаетъ столько людей.

Сицилійцы знаютъ это, и если имъ надобно обработать поле въ это время, то они располагаютъ свой ночлегъ на высокой горѣ, спускаются съ нея для работы и къ вечеру возвращаются туда. Тамъ-же, гдѣ нѣтъ подобныхъ горъ, они вовсе не обрабатываютъ земли. Отъ этого и происходитъ видимое безплодіе Сициліи и пустышность полей ея. Если когда-либо захотятъ сдѣлать эту страну здоровою и плодородною, какъ она была при грекахъ и римлянахъ, то надобно осушить болота, составляемыя отъ весенняго разлитія рѣкъ, а самыя рѣчки обвести высокими валами. Тогда ужъ можно будетъ думать и объ устройствѣ дорогъ по Сициліи. Теперь нельзя никуда и ѣздить, боясь *malaria*. Если переездъ таковъ, что ночь можетъ васъ застать на низменныхъ мѣстахъ, то не ѣздите. У васъ будетъ гибельная лихорадка.

Мы еще не отвѣчали на вопросъ: почему нѣтъ дорогъ въ Сициліи? Во-первыхъ потому, что надобно умѣть ихъ строить. Здѣсь не существуетъ инженернаго образованія. Здѣсь назначаютъ огромныя суммы на разныя работы, но ввѣряютъ ихъ иноземцамъ, которые берутся за все, чтобъ получить деньги и не сдѣлать ничего. Они встрѣчаютъ вдругъ какія-нибудь непредвидимыя препятствія, и представляютъ, что деньги всѣ истрачены.

Напримѣръ, изъ Фіуме-гранде есть дорога въ нѣсколько километровъ. Она стояла слишкомъ по двѣсти тысячъ франковъ за километръ, потомъ брошена и, вѣроятно, никогда не будетъ кончена. Недостало денегъ въ минуту окончанія. Прошелъ годъ, и дожди размыли неоконченную дорогу. Въ древнія времена сицилійскіе проливные дожди служили источникомъ богатства, поддерживая плодородіе страны. Теперь они разоряютъ ее и опустошаютъ. Отчего? Отъ безрасчетнаго истребленія лѣсовъ въ Сициліи. Почти всѣ горы на островѣ обнажены, и тогда какъ прежде горныя лѣса удерживали эти потоки, заставляли ихъ медленно спускаться съ высотъ, теперь дожди низвергаются бурными водопадами, увлекая съ собою песокъ, глину и камни, которые заваливаютъ послѣднія дороги и засыпаютъ поля. Теперь плодородная почва Сициліи превратилась въ слой гипса и гравія.

Впрочемъ, путешественники, сожалея о неимѣннн дорогахъ въ Сициліи, несовсѣмъ правы. Вѣдь еслибъ онѣ и были, то ни къ чему-бы не послужили. По дорогамъ всѣхъ европейскихъ странъ, на всякой рѣкѣ,

через всякій ручей, оврагъ — сдѣланы мосты. Но въ Сициліи нѣтъ мостовъ. Они почитаются роскошью, которая оставлена до лучшихъ временъ. Здѣсь есть переправы въ бродъ и при нихъ *бордонари*,—это родъ сухопутныхъ лодмановъ. Они всякаго путешественника проводятъ по лучшему слѣду брода. Если онъ ѣдетъ верхомъ, то бордонари ведетъ лошадь подъ уздцы. Если рѣка очень быстра, то два бордонари становятся по бокамъ ѣдущаго; если есть карета, то бордонари вооружаются шестами и провожаютъ ее. Тоже дѣлается и съ носилками.

При словѣ *носилки* вы подумаете, что это остатокъ древней эпикурейской роскоши, гдѣ вы протягиваетесь, какъ восточный еибаритъ. Ошибаетесь: это самое мучительное изобрѣтеніе новѣйшей цивилизациі. Еслибъ существовалъ только этотъ способъ ѣзды, то повѣрьте, что на свѣтѣ совсѣмъ-бы не было путешественниковъ.

Вообразите себѣ каретный кузовъ съ двумя скамьями внутри, шириною въ полтора фута, въ три съ половиною длины и въ ростъ человѣческой вышины. Къ бокамъ этого кузова придѣланы желѣзные крюки, посредствомъ которыхъ онъ привѣшенъ къ двумъ муламъ, но такъ, что одинъ идетъ впереди, а другой позади (чтобъ идти рядомъ, такихъ нѣтъ здѣсь широкихъ дорогъ).

Покуда вы ѣдете въ кузовѣ по гладкой равнинѣ, то еще сносно. Вы подвержены только необходимымъ толчкамъ отъ неровной ходьбы муловъ. Но если мѣсто гористо, а собливо, если склонъ перевѣшиваетъ вправо, или влѣво, то вы готовы кричать, выскочить, а мулы все пдутъ впередъ, вовсе не заботясь о вашемъ крикѣ. Когда-же вы переправляетесь черезъ бродъ и вода доходитъ до груди мула, то вашъ кузовъ уже вполонину въ водѣ и вы пользуетесь ножною ванною со всѣми вашими вещами подъ скамейками.

Я выше сказалъ, что въ Сициліи, поѣхавши куда-нибудь, нельзя сказать, что пріѣдешь туда. Вотъ одинъ подобный примѣръ.

Французскій консулъ, назначенный въ Джирдженти, отправился туда изъ Палермо самою прямою и кратчайшею дорогою, какъ и мы теперь ѣхали. Выѣхавъ поутру изъ Палермо, прибылъ онъ безпрепятственно къ вечеру въ Кастель-Термини, переправясь черезъ Санъ-Шестро; на другое утро долженъ онъ былъ переправиться черезъ Платанъ. Но когда онъ подѣхалъ туда, то оказалось, что рѣка поднялась на нѣсколько футовъ отъ дождей, и храбрые *бордонари* объявили, что даже *per il console francese* (для французскаго консула) переправа невозможна. По неволѣ долженъ былъ онъ воротиться въ Кастель-Термини,

стоящей на горѣ, при слияніи обоихъ потоковъ, такъ что для выѣзда оттуда надобно ѣхать черезъ тотъ или другой.

Двое сутокъ ждалъ онъ бесполезно, чтобъ воды Платана упали. Наконецъ рѣшился возвратиться въ Палерму, чтобъ другою дорогою добраться до Джирдженти. Но теперь Санъ-Шестро не пустилъ его назадъ, какъ Платани впередъ. Опять надобно было пріѣхать обратно въ трактиръ Кастель-Термини, и какой трактиръ! Здѣсь принужденъ онъ былъ прожить все дождливое время, и черезъ три мѣсяца пріѣхалъ къ своему посту, узнавъ на опытъ несправедливость аксіомы: *прямая линія кратчайшая*.

Впрочемъ, иногда здѣсь строятъ и мосты. Изъ Палермы въ Катану есть дорога, гдѣ существуетъ извѣстный бродъ *Чимароза*. Здѣсь строили въ разныя времена три моста. Первый былъ каменный: въ половодье снесло его. Выстроили другой, деревянный, и тотъ подвергся этой-же участи при второмъ разливѣ. Сдѣлали третій—тоже деревянный, но на каменныхъ быкахъ. Въ слѣдующую-же весну и тотъ снесенъ. Сѣтъхъ-поръ очень спокойно переѣзжаютъ въ бродъ, когда есть бродъ, во ожиданіи четвертаго моста.

Увы! Не сила воды въ этомъ виновата, а строители. Они дѣлали мостъ когда въ рѣкѣ не было и на три фута воды, а забыли разчесть, сколько арокъ нужно ему, когда вода будетъ на двадцать футовъ вышины и когда разливъ потока влечетъ съ собою камни, бревна, домъ. А, право, искусство строить мосты не новое. Здѣсь-же на Физли-Сальео Карль V построилъ близъ Кальтанисетты прекрасный мостъ, который и теперь стоитъ благополучно. Но примѣръ этотъ бесполезенъ для нынѣшнихъ строителей.

Странное обстоятельство замѣтите вы при этомъ мостѣ: конечно ужъ тогда шла тутъ какая-нибудь дорога. Теперь ее и слѣда нѣтъ, а стоять одинъ мостъ.

Я сказалъ недавно, что въ Кастель-Термини скверный трактиръ. То-же можно сказать и о всѣхъ почти сицилійскихъ трактирахъ. Но если вамъ вздумается ѣхать въ Агригентъ, Сиракузы, Сегестъ и Такринъ, то совѣтую вамъ записаться нѣсколькими рекомендательными письмами, и васъ вездѣ примутъ съ открытыми объятіями. Сицилія чрезвычайно гостеприимна, и отъ чистаго сердца. Такого радушія вы нигдѣ не найдете въ Европѣ.

Природа истинная мать для Сициліи. Въ древности дала она ей удивительное плодородіе. Люди испортили почву, лишивъ ее лѣсовъ. Теперь есть зато другое естественное богатство—сѣрные копи.

Не думайте, что эти копи около Этны; нѣтъ, богатѣйшія находят-ся на южномъ берегу, противъ африканскаго берега. Сѣра, получаемая въ Катанѣ, привозится изъ внутреннихъ провинцій. Недавно открыли копи и около Палермы, въ Лерказѣ.

Добываніе сѣры производится самымъ первобытнымъ образомъ. Роютъ и выкапываютъ, не заботясь ни объ обвалахъ, ни о спускѣ встречающейся воды. Хорошіе горные инженеры были-бы здѣсь весьма полезны.

Выкопавши сѣрный колчеданъ, складываютъ его въ груды и зажимаютъ, такъ чтобы сѣра сама собою добывалась, отъ этого пропадаетъ много сѣры газами, при горѣніи, и испаренія при горѣніи на открытомъ воздухѣ далеко распространяютъ сѣрный духъ, вредя растительности.

Впрочемъ, весь этотъ безыскусственный способъ добыванія поддерживаетъ цѣну сѣры весьма низкою на мѣстѣ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшая доставка сильно возвышаетъ цѣну. По неимѣнію дорогъ и мостовъ, перевозятъ ее на спинѣ муловъ.

Нѣтъ ничего печальнѣе окрестностей сѣрныхъ копей. Эта желтая пыль, истребляющая всю растительность вокругъ; эти работники съ блѣдными и худощавыми лицами; эти мулы, печально сгибающіеся подъ ношами—все это заставляетъ васъ искренно желать, чтобы Сицилія, лишаясь своей сѣры, возвратилась къ древнему плодородію, а жители къ благородному воздѣлыванію земли.

Со времени норманскаго завоеванія стала упадать эта страна. Бароны раздѣлили ее между собою, обративъ жителей въ неволю; потомъ католическое духовенство, тоже большею частію чужеземное, усилило разстройство земледѣлія. Теперь мудрено его исправить, а между-тѣмъ одинъ писатель характеризировалъ плодородіе Сициліи, сказавши: «Воткните, гуляя, свою палку: изъян ея вырастетъ дерево.» — Здѣшняя почва, съ водою и солнцемъ, даетъ удивительные результаты. Около Лисенны лимонныя деревья даютъ въ годъ до тридцати тысячъ плодовъ. Хлѣбъ около Катаны родился еще въ древности *сторицею*; сиракузскій виноградъ роскошенъ и изобиленъ; плоды около Транани многочисленны, и по справедливости островъ этотъ былъ въ древности посвященъ Церерѣ, потому-что богаче его по плодородію не можетъ быть.

Что теперь еще сказать о Сициліи! — Вотъ нѣкоторыя національныя особенности, которыя мнѣ удалось видѣть.

Въ Палермѣ составляется большой народный праздникъ во-время ловли тумаконъ, и первую рыбу, которую поймаютъ, разрываютъ по кускамъ и раздаютъ другъ-другу, при радостныхъ восклицаніяхъ.

Другая черта состоитъ въ искренней преданности къ своей католической вѣрѣ. Но какъ истинный духъ христіанства можетъ дозволить вмѣстѣ съ торжественными и священными обрядами мѣшать преданія идолопоклонническихъ временъ? Напримѣръ, ничто не можетъ быть великолѣпнѣе и благочестивѣе процессіи Тѣла Господня. И чтожь? Передъ самымъ священнымъ сосудомъ бѣжитъ толпа полунагихъ матросовъ и производить самыя комическія пляски. Другая толпа наигрываетъ или польку, или вальсъ. И тутъ-же съ ними идетъ генераль-губернаторъ, въ парадномъ мундирѣ, подъ балдахиномъ, окруженный всѣми военными и гражданскими начальствами.

Третья черта здѣшнихъ обычаевъ—это бумажные змѣи, спускаемые во множествѣ и на удивительную высоту. Любители спускаютъ ихъ по пятнадцати на одномъ шуркѣ, устроенные такъ, что, расходясь на высоту и въ концѣ составляютъ они родъ вѣера, называемаго въ Палермѣ *stelle* (звѣзды).

Во всемъ прочемъ я сошлюсь на перваго *указателя для путешественниковъ*. Я пишу не вояжъ, а хотѣлъ рассказать только о состояніи дорогъ въ Сициліи, потому-что выписанъ былъ для этого; но разумѣется, не желая обманывать ни себя, ни другихъ, возвратился во Францію, не сдѣлавши ничего. (Revue contemporaine.)

—

IV. МЕЛКІЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

РЕНЕ-ПОЛЬ И ПОЛЬ-РЕНЕ.

(Физиологическій разсказъ Эмиля Дешанъ).

I.

Къ концѣ декабря 1807 года, въ одну темную ночь, городъ Буржъ, тихій днемъ, казался въ это позднее время совершенно неподвижнымъ, и вдругъ неожиданный стукъ кареты раздался на пустыхъ улицахъ, и экипажъ остановился передъ Сентъ-Этьенскимъ соборомъ, который можетъ похвастаться, не только чудомъ Берри, но однимъ изъ драгоценныхъ памятниковъ католицизма. Карета принадлежала, вѣроятно, богатому иностранному семейству, потому-что на дверцахъ были графскіе гербы; два

лакея въ богатыхъ ливреяхъ сидѣли на запяткахъ; лошади были покрыты тигровою кожею, а кучеръ закутанъ въ медвѣжью шубу.

Только что карета остановилась передъ ступенями церкви, лакеи поспѣшно отворили дверцы; потомъ одинъ изъ нихъ отбросилъ подножку, покрытую турецкимъ ковромъ, а другой зажегъ факелъ и освѣтилъ двери собора.

Тогда изъ кареты вышелъ человекъ, еще молодой, по наружности котораго тотчасъ можно было узнать, что онъ хозяинъ экипажа и принадлежитъ къ высшему обществу; за нимъ показался напудренный старикъ съ красноватымъ лицомъ и толстыми руками, по виду старый служитель; потомъ женщина, еще непожилая, одѣтая въ темное шелковое платье и кружевной чепчикъ, и наконецъ молодая неловкая россиянка, державшая осторожно большой бѣлый свертокъ. Послѣ всѣхъ показался священникъ, весь въ черномъ.

Карета отѣхала, и пятеро пріѣзжихъ, въ сопровожденіи лакеевъ, вошли въ соборъ черезъ маленькую дверь, которую имъ отворили два церковные прислужника.

Нѣсколько тусклыхъ лампъ едва освѣщали церковь, но группа поспѣшителей шла впередъ грустно, несмотря на чудный видъ мрачнаго собора, который при таинственномъ блескѣ рѣдкихъ свѣчей бросалъ фантастическія тѣни отъ своихъ колоннъ, капеллъ, статуй.

Шаги пріѣзжихъ глухо раздавались въ тишинѣ, и остановились у ризницы. Тамъ священникъ началъ одѣвать облаченіе, и въ это время хозяинъ экипажа сказалъ ему:

— Я привезъ вамъ какъ можно скорѣе моихъ двухъ сыновей, только что родившихся. Поспѣшите сдѣлать ихъ христіанами, покуда они живы, потому-что, вѣроятно, они не доживутъ до другаго таинства... и Богъ знаетъ, надобно-ли желать, чтобъ они жили.

Бѣдный отецъ заплакалъ и отвернулся съ отчаяніемъ, когда кормилица развернула пеленки, чтобъ приготовить дѣтей къ святому крещенію.

Тогда все присутствующіе увидѣли двухъ младенцевъ, лежавшихъ на спинѣ и шевелившихъ ножками и ручками. Присматриваясь долѣе, можно было замѣтить, что только двѣ ручки махали въ воздухъ, а двумя младенцы обнялись. Въ движеніяхъ близнецовъ было что странное. При всѣхъ движеніяхъ они никакъ не отдалялись другъ отъ друга, и наконецъ замѣтно было, что они соединены были боками, тонкой перепонкой, какъ перешеекъ соединяетъ два материка. Попробуйте разорвать эту связь,

и море съ шумомъ зальетъ берега. Разрѣжьте живой перешеекъ, соединяющій братьевъ, и жизнь ихъ выльется вмѣстѣ съ кровью. Но какая можетъ быть жизнь подобныхъ феноменовъ! Слезы отца показывали его страданіе.

Всѣ присутствующіе были тронуты, и даже священникъ дрожаль отъ волненія во-время обряда. Старый слуга и пиявка, принявшіе на себя обязанность крестныхъ родителей, обратились къ своему господину съ вопросомъ: какъ назвать близнецовъ?

— Рене-Поль и Поль-Рене, отвѣчалъ отецъ. Рене-Поль тотъ, у котораго янтарное ожерелье.

По окончаніи обряда всѣ пошли къ каретѣ, также грустно и молчаливо.

Теперь понятно это ночное крещеніе. Есть несчастія, которыя приносятъ стыдъ, а стыдъ для многихъ самое большое несчастіе. Близнецы, родившіеся въ такомъ видѣ отъ бѣдныхъ родителей, были-бы полезны для семейства, которое показывало-бы ихъ какъ феноменъ; но дѣти богатаго и знатнаго графа Б..., любимца императора Наполеона, должны были скрываться отъ всѣхъ, какъ преступники. Не успѣли они еще родиться, какъ уже ихъ встрѣтило одно желаніе, одна надежда, что они не доживутъ до того возраста, когда будутъ понимать свое несчастное положеніе. Все необыкновенное въ мірѣ подвергается пересудамъ. На славу и гениальность смотреть, какъ на исключенія, часто съ завистью; на тѣлесные недостатки съ презрѣніемъ!

— Домой! закричалъ лакей, захлопнувъ карету, и экипажъ также быстро покотился по пустыннымъ улицамъ, проѣзжая мимо большихъ садовъ архіепископства, древняго дома Жака Керъ, обращеннаго въ ратушу, развалинъ дворца герцоговъ Беррійскихъ, башни, служившей крѣпостью для Людовика XI, короля буржскаго. Наконецъ, проѣхавъ домъ, гдѣ родился знаменитый Бурдалу, кучеръ сильѣе погналъ лошадей, и карета вѣхала въ ворота большого отеля, которыя тотчасъ-же затворились за пріѣзжими.

Графъ и графиня Б..., возвратясь изъ путешествія на югъ, остановились въ Буржѣ, у старинныхъ своихъ друзей, съ которыми не видались со времени эмиграціи. Первые года Имперіи могутъ похвастаться счастливымъ временемъ для Франціи. Всѣ оттѣнки мнѣній сглаживались и исчезали при блескѣ славы правителя, какъ звѣзды блѣднѣютъ при лучахъ солнца. Графиня была беременна; но разчитывая, что успѣетъ еще вернуться въ Парижъ, она съ удовольствіемъ проводила время у

своихъ друзей, и наслаждалась покойною жизнью; но вдругъ, послѣ двухъ-недѣльнаго пребыванія въ Буржѣ, она захворала и разрѣшилась отъ бремени двумя семимѣсячными младенцами, рожденіе которыхъ, вмѣсто радости, должно было произвести горе. Доктора объявили, что матери опасно говорить объ ужасномъ положеніи дѣтей, потому-что сама она была чрезвычайно слаба; и потому когда она попросила, чтобъ ей дали поцѣловать младенцевъ, ей отказали подъ разными предлогами; потомъ поспѣшили крестинами, и сказали матери, что послѣ крестинъ кормилицѣ необходимо ѣхать домой, за милою отъ города, гдѣ ее помѣстили въ загородномъ домѣ графа. Графиня несомнѣно понимала все эти распоряженія, но мужъ успокоивалъ ее, увѣряя, что когда она поправится, то они возьмутъ дѣтей въ Парижъ, вмѣстѣ съ кормилицею, и не будутъ разставаться съ ними. Въ настоящую минуту надобно было только выиграть больше времени.

Поселянка уѣхала съ близнецами, получивъ самыя подробныя наставленія докторовъ на счетъ обхожденія съ дѣтьми; и кромѣ-того докторъ каждый день ѣздилъ навѣщать ихъ. Графъ, успокоивъ жену на счетъ новорожденныхъ, увидѣлъ, что ему надобно собрать все силы, чтобъ перенести новый ударъ. Въ-самомъ-дѣлѣ положеніе молодой женщины было безнадежное; на третій день послѣ родовъ съ ней сдѣлалось восполненіе, и она умерла... Десять лѣтъ супружеской жизни они просили у неба одного счастья—дѣтей, и вотъ какимъ образомъ исполнилось ихъ желаніе! Несчастный графъ былъ до того пораженъ этою потерей, что прежде всего хотѣлъ выѣхать изъ ненавистнаго города, не простился съ дѣтьми и поручилъ ихъ той самой женщинѣ, которая была крестною матерью младенцевъ. Впрочемъ отецъ зналъ, кому онъ поручалъ несчастныхъ дѣтей, и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ веселые крики могли заглушить стоны его сердца, гдѣ извѣстіе о подвигахъ и славѣ героя, который, можетъ-быть, жалѣлъ о своемъ ратномъ товарищѣ, исцѣляли понемногу отчаяніе и мысль о вѣчномъ несчастіи дѣтей... если они будутъ жить. Людямъ, испытавшимъ несчастіе, нужны сильныя потрясенія, а въ 1808 году было много событій, способныхъ разсѣять сильное горе. Графъ Б... послѣдовалъ за Императоромъ во все его славныя кампаніи, но этого ему казалось мало, чтобъ заглушить свою грусть, и онъ просилъ, что ему давали порученія въ отдаленныя страны. Изъ Польши онъ поѣхалъ въ Португалію, оттуда въ Иллирію и наконецъ, послѣ Россіи и Дрездена, вернулся во Францію въ 1813 году. Печальное возвращеніе!

Однако гдѣ-бы онъ ни былъ, онъ не переставалъ заботиться о сво-

ихъ дѣтяхъ, какъ самый нѣжный отецъ. Со всѣхъ концовъ Европы, онъ справлялся о ихъ здоровьи, положеніи; вездѣ совѣтовался съ самыми знаменитыми докторами, и посылалъ ихъ въ окрестности Буржа, посмотрѣть на несчастныхъ близнецовъ. Но ученые, посмотрѣвъ на дѣтей, рѣшали въ одинъ голосъ, что они непременно должны скоро умереть, что ихъ не спасутъ никакія лекарства, никакія заботы; а между-тѣмъ Рене-Поль и Поль-Рене росли, не страдая, и въ пять лѣтъ были здоровыми, веселыми дѣтьми, которые ходили вѣчно обнявшись. Малютки чувствовали другъ къ другу сильную привязанность. Доктора удивлялись, не столько феноменальному ихъ рожденію, сколько ихъ жизни. По ихъ расчетамъ, по всѣмъ правиламъ науки, они должны были двадцать разъ умереть, потому-что жизнь невозможна при такихъ физиологическихъ условіяхъ. Всѣ сознавались, что это исключеніе, хотя ученые и не должны-бы вѣрить въ исключенія; а между-тѣмъ его можно было объяснить очень натурально.

Графъ поручилъ дѣтей не кормилицѣ, но нянѣ, и это была такая рѣдкая женщина, какую трудно встрѣтить. Марія Гаро была въ молодости швеей, и въ первые годы революціи работала въ домѣ богатаго семейства, гдѣ была одна молодая бѣдная сирота, будущая графиня Б. Молодыя дѣвушки полюбили другъ друга, и Марія Гаро посвятила всю жизнь служенію своей любимой барышнѣ. Она шила ей всѣ ея платья, гордилась, когда богатые подружки находили, что она одѣта со вкусомъ; молодая сирота тоже гордилась привязанностію своей горничной, и звала ее своимъ другомъ. Талантъ швеи сдѣлался извѣстнымъ въ кругу знакомыхъ молодой Адели, и Марія могла-бы найти много выгодной работы; но живя безъ жалованья у своей любимицы, она объявила, что будетъ работать только на нее одну, и откажется даже шить платье Жозефинѣ.

Марія была молода и хороша собою, но характеръ ея былъ серьезный. Она не любила гулять, наряжаться, веселиться, какъ всѣ молодыя дѣвушки, и особенно работницы, занимающіяся большію часть дня шитьемъ. Напротивъ, она сидѣла все дома, придумывая или исполняя наряды для своей доброй, веселой барышни, и выходила только въ церковь. Дома-же, когда случалось, что у ней не было работы, она перелистывала старинную Библию съ картинами. Эта жизнь не могла не по-дѣйствовать на мысли молодой дѣвушки. Понятія ея были развиты не по лѣтамъ и особенно не по сферѣ, въ которой она родилась, и потому всѣ окружающіе привыкли смотрѣть на нее съ уваженіемъ, часто спрашивали у ней совѣтовъ, и вѣрили даже въ ея предсказанія.

Однажды, возвратясь изъ церкви, она сказала Амаліи :

— Вы прекрасны, добры и скромны и скоро получите награду за ваши качества. Вы выйдете за мужъ, и тѣ, которые теперь не замѣчаютъ васъ, будутъ вамъ завидовать.

Въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ мѣсяцъ молодой графъ Б... предложилъ бѣдной спротѣ свое имя и богатство, и послѣ свадьбы увезъ жену и Марію, безъ которой Амалія не могла провести дня.

Съ-тѣхъ-поръ они не разлучались, пока смерть не разлучила счастья этого семейства. Марія Гаро сама-бы умерла съ горя, еслибы покойница не оставила двухъ несчастныхъ малютокъ, которыхъ надобно было любить больше, чѣмъ обыкновенныхъ дѣтей. Не жалуясь на судьбу, она также страстно начала любить близнецовъ, какъ любила ихъ мать. Она окружала ихъ безпрестанными заботами, самымъ нѣжнымъ вниманіемъ. По какому-то странному случаю дѣти отказались питаться молокомъ кормилицы, и Марія отыскивала средство, чѣмъ-бы поддержать слабое существованіе малютокъ. Она день и ночь держала ихъ на рукахъ, не позволяла никому трогать ихъ, и когда дѣти, несмотря на предказанія докторовъ, были здоровы и засыпали крѣпкимъ сномъ, нянька молилась все только о томъ, чтобъ они жили.

И близнецы даже не собирались умирать. Заботы и молитвы бѣдной женщины были дѣйствительнѣе всѣхъ лекарствъ на свѣтѣ.

II.

Рене-Поль и Поль-Рене росли и развивались, не имѣя понятія о своемъ несчастномъ положеніи, потому-что они не видали другихъ дѣтей, не выходили никогда изъ своего сада, обнесеннаго высокимъ заборомъ, и были веселы и счастливы, живя съ доброю нянею, которую любили какъ мать. Марія тоже была довольна, и любясь на игры близнецовъ, забывала, что ихъ ждетъ ужасная будущность, что они, можетъ-быть, проклянутъ ее за то, что она помѣшала имъ умереть. Однако нѣкоторые случаи заставляли ее невольно вспомнить о несчастіи близнецовъ. Однажды, въ ноябрь 1812 года, былъ праздникъ у моряковъ при слияніи Орона и Евры, недалеко отъ домика графа Б..., гдѣ росли дѣти. Одинъ изъ слугъ, торопясь на праздникъ, забылъ запереть калитку, выходящую на дорогу, и дѣти выбѣжали, обнявшись, посмотреть на толпу. Не успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ

ихъ окружила толпа ребятишекъ, начала ихъ разсматривать съ глупымъ любопытствомъ, и наконецъ одинъ мальчикъ закричалъ:

— Смотрите, смотрите, это уроды, которыхъ спрячутъ отъ всѣхъ... маленькіе уроды, жалкіе уроды!

И толпа ребятишекъ съ крикомъ и визгомъ начала прыгать вокругъ близнецовъ, крича: уроды! уроды. Дѣти испугались, заплакали и побѣжали домой.

— Няня, сказалъ Рене-Поль, обнимая Марію. Мы сейчасъ видѣли дѣтей, которыя смѣялись надъ нами и называли насъ уродами. Намъ стало такъ страшно, что мы заплакали. Что значить уродъ, няня?

Марія заплакала сама и не могла ничего отвѣчать.

— Къ намъ прежде всего подошли двое дѣтей, продолжалъ Поль-Рене, кажется два брата, только вѣрно они не любятъ другъ-друга, какъ мы, потому-что одинъ такъ далеко отбѣжалъ отъ другаго. Вѣрно они шалуны и Богъ наказалъ ихъ тѣмъ, что отдѣлилъ одного отъ другаго. Мы-же всегда будемъ вмѣстѣ.

И бѣдные дѣти обнялись еще крѣпче.

Странно, что чувства и характеры близнецовъ были совершенно одинаковыя, но въ наружности ихъ не было никакого сходства. У Рене-Поля глаза и волоса были черные, носъ прямой, тѣло смуглое, грудь и плеча широкія, руки сильныя; Поль-Рене былъ бѣлокурый ребенокъ, съ свѣтлоглубыми глазами, чрезвычайно бѣлый, съ розовыми щечками, маленькими руками и ногами, иѣженъ и слабъ сложеніемъ. За то идеи, наклонности, способности умъ, то-есть внутренній чело-вѣкъ, душа, и даже голосъ, были до того одинаковы у братьевъ, что становилось страшно. Когда ихъ начали учить, учителя удивлялись и говорили, что достаточно, чтобъ одинъ братъ выучился чему-нибудь и другой тотчасъ-же зналъ тоже самое. Стало быть ученіе пошло довольно успешно.

Наконецъ замѣтили также, что они всегда были больны въ одно время, и выздоравливали вмѣстѣ. Казалось, оба тѣла живутъ одною жизнью и одною душою. Два газовые рожка, проведенные изъ одного резервуара, могутъ быть разнаго размѣра и формы, но не могутъ быть одинъ безъ другаго. Точно также и братья близнецы жили одною жизнью.

Всѣ подробности о жизни, здоровьи занятіяхъ дѣтей были акуратно сообщаемы отцу, гдѣ-бы онъ ни находился, и графъ тоже писалъ длинныя письма, наполненныя совѣтами, любовью и грустью. Бѣдный отецъ все еще жестоко страдалъ и не могъ привыкнуть къ мысли, что дѣти

его никогда не будутъ жить въ обществѣ... а между-тѣмъ Марія Гаро, успокоясь на счетъ ихъ здоровья, продолжала пламенно молиться и каждый день ходила въ сельскую церковь съ самою чистою вѣрою, которая не знаетъ ничего невозможнаго.

Однажды вечеромъ въ октябрѣ 1813 года она, по обыкновенію, пошла въ церковь и со слезами упала передъ изображеніемъ Святой Дѣвы, бывшіе въ церкви замѣтили въ Маріи что-то необыкновенное, какую-то радость и благодарность. Окончивъ молитву, она повѣсила два вѣнка надъ олтаремъ, и потомъ пошла на почту и отдала тамъ большое письмо. Въ уединенномъ домикѣ графа случилось что-то важное...

Однако прошелъ мѣсяць, потомъ другой, и Марія не получала отвѣта отъ графа и начала беспокоиться. Дѣти между-тѣмъ поминутно спрашивали ее: «Что не пишетъ папа? Не разлюбилъ-ли онъ насъ. Не забылъ-ли своихъ дѣтей?»

Скоро однако объявилась причина этого молчанія.

Перваго января 1814 года на дорогѣ показалась дорожная коляска, и Марія, узнавъ ливрею графа, закричала:

— Дѣти, ступайте встрѣчать вашего отца!

Черезъ три минуты Марія Гаро, отворивъ дверцы кареты, бросила въ объятія графа прекраснаго бѣлокурого ребенка.

— Это Поль-Рене, проговорила она съ сильнымъ волненіемъ.

Отецъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на мальчика, не вѣрилъ своимъ глазамъ, и лаская бѣлокурую головку, плакалъ отъ радости, какъ вдругъ, одумавшись, вскричалъ со страхомъ:

— А гдѣ Рене-Поль?

— Развѣ вы не получили моего письма, спросила няня? Я по прежнему послала его въ главную квартиру.

— Теперь нѣтъ главной квартиры, и я не получалъ давно никакого извѣстія. Но гдѣ Рене-Поль? спросилъ онъ опять почти съ ужасомъ.

— Братъ, закричалъ Поль-Рене, увидя бѣгущаго ребенка, тебя зоветъ папа.

И въ ту-же минуту рѣзвый черноволосый мальчикъ быстро влезъ въ коляску, и бросясь къ отцу, съ жаромъ цѣловалъ его загорѣлое лицо и руки.

Какъ описать восторгъ графа, неожиданнаго такого сюрприза. Онъ то прижималъ вдругъ дѣтей къ сердцу, какъ-будто они составляли одно существо, то бралъ ихъ по одиночкѣ, разсматривалъ съ любопытствомъ, плакалъ, смѣялся, какъ ребенокъ, и повторялъ:

— Дѣти мои, дѣти...

— Выходите-же изъ коляски, сказала наконецъ няня, растроганная этой сценой. Наши дороги должно быть утомили васъ. Пойдемте въ комнату; тамъ передъ каминомъ я вамъ разскажу то, о чемъ писала. Честные люди всегда дождутся награды, точно также, какъ злые наказанія. Богъ заботится о слабыхъ и несчастныхъ.

— Ну вотъ я и передъ огнемъ, сказалъ графъ, разсказывай, добрая моя Марія, я хочу знать всё подробности.

— Да что долго разсказывать. Одинъ Богъ помогъ намъ, и мы должны Его благодарить. Вотъ видите-ли, три мѣсяца тому назадъ, дѣти начали жаловаться на боль въ боку, и съ ними началась какая-то странная болѣзнь. Они начали худѣть, блѣднѣть, и наконецъ оба впали въ какой-то необыкновенный летаргическій сонъ. Я созвала всѣхъ докторовъ Буржа, и они, посмотрѣвъ на больныхъ, покачали головами:

— Это ихъ вѣчный сонъ, сказали они. Они не могли жить дольше!

Но я такъ часто слышала эти приговоры, никогда несбывавшіеся, что и въ этотъ разъ не повѣрила, не хотѣла вѣрить, что дѣти, которымъ я посвятила всю свою жизнь, дѣти моей Амаліи могутъ умереть. Надѣясь на одного Бога, я пламенно молилась, не переставая заботиться о малюткахъ, положеніе которыхъ было все хуже. Они нѣсколько дней лежали въ летаргическомъ снѣ, страшные и худые, безъ признаковъ жизни, и когда всё были увѣрены, что надобно готовить гробикъ для двоихъ, я одна надѣялась, что Богъ сжалятся надъ ними,—и надежда моя была напрасна. Однажды утромъ я сидѣла надъ ихъ постелькою, не переставая, молиться, и вдругъ Поль Рене открылъ глаза, узналъ меня, протянулъ мнѣ ручки и подвинулся ко мнѣ одинъ, тогда какъ братъ его еще спалъ и оставался неподвиженъ. Я подумала, что отъ слезъ и бессонницы потеряла рассудокъ... схватила ребенка на руки, осмотрѣла его и брата, и увидѣла, что перепонка, соединявшая ихъ порвалась, и что кромѣ маленькой раночки на боку и немного запекшейся крови, не оставалось никакого слѣда ихъ соединенія. Я опять позвала докторовъ и показала имъ дѣтей, но упрямцы сказали, что это невозможная вещь, что они не въ состояннн жить врознь, что этому не было примѣра и что всѣ феномены природы умирали въ такомъ-же видѣ, какъ родились. Но я уже не слушала ихъ, а плакала отъ радости, молилась съ новымъ жаромъ, и когда опасность совершенно прошла, то написала вамъ письмо, котораго вы почему-то не получили. Теперь вы можете гордиться вашими дѣтьми. Они прекрасны, здоровы и умны. Ваши племянники только будутъ въ отчаяннн, потому-что рассчитывали

на ваше наследство. Вот ваши настоящие наследники, они будут жить долго и счастливо,

Графъ слушалъ со вниманіемъ этотъ простой разсказъ, и прижимая дѣтей къ сердцу, сказалъ, рыдая:

— Боже, какъ-бы Амалія была теперь счастлива! Зачѣмъ она умерла?

Когда послѣ сильнаго горя, мы ощущаемъ радость, она никакъ не можетъ пройти безъ слезъ, потому-что тутъ-то и захочется раздѣлить счастье съ любимымъ человѣкомъ, и воспоминаніе о немъ отравляетъ веселія минуты. Впрочемъ сильная, неожиданная радость поражаетъ также сильно, какъ горе, особенно если сердце забыло даже надежду. Надобно время, чтобъ привыкнуть и къ счастью. Если слѣпому вернуть зрѣніе, онъ въ первую минуту почувствуетъ сильную боль.

— Зачѣмъ ты плачешь, папа? говорили дѣти. Не плачь, мы тебя будемъ любить.

— Успокойтесь! говорила няня. Зачѣмъ роптать на волю Божию. У васъ есть утѣшеніе, ваши дѣти, живите для нихъ.

— Да, ты права, Марія. Они одни утѣшатъ меня въ моихъ несчастіяхъ!

И графъ оставилъ все дѣла, чтобъ заняться исключительно воспитаніемъ сыновей. Онъ отдалъ ихъ въ коллегіумъ, чтобъ они пріучались къ обществу, но самъ проходилъ съ ними все уроки; они сдѣлали большіе успѣхи въ наукахъ. Но и въ училищѣ они возбуждали всеобщее удивленіе сходствомъ своихъ сочиненій, способностей, слога, почерка. Тетради ихъ казались писанными одною рукою; ошибки встрѣчались однѣ и тѣже, шалости были всегда одинаковыя, такъ что ихъ и наказывали и награждали въ одно время. Товарищи и профессора сначала смѣялись надъ этимъ сходствомъ, потомъ начали чувствовать къ близнецамъ какое-то уваженіе, смѣшанное со страхомъ, потому-что все сверхъестественное и таинственное увлекаетъ воображеніе, и когда на экзаменахъ непременно послѣ имени Рене-Поля вызывали Поля-Рене, все аплодировали съ восторгомъ близнецамъ, не завидуя имъ, потому-что все признавали ихъ достойными награды.

Въ капеллѣ коллегіи, когда свѣжіе голоса учениковъ соединялись въ молитвѣ, два голоса братьевъ отдѣлялись отъ хора, и отличались какою-то особенною звучностію и пѣвностію. На гуляньи они всегда были одинъ возлѣ другаго, и не забывъ дѣтскую привычку, почти невольно сплетались руками, какъ ихъ произвела природа и какъ древній рѣзецъ представилъ изображеніе Кастора и Поллукса.

Это удивительное сходство чувствъ и органовъ, эта нѣжная, даже страстная привязанность братьевъ внушала къ нимъ уваженіе. Притомъ близнецы были такъ добры, скромны, услужливы, что товарищи оказывали къ нимъ особенное расположеніе, и готовы были раздѣлять съ ними радость и горе. Обхожденіе учениковъ съ братьями было не фамильярно и грубо, какъ это бываетъ между дѣтьми, доказывающими другъ другу любовь кулаками; напротивъ съ ними все было вѣжливо, ласково, даже робки, чего никогда не встрѣчается въ классахъ, а теперь даже рѣдко и между взрослыми друзьями.

Въ 1822 году, когда сыновьямъ графа Б* минуло пятнадцать лѣтъ, оба они захворали, и весь коллегіумъ пришелъ въ ужасное безпокойство. Графъ и Марія каждый день навѣщали больныхъ, и при выходѣ изъ лазарета толпа учениковъ окружала ихъ, чтобъ узнать о положеніи своихъ любимцевъ. Однажды докторъ Галль посѣтилъ лазаретъ заведенія, и остановясь передъ постелями близнецовъ, которымъ только что по приказанію доктора, vybrили головы, остановился полный удивленія, и невольно вскричалъ:

— Какое непостижимое сходство!

Окружающіе больныхъ и служители приняли эти слова за шутку, потому-что молодые люди нисколько не походили одинъ на другаго наружностію, но докторъ Галль все-таки повторялъ: Какое сходство! Какое сходство! Разумѣется, что онъ говорилъ не о физиономіи, на которую не обращалъ никакого вниманія, но глаза его обращались прямо на черепъ, и онъ въ одну минуту исчислилъ все возвышенности, изучилъ малѣйшія неровности, какъ восторженный путешественникъ, попавшій въ страну, которую знаетъ давно, но въ которой поминутно отыскиваетъ любопытныя печальности.

Знаменитый докторъ съ участіемъ подошелъ къ дѣтямъ графа, и еще ближе разсмотрѣлъ и ощупалъ ихъ головы; потомъ почти съ ужасомъ отступилъ, удивляясь, что между двумя черепами не существуетъ никакой разницы, и прошепталъ, обращаясь къ молодому доктору, который его провожалъ:

— Это необыкновенное сходство можетъ имѣть странное и ужасное вліяніе на судьбу дѣтей. Вы знаете, что многіе случаи зависятъ отъ насъ самихъ и что наша будущность заключается иногда въ нашей собственной организаціи, которая высказывается преимущественно въ головѣ. Стало-быть если оба мальчика доживутъ до взрослыхъ лѣтъ и узнаютъ страсти, то...

При этомъ словѣ докторъ отошелъ дальше и скрылся въ другой

комнатѣ, хотя оба брата вслушивались со всевозможнымъ вниманіемъ въ слова этого оракула. Они не могли разслышать больше ничего, какъ шумъ шаговъ и стукъ палки. Близнецы съ ужасомъ посмотрѣли другъ на друга, какъ-будто имъ предсказана была страшная катастрофа. Они хотѣли знать всю мысль доктора Галля, но въ то-же время боялись удостовѣриться, что съ ними случится что-нибудь необыкновенное.

Но докторъ не показывался больше, и посѣщеніе его произвело такое впечатлѣніе на братьевъ, что выздоровленіе ихъ замедлилось нѣсколькими днями. Графъ началъ серьезно беспокоиться о здоровьи дѣтей и взялъ ихъ домой, когда имъ было только пятнадцать лѣтъ. Этому распоряженію обрадовалась больше всѣхъ Марія Гаро.

Братья однако скоро поправились и продолжали, подъ руководствомъ, отца, оканчивать свое воспитаніе. Графъ раньше представилъ ихъ въ общество, чтобъ они привыкали къ манерамъ и тону высшаго круга, чего нельзя пріобрѣсти нигдѣ, какъ въ кругу умныхъ женщинъ. Женщины всегда оканчиваютъ воспитаніе молодыхъ людей, тогда какъ исключительно холостое общество пріучаетъ только къ самымъ дурнымъ привычкамъ.

Въ первомъ случаѣ иногда учительницы забываютъ свою роль, и ученики разстраиваютъ семейное счастье и репутаціи; но это бываетъ довольно рѣдко, тогда какъ во второмъ трудно избѣгать самыхъ дурныхъ примѣровъ, которые ведутъ къ безнравственности и разврату. Графъ не хотѣлъ совѣтъ, чтобъ сыновья его жили отшельниками, какъ этого требуютъ другіе отцы, и поспѣшилъ представить ихъ умнымъ и хорошенькимъ женщинамъ.

Только въ женскомъ обществѣ можно узнать, что такое любезность, вѣжливость, остроуміе, эти принадлежности страннаго французскаго круга, который нѣкогда давалъ тонъ всей Европѣ. Правда, что если женщины живутъ однѣ, то онѣ дѣлаются мелочными, пустыми болтунями, и иногда занимаются злословіемъ, точно также, какъ мужчины между собою грубы, нецеремонны, глуцы. Стало-быть надобно всегда смѣшивать элементы, даже самые разнохарактерные, чтобъ достигнуть возможнаго совершенства. Нѣкоторые писатели называютъ представителей стариннаго французскаго общества *фатами*, а дамъ ихъ *куклами*; но они забыли, что первые превратились потомъ въ депутатовъ національнаго правленія, а куклы сдѣлались героинями, прославившими тюрьмы эшафотъ.

И такъ Рене-Поль и Поль-Рене, получивъ блистательное образо-

ваніе, отличались еще любезностію и вѣжливостію; стало-быть, ничего пѣтъ мудренаго, что ихъ полюбили въ обществѣ, точно также какъ любили въ коллегіи. Года пролетали скоро, удовольствія смѣнялись серьезными занятіями, и молодые люди не разставались съ отцомъ. Добрая няня любила ихъ попрежнему, и часто приходила къ нимъ безъ всякой надобности, чтобъ только полюбоваться на своихъ милыхъ дѣтей. Если они пріѣзжали домой поздно, послѣ какого-нибудь праздника, то няня ждала ихъ для того только, чтобъ отворить имъ дверь и встрѣтить съ улыбкою. Она была еще не очень стара, но заботы, горе разстроили ея и безъ того слабое здоровье, и она старалась только скрывать свои страданія, чтобъ не опечалить никого. Братья уважали ее какъ мать, но не замѣчали въ ней особенной перемѣны, были покойны и счастливы, когда Марія обращалась съ ними какъ съ дѣтьми, выговаривая за позднее возвращеніе и напоминая имъ, чтобъ они не забыли помолиться, лежа въ постель.

Оба брата были украшеніемъ общества. Они имѣли талантъ поэзіи, и стихи служили имъ не только для развлечения, но вмѣстѣ съ тѣмъ для опытовъ надъ симпатіею близнецовъ. Часто задавали имъ одинъ и тотъ-же сюжетъ, и когда потомъ сличали стихотворенія, то находили, не только одни мысли, но даже одни выраженія.

Однажды, въ одномъ изъ лучшихъ обществъ забавлялись поэтическими играми и хозяйка дома развела братьевъ по разнымъ угламъ, и тихонько задала имъ написать стихи на одинъ сюжетъ.

Черезъ четверть часть близнецы принесли свои произведенія и каждый изъ нихъ прочиталъ стихъ въ стихъ одно и тоже. Всѣ присутствующіе были поражены, сами братья невольно содрогнулись. Въ это время одинъ изъ гостей сказалъ, уходя:

— Чему тутъ удивляться? У нихъ черепы вылиты въ одну форму и могутъ быть причиною ихъ гибели.

Это былъ докторъ Галль.

Братья опять съ ужасомъ посмотрѣли другъ на друга, и страшное предчувствіе сжало ихъ сердце.

Но въ двадцать лѣтъ впечатлѣнія скоро сглаживаются. Братья забыли этотъ случай и продолжали веселиться. Они познакомились со всеми замѣчательными людьми въ Парижѣ, для которыхъ всегда былъ открытъ домъ графа. Тутъ они собирались часто, читали новыя еще неизданныя творенія, разсуждали о наукахъ, искусствахъ, занимались музыкою. Графъ забывалъ свои лѣта и жизнь, полную волненій, къ кругу молодыхъ людей, а старая няня плакала отъ радости, заглядывая въ дверь и видя, какъ всѣ любятъ и уважаютъ ея питомцевъ.

Однажды, послѣ такого поэтического вечера, братья удалились въ свою комнату, разсуждая о какомъ-то знамениномъ поэтѣ, какъ вдругъ въ домѣ поднялась суматоха. Рене-Поль бросился въ комнату отца и встрѣтилъ его на порогѣ, Поль-Рене побѣжалъ въ комнату Маріи и нашель ее безъ чувствъ. Съ ней сдѣлался апоплексическій ударъ, и никакія заботы и доктора не могли спасти ее. Въ этомъ-же году умеръ графъ, и братья были достойны сожалѣнія, оставшись одни на свѣтѣ...

III.

При жизни отца и Маріи, близнецы жили въ какомъ-то волшебномъ мірѣ, не подозрѣвая о существованіи горя и непріятностей; но послѣ ужасной потери они поняли серьезную сторону жизни, и начали смотрѣть на будущность другими глазами.

Долго плакали они, обнявшись, надъ двумя могилами, потомъ поѣхали въ Буржъ, на могилу матери, которую знали только по рассказамъ Маріи, но которая съ неба охраняла жизнь своихъ дѣтей.

Послѣ этого они не хотѣли вернуться въ Парижъ, гдѣ воспоминанія объ отцѣ были еще очень свѣжи, и рѣшились путешествовать. Два года странствовали они по разнымъ странамъ, но отечество манило ихъ къ себѣ, и наконецъ они явились въ Бордо. Ихъ принимали вездѣ ласково, и находили прекрасными молодыми людьми. Печаль придавала имъ особенную прелесть. Смуглая и живая фізіономія Рене-Поля сдѣлалась задумчивѣе, нѣжныя черты Поля-Рене казались мужественнѣе. Притомъ въ глазахъ ихъ блистала смѣлость и жаръ молодости; видно было, что страсти готовы были овладѣть ими.

Братья рассчитывали провести въ Бордо нѣсколько дней, и ѣхать дальше, но послѣ двухъ недѣль ни тотъ ни другой не говорили объ отъѣздѣ. Они все также любили другъ друга, но въ обхожденіи ихъ было что-то странное и они рѣже сходились и говорили о своихъ дѣлахъ, но чаще уходили порознь, неизвѣстно куда.

Однажды, когда не было спектакля, Рене-Поль вбѣжалъ блѣдный отъ гнѣва къ первой танцоркѣ театра, хорошенькой Луизѣ, и закричалъ дрожащимъ голосомъ:

— Вы меня обманываете, Луиза. Я знаю, что у меня есть соперникъ и что онъ теперь у васъ... Не лгите, не плачьте, я самъ видѣлъ, какъ онъ вошелъ сюда нѣсколько минутъ назадъ. Вы меня не ждали сегодня и распорядились очень искусно... Не стыдно-ли вамъ

послѣ всѣхъ вашихъ обѣщаній и клятвъ. Правда, что уже послѣ того прошла недѣля и вы могли все забыть, но я хочу видѣть моего соперника, и такъ какъ ему негдѣ быть, какъ въ вашемъ кабинетѣ, то я пойду объясниться съ нимъ...

И онъ бросился въ сосѣдную комнату, и тамъ послышались два восклицанія:

Рене—Поль!

Поль—Рене!

Братья вышли изъ кабинета, обнявшись и смѣясь отъ души. Луиза смотрѣла на нихъ въ недоумѣннн, что еще болѣе усилило ихъ веселость; но они, не объяснивъ ей ничего, поклонились и вышли, сказавъ:

— Прощайте, сальфида, цѣлуемъ ваши ножки.

Выйдя на улицу, веселость ихъ исчезла вдругъ; они задумались и молча дошли до отеля, занятые какими-то серьезными мыслями. Наконецъ они рѣшились объясниться, понимая, что отъ этого можетъ зависть многое.

— Братъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, какъ-бы читая мысли другаго, это происшествіе совсѣмъ несмѣшно. Мы родились феноменами и въ нашей жизни все происходитъ нетакъ, какъ съ прочими людьми. Это не новость, что два молодые человѣка влюбляются въ одну театральную красавицу и встрѣчаются у ней нечаянно; но что это случилось съ нами, двумя братьями, у которыхъ такая странная симпатія въ чувствахъ и поступкахъ, это стоитъ того, чтобъ подумать объ этомъ. Луиза моя первая шалость молодости, и я знаю, что ты тоже не любилъ еще ни одну женщину. Стало-быть намъ суждено и любить одну. Страшно подумать объ этомъ... Мы выросли съ одинаковыми идеями, вкусами, способностями, въ одно время хворали и выздоравливали, и наконецъ въ одно время начинаемъ чувствовать любовь и къ одной и той-же женщинѣ... Со мною было оружіе, когда я прибѣжалъ къ Луизѣ въ припадкѣ ревности, и еслибы мы не узнали другъ друга, то я-бы могъ убить тебя... Это ужасно! Что-же будетъ, если я полюблю петинно, если встрѣчу женщину, безъ которой жизнь мнѣ будетъ въ тягость и если ты будешь чувствовать то-же самое. Да, я предвижу что это случится, потому-что должно случиться. Что тогда будетъ съ нашею братскою привязанностію. Что будетъ сильнѣе: любовь или дружба! Во всякомъ случаѣ, насъ ждутъ неминуемыя страданія и несчастія, если мы останемся жить вмѣстѣ. Помнишь неоконченное предсказаніе доктора Галля. Оно начинаетъ сбываться. Онъ прочелъ нашу страшную судьбу на нашихъ черепахъ... Нѣтъ-ли средства предупредить ее?... Смотри на прошедшее, мы не можемъ ожидать переменъ въ будущемъ, и намъ ос-

тается одно — разстаться, и какъ можно скорѣе, потому что, можетъ-быть, завтра мы встрѣтимъ ту, которую должны полюбить. Когда между нами будетъ огромное пространство и мы выберемъ себѣ подругу, тогда мы можемъ опять сойтись и не разлучаться до смерти. Я знаю, что совѣтъ мой жестокъ, я плачу при одной мысли о разлукѣ съ тобою; но мнѣ кажется, что это одно спасетъ насъ отъ гибели. Сегодняшняя встрѣча у Луизы была предостереженіемъ, зачѣмъ-же подвергаться въ будущемъ такому-же несчастію. Нѣтъ, братъ, лучше проститься на время. Я буду бояться взглянуть на женщину, думая, что и ты можешь смотрѣть на нее такими-же глазами, какъ я.

Братья проговорили всю ночь, и все-таки рѣшили тѣмъ, что имъ невозможно жить вмѣстѣ, несмотря на ихъ дружбу, и что страшность ихъ организаціи можетъ быть причиной большаго несчастія. Въ ихъ дѣла любовь не заставляетъ себя ждать, стало-быть опасность близка, и надобно было бѣжать дальше, и отъ кого-же? отъ брата, отъ друга дѣтства.

Разставанье было самое трогательное. Въ-самомъ-дѣлѣ, не странно-ли, что братья разставались потому, что слишкомъ любили другъ друга и боялись опечалить одинъ другаго.

Рене-Поль поѣхалъ въ Неаполь, а Поль-Рене въ Англію, общая писать всякій день обо всемъ, что съ ними случится, а главное о сердечныхъ дѣлахъ, которыя могли опять соединить ихъ... Напрасно говорить о слезахъ, пролитыхъ въ минуту прощанія. Братья меньше страдали въ ту ночь, когда природа разорвала кровавую связь, соединявшую младенцевъ.

Прошло четыре мѣсяца. Поль-Рене жилъ въ Лондонѣ въ лучшемъ кругу, и никакъ не могъ привыкнуть къ отсутствію брата. Обѣдая у французскаго посланника, въ день Пасхи, онъ вдругъ вскрикнулъ и приложивъ руку пониже сердца, упалъ въ обморокъ, сказавъ:

— Боже мой, братъ раненъ!

Черезъ три недѣли онъ получилъ слѣдующее письмо:

Неаполь. Апрѣля 1832.

«Въ день Пасхи я получилъ рану подъ сердце; но будь покоенъ, любезный братъ. Рана глубока, но неопасна, что доказываетъ позволеніе писать тебѣ. Скоро я буду совѣмъ здоровъ. Разумѣется, что дуэль была съ соперникомъ, потому-что въ этой родинѣ вулкановъ и подъ жгучимъ небомъ нельзя жить безъ любви. Я тебѣ въ другой разъ расскажу подробно мою любовь! Теперь я еще немного слабъ. Скажу тебѣ только, что моя Эльвира испанка, что между нами все рѣшено и

что она поѣхала во Францію, къ матери, и съ нею будемъ въ іюлѣ въ Бургосъ, гдѣ насъ обвиняютъ. За такое счастье можно получить рану. Приѣзжай и ты, мой другъ, къ этому времени въ Бургосъ. Я жду тебя съ нетерпѣніемъ и желаю, чтобъ и ты возвѣстилъ мнѣ о подобномъ же счастьи, о любви въ Лондонѣ. Какъ-то въ этомъ случаѣ поступить наша симпанія и какъ мы въ первый разъ раздѣлимъ наши сердца... и проч.

Поль-Рене отвѣчалъ:

Лондонъ, мая 1832.

«Я зналъ про твою рану, потому—что почувствовалъ ударъ ниже сердца, въ одно время съ тобой, и закричалъ: братъ раненъ! Когда я пришелъ въ чувство, то я описалъ тебѣ этотъ случай, но письмо мое разошлось съ твоимъ. Вотъ еще новое доказательство нераздѣльности нашихъ организацій. Самъ Богъ внушилъ намъ разстаться на время. Я радуюсь своему счастью и точно также, какъ ты, откладываю подробное объясненіе до нашего свиданія, но сообщаю только, что любовь нашла меня въ туманахъ Темзы точно также, какъ тебя въ Неаполѣ. Да, другъ мой, я тоже знаю теперь, что такое любовь, чистая, пламенная, вѣчная. Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ я слѣжу за одной незнакомкой и вижу ее въ Дрюриленѣ, въ Гейдпаркѣ, на улицахъ. Я еще не познакомился съ нею и не знаю ея имени, но знаю, что принадлежу ей на всю жизнь. Вчера въ театрѣ я былъ подлѣ ея ложи и слышалъ, какъ она сказала по-французски старику, провожавшему ее, что на другой день поѣдетъ на бригъ *Пловецъ*, который отправляется въ Смирну. Я тоже взялъ мѣсто на бригъ и послѣдую за нею хотя на край свѣта. Я полагаю, что она гречанка. Во-время переѣзда я сойду съ ней на палубѣ, въ свѣтлую ночь, я буду говорить ей о ея родинѣ, о моей любви, и она сжалятся надо мною, потому-что пойметъ, какъ сильно я ее люблю. Если-же она отвергнетъ меня, то я найду утѣшеніе въ волнахъ океана... Нѣтъ, милый братъ, нѣтъ! я превозмогу мое отчаяніе и поѣду въ Бургосъ, на твою свадьбу. Твое счастье, можетъ-быть, дастъ мнѣ силы жить. Выздоровливай поскорѣе и не жди отъ меня писемъ. Я не знаю, гдѣ и когда остановится *Пловецъ*. Во всякомъ случаѣ жди меня въ концѣ іюля въ Испаніи. Я люблю твою Эльвиру какъ сестру. Будешь-ли ты любить также мою гречанку. Не знаю, чѣмъ все это кончится. Прощай!

«Р. С. Знаешь-ли что, я запечаталъ въ этотъ пакетъ твое письмо и чуть было не послалъ его вмѣсто моего. Они лежали вмѣстѣ и наши почерки такъ одинаковы, что даже я не могу различить ихъ и

долженъ былъ прочесть начало письма, чтобъ узнать, которое написано мною. Это невѣроятно и страшно!»

На другой день Поль-Рене былъ уже на бригѣ, когда пріѣхала прекрасная незнакомка съ пожилою женщиною. Тотъ же старикъ, который былъ въ театрѣ, провожалъ ихъ и сказалъ, прощаясь:

— Не бойтесь ничего... слѣдъ вашъ потерянь. Корабль ѣдетъ въ Смирну, имена ваши греческія, стало-быть, вы можете быть покойны. Однако все-таки будьте осторожны до пріѣзда. Прощайте.

Поль-Рене слышалъ только нѣсколько словъ старика, и тайна, окружающая красавицу, придала ей еще болѣе прелести. Однако онъ жестоко ошибся, рассчитывая, что во-время переѣзда успѣетъ познакомиться съ прекрасною Зейлою, какъ ее назвала пожилая женщина. Изъ предосторожности или просто изъ каприза, обѣ женщины почти не выходили изъ своей каюты. Уже видны были берега Испаніи, а Поль-Рене не успѣлъ сказать ни слова съ предметомъ своей страсти.

— Неужели это продолжится до Смирны? думалъ молодой человекъ съ нетерпѣніемъ.

Однако онъ замѣчалъ, что Зейла смотритъ на него ласковѣе, чѣмъ на другихъ пассажировъ, и рѣшился написать ей пламенные стихи безъ подписи и не упоминая ея имени, какъ-будто это былъ отрывокъ изъ какой-нибудь поэмы. Молодая гречанка должна была однако понять, что это прямое объясненіе въ любви.

Поль-Рене устроилъ такъ, что Зейла нашла стихи подъ своей подушкой, и не могла не замѣтить ихъ. Цѣлую ночь и слѣдующее утро былъ онъ въ страшномъ волненіи, ожидая отвѣта на свое дерзкое посланіе, но Зейла не показывалась. Наконецъ вечеромъ вышла она на палубу веселая, довольная; глаза ея блестѣли радостію, румянецъ оживлялъ черты; она была еще прекраснѣе. Но что почувствовалъ бѣдный Поль-Рене, когда увидѣлъ въ рукахъ ея знакомую бумагу, которую красавица перечитывала съ наслажденіемъ. Молодой человекъ въ восторгѣ хотѣлъ броситься къ ногамъ Зейлы и признаться ей во всемъ, но въ эту минуту подошла къ ней мать, и взявъ ее за руку, сказала:

— Ужъ поздно, дитя мое, сведи меня въ каюту.

Поль-Рене только поклонился двумъ женщинамъ, и Зейла, проходя мимо его, улыбнулась и подняла свои чудные глаза, въ которыхъ еще блестѣли слезы радости.

Разумѣется, что отъ сильнаго волненія молодой человекъ не могъ уснуть, и мечталъ все о томъ, что онъ завтра скажетъ прекрасной не-

знакомѣ. Только къ утру успѣлъ онъ уснуть, и сны его были продолженіемъ его мечтаній.

Проснувшись, онъ побѣжалъ къ каютѣ путешественницъ, но нашелъ ее пустою. Это его поразило; онъ не зналъ, что подумать; но ему рассказали, что при восходѣ солнца незнакомки потребовали, чтобъ ихъ высадили въ испанской гавани Коронь, мимо которой проходилъ въ это время бригъ.

— Развѣ онѣ не ѣдутъ въ Смирну? вскричалъ Поль-Рене.

— Онѣ заплатили до Смирны, отвѣчали ему, но захотѣли остановиться въ Испаніи; такъ вѣрно не поѣдутъ далѣе, потому-что Пловецъ не будетъ дожидаться...

— Дайте и мнѣ шлюпку и доведите хоть до рыбацкихъ лодокъ, сказалъ молодой человѣкъ, я не хочу ѣхать дальше.

Покуда приготавливали шлюпку, Поль-Рене осмотрѣлъ каюту путешественницъ, собралъ на столѣ нѣсколько бумагъ, и щедро заплативъ матросамъ, а потомъ рыбакамъ, черезъ три часа былъ на берегу Испаніи.

— Проклятый сонъ! думалъ онъ во-время переѣзда. Ты отнял у меня Зейлу! Клянусь не спать до-тѣхъ-поръ, покуда не отыщу ее.

И онъ разсматривалъ бумаги, найденныя въ каютѣ. Это были адреса конверты, счета и между ними стихи!.. Забыты-ли они или оставлены съ намѣреніемъ. Нѣтъ, она не бросила ихъ съ пренебреженіемъ, потому-что подъ ними подписала: Какой добрый геній принесъ мнѣ эти строки отъ того, кого я люблю?

Эти слова привели его въ восторгъ, и онъ пріѣхалъ въ Коронь, обѣгалъ всѣ гостиницы, чтобъ узнать гдѣ остановилась двѣ гречанки. Но никто не видалъ ихъ, и только кто-то сказалъ ему, что утромъ уѣхала изъ города маркиза Бальмодесъ съ дочерью по дорогѣ въ Бискаю. Онъ вспомнилъ, что видѣлъ это имя на одномъ изъ конвертовъ, найденныхъ въ каютѣ Зейлы, и сообразилъ всѣ обстоятельства, понялъ, что обѣ мнимыя гречанки были испанки, что важный случай заставилъ ихъ скрыть свое имя, и что ихъ должно искать въ Бискаіи. Поль-Рене взялъ почтовыхъ лошадей и поскакалъ за таинственною незнакомою, но на дорогѣ экипажъ его опрокинулся и онъ сильно разбилъ себѣ ногу. Цѣлый мѣсяцъ пролежалъ онъ въ бѣдной деревнѣ, гдѣ, за неимѣніемъ доктора, лечилъ его цирюльникъ, и надобно себѣ вообразить, какъ онъ страдалъ въ это время. Когда нога его поправилась, былъ уже конецъ іюля, и Поль-Рене, садясь въ экипажъ, закричалъ:

— Въ Бургосъ, въ Бургосъ!

Онъ надѣялся поспѣть на свадьбу къ брату и узнать тамъ что-нибудь о фамиліи Бальмодесъ.

Онъ въѣхалъ въ городъ въ началѣ ночи. Соборъ былъ освѣщенъ, и путешественникъ вошелъ посмотреть на церемонію. Это была великолѣпная свадьба, которая уже кончалась. Поль-Рене бросился къ дверямъ, но повобрачный остановилъ его, обнялъ и сказалъ:

— Только тебя не доставало, братъ, къ моему счастью. Вотъ твоя сестра, люби ее.

Новобрачная наклонилась къ молодому человѣку, который не могъ разглядѣть ее подъ темными сводами, но когда онъ коснулся губами до ея щеки, то почувствовалъ сильное потрясеніе. Въ это время сотни факеловъ освѣтили паперть собора, и Поль вскричалъ:

— Зейла!

— Нѣтъ, Эльвира, отвѣчалъ, смѣясь, Рене. Но вы успеете еще познакомиться. Братъ, мы тебя ждемъ во дворцѣ Бальмодеса. Приходи скорѣе. И вся свадьба блистательнымъ поѣздомъ отправилась во дворецъ.

Поль-Рене какъ-будто во снѣ проводилъ глазами экипажи и машинально пошелъ къ гостинницѣ.

— Какъ-же объяснить слезы... кокетливые взгляды Зейлы... мои стихи... шепталъ онъ... Ахъ да! Вѣдь у несчастныхъ братьевъ черкъ одинакій... такъ она приняла... Теперь все понятно... Только можетъ-ли быть счастливъ одинъ въ то время, когда другой страдаетъ такъ невыносимо.

Хозяйка гостинницы встрѣтила Поля, и узнавъ его имя, заговорила:

— Сегодня свадьба вашего брата. Вы должны быть рады. А вотъ у меня есть другой жилецъ, который въ отчаяніи, что братъ вашъ такъ счастливъ. Это одинъ италіянецъ. Говорить, что онъ ужъ въ Неаполѣ вызвалъ жениха на дуэль и ранилъ его. Потомъ поѣхалъ за невѣстою во Францію, и такъ надоѣлъ ей, что мать ея увезла ее въ Англію, да еще переимѣнила имя, чтобъ сбить его съ толку. Только онъ догадался и поѣхалъ за ними слѣдомъ, но ужъ не нашелъ ихъ въ Англіи. Сюда онъ пріѣхъ за три часа до свадьбы, но не могъ ужъ ничего сдѣлать. Зато надобно было видѣть, въ какое онъ пришелъ бѣшенство. Мы всѣ перепугались, думали, что онъ убьетъ кого-нибудь. Увѣряю васъ...

— Я вамъ вѣрю, только проводите меня поскорѣе въ мою комнату.

И онъ заперся, блѣдный, страшный, отчаянный.

— Мы никакъ не могли избѣжать нашей судьбы. Наша организація

пересилила всѣ планы. Напрасно мы разѣхались въ разные страны, одна и таже женщина,—для него Эльвира, для меня Зейла,—создана для насъ. Наше рожденіе было исключительное, наша жизнь не можетъ быть обыкновенною. Братъ, милый мой Рене-Поль, я чувствую, что люблю тебя больше себя, но мнѣ кажется, что страсть моя къ Эльвирѣ выше всего... Будь счастливъ братъ... прощай... я не могу жить...

Хозяйка прибѣжала къ дверямъ Поль-Рене, услыша въ комнатѣ необыкновенный шумъ, но тамъ было уже все тихо, и никто не отвѣчалъ на ея вопросы...

Когда на другой день во дворцѣ Бальмодеса вошли въ комнату но-обрачныхъ, то увидѣли дону Эльвиру, плакавшую надъ холоднымъ тѣломъ своего молодого супруга.

Поль-Рене увлекъ за собою въ могилу брата, потому-что у нихъ была одна одна душа, одно сердце... (Le Voleur).

ПАРИЖСКАЯ ЖИЗНЬ.

Дождливое лѣто. — Причина дурной погоды. — Проектъ театровъ. — Смерть двухъ старыхъ артистовъ. — Дорогой актеръ. — Острота Демарана. — Итальянская драматическая труппа. — Актриса Ристори. — Еще концертъ. — Понсаръ въ Парижѣ. — Россія и опера. — Вашингтонъ-Ирвингъ и Женни Липдъ. — Новые журналы. — Книга Кювилье Флери. — L'autre monde. — Корреспонденція Стендаля. — Гостеприимство Парижа. — Неоконченный туалетъ. — Национальные спектакли. — Верди и его новая опера. — Жераръ де Нерваль и англичанинъ. — Литературное общество. — Десять тысячъ франковъ отъ неизвѣстнаго. — Будущій праздникъ. — Выставка и даровые посятители. — Отдѣленія на выставкѣ. — Картины и товары. — Россія и Мейерберъ. — Ронкови и его жена. — Сицилійская вечерня. — Слухи объ оперѣ. — Либретто Скриба. — Фландрія, превращенная въ Сицилію. — Зачѣмъ такъ длинны оперы? — Исполненіе Вечерни. — Весна. — *Лаліе*. — *Женни-Бель*. — Англійская дружба. — Квартиры. — Новые буфеты въ Парижѣ. — *Консервативъ*. — Земледѣльческое общество. — Польза земледѣлія. — Современныя пьесы Максима Дюканя. — Новая поэзія. — Система будущаго благополучія. — Поэма Бюске. — Понмартень. — *Peril en la demeure*. — Октавъ Фелье и драматическая литература. — Лодочники.

Всѣ жалуются на то, что лѣто какъ-будто бы опоздало, всѣ сердятся на дождь, на сырость, на дороговизну плодовъ и зелени. Когда это было, чтобъ землянику продавали по франку ягоду въ іюнѣ мѣсяцѣ, а свѣжій горохъ чуть не на вѣсъ золота! Да и какая можетъ быть причина такой непріятной перемѣны климата?

Ученые обязаны все объяснять, и потому одинъ изъ членовъ института взялся доказать причину дурной погоды. Онъ говоритъ, что въ этомъ виноваты желѣзныя дороги, которыя посредствомъ электрическаго тока переносятъ на рельсахъ сѣверные вѣтры и бури, и никакая таможня не можетъ задержать этихъ произведеній полюса. Вотъ къ чему ведетъ прогрессъ. Желѣзныя дороги истребятъ современемъ хорошій климатъ, и больные будутъ отправляться лечиться на сѣверъ, откуда, вѣроятно, выйдутъ уже всѣ морозы, дожди и туманы.

Несмотря однако на печальную погоду Парижъ наполненъ пріѣзжими до-нельзя; только иностранцевъ гораздо больше, чѣмъ провинціаловъ, которые, зная, что могутъ черезъ нѣсколько часовъ быть въ столицѣ, не торопятся и выжидаютъ, чтобъ на выставкѣ было просторнѣе. Въ-самомъ-дѣлѣ, теперь нѣтъ никакой возможности найти квартиру, за какую-

бы то ни было цѣну, и всѣ наемные экипажи разобраны, такъ что по-неволю надобно заготовиться зонтикомъ, безъ котораго нельзя выйти на улицу. Если иногда и проглянетъ лучъ солнца, то ненадобно слишкомъ ему довѣрять: онъ обманчивѣ кокетки.

Несмотря на увеличеніе народонаселенія, немногіе магазины возвысили цѣны на товары. Благоразумные люди продолжаютъ продавать по прежнимъ цѣнамъ, и вѣроятно будутъ въ бѣльшемъ выигрышѣ, чѣмъ первые. Больше всего работы портнымъ и модисткамъ, которые принуждены работать по ночамъ, чтобъ не отказываться отъ заказовъ. Всѣ прїѣзжіе непременно хотятъ съ головы до ногъ одѣться въ Парижѣ.

Одни только театры не жалуются на дурную погоду, потому-что, благодаря дождю, дѣлаютъ каждый день хорошіе сборы. Говорятъ, что многія дирекціи хотятъ подать правительству просьбу о возвышеніи цѣнъ на мѣста, потому-что въ настоящее время требованія артистовъ такъ велики, постановка обходится такъ дорого, что даже и съ полнымъ сборомъ доходы не равняются съ расходами и существованіе театровъ необезпечено. Вѣроятно, просьба эта будетъ исполнена, потому-что она справедлива. Каждый театръ, зная свои средства и составъ труппы, долженъ-бы самъ назначать цѣны за мѣста, стараясь, для своей-же пользы, привлекать публику хорошими артистами и замѣчательными пьесами.

Въ одномъ селеніи близъ Парижа умерли два артиста, замѣчательные въ свое время. Лавинъ, старинный оперный пѣвецъ, современникъ Нурри отца, отличался въ *Весталкѣ* и *Фернандѣ Кортесѣ* и въ послѣдней оперѣ, въ финалѣ, бралъ *la*, которое производило такой-же восторгъ, какъ *ut* Дюпре. Только со своимъ *la* пѣвецъ прошѣлъ двадцать лѣтъ, не потерявъ ни силы, ни звучности, ни вѣрности голоса, тогда какъ новая метода, съ знаменитымъ *ut*, погубила многихъ пѣвцовъ, доставя имъ славу года на три больше. Лавинъ былъ кромѣ-того превосходнымъ музыкантомъ и образованнымъ человекомъ. Послѣ него остается одинъ Деривисъ отецъ, послѣдователь старинной метода. Лавинъ умеръ 76-ти лѣтъ.

Дюпонъ прожилъ еще больше и умеръ на 88 году. Онъ отецъ знаменитой субретки Французскаго-театра и самъ былъ отставнымъ общникомъ театра Мольера. Дюпонъ поступилъ на сцену восемнадцати лѣтъ; онъ не имѣлъ замѣчательнаго таланта, но игралъ порядочно аксесуарныя роли, и ровно черезъ двадцать лѣтъ службы, то-есть на 38 году, вышелъ въ отставку и получилъ шесть тысячъ пенсіону. Стало-быть онъ, ничего не дѣлая, полный силы, здоровья и молодости, былъ обезпеченъ, и цѣлыя пятьдесятъ лѣтъ пользовался пенсіономъ. Французскій-театръ переплатилъ ему въ это время *триста тысячъ фран-*

ковъ, за услуги, совѣтъ неблизательныя. И если причесть проценты этого капитала въ-продолженіе пятидесяти лѣтъ, то выйдетъ, что актеръ Дююнь стоялъ дирекціи около милліона, а именно 974, 737 фр. 43 сантима. Вотъ какъ дорого обходятся артисты!

Смерть архитектора Готье поразила печалью ученое и артистическое общество. Онъ построилъ нѣсколько госпиталей въ Парижѣ и въ провинціальныхъ городахъ, былъ членомъ Института, заслужилъ всеобщее уваженіе своими познаніями и характеромъ, и умеръ въ тюрьмѣ Клиши, съ горя, потому-что дѣла его пришли въ чрезвычайное разстройство.

Умеръ также скромный негоціантъ Демаранъ, о которомъ никто-бы не зналъ, еслибы онъ не оказалъ необыкновенной черты находчивости и добродушія, въ такую минуту, когда многіе теряли голову. Онъ былъ офицеромъ національной гвардіи во-время іюньскихъ волненій, и ему поручено было разогнать толпу, окружавшую мерію втораго округа. Посланный полицейскій комиссаръ былъ встрѣченъ ругательствами и оскорбленіями, и Демаранъ получилъ приказъ двинуться съ отрядомъ и стрѣлять въ бунтовщиковъ. Честный негоціантъ пошелъ одинъ къ толпѣ, съ опущенною шпагою, и сказалъ громко и твердо, положа руку на свой почетный крестъ:

— Граждане, я получилъ приказъ стрѣлять въ *разбойниковъ*... Прошу *честныхъ* людей удалиться какъ можно скорѣе, а не то я скомандую.

Толпа въ минуту разбѣялась, и національная гвардія заняла мерію. Безъ предосторожности добраго человѣка, можетъ-быть, пролито-бы было много крови, но онъ все окончилъ нѣсколькими словами, спасшими жизнь десяткамъ людей. Вотъ почему имя негоціанта Демарана должно быть упомянуто съ уваженіемъ.

Открытъ италіанскій театръ, то-есть не опера, а драматическіе спектакли сардинской труппы, подъ управленіемъ Ригетти. Аделаида Ристори, первая актриса, занимающая амплу Марсъ и Рашель, привлекаетъ своимъ талантомъ даже и тѣхъ, которые не знаютъ италіанскаго языка. Труппа играетъ Мигга Альфьери, Pia di Tolomei Маренко, Luiza Strozzi Баталія, нѣсколько другихъ драматическихъ произведеній и самыя лучшія изъ комедій Гольдони и Жиро, этого римскаго француза.

Ристори дебютировала въ *Франческъ ди Римини* Сильвіо Пеллико, элегической трагедіи, въ которой почти нѣтъ дѣйствія, но которая проникнута самою сильною страстью. Актриса пользуется за Альпами такою-же славою, какъ Рашель во Франціи; только надобно признаться, что талантъ италіанки разнообразнѣе, потому-что она превосходно выражаетъ высокій лиризмъ, и въ тотъ-же вечеръ восхитительно

играетъ веселую роль въ комедіи. Эта актриса, комическая и трагическая, въ тоже время можетъ похвастаться одною изъ первыхъ красавицъ нашего времени, стало-быть немудрено, что зала всегда полна и что итальянскую Рашель встрѣчаютъ съ неистовыми рукоплесканіями. Говорятъ, что Ристори принадлежитъ къ благородной фамиліи и что она маркиза Капраника дель-Грильо. Театру до этого нѣтъ дѣла. Довольно и того, что она въ полномъ смыслѣ великая артистка.

Еще одинъ концертъ какъ-то пережилъ зимній сезонъ. Его давали тоже итальянки, сестры Ферри, Виргинія и Каролина. Молодыя дѣвушки имѣютъ неоспоримый талантъ на скрипкѣ. У одной стиль широкій, строгій, величественный, у другой много фантазіи, каприза, игривости. Въ дуэтахъ качества эти соединяются и составляютъ превосходное цѣлое. Желательно только, чтобъ молодыя виртуозки составляли программу не въ такомъ ученomъ тонѣ. Парижъ уважаетъ классическія сочиненія, хвалитъ ихъ и иногда изучаетъ, но не любитъ ихъ слушать. Надѣмся, что слѣдующій концертъ будетъ составленъ удачнѣе, и публика наполнитъ залу.

Одеонъ возобновилъ *Честь и деньги* Понсара, къ пріѣзду автора въ Парижъ. Пьеса эта выдержала больше двухъ сотъ представленій, и все еще нравится, потому-что написана съ прекрасною цѣлью и вѣрно изображаетъ наше общество. Молодой академикъ (Понсаръ по лѣтамъ младшій изъ тридцати девяти) пріѣхалъ въ Парижъ для того, чтобъ собрать произведенія Бауръ-Лорміана, что неочень легко, и матеріалы для своей рѣчи. Пріемъ академика будетъ еще въ октябрѣ, стало-быть есть время приготовиться и Понсару и Патену, который будетъ отвѣчать. Между-тѣмъ увѣряютъ, что авторъ Лукреціи привезъ съ собою новую пятиактную комедію, которую хочетъ поставить на сцену прежде окончательнаго своего вступленія въ академію. Это будетъ ему полезнѣе, чѣмъ розысканіе неизвѣстныхъ эпизодовъ жизни переводчика Тасса.

Россини пріѣхалъ въ Парижъ; его хотѣли увлечь въ оперу, но онъ не согласился.

— Я не подойду даже къ перистилію оперы, отвѣчалъ онъ на всѣ просьбы.

А между-тѣмъ онъ очень хорошо знаетъ, что тамъ стоитъ его статуя.

Вашингтонъ-Ирвингъ, знаменитый американскій романистъ, ѣдетъ тоже во Францію, гдѣ все приготовлено къ его пріѣзду. Женни Линдъ объявила, что послѣ музыкальныхъ праздниковъ въ Дюссельдорфѣ, устроенныхъ Фердинандомъ Гиллеромъ, она отправится въ Парижъ. Тутъ, вѣроятно, она не устоитъ противъ просьбъ друзей и почитателей и рѣ-

шится дать нѣсколько концертовъ. Увѣряютъ даже, что она явится на сценѣ. Но... не всякому слуху вѣрь. Довольно и того, если артистка, получившая названіе шведскаго соловья, согласится пѣть въ нѣкоторыхъ обществахъ и концертахъ.

Неужели чувствовался такой недостатокъ журналовъ въ Парижѣ, что вдругъ явилось ихъ нѣсколько? Удивительно, откуда берутся подписчики и, главное, бумага, которую, кажется, и то пачкаютъ безъ всякаго милосердія, тогда какъ бѣлая бумага должна быть самою *уважительною вещью*, говорить одинъ умный человѣкъ, написавшій очень мало въ свою жизнь.

Вотъ Revue anecdotique, выходящій два раза въ мѣсяцъ и заключающій въ себѣ много стараго. Но публика любитъ повторенія, и потому охотно читаетъ новый журналъ.

La Bohême, съ потретомъ издателя вмѣсто виньетки, le Bohemien, Le Cadet Roussel, la Fortune, la Fronde, La Muselière, l'Original, le Sans-le-sou, la Terre promise, la Vie humaine, le Rosier de Marie, la Revue des cours publics, le Guide de l'acheteur en librairie, le Rivarol, le Bazar litteraire...

Не довольно-ли! Нѣтъ вотъ еще l'Ami des sciences, превосходный ученый журналъ, издаваемый умнымъ человѣкомъ Викторомъ Мѣнье, который умѣетъ дѣлать науку доступною всей публикѣ.

Вотъ еще le Portefeuille, ежедневный литературный журналъ, подъ редакціею Артюра Понруа, поэтическаго автора *Стараго Консула* и *Вакханалій*.

Мы не считаемъ еще безчисленныхъ листовъ, порожденных всемирною выставкою, которыми завалены окрестности дворца промышленности, и которые скорѣе похожи на заманчивыя объявленія, чтобъ привлечь покупателей, а не на литературные труды.

Словомъ со времени 1848 года комической памяти не являлось вдругъ столько періодическихъ изданій, какъ въ настоящее время. Желательно только, чтобъ конецъ всѣхъ этихъ газетъ былъ не такой печальный.

Изъ книгъ замѣчательно новое сочиненіе Кювилье-Флери: *Nouvelles études historiques et littéraires*. Эта превосходная критическая книга написана благородно, добросовѣстно, умно, и принадлежитъ къ рѣдкимъ книгамъ въ этомъ родѣ, занимательнымъ даже для тѣхъ, которые не знаютъ сочиненій, разбираемыхъ въ ней.

L'autre monde написанъ женщиною, Маріею Фонтене, такъ увлекательно и остро, что многіе извѣстные писатели охотно подписались-бы подъ этимъ любозытнымъ путешествіемъ въ *другой свѣтъ*, откуда не

только возвращаются, но еще посѣщаютъ его нѣсколько разъ. Живописныя картины увлекаютъ читателя, но сужденія о вѣрѣ, правахъ и постановленіяхъ до того глубокомысленны, что заставляютъ удивляться и задумываться надъ ними.

Correspondance inédite de Stendhal надѣлала много шуму своимъ появленіемъ. Издателю стоило много трудовъ собрать эти отрывки, наполненные блистательною болтовнею, живыми остротами, странными мыслями, неразгаданными парадоксами. Въ началѣ приложенъ портретъ оригинальнаго писателя, и Мериме написалъ замѣчательное предисловіе, въ которомъ пощадилъ своего бывшего друга, что выходитъ изъ его обыкновенныхъ привычекъ.

Парижъ открылъ гостямъ всѣ свои сокровища, и что всего пріятнѣе—даромъ; залы новаго музея Клюни, галереи музея изящныхъ искусствъ, съ превосходною картиною Поль-Делароша и копіею Сигалона Страшнаго суда Микель-Анджело, монетный музей, мастерскія рабочихъ, всѣ бібліотеки, галереи естественной исторіи, художествъ и ремеслъ, мануфактуры табаку, севрская, законодательный дворецъ,— все это открыто для иностранцевъ и провинціаловъ, не говоря уже о дворцахъ, о версальскомъ музеѣ, о фонтанахъ, только-бы фонтаны съ неба не были такъ щедры. Впрочемъ, если Парижъ такъ гостеприменъ, то, вѣроятно, и лѣто сжалится наконецъ надъ промокшею толпою, собравшеюся посмотрѣть на Парижъ.

Впрочемъ нельзя сказать, чтобъ городъ этотъ для пріѣзда гостей совершенно окончилъ свой туалетъ. Не говоря уже о томъ, что дворецъ выставки не приведенъ совершенно въ порядокъ, что многіе товары не уложены, другіе потеряны, и что пристраивается еще обширный павильонъ для земледѣльческихъ орудій, которые теперь омываются дождемъ, самъ Парижъ еще во многихъ мѣстахъ загороженъ лѣсами; многія строенія не окончены, другія только что начинаются строиться. Несмотря на необыкновенное проворство, съ какимъ въ Парижѣ строятъ дома, все еще не могли представить посѣтителямъ всей Риволийской-улицы и оконченнаго Лувра. На это надобно-бы было употребить еще годъ, но время выставки, назначенное и ожидаемое всѣми съ нетерпѣніемъ, не могло быть отложено безъ важныхъ послѣдствій.

За неимѣніемъ развлеченій на чистомъ воздухѣ, публика занимается театрами, и всѣ націи спѣшаютъ пользоваться представленіями на національномъ своемъ нарѣчій. Ристори производятъ восторгъ, сколько своимъ талантомъ, столько и красотою, которой ненужны никакія тайны туалета. Это, кажется, первая актриса въ Парижѣ, которая не румянится, не бѣлится, не рисуетъ себѣ чужое лицо; зато какое выраженіе,

какая прелесть въ ея чертахъ, неглаженныхъ притираньями и красками, какъ натуральна ея красота. Нехудо-бы парижскимъ актрисамъ брать съ нея примѣръ.

Новая опера маэстро Верди занимаетъ все умы. Крувелли съ такимъ прилежаніемъ изучала свою роль, что отказалась продолжать пѣть *Жидовку*. Все артисты говорятъ только объ *Сицилійской вечерни* и объ Верди. Маэстро этотъ въ-самомъ-дѣлѣ необыкновенный человѣкъ. Все согласны, что онъ ищетъ вдохновенія у композиторовъ Италіи и Германіи, но оригинальность его таланта поражаетъ всехъ, и Италія дѣлала десять лѣтъ поетъ только его музыку. Онъ работаетъ неутомимо, рѣдко бываетъ въ обществѣ, и видится только съ тѣми изъ своихъ соотечественниковъ, которые извѣстны спокойнымъ образомъ мыслей и тихимъ характеромъ. Самъ онъ совершенно непохожъ на итальянца. Это человѣкъ лѣтъ сорока, скорѣе съ германскою наружностью, безъ скорости въ движеніяхъ, безъ вкрадчивости въ манерахъ; напротивъ, онъ немного дикъ, молчаливъ, остороженъ и недовѣрчивъ. Физиономія его почти всегда недовольна, не показываетъ въ немъ знаменитаго маэстро: Онъ чрезвычайно блѣденъ, съ свѣтлокаштановыми волосами и такою-же бородою; глаза его впали, носъ орлиный, губы тонки; словомъ, въ немъ есть что-то таинственное. Онъ едва кланяется, ни у кого не бываетъ, не занимается театральными интригами, всегда молчаливъ и хладнокровенъ. Не странный-ли это итальянецъ!

Ставятъ на сцену пьесу, найденную въ бумагахъ бѣднаго Жерара де-Нерваль. По этому случаю говорятъ, что одинъ англичанинъ купилъ за 2,000 франковъ желѣзную перекладину, на которой повѣсился этотъ писатель, въ улицѣ Старого Фонаря (уничтоженной теперь). Кажется только, что это выдумка на сосѣдей, которымъ привыкли приписывать все эксцентрическія выходки.

Литературное общество имѣло чрезвычайное засѣданіе, на которое собрались почти все члены, и послѣ нѣсколькихъ разсужденій, докторъ Веронъ, новый членъ его, объявилъ, что одна особа, желающая остаться неизвѣстною, поручила ему предложить обществу 40,000 франковъ, для назначенія въ награды за лучшія сочиненія. Общество просило г. Верона передать благодарность *неизвѣстному* любителю литературы, и тотчасъ-же назначило комитетъ для распредѣленія этой суммы. Составлена програма, по которой назначена медаль въ 2,000 франковъ за сочиненіе на сюжетъ: *объ литературѣ и человѣкѣ девятнадцатаго столѣтія*; другая медаль въ 1,500 фран. за *этюды о Бальзакѣ, авторѣ человѣческой комедіи*. Медаль въ 1,000 фран. будетъ дана за лучшую повѣсть, медаль въ 1500 за стихи на сюжетъ: *Искатели*

золота; а остальная сумма въ 4,000 фран. будетъ раздана за пьесы и сочиненія, достойныя второй награды.

Кромѣ-того, общество это приготовляетъ праздникъ по окончаніи выставки, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, и въ этотъ день будутъ также розданы награды избраннымъ. Для увеличенія торжества, Рашель прочитаетъ увѣнчанные стихи; одинъ знаменитый поэтъ пишетъ также кантату, музыку къ которой приготовляетъ тоже знаменитый музыкантъ; словомъ, этотъ день будетъ очень выгоденъ для кассы общества, потому что всѣ захотятъ присутствовать на любопытномъ праздникѣ литературы, и вѣроятно неизвѣстный благодѣтель будетъ радоваться своей мысли, которая принесетъ столько пользы. Въ этотъ день онъ можетъ смѣло сказать, что заплатилъ за свое мѣсто десять тысячъ франковъ.

Доходы выставки значительны, несмотря на высокую цѣну для входа. Съ двадцать-шестого мая, когда начали впускать во дворецъ промышленности даромъ, толпа была непроходима и странно, что не только бѣдный и простой народъ поспѣшилъ воспользоваться даровымъ впускомъ, но цѣлые ряды экипажей окружали подъѣзды. Экономія соблюдается здѣсь и въ высшихъ классахъ, и владѣтели и владѣтельница экипажей не боятся толкотни, лишь-бы только не заплатить ничтожной суммы. Впрочемъ есть люди, которые ходятъ собственно, чтобъ посмотрѣть на толпу, а не на выставку.

Выставка сдѣлалась такимъ важнымъ происшествіемъ, что забыта политика, какъ будто-бы ее и не было, и даже биржа. Кто хвалить ее до небесъ, кто бранить, то есть, не самую выставку, а безпорядки, бывшіе въ началѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, всѣ согласны, что она открыта рано и что надобно еще цѣлый мѣсяць, чтобъ привести ее въ порядокъ. Но правительство, отложивъ уже однажды, не хотѣло, вновь отсрочить открытіе дворца, чтобъ не повредить выгодамъ торговли. Притомъ же большая цѣна за входъ (5 фран.) въ первыя двѣ недѣли не могла привлечь многочисленныхъ посѣтителей, а въ это время могли все убрать, разложить товары, наполнить отдѣленія. Точно такъ и случилось. Теперь уже все не только въ порядкѣ, но устроено такъ живописно и великолѣпно, что не хочется выйти оттуда; особенно изъ отдѣленія выставки изящныхъ искусствъ, гдѣ собраны образцовыя произведенія всѣхъ школъ, знаменитыя картины, статуи, скульптурныя работы. Такъ какъ это отдѣленіе совсѣмъ особенное, то его посѣщаютъ отдѣльно и называютъ выставкою искусствъ. Третья выставка, подъ открытомъ небомъ Елисейскихъ-полей, состоитъ изъ образцовыхъ животныхъ, большею частію коровъ, лошадей, барановъ. Сюда тоже собирается толпа и покупаетъ откормленный, усовершенствованный скотъ. Изъ Англій приве-

зены такія огромныя куры и пѣтухи, что за пару даютъ по тысячѣ франковъ. Лошади тоже есть превосходныя, доказывающія улучшение французскихъ породъ; козлы такіе огромные, что могутъ быть приняты въ кавалерію. Больше всего публика посѣщаетъ выставку искусствъ, которая въ-самомъ-дѣлѣ представляетъ волшебный видъ, уже по одной декорациі, не говоря о достоинствѣ картинъ и статуй; но покупаютъ больше на выставкѣ промышленности. Замѣчено, что американцы тратятъ очень много денегъ на покупки, тогда какъ англичане все еще высматриваютъ и выбираютъ, думая, вѣроятно, что имъ некуда торопиться и что они успѣютъ закупить, что нужно, въ-продолженіе четырехъ мѣсяцевъ выставки. Германцы больше наблюдаютъ, чѣмъ покупаютъ, и съ наивнымъ удивленіемъ толпятся передъ *Южною звездою*, которая бросаетъ яркіе лучи на темный бархатъ, передъ грудю брильянтовъ и драгоценныхъ камней, отдѣланныхъ со всевозможнымъ искусствомъ, передъ горами серебра и золота, принявшими разныя формы. Отдѣленіе мебели также великолѣпно. Теперь отдѣлываютъ мебель какъ какую-нибудь маленькую вещицу, украшаютъ ее инкрустациями, живописью, позолотой, мозаичными работами, не говоря уже о красотѣ обивки и комфорта. Машины возбуждаютъ удивленіе знатоковъ. Отдѣленіе алжирское и французскихъ колоній еще неоткрыто для публики, потому-что присылки оттуда пришли позже другихъ. Эта юная Франція сдѣлала такіе успѣхи въ промышленности, земледѣліи и даже искусствахъ, что смѣло можетъ явиться наряду съ другими странами.

Музыка и италіяны тоже приводятъ Парижъ въ волненіе; Ристори сводитъ съ ума посѣтителей театра Вантадуръ, Россини заставляетъ говорить о себѣ всѣ гостиныя и про него распространяется множество анекдотовъ, хотя бѣдный маэстро очень слабъ, и боленъ, кажется, слишкомъ серьезно, чтобъ острить. Но слава безжалостна, она не уважаетъ ни болѣзни, ни старости. Квартира маэстро съ утра до вечера наполнена посѣтителеми. Почитатели его генія преслѣдуютъ его на бульварѣ Магдалины, гдѣ онъ обыкновенно гуляетъ, боясь заблудиться въ новыхъ улицахъ и строенияхъ, потому-что послѣ послѣдняго путешествія Россини Парижъ до того измѣнился, что его нельзя узнать и парижанину, не только что пріѣзжему. Разумѣется, что композиторъ очень сердитъ на оперу, театры, и когда Верди посѣтилъ его, Россини обнялъ его и сказалъ.

— Зачѣмъ-ты, мой другъ, пошелъ на эту галеру?

Разумѣется, что никто изъ приближенныхъ не смѣетъ при немъ упомянуть имени Мейербера или Галеви, и всѣ они готовы утверждать клятвенно, что *Сѣверная звезда* упала (130 разъ сряду?), что *Афри-*

канку нигдѣ не принимаютъ, потому-что всѣ театры, ставившіе оперы творца Гугенотовъ, раззорились отъ необыкновенныхъ постановокъ. Странно, что эта лесть доставляетъ удовольствіе маэстро. Мейерберъ, по-крайней-мѣрѣ, скрываетъ свое нерасположеніе къ Россини, хотя и нанимаетъ людей, которые-бы дремали въ Семипамидѣ и Севильскомъ Цирюльникѣ, какъ увѣряетъ остроумный Мирекуръ, написавшій также увлекательно, какъ и прочія, біографіи Россини и Мейербера. Самъ авторъ Роберта при каждомъ удобномъ случаѣ бываетъ въ оперѣ, когда играютъ Отелло, Вильгельмъ-Теля, и громко аплодируетъ, чтобъ его замѣтили. Россини-же, напротивъ, не подражаетъ этой дипломатіи-и, кажется, со-всѣмъ не слыхалъ ни *Пророка*, ни *Сверной Звѣзды*. Непрїязнь Россини къ *жидовскому шабашу*, какъ онъ называетъ музыку Мейербера и Галеви (оба они еврейскаго происхожденія), высказывается во всѣхъ постановкахъ. Какія слабости бываютъ у гениальныхъ людей! Всѣ они завидуютъ славу товарищей, не признаютъ въ другихъ талантовъ и почитаютъ обидою похвалы, расточаемыя другимъ. Публика-же не хочетъ ничего знать объ этой враждѣ. Она восхищается Мейерберомъ, аплодируетъ Россини, вызываетъ Верди, съ удовольствіемъ слушаетъ Галеви, Обера, Адана. Она не разбираетъ партій въ музыкѣ, была-бы только музыка хороша.

Даже судъ въ Парижѣ занятъ италіянцами и рѣшаетъ теперь любопытный процессъ между Ронкони и его женою.

Неизвѣстно еще чѣмъ кончится супружеская ссора между синьоромъ и синьорою, но публика слѣдитъ за ходомъ процесса, потому-что все касающееся до артистовъ ее чрезвычайно занимаетъ.

Обратимся теперь къ самому важному италіянскому происшествію, къ *Сицилійской вечернѣ*, которая надѣлала много шума... въ полномъ смыслѣ этого слова.

До представленія этой оперы было про нее много слуховъ, разумѣется недѣльных и противорѣчащихъ. То говорили, что маэстро перелдывалъ нѣсколько разъ свою партитуру, отчего медлили постановкою. Другіе утверждали напротивъ, что Верди написалъ свою оперу чуть-ли не также скоро, какъ Россини свою рисовую арію въ Танкредѣ (*Di tanti palpiti*). До всего этого публикѣ очень мало дѣла. Одинъ авторъ-импровизаторъ увѣрялъ, что время ненужно для таланта; другой маэстро, работающій медленно, утверждаетъ, что время не падитъ того, что сдѣлано на скорую руку. Все это аксіомы, иногда справедливыя, иногда нѣтъ,—но главное дѣло въ томъ, чтобъ музыка была хороша и понравилась.

Имѣла-ли успѣхъ опера Верди? Имѣла, и очень блистательный. Но

все-таки нельзя сказать о ней ничего рѣшительнаго послѣ первыхъ представлений. Будущность подтвердить, можетъ-быть, этотъ приговоръ, а можетъ-быть и нѣтъ. Замѣтимъ прежде всего, что музыка новой оперы маэстро легка и удобопонятна, стало-быть не надобно слушать ее нѣсколько разъ, чтобъ вникнуть въ произведеніе.

Приведемъ всѣ наши впечатлѣнія, и постараемся рассказать, что это за опера и за музыка. Надобно однако признаться, что, несмотря на прелесть спектакля, музыки, картинъ, эффектовъ, опера слишкомъ... слишкомъ длинна, такъ что утомляешься слушать и смотрѣть.

Начнемъ съ либретто. Оно написано вѣчнымъ Скрибомъ и Дюверье. Въ примѣчаніи къ либретто сказано, что убійства подъ названіемъ *Сицилійскихъ вечереи* такъ незначительны въ исторіи, что писатель можетъ смѣло превратить ихъ въ романъ, и что сюжетъ оперы не имѣетъ, по несчастію, ничего общаго съ трагедіею Казимира Делавиня.

Однако вотъ историческое происшествіе. Въ Палермѣ было обыкновеніе на Пасхѣ, во-время вечерни посѣщать капеллу Св. Духа, находящуюся близъ города. Въ 1292 Французы владѣли Палермою, и губернаторъ, Гюи де-Монфоръ, издалъ приказъ, чтобъ жители не смѣли идти въ капеллу вооруженные. Солдаты, назначенные смотрѣть за исполненіемъ приказа, начали обыскивать всѣхъ безъ исключенія и оскорбили одну женщину. За нее вступились сицилійцы и произошла жестокая драка, въ которой досталось французамъ. Вотъ и все. Скрибъ вышилъ по этой канвѣ занимательную драму.

Театръ представляетъ площадь Палермы. Офицеры и солдаты пьютъ вино, выдѣланное у Этны, и поютъ о Франціи. Сицилійцы проходятъ мимо, проклиная притѣснителей. Хоры эти живы, хотя не отличаются особенною мелодіей. Изъ церкви выходитъ герцогиня Елена, сестра герцога Фредерика Австрійскаго. Это, разумѣется, Софія Крувелли, которая изъ элегическаго нѣмецкаго характера сдѣлала отчаянную, махающую роль. Она одѣта вся въ черномъ, набѣлена сильно и руки открыты до плечъ. Герцогиня оплакиваетъ своего брата, убитаго побѣдителемъ Неаполя, Карломъ Анжуйскимъ. Французы окружаютъ опечаленную дѣвушку и просятъ ее спѣть сицилійскую пѣсню. Елена поетъ куплеты, восхищающіе сицилійцевъ и неслишкомъ пріятные для военныхъ. Эта каватина принадлежитъ къ лучшимъ нумерамъ оперы, и Крувелли спѣла ее безъ эксцентрическихъ выходокъ. Сицилійцы, возбужденные національнымъ напѣвомъ, готовы броситься съ кинжалами на пришельцевъ, но является Гюи де-Монфоръ, губернаторъ Сициліи, и убійцы отступаютъ. Монфора игралъ баритонъ Бонге, и надобно признаться, что онъ много помогъ успѣху оперы. Губернаторъ приказываетъ всѣмъ разойтись, но Елена

для чего-то остается. Приходитъ Генрихъ, молодой сицилиецъ (Гемаръ). Онъ говорилъ Монфору разныя дерзости, но тиранъ, отославъ Елену, говоритъ безумцу:

— Предлагаю вамъ вступитъ во французскую армію.

— Не хочу.

— Ваша погибель близка.

— Мнѣ все-равно.

— Ты смѣешь противиться мнѣ?

— Какъ видите.

— Твоя жизнь въ моихъ рукахъ.

— Возьмите ее.

— Я запрещаю тебѣ видѣться съ Еленою.

— Я сейчасъ иду къ ней.

Все это заключается въ превосходномъ дуэтѣ, свѣтомъ съ жаромъ, двумя рѣдкими голосами. Этимъ кончается первый актъ, къ счастью довольно короткій.

Во второмъ, передъ зрителемъ открывается пейзажъ близъ Палермо. На высотѣ капелла св. Розаліи. Докторъ Прочида (заговорщикъ, Обень) поетъ своимъ сильнымъ басомъ арію въ широкомъ стилѣ: О моя отчина! и проч. Нумеръ этотъ чрезвычайно понравился публикѣ. Елена выходитъ изъ капеллы, въ другомъ костюмѣ, только тоже безъ рукавовъ. Докторъ узнаетъ ненавистницу французовъ и поетъ съ ней дуэтъ объ освобожденіи Сициліи, который съ приходомъ Генриха превращается въ тріо. Прочида уходитъ, и молодые люди, забывъ о политикѣ, начинаютъ пѣть про любовь. Въ новомъ дуэтѣ столько нѣжности, свѣжести, чувства, что его не надобно-бы такъ скоро прерывать; но вдругъ является офицеръ отъ губернатора и приглашаетъ Генриха на балъ. Тотъ, разумѣется, отказывается, потому-что ненавидитъ притѣснителей.—Въ такомъ случаѣ я васъ беру подъ арестъ, говоритъ посланный. Сицилиецъ идетъ весело въ тюрьму, потому-что Елена обѣщала принадлежать ему, если онъ отмститъ за смерть ея брата.

Послѣ этого собираются богомольцы въ капеллу; но между ними больше заговорщиковъ. Молодые дѣвушки танцуютъ сицилійскіе танцы на быстрой мотивъ тарантелы, напоминающей *Нильную* Обера. Французскіе солдаты приходятъ смотрѣть за порядкомъ; но вспомявъ, вѣроятно, какъ по сосѣдству римляне похитили сабинянокъ и усекоки венеціанокъ, они бросились въ ряды танцорокъ и унесли, каждый по молодой дѣвушкѣ. Сицилійцы, пораженные этою дерзостью, пришли въ ярость. Чудный хоръ выражаетъ бѣшенство, стыдъ, отчаяніе, жажду мести, и вдругъ посреди этого шума слышится вдали нѣжная кантилена. Заговорщики прислуши-

ваются. Это идут въ тартанахъ гости на балъ къ губернатору, и веселыя ихъ пѣсни рѣзко отдѣляются отъ мрачнаго хора, что производитъ эффектъ. Финаль этотъ можетъ назваться лучшимъ номеромъ въ оперѣ. Онъ произвелъ такой сильный взрывъ аплодисментовъ, что театръ дрожалъ. Наконецъ соотечественники композитора начали вызывать его и принудили выйти на сцену и раскланяться съ ними. Нельзя сказать, чтобъ французы были довольны введеніемъ этаго итальянскаго обычая. До-сихъ-поръ Мейерберъ, Галеви, Оберъ не выходили на сцену; для чего-же принимать нововведенія, несообразныя съ нравами Франціи?

Актъ третій. Кабинетъ Гюи де-Монфора. Приводятъ Генриха, который смѣлъ отказать отъ приглашенія, и Монфоръ поетъ прекрасную арію, безъ криковъ, но эффектную, въ которой объявляетъ заговорщичку, что онъ его отецъ. Генрихъ отступаетъ въ ужасѣ отъ обольстителя своей матери, отъ тирана отечества; онъ не хочетъ слушать голоса природы и убѣгаетъ сообщить обо всемъ Еленѣ. Въ дуэтѣ этомъ тоже очень много хорошаго, и публика много аплодировала. За нимъ перемѣна декораций, дивертисементъ.

Въ палермскомъ дворцѣ играютъ балетъ: *времена года*. Изъ-подъ земли поднимается большая корзинка съ зеленью, покрытою снѣгомъ. Оттуда выскакиваетъ молодая дѣвушка, изображающая зиму. Она грѣется у огня, потомъ принимается танцовать. Вдругъ зелень въ корзинкѣ покрывается цвѣтами, оттуда вылетаетъ весна, за нею лѣто, украшенное колосьями и наконецъ сатиры и вакханки съ виноградомъ, изображающіе осень.

Музыка балета очень мила, танцы граціозны, только весь дивертисементъ немного длиненъ. Елена, Генрихъ и Прочида пришли замаскированными на балъ, чтобъ при звукахъ балльной музыки сговориться, какъ вѣрнѣе поразить врага. Кривелли въ великолѣпномъ бѣломъ платьѣ, вышитомъ золотомъ, безъ признаковъ рукавовъ, совѣтуетъ убить Монфора тотчасъ-же; Генрихъ содрогается при мысли, что будетъ отцеубійцею, и шепчетъ Монфору: Удались, тебя хотятъ убить. Тотъ окружаетъ себя французами; заговорщички не могутъ исполнить своего преступленія, но хотятъ мстить измѣннику. Тутъ начинается большой финаль. Елена объявляетъ жениху, что она не можетъ его любить, Генрихъ перебѣгаетъ отъ одной труппы къ другой, стараясь оправдаться, хоры грозятъ другъ другу, Кривелли кричитъ, что есть силы, заглушая бурю оркестра, словомъ, такая трескотня, что ушамъ больно. Послѣ финаловъ *Германи* и *Триваторе* можно-бы было написать что-нибудь музыкальное, но Верди, показавъ въ началѣ оперы столько вдохновенія, не могъ найти для финала, ничего, кромѣ шума.

*

Четвертое дѣйствіе. Елена и Прочида посажены въ тюрьму по приказанію губернатора. Генрихъ навѣщаетъ ихъ, но Елена (опять въ черномъ, съ голыми руками) упрекаетъ измѣнника и не хочетъ его слушать. Но когда онъ открываетъ, что Монфоръ его отецъ, Крувелли вскрикиваетъ и всѣ трое поютъ какую-то путаницу, недостойную имени Верди. Жаль только бѣдныхъ артистовъ, которые напрасно стараются игрою спасти музыку. Приходитъ тиранъ и объявляетъ, что заговорщики будутъ казнены, но что онъ проститъ ихъ, если Генрихъ назоветъ его отцемъ. Елена проситъ его молчать, вдали слышится печальный маршъ и показывается палачъ. Генрихъ не хочетъ, чтобъ пролилась кровь соотечественниковъ, и бросаясь къ Монфору, называетъ его отцемъ. Это положеніе самое драматическое въ пьесѣ, и Верди собралъ много эффектовъ, мотивовъ, переходовъ, чувствъ, чтобы выразить все это музыкою. Кажется, что усилія его увѣнчались успѣхомъ. Тиранъ доволенъ, и чтобъ помирить Сицилію съ Франціей, хочетъ обвинять сына съ Еленой. Та отказывается, но Прочида шепчетъ ей, чтобъ она согласилась, потому-что тогда удобнѣе будетъ метить. Сицилійцы обнимаютъ французовъ какъ Іуда, и готовятся къ празднику смерти.

Въ пятомъ актѣ сады дворца и капелла. Молодые дѣвушки приводятъ Елену въ костюмъ невѣсты, не только безъ рукавовъ, но почти безъ лифа. Она поетъ болеро съ самыми блистательными украшеніями, которое до того понравилось публикѣ, что его заставили повторить. Генрихъ спѣшить къ невѣстѣ, но Прочида разговариваетъ съ ней тихо, предупреждая, что въ минуту благословенія новобрачныхъ начнутъ рѣзать французовъ. Елена боится за Генриха и проситъ отложить месть, но когда заговорщики не соглашаются, она отказывается отъ брака. Тутъ женихъ начинаетъ горячиться, словомъ опять происходитъ оглушительный *motseau d'ensemble*. Явленіе Монфора усиливаетъ ярость сицилійцевъ, которые бросаются на французовъ. Въ это время занавѣсъ очень кетати падаетъ надъ картиною убійства.

Вотъ и вся опера. На этотъ разъ Верди не можетъ пожаловаться, что въ либретто мало драматизма. Говорятъ впрочемъ, что оно написано было для Довицетти, подъ названіемъ Герцогъ д'Альба. Но почему-то опера не была поставлена. Маэстро прикрѣпилъ свою музыку къ другому сюжету, а писатель передѣлалъ пьесу, изъ Фландріи сдѣлавъ Сицилію, изъ Альбы Монфора. Говорятъ, что комиссія Оперы возстала противъ этого сюжета, представляющаго французовъ въ невыгодномъ видѣ. Скрибъ изъ національности хотѣлъ смягчить происшествіе, но Верди сказалъ, что если сицилійцы будутъ выведены не ге-

роаппи, то итальянцы ошибаются его. Кажется, что авторъ выпутался изъ затруднительнаго положенія, оставя говорить исторію.

Поговаривали, что правительство не допуститъ такого сюжета. Послѣ оперы не случилось ничего чрезвычайнаго. Сицилійцы не разбили оконъ въ домѣ Скриба, а французы не думали шумѣть на улицахъ. Правда, что былъ уже первый часъ ночи и что послѣ пятичасовой громкой музыки всѣ вышли на проливной дождь,—такъ ужъ тутъ было не до свободы и отечества а какъ-бы завоевать фіакръ. Июнь мѣсяць хуже сентября.

Скажемъ кстати, что напрасно, совершенно напрасно и невыгодно для маэстро писать такія большія оперы. Не достаточно-ли *трехъ* дѣйствій для каждой оперы. Никто не отвергаетъ геніальности композиторовъ, но послѣ полуночи тяжело слушать даже восхитительную музыку, и половина публики готова была задремать, еслибы ее не будили хоры и крики Крувелли. Право, пора писать оперы покороче.

Впрочемъ успѣхъ оперы несомнѣнный. Мелодіи въ ней мало, но много умѣнья, контрастовъ, жару, неожиданностей, а главное, эффектовъ, что въ большой модѣ въ настоящее время. Но будетъ-ли жить слава ея въ потомствѣ? Объ этомъ надобно спросить Россини.

Исполненіе оперы отчетливое. Гемаръ нѣсколько разъ увлекалъ залу порывами своего таланта. У Крувелли роль небольшая, и она прокричала ее не всю, но мѣстами и пѣла очень мило. Бонге и Обенъ были превосходны. О декорацияхъ и костюмахъ нечего говорить, потому-что великолѣпнѣе Оперы вошло въ пословицу. Балетъ поставленъ оригинально и хорошенькая *весна* (тоже итальянка—Кучи) имѣла большой успѣхъ. Только намъ показалось, что друзья, соотечественники автора, и особенно клакеры, слишкомъ шумѣли и кричали такъ, что по временамъ слышалось точно *лаянье*. Это совѣмъ не восторгъ, и не можетъ-быть, чтобъ эксцентрическіе возгласы нравились композитору.

Во всякомъ случаѣ опера обезпечена на все лѣто, въ ожиданіи *Африканки* и *Роже*.

Комическая-Опера тоже привлекаетъ публику новымъ произведеніемъ Обера *Жени Бель*. Композитору уже семьдесятъ пять лѣтъ, но музыка его такъ свѣжа, пріятна, что всѣ съ восторгомъ слушаютъ ее, удивляясь вѣчно-молодому таланту. Либретто написано тоже вѣчнымъ Скрибомъ, и въ немъ много прекрасныхъ драматическихъ положеній. *Жени Бель*, молодая пѣвица лондонскаго театра, сводитъ съ ума всю молодежь своимъ талантомъ и красотою, но она скромна и любитъ молодаго лорда, которому обязана воспитаніемъ и славою, и который, разумѣется, самъ влюбленъ въ свою воспитанницу. Но отецъ молодаго человѣка

заставляетъ его жениться на богатой наслѣдницѣ. Тотъ отказывается, и старый герцогъ, узнавъ причину неповиновенія сына, приходитъ къ Женни Бель съ угрозами и обѣщаніями, чтобъ она отказалась отъ любви лорда и уѣхала изъ Англіи. Пѣвица соглашается, но молодой человѣкъ объявляетъ, что женится на ней или застрѣлится. Тогда она пробуетъ казаться вѣтренною и кокеткою, чтобъ онъ разлюбилъ ее; собирается уѣхать съ богатымъ американцемъ, мучаетъ всѣхъ капризами; но эта борьба изнуряетъ ее и она теряетъ рассудокъ. Тогда старый герцогъ, понявъ всю силу любви и узнавъ, что богатая наслѣдница выбрала себѣ другаго жениха, соглашается на бракъ сына съ пѣвицею, которая, разумѣется, выздоравливаетъ отъ радости и поетъ чуднымъ голосомъ г-жи Кабель восхитительную арію, приводящую зрителей въ восторгъ.

Если разбирать музыку, то послѣ каждаго нумера надобно повторять одно и тоже: прекрасно, граціозно, пріятно! Неистощимый маэстро всегда находитъ новые мотивы, такіе легкіе и свѣжіе, что они понятны для всѣхъ съ перваго раза, и оставаясь въ памяти у всѣхъ, скоро дѣлаются народными.

Исполненіе и обстановка, тоже превосходныя, могутъ обезпечить театръ этотъ чуть-ли не на все лѣто, но дирекція не довольствуется этимъ и ставитъ еще новыя оперы, возобновляя въ тоже время нѣсколько старыхъ, чтобъ разнообразить какъ можно больше представленія, потому что публика состоитъ большею частью изъ иностранцевъ, желающихъ, вѣроятно, слушать и видѣть не одно и тоже.

Англійская труппа, дающая представленія въ залѣ Вантадуръ, не имѣетъ такого блистательнаго успѣха, какъ италіанская, и даже какъ испанская, которая почти каждый вечеръ гремитъ кастаньетами на сценѣ театра Сень-Мартенскихъ-воротъ. Англичане играютъ *Гамлета*, и несмотря на присутствіе въ Парижѣ тысячи соотечественниковъ, не смотря на распространеніе языка Шекспира и на сердечное согласіе, театръ почти пустъ. Публика, привлеченная туда дурною погодою или за неимѣніемъ мѣста въ другихъ театрахъ, съ удивленіемъ смотритъ на отчаянные жесты и слушаетъ странную, немзыкальную дикцію англійскихъ стиховъ. До-сихъ-поръ французы не могутъ привыкнуть *слушать*, какъ италіанцы *говорятъ*, а не *поютъ*, и еслибы не талантъ и красота Ристори, они-бы не ходили смотрѣть драмы Альфьери. Точно также и англійская труппа имѣла-бы успѣхъ, еслибы въ ней былъ какой-нибудь поразительный сюжетъ, способный расшевелить и увлечь вѣтряную публику, привыкшую къ своимъ вѣчнымъ водевилямъ и опереткамъ.

За исключеніемъ англійской труппы, которая, впрочемъ, можетъ-быть

и поправится, настоящее время самое прибыльное для всѣхъ театровъ, которые процвѣтаютъ въ полномъ смыслѣ этого слова и безъ опасенія ждутъ лѣтнихъ жаровъ—если они будутъ въ пынѣнномъ году. Прїѣзжіе будутъ мѣняться во все время выставки, и каждый непременно захочетъ быть хоть по разу во всѣхъ парижскихъ театрахъ, начиная съ Французской-комедіи до балаганнаго представленія въ Елисейскихъ поляхъ.

Квартиры, сбавившія немного свои цѣны, по случаю дурной погоды и неторжественнаго открытія выставки, теперь опять вздорожали. Намъ комнаты дороже, чѣмъ въ Лондонѣ. Аристократы и богачи выѣхали въ замки и загородные дома и отдали свои великолѣпные отели посѣтителемъ; бѣдные люди переѣхали изъ Парижа въ окрестныя селенія, а все-таки въ городѣ тѣсно, несмотря на многочисленныя гостиницы, номера, подвижныя домики,—такъ много съѣхалось сюда иностранцевъ.

Надобно вообразить себѣ, что съ усиленіемъ народонаселенія увеличивается и число заведеній, обязанныхъ кормить всѣхъ этихъ гостей. Составилось новое общество подъ названіемъ *Les buffets de Paris*, которое взялось доставлять обѣды, завтраки, ужины, закуски, чай, кофе, десертъ за умѣренную цѣну, изъ самыхъ свѣжихъ припасовъ, приготовленныхъ, по требованію или заказу посѣтителя, на французскій, англійскій, итальянскій и даже нѣмецкій манеръ, потому-что повара всѣхъ націй наняты обществомъ, для удовлетворенія всѣхъ вкусовъ.

Первый *буфетъ* открытъ на Итальянскомъ-бульварѣ, гдѣ были Китайскія-ванны, то есть въ центрѣ гуляній и театровъ, чтобъ публика не безпоковлась идти далеко. Онъ состоитъ изъ трехъ этажнаго зданія (одинъ этажъ подъ землею) и обширныхъ магазиновъ на дворѣ, гдѣ продаются вина, фрукты, печенья, сладости, конфеты, ликеры. Кухни устроены внизу. Въ первомъ этажѣ великолѣпный буфетъ и мраморный столъ, уставленные всевозможными кушаньями, которыя даются порціями, какъ на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Тутъ каждый выбираетъ, что ему нравится, не читая длинныхъ росписаній, какъ въ ресторанахъ, не дожидаясь, чтобъ изготовили, но можетъ скоро удовлетворить свой аппетитъ, и главное, дешево сравнительно съ другими мѣстами. Во второмъ этажѣ находятся номера, какъ въ большихъ ресторанахъ Лондона и Парижа, и тутъ могутъ обѣдать цѣлыя семейства и общества, назначая себѣ кушанья, или полагаясь на вкусъ содержателей буфета. Всѣ прохладительныя напитки, мороженое, фрукты можно тоже доставать въ *буфетъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе это будетъ имѣть большой успѣхъ, особенно въ такое время, когда каждый торопится воспользоваться минутами, чтобъ осмотрѣть рѣдкости Парижа, и не можетъ терять много времени

для отысканія себѣ обѣда, и много денегъ, чтобъ обѣдать въ знаменитыхъ ресторанахъ. Еще нѣсколько другихъ буфетовъ откроются въ другихъ частяхъ города.

Вотъ одно важное открытіе, польза котораго несомнѣнна и которое будетъ имѣть огромный успѣхъ. Оно относится къ самому важному предмету: къ пропитанію народа. Изобрѣтено вещество, называемое *conservatine* (сохранитель), имѣющее способность сохранять мясо, сырое и вареное, отъ порчи. Стоитъ только покрыть кусокъ живности этимъ веществомъ, которое тотчасъ сдѣлается твердымъ, какъ лакъ, и предохраняетъ мясо отъ воздуха не только дни, но даже мѣсяцы и годы.

До-сихъ-поръ, для сохраненія мяса надобно было его солить, коптить, сушить или крѣпко закупоривать въ ящики съ масломъ. Теперь ничего этого не нужно. Стоитъ только взять кусокъ говядины, птицу, рыбу, хлѣбъ, плодъ и покрыть его *консерватиною*, и все это пролежитъ гдѣ угодно, въ сухомъ или сыромъ мѣстѣ, на воздухѣ или въ комнатѣ, подъ дождемъ или снѣгомъ, нѣсколько мѣсяцовъ; потомъ надобно только опустить эти припасы въ теплую воду, корка лаку тотчасъ отстанетъ, и мясо будетъ такъ свѣжо, какъ будто-бы тотчасъ принесено отъ мясника, дичь останется какъ была въ минуту покрытія *консерватиною*, рыба только что не живая, хлѣбъ мягкій, плоды только сорванными.

Опыты, сдѣланные съ этимъ новымъ изобрѣтеніемъ, совершенно удались, и публика можетъ сама удостовѣриться въ этомъ, посѣтивъ выставку на бульварѣ *Bonne Nouvelle* № 18, гдѣ показываютъ охотно предметы, покрытые *консерватиною*.

Составилось уже общество, подъ названіемъ *компанія для сохраненія мяса и всякой живности*, которое взялось готовить *консерватину* и снабжать мясомъ по дешевой цѣнѣ тѣ мѣста, гдѣ оно до-сихъ-поръ было очень дорого.

Кажется, что никогда еще полезное открытіе не приходилось такъ кстати. Пища первая необходимость человѣка, и открытіе новаго и дешеваго способа пропитанія гораздо полезнѣе для человѣчества, чѣмъ открытіе звѣзды на небѣ.

Особенно въ настоящее время вопросъ о пропитаніи важенъ, потому что цѣны на все припасы поднялись, и бѣдный классъ во Франціи не знаетъ, за что взяться, чѣмъ кормиться,—такъ все дорого. А между тѣмъ въ другихъ странахъ, особенно въ Америкѣ, пропадаетъ почти даромъ пронасть скота, который убивается только для кожи, тогда какъ мясо оставляется въ пищу животнымъ, потому-что его невозможно ни куда перевезти безъ того, чтобъ оно не испортилось въ дорогѣ.

Общество консерватины может завести конторы и комиссионеровъ въ странахъ, богатыхъ скотомъ и живностью, и оттуда разсылать мясо куда потребуется, несмотря на время и пространство, потому-что припасы останутся всегда свѣжими.

Разумѣется, на это надобно огромный капиталъ и умную администрацію; но польза предпріятія такъ ясна и велика, что денегъ явится больше, чѣмъ нужно, и бѣдный классъ жителей во Франціи, рѣдко пробовавший мясную пищу, будетъ наконецъ пользоваться свѣжимъ, дешевымъ мясомъ, отчего много выиграетъ здоровье народа. Словомъ, благодѣянія консерватины неисчислимы, и общество это вскорѣ затмитъ всѣ прочія компаніи.

Земледѣльческое общество, подъ названіемъ Cheptel, дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобъ распространить хлѣбопашество и обезпечить Францію на счетъ хлѣба. Съ 1840 года всѣ бросились въ промышленность и торговлю, какъ вѣрныя средства къ обогащенію, но въ послѣднее время узнали, что одна промышленность не въ состояніи пропитать народъ, и потому начали заботиться объ улучшеніи земледѣлія. А такъ какъ безъ скота не можетъ быть навоза, необходимаго для удобренія земли, то общество Шентель и обратило главное вниманіе на заведеніе скота въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его мало, и на улучшеніе земледѣльческихъ орудій.

Успѣхъ этаго общества доказывается тѣмъ, что акціи его поднялись, и на дняхъ раздавался дивидендъ въ девять процентовъ. Всѣ земледѣльцы обращаются также въ контору компаніи, которая никогда не отказываетъ въ просьбахъ о временной помощи, зная, что всѣ пожертвованія вознаграждаются. Оно имѣетъ во многихъ мѣстахъ Франціи образцовыя фермы и поля, гдѣ желающіе могутъ изучать земледѣліе и скотоводство, получать совѣты и необходимое пособіе для учрежденія небольшой фермы. Къ счастью, усилія эти принесли и принесутъ въ будущемъ большую пользу. Жители деревень перестанутъ перепродавать ненужныя вещи и барышничать, а примутся обрабатывать землю. Общество составлено изъ лицъ уважаемыхъ и извѣстныхъ, которыя внушаютъ всѣмъ довѣренность. Благодѣтельное вліяніе его замѣтно и на выставкѣ. Когда назначены были дни даровые, то дворецъ промышленности наполнился поселянами изъ окрестныхъ селеній, и всѣ эти люди, разсѣянно посматрѣвъ на груды брилльянтовъ, золота, фарфора, матерій, съ любопытствомъ столпились въ корридорѣ, гдѣ выставлены англійскія земледѣльческія орудія, большею частью паровыя, и начали разсматривать ихъ и разспрашивать объ употребленіи. Тотчасъ-же нашелся свѣдущій челоувѣкъ, который прочиталъ имъ цѣлую лекцію о земледѣліи въ Англии, и поселяне, выслушавъ ее внимательно, сказали:

— Какъ-бы богата была Франція еслибы землю ея обрабатывали англійскими машинами.

Между-тѣмъ какъ всѣ хлопочутъ только о пользѣ и вещественномъ, поэзія совершенно забыта. Старые поэты перестали писать, новые не начинаютъ, говоря, что въ нашъ прозаическій вѣкъ поэзія умерла и ее давно похоронили, стало-быть не для чего и стараться писать стихами. Однако г. Максимъ Дюканъ, извѣстный поклонникъ Востока и почитатель Нила, вздумалъ недавно издать странный томъ стихотвореній, подъ названіемъ *Chants Modernes*. Эти *современныя пѣсни* подтверждаютъ упадокъ поэзіи въ настоящее время, и Густавъ Шланшъ, безжалостный критикъ *Revue des deux mondes*, разбираетъ ихъ такъ остроумно, что мы приведемъ нѣсколько выписокъ изъ его сужденій.

«Максимъ Дюканъ начинаетъ съ того, что объявляетъ войну *старой* поэзіи отъ имени молодого поколѣнія, и какъ новый Готфридъ Бульонскій, хочетъ возстановить новую эпоху. Предсловіе его къ *современнымъ пѣснямъ* имѣетъ претензію блеснуть смѣлостью, но выходитъ жалкою пародіею предисловія къ *Кромвелю*, гдѣ парадоксы, по-крайней-мѣрѣ, оригинальны и сильны. Авторъ говоритъ обо всемъ и еще кое о чемъ. Идеи мѣшаются въ страшномъ хаосѣ, но надъ ними владычествуетъ одна страсть—это ненависть ко всему прошедшему и твердая надежда на будущность, гдѣ въ лучахъ славы видится ему собственное его имя. Однако изъ всеобщаго проклятія исключены только три имени: Викторъ Гюго, Ламартинъ и Альфредъ де-Виньи, которымъ, вѣроятно, неочень лестно такое предпочтеніе, потому-что авторъ подъ предлогомъ похвалъ говоритъ каждому изъ нихъ непріятности. Онъ называетъ Гюго своимъ учителемъ, образцомъ, но вмѣняетъ ему въ преступленіе то, что онъ поналъ въ Академію. За это же самое онъ упрекаетъ де Виньи, и только прощаетъ Ламартину титулъ академика.

Къ этому послѣднему онъ чувствуетъ сожалѣніе, потому-что пѣвецъ *Жоселѣна осужденъ* писать исторію. Бѣдные современники! Вы лишены стиховъ въ родѣ *Meditations* и *Harmonies* и въ замѣнъ этаго высокаго наслажденія, читаете какую-то исторію *Жирондинцевъ*, исторію *Реставраціи* и даже исторію *Оттоманской Имперіи*. Какъ не придти послѣ этого въ отчаяніе! Какъ не избавить Ламартина отъ приговора, осуждающаго его писать исторію, чтобъ заставить его опять приняться за *Гармоніи*!

Разумѣется, что въ знаменитомъ предисловіи больше всего достается бѣдной Академіи. Это сборище злодѣевъ и невѣждъ, которое губитъ отечество! Развѣ Гизо, Тьеръ и Минье знаютъ исторію? Они не имѣютъ объ ней малѣйшаго понятія, и только литературные Жеронты мо-

гутъ восхищаться ими. Кто смѣетъ сказать, что Сень-Бёвъ и Амперъ знаютъ происхожденіе и развитіе нашего языка и поэзіи? Ни одинъ молодой писатель не согласится съ этимъ, точно также какъ и съ тѣмъ, что Кузенъ и Вильменъ знаютъ все тайны языка, и никто не въ состояніи писать такъ искусно, живо, увлекательно. Одни подагрики, проводящіе остатокъ жизни въ тепломъ халатѣ и непокидающіе кресла, могутъ находить достоинства въ академикахъ. Молодая-же фаланга не хочетъ знать стариковъ; она разбила старые идолы, и во ожиданіи новыхъ не признаетъ ничего, кромѣ себя. Это очень удобно и скромно.

«Г. Дюканъ смѣло назначаетъ новый путь поэзіи. Какой-же это путь? Изученіе древнихъ, или изученіе человѣческаго сердца? Совсѣмъ нѣтъ. Развѣ Гомеръ, Эсхилъ и Софокль могутъ чему-нибудь научить юную фалангу, которая не хочетъ знать о существованіи древности и стыдится подражаній и изученій. Вотъ въ чемъ дѣло. Наука и промышленность владѣютъ міромъ, и г. Дюканъ предлагаетъ воспѣвать стихами жакаровскій станокъ, паровыя машины, винтовые корабли. Наивные люди примутъ это за шутку, и скажутъ пожалуй, что это направленіе не воскреситъ, а окончательно убьетъ поэзію, но Максимъ Дюканъ не сомнѣвается въ успѣхѣ. Одушевляясь фабриками Ліона и Руана, онъ предсказываетъ даже, что наука и промышленность сдѣлаются вассалами новой поэзіи, которая займетъ мѣсто всехъ человѣческихъ познаній. Стоитъ только переложить стихами *космосъ* Гумбольда, и все бросятся изучать его, тогда какъ теперь читаютъ немногіе серьезные люди. Туже самую систему предлагаетъ Дюканъ приложить и къ наукамъ, говоря однако, что для этого не надобно поэту быть ученымъ. Это что-то странно. Какъ-же поэтъ будетъ воспѣвать астрономію, когда не будетъ знать математики, геометріи. Ученье охлаждаетъ воображеніе и сушитъ сердце—это давно извѣстно; но какъ-же согласовать поэзію съ алгеброй? Это нисколько не затрудняетъ Дюкана. Будущая фаланга поэтовъ будетъ воспѣвать физику, химию, ботанику, не заглядывая въ сочиненія Біо, Тенара, Кандоля. Притомъ-же Максимъ Дюканъ признаетъ электричество и магнетизмъ бесполезными; стало-быть новымъ поэтамъ остается еще меньше сюжетовъ. Жаль тѣхъ, которые не понимаютъ всей пользы и прелести этаго преобразованія поэзіи! Надобно идти съ вѣкомъ, говорить поэтъ. Пары и станки управляютъ міромъ, будемъ поэтизировать машины и пароходы.

И г. Дюканъ съ такою увѣренностію предлагаетъ эту систему, что трудно съ нимъ спорить. Ему мало того, что онъ въ предисловіи выразилъ свои идеи,—въ стихахъ онъ повторяетъ тоже самое, обращаясь къ писателямъ своего времени, О чемъ писать въ наше время, воскли-

цаеть онъ! Въдь не о мѳеологіи, которая давно забыта. И поэтъ безжалостно нападаетъ на весь Олимпъ.

Это кажется намъ совершенно неумѣстнымъ, потому—что если мѳеологія забыта и никто не думаетъ воскрешать ее, то нечего и храбриться, вызывая на дуэль Апполона и Бахуса, Юпитера и Діану. Надобно называть вещи своими именами: солнце и луна давно заступили мѣсто Феба и Діана, бутылка вина—Вакха; но странно только, что поэтъ, истребляя давно несуществующій Олимпъ, самъ нехорошо знаетъ мѳеологію, вѣроятно слѣдуя своей системѣ, что можно говорить о томъ, чего не знаешь. Онъ смѣшиваетъ амброзію съ нектаромъ. Кажется, послѣдніе ученики знаютъ, что между амброзією и нектаромъ такая же разница, какъ между хлѣбомъ и виномъ. А еще г. Максимъ Дюканъ хвастаетъ, что былъ въ Греціи, влезалъ на Гемусъ, Парнасъ, Олимпъ, срывалъ розовые лавры на берегу Эвротаса. Подобные промахи непротительны. Это тоже, что считать Пирей человѣкомъ.

Современныя пѣсни имѣютъ два отдѣленія: пѣсни любви и пѣсни матеріальныя. Какъ настоящій ученикъ Виктора Гюго, Дюканъ не только подражаетъ ему, но и пародируетъ его. Говоря о прогрессѣ, самъ онъ остановился на 1829 году и не знаетъ ничего выше *Orientales*. Только въ стихахъ поэта мало поэзіи, еще меньше идей и чувствъ, но пропасть разсужденій и диссертаций. Замѣчательнѣе всего стихотвореніе его *le sac d'argent*, принадлежащее, разумѣется, къ отдѣлу матеріальныхъ пѣсенъ. Тутъ авторъ, воображая, что онъ описываетъ жизнь современнаго общества, прибираетъ всѣ преступленія, низости, несчастія, приписывая ихъ *мѣшку золота*. Это полное осужденіе нашихъ нравовъ, безъ облегчительныхъ обстоятельствъ. Но въ концѣ поэтъ помѣстилъ странное предсказаніе, которое врядъ-ли когда сбудется. Теперь мѣшокъ съ золотомъ дѣлаетъ много зла, говоритъ онъ, но скоро онъ будетъ дѣлать одно добро, потому-что *собственность будетъ уничтожена* и дѣти не будутъ получать наслѣдствъ. Нѣтъ, это уже слишкомъ. Поэтъ думаетъ сдѣлать общественный переворотъ такъ легко, какъ изгналъ боговъ съ Олимпа. Уничтожьте наслѣдства, восклицаетъ онъ, и на землѣ не будетъ страданій бѣдности, непризнанныхъ артистовъ. Всѣ будутъ довольны, счастливы, равны. Поэтъ, кажется, забылъ, что если когда-нибудь осуществится его безумная мечта, то остановится трудъ, промышленность, торговля. Кто захочетъ работать всю жизнь, когда дѣти не будутъ пользоваться состояніемъ отца! Какая цѣль будетъ въ жизни, когда у насъ не будетъ ни семейства, ни будущности? Кажется, г. Дюканъ писалъ совершенно по своей системѣ, не зная самъ, чего онъ желаетъ. И какая неблагодарность! Самъ онъ объ-

явилъ, что печальное наследство позволило ему привести въ исполненіе свою мечту и что онъ могъ наконецъ посѣтить Египетъ и Грецію, Сирію и Турцію. И послѣ этого онъ хочетъ уничтожить наследство!»

Теперь надобно сдѣлать вопросъ: много-ли молодыхъ поэтовъ согласятся завербовать себя въ фалангу матеріалистовъ, предводителемъ которой явился Дюканъ? Кажется, что число его послѣдователей не будетъ велико, потому-что ничего не видя, Г. Альфредъ Бюске, тоже молодой человекъ, издалъ томъ стихотвореній подъ названіемъ *Neuges*, гдѣ мифологія занимаетъ важное мѣсто. Стало-быть она еще несовсѣмъ умерла, когда съ удовольствіемъ читаются гладкіе, звучные стихи, съ живыми описаніями роскошной природы, съ картинными пейзажами, дренними сценами. Напрасно только молодой авторъ подражаетъ такъ явно Андре Шенье, когда самъ имѣетъ замѣчательный талантъ. Альфредъ Бюске, не боясь проклятій Максима Дюканъ, смѣло объявляетъ свою страсть къ греческой поэзіи, и по всему видно, что онъ изучилъ страну эту и ея поэтовъ, и особенно Теокрита, котораго онъ ставитъ вмѣсто щита противъ критиковъ, осмѣлившихся критиковать его поэму *Часы*. Этотъ щитъ не помѣшаетъ однако найти много недостатковъ въ стихахъ Бюске, недостатковъ молодости, отъ которыхъ очень легко избавиться. Поэтъ не всегда находитъ счастливыя рифмы; во многихъ стихахъ замѣтны неправильности, слѣдствія поспѣшности, и странно, что со своею привязанностью къ Греціи, онъ предпочитаетъ греческія названія, называя Юнону-Гера, Нептуна Посейдономъ, Юпитера—Зевсомъ. Но всего страннѣе то, что въ своей поэмі, въ числѣ дѣйствующихъ лицъ, онъ вывелъ ящерицу и блоху. Это уже черезъ-чуръ оригинально и никогда не встрѣчалось въ лирической поэзіи. Нововведеніе несовсѣмъ удачно и не можетъ возбудить никакого участія въ читателѣ. Впрочемъ не много опытности, и Альфредъ Бюске самъ пойметъ свою ошибку.

Замѣчательны также недавно вышедшіе *Causeries*, соч. Помартена. Писатель этотъ извѣстенъ уже публикѣ своимъ талантомъ, но ему показалось мало репутациі талантливаго рассказчика, и онъ принялся за критику, которая можетъ сильно повредить ему.

Французскій театръ игралъ съ большимъ успѣхомъ комедію Октава Фѣлье *Peril en la demeure*, о которой надобно судить какъ о литературномъ произведеніи. Авторъ *Далилы* и *Искушенія* давно уже заслужилъ симпатію публики. Надобно однако признаться, что, несмотря на жаркій пріемъ и аплодисменты, пьеса эта болѣе походитъ на пословицу, назначенную для домашняго театра, но не на серьезную комедію въ полномъ смыслѣ этого слова. Есть идеи, которыя чрезвычайно правятся, когда ихъ слышишь читанными въ залѣ, аматерами, но которыя

теряють половину цѣны, если ихъ выражаютъ актеры на сценѣ. Въ театрѣ краски имѣють больше успѣха, чѣмъ оттѣнки. Разговоръ въ новой комедіи Октава Фелье остроумень, тонокъ, но поэтому и кажется ненатуральнымъ, какъ разговоръ Мариво, теперь почти непонятный для толпы. Если Октавъ Фѣлье въ-самомъ-дѣлѣ работаетъ для театра, то надобно, чтобъ онъ отказался отъ жеманности и тонкостей, и яснѣе чертилъ характеры персонажей. Читатель съ удовольствіемъ пробѣгаетъ все эти тонкости, но зрителю этаго мало и онъ требуетъ другихъ условій въ пьесѣ: главное, чтобъ дѣйствующія лица были похожи на живыхъ людей нашего общества. У Октава Фелье выведенъ г. де-ла Розере совсѣмъ ненатуральнымъ, а характеръ г-жи Витре выходитъ изъ предѣловъ вѣроятности, хотя придуманъ очень искусно. Понятно, что мать слѣдитъ за поведеніемъ сына, что она беспокоится види, что для него настало время страсти; но чтобъ планы ея исполнились—не мѣшаетъ ей быть немного хитрѣе, потому-что молодой человѣкъ легко замѣтитъ присмотръ и не позволитъ располагать собою. Чтоже касается до мужа, честь котораго въ опасности, онъ до того простъ, доверчивъ и слѣпъ, что нисколько не занимателенъ. Взавшись стеречь молодаго Витре, онъ даетъ свободу своему плѣннику по первой его просьбѣ, и поручаетъ его присмотру жены. Такой мужъ невозможенъ въ серьезной комедіи. Мѣсто его въ водевилѣ. Еслибы онъ и потерялъ любовь своей жены, то никто-бы не пожалѣлъ о немъ.

Жаль также, что авторъ не развилъ характеръ г-жи де-ла Розере, такъ что зритель не знаетъ, отъ скуки-ли или отъ досады на мужа она начинаетъ раздѣлять любовь молодаго человѣка. Весь интересъ сосредоточенъ на г-жѣ Витре, которая отгадываетъ интригу, разстроиваетъ ее, отправляетъ сына путешествовать, уговариваетъ молодую женщину. Но все-таки, несмотря на остроуміе, занимательныя сцены, оригинальныя положенія, дѣйствія мало, характеры невѣрны и совсѣмъ ясны и типы нашего общества неестественны. Въ *Дамль* знаніе человѣческаго сердца и порывы страсти выкупають недостатокъ дѣйствія, но въ *Опасности въ домль* почти одинъ разговоръ, разумѣется превосходный, остроумный, который занялъ и увлекъ публику, — но этотъ опытъ не всегда будетъ удаваться, и можно посоветовать талантливому автору, чтобъ онъ въ будущій разъ не ограничивался этимъ, а изучилъ-бы нравы и характеры, и вводилъ больше дѣйствія въ свои пьесы.

Отъ его таланта можно ожидать многого, особенно для театра, который такъ рѣдко видитъ образцовыя произведенія. Статистики говорятъ, что во Франціи, то есть въ Парижѣ, восемьсотъ сорокъ три драматическихкихъ автора; но гдѣ-же произведенія, долженствующія перейти въ

потомство. Понсаръ и Ожье работаютъ добросовѣстно, и сочиненія ихъ стоятъ всеобщаго вниманія; Александръ Дюма сынъ показалъ огромный драматическій талантъ, но всѣ его три пьесы: *La dame aux camelias*, *Diane deLys* et *Le demi-Monde*, написаны на одинъ и тотъ-же сюжетъ, почти съ одними персонажами, какъ будто-бы въ нашемъ современномъ обществѣ только и стоитъ изученія *Полу-Свѣтъ*, изобрѣтенный сыномъ автора Антони. Октавъ Фелье превосходно изображаетъ привычки, разговоръ, манеры вышшаго круга, онъ знаетъ хорошо исторію сердца; но не знаетъ жизни или не хочетъ подумать, чтобъ вывести своихъ персонажей изъ неподвижности. Еще два три имени блестятъ по временамъ на сценѣ, но остальные драматурги, составляющіе огромное число 843, занимаются недраматическою литературою, а фабрикацію пьесъ для всѣхъ театровъ, превратя талантъ автора въ промышленность. Въ-самомъ-дѣлѣ, каждый день является по нѣскольку новыхъ пьесъ, но по окончаніи года не остается и трехъ порядочныхъ, такъ что коммиссія, обсуждающая пьесы, нѣсколько лѣтъ сряду не находитъ ни одного произведенія, достойнаго награды, и откладываетъ ее на будущее время, ожидая новыхъ Расиновъ и Мольеровъ. Индустриальность, вкрашаяся во всѣ отрасли наукъ и искусствъ, губитъ театръ. Пора-бы авторамъ съ истиннымъ талантомъ и призваніемъ бросить фабрикацію и сотрудничество, и заняться серьезно театромъ. Поэзія совсѣмъ не умерла, какъ увѣряетъ въ своихъ стихахъ Максимъ Дюканъ, прошествія бывають и въ современной жизни, оттѣнки нравовъ любопытны въ каждомъ классѣ общества, стало-быть есть что изучать, кромѣ *мира camelій*; сюжеты всегда найдутся, зрители готовы поддерживать каждое усиліе, каждое стремленіе къ прекрасному. Это доказываетъ необыкновенный успѣхъ послѣдняго произведенія Октава Фелье, хотя *Régil en la demeuze* все-таки не пьеса, а растянутый свѣтскій разговоръ, который на сценѣ утомительно слушать, но который можно читать и перечитывать съ новымъ удовольствіемъ.

Съ наступленіемъ лѣта парижское общество лодочниковъ пришло въ волненіе. Вся Сена покрывается въ праздники процессіями моряковъ, въ установленномъ костюмѣ, въ самыхъ маленькихъ шляпахъ, которыя едва держатся на головѣ. Всѣ лодочки имѣютъ важную, глубокомысленную наружность, какъ-будто отъ нихъ зависить спасеніе Франціи. Движенія ихъ мѣрны, какъ у военныхъ, повиновеніе къ старшимъ напоминаетъ самую строгую дисциплину. И однако эти моряки принадлежатъ къ хорошимъ, достаточнымъ семействамъ Парижа; нѣкоторые изъ нихъ адвокаты или повѣренные, которые по праздникамъ превращаются въ матросовъ; шляпки подъ громкимъ названіемъ лавируютъ по Сенѣ,

покуда не возьмутъ на абордажъ какой-нибудь прибрежный трактиръ въ Аньеръ или Шарантонъ.

Вкусъ играть роль моряковъ до того распространился въ Парижѣ, что теперь считаютъ больше шести тысячъ добровольныхъ лодочниковъ. Въ последнее время учредился клубъ лодочниковъ и общество регатъ, которые имѣютъ цѣлью не только развлеченіе и полезную гимнастику, но образованіе хорошихъ матросовъ для купеческихъ кораблей.

У богатыхъ англичанъ есть яхты, которыми они по справедливости могутъ хвастать. Парижане не могутъ соперничать съ жителями Лондона, потому что Сена въ сравненіи съ Темзой просто ручей, и потому они завели у себя множество лодокъ, которыми управляютъ ловко и искусно, какъ настоящіе моряки. Въ окрестностяхъ Парижа устроены гонки лодокъ, гдѣ раздаются награды побѣдителямъ. Парижскіе лодочники отличаются даже на регатахъ въ Гаврѣ и Нантѣ.

Можетъ-быть лодочники въ послѣдствіи будутъ имѣть большое вліяніе на нравы и принесутъ пользу государству. Покуда это еще только забава и занятіе, полезное для здоровья молодежи; но потомъ, какъ Жюккель-клубъ, постановленіе это можетъ сдѣлаться важнымъ.

Аньеръ служитъ мѣстомъ сходки всѣхъ парижскихъ лодочниковъ. На этомъ мѣстѣ Сена протекаетъ мимо красивыхъ загородныхъ домиковъ, садовъ и лѣсовъ. Шумные трактиры выходятъ на самую рѣку, гдѣ устроена пристань, бесѣдки изъ сиреней для обѣда, лугъ для танцевъ. На лѣвой сторонѣ находится островъ Раважёръ, гдѣ много прохлады и который Еженъ-Сю населилъ воображаемыми злодѣями. На право проходить желѣзная дорога, съ летающими поѣздами; вдали является силуэтъ Парижа, съ его куполами, колокольнями и триумфальной аркою. Словомъ, нельзя вообразить лучше пейзажа, и понятно, что парижскіе лодочники избрали его мѣстомъ своихъ свиданій по воскресеньямъ. Въ понедѣльникъ по утру всѣ эти моряки въ засмоленныхъ блузахъ и съ коротенькими трубками въ зубахъ превращаются въ свѣтскихъ или дѣловыхъ молодыхъ людей, въ которыхъ не остается и слѣда морскихъ привычекъ или непечатныхъ выраженій.

А. БОНАВЕНТУРА.

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ЛИТЕРАТУРА.

ЖУРНАЛИСТИКА.

Ученныя статьи: въ «Отечественныхъ Запискахъ»—*Дантъ, его вѣкъ и жизнь*—Кудрявцева;—*Карамзинъ и его литературная дѣятельность*—Соловьева;—въ «Современникъ»: *Очеркъ исторіи огнестрѣльныхъ составовъ*—Хотинскаго;—*Русскіе мемуары XVIII вѣка*—Пекарскаго. — Разборы «Отечественныхъ Записокъ». — Бельлетристика: *Лето на Хуторъ К. Л.* — *Атлантическій Океанъ*—Гончарова; *Дневникъ чиновника*—Ж-ва; — *Въ деревнѣ и въ Петербургѣ*—Е. К-на; *Письма Гоголя*—въ «Б. д. Ч.»—*Уральцы*—Небольсина; Стихотворенія. Переводы съ англійскаго въ «Современникъ» и въ «Библиотекѣ для Чтенія.»—*Окорокъ единопущія*—въ «Отечественныхъ Запискахъ.»

Въ майскихъ книжкахъ журналовъ обращаютъ на себя особенное вниманіе статьи отдѣла наукъ: въ Отечественныхъ Запискахъ—«Дантъ, его вѣкъ и жизнь». *Статья первая. П. П. Кудрявцева*; «Н. М. Карамзинъ и его литературная дѣятельность». *Статья пятая. С. М. Соловьева*; въ Современникѣ «Очеркъ исторіи огнестрѣльныхъ составовъ». *Первая статья. М. Хотинскаго*, «Русскіе мемуары XVIII вѣка». *Статья вторая. П. Пекарскаго*. Разсмотримъ ихъ по порядку.

Въ основаніе своей статьи г. Кудрявцевъ беретъ два сочиненія: а) Dante's Leben und Werke, kulturgeschichtlich dargestellt von. Dr. Franz X. Wegele. Jena. 1852). (Жизнь и сочиненія Данта, доктора Франца Вегеле) и б) Dante et les origines de la langue et de la litterature italiennes. M. Fauriel. Paris, 1854 (Дантъ и происхожденіе итальянскихъ языка и литературы, М. Фориэля.) Кромѣ этихъ основныхъ сочиненій, авторъ избралъ вспомогательными источниками «Флорентинскую исторію» *Макиавеля*, «Исторію Ломбардо-Венеціанскаго королевства» *Симони* и др. Намъ кажется лишнимъ упоминать, что всѣми этими сочиненіями авторъ пользовался весьма осторожно, и не иначе заносилъ фактъ въ разрядъ несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, какъ подвергнувъ его строгому критическому разбору. Предоставивъ оцѣнку твореній Данта тѣмъ, «кому это дѣло ближе, или кто имѣлъ случай основательно изучить ихъ во всѣхъ подробностяхъ», авторъ поставляетъ себѣ задачею изученіе и изображеніе жизни Данта. «Наше мнѣніе», говоритъ онъ, «то, что жизнь великаго писателя также заслуживаетъ изученія, какъ и его творенія». Нѣсколько мыслей, высказанныхъ имъ по этому поводу, мы принимаемъ рѣшительно за аксіомы для исторіи литературы и считаемъ долгомъ познакомить съ ними читателей. «Мы думаемъ, что всякій великій дѣятель, — великій поэтъ неменѣе, какъ и всякое другое историческое лицо, завѣщаетъ потомству не только свои творенія, но и самую жизнь свою. *Не всегда даже можно сказать, которая изъ двухъ задачъ интереснѣе или даже поучительнѣе.* Для того, кто умѣетъ цѣнить нравственныя явленія, всякая прожитая жизнь поучительна, тѣмъ болѣе, если она оставила по себѣ слѣдъ въ великой славѣ или въ великомъ имени. Надъ нею стоить призадуматься и поработать мыслью иногда неменѣе, какъ и надъ прославленными твореніями. *Не всегда бываетъ легко разгадать настоящую мысль инаго произведенія: что-же сказать объ умственномъ содержаніи цѣлой жизни писателя?* Кто оставилъ по себѣ неумирающія творенія, тотъ именно жилъ не одною только внѣшнею жизнью: о немъ съ такою же увѣренностью можно сказать, что онъ мыслилъ, какъ и то, что онъ жилъ. Но пусть попробуютъ возстановить этотъ умственный процессъ, наполняющій цѣлую жизнь человѣка... Какъ нарочно, жизнь гениальныхъ поэтовъ большею частію ускользаетъ отъ исторіи, или доходитъ до позднихъ потомковъ лишь въ самыхъ смутныхъ чертахъ... Точно-ли мы ихъ знаемъ въ лицо? Не распознаемъ-ли мы ихъ черты единственно черезъ призму извѣстныхъ всѣмъ твореній? Не замѣняемъ-ли мы, однимъ-словомъ, дѣйствительныя лица идеальными? По-крайней-мѣрѣ, никто,

конечно, не скажетъ о себѣ, что видитъ гораздо яснѣе въ ихъ жизни, чѣмъ въ ихъ твореніяхъ.

«Съ другой стороны, впрочемъ, мы напрасно хотѣли-бы отдѣлить жизнь писателя отъ его авторской дѣятельности. Въ наше время лучше, нежели когда-нибудь, понято, что это два явленія, соединенныя между собою тѣснѣйшимъ образомъ, или что *въ дѣятельности писателя, въ его произведеніяхъ слагаются его-же жизненные результаты...* *Надобно* только искусно собрать лучи свѣта, проливаемаго твореніями писателя на его жизнь, и умѣть направить ихъ на настоящіе пункты.»

Изъ этихъ строкъ видно, какого способа изложенія будетъ держаться авторъ разбираемой статьи. Но онъ скромно отклоняетъ отъ себя всякое притязаніе на самостоятельное воззрѣніе, и говоритъ: «Мы думаемъ, что, не заглядывая далеко впередъ, можно пока ограничиться тѣмъ, что вновь приобрѣтено знанію» (сочиненія Форіэля и Вегеле) «и пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ *со словъ новыхъ изслѣдователей* пересказать жизнь великаго флорентинца русскимъ читателямъ». Затѣмъ авторъ, основываясь на убѣжденіи, что Данта необходимо изучать на его родной почвѣ, посреди обстоятельствъ его времени, руководствуется примѣромъ Вегеле и «предпосылаетъ» жизнеописанію Данта «обозрѣніе политическаго и общественнаго состоянія Италіи въ данную эпоху исторіи.»

Слѣдуетъ мастерской очеркъ главныхъ историческихъ событій, набросанный быстрымъ и знакомымъ читателю перомъ автора «Судебъ Италіи» и «Римскихъ женщинъ по Тациту.»

Борьба римскаго престола съ германскими императорами и два отдѣльные момента этой борьбы, великія личности Гильдебранда и Иннокентія III, Генриха IV и Гогенштауфеновъ, стремленіе городскихъ сословій сѣверной Италіи къ автономіи, крестоносное движеніе; исходъ вѣковой борьбы въ пользу Рима, — все это проносится передъ глазами читателя мимолетными, но яркими образами, все сведено къ той эпохѣ, когда споръ двухъ авторитетовъ разрѣшился новымъ противоборствомъ порожденныхъ этимъ споромъ политическихъ партій — гвельфовъ и гибеллиновъ.

«Съ одной стороны Германія, съ другой Неаполь съ Сициліею вышли изъ круга и остались за предѣлами дѣйствія. Зато въ сокращенномъ объемѣ того-же самаго круга антагонизмъ продолжался съ прежнимъ жаромъ и силою... Какъ въ другихъ государствахъ все направлялось къ единству, такъ въ Италіи все распадалось по двумъ направленіямъ.... въ стѣнахъ почти каждаго города гвельфы боролись съ гибеллинами, и не было ровнаго мѣста въ окрестностяхъ городовъ,

гдѣ-бы гибеллинскія ополченія не сшибались по нѣскольку разъ съ гвельфскими дружинами. Какъ будто по всеѣмъ жилымъ мѣстамъ Италіи прошла одна красная нитка, перевитая бѣлой, и опутала все народонаселеніе страны!.. Это было *единство раздѣленія*..»

Вражда политическихъ партій сплѣте всего проявилась въ тосканскихъ городахъ, и средоточіемъ этой вражды была родина Данта, Флоренція. Съ 1215 г. городскій патриціатъ раздѣлился, по выраженію автора, «на гвельфскій и гибеллинскій лагерь», и обѣ противоборствующие стороны нѣсколько разъ господствовали во Флоренціи, до-тѣхъ-поръ, пока граждане не составили народной общины, независимой отъ общины аристократической, и не приняли дѣятельныхъ мѣръ для огражденія народнаго благосостоянія отъ самоуправства враждовавшихъ партій. После пораженія гвельфовъ при Монтанерти, въ 1260 году, гибеллины, съ помощью союзной нѣмецкой кавалеріи, попытались было возстановить во Флоренціи прежнее свое самовластіе, но Флорентинцы, съ оружіемъ въ рукахъ, отстаивали свои права и изгнали гибеллиновъ. Со времени этого изгнанія Флоренція становится гвельфскою и подчиняется новому правленію; во главѣ его стоитъ вновь учрежденный гвельфскій совѣтъ изъ 12-ти членовъ, обязанный однакоже отчетностью другому совѣту 80-ти выборныхъ членовъ изъ средняго класса, называвшихся «довѣренными». Кромѣ этихъ двухъ совѣтовъ, былъ учрежденъ еще третій, изъ представителей шести городскихъ кварталовъ, въ числѣ 180 членовъ; все три совѣта составляли одно учрежденіе, носившее названіе «генеральнаго совѣта». Былъ еще «совѣтъ смѣшанный», окончательно утверждавшій приговоры прочихъ совѣтовъ. Такая сложность правительственныхъ учрежденій естественно должна была породить безпорядокъ и запутанность въ дѣлахъ управленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ исключала всякую возможность утвердить городскую политику на прочномъ основаніи. Главною причиною подобной сложности правленія авторъ полагаетъ взаимную недовѣрчивость сословій, которая выражалась и въ взаимномъ строгомъ контролѣ дѣйствій, и въ краткости сроковъ, назначенныхъ для отправленія высшихъ публичныхъ должностей.

Въ свою очередь, взаимная недовѣрчивость сословій ясно указываетъ, что духъ *разъединенія* еще не истребился въ это время во Флоренціи, несмотря на усилія флорентинцевъ организовать изъ себя одно политическое цѣлое.

Упорство вражды итальянскихъ партій авторъ объясняетъ тѣмъ, что самый характеръ спора заключался не въ уравненіи правъ между враждующими сторонами, а въ доставленіи одной изъ нихъ исключительнаго господства надъ другою. На этомъ основаніи онъ не соглашается съ

мнѣніемъ Макиавеля, который находилъ большое сходство между древне-римскими и флорентинскими партіями.

«Въ древнемъ Римѣ», говоритъ г. Кудрявцевъ, «начинали съ неравенства правъ, чтобъ прійти къ постепенному ихъ уравнию; гвельфы и гибеллины, напротивъ, въ своемъ спорѣ отправлялись отъ равныхъ правъ, чтобы достигнуть ихъ раздѣленія. Борьба римскихъ партій взялась отъ внутреннихъ причинъ, была порождена существовавшимъ уже раздѣльніемъ сословій; въ новыхъ итальянскихъ городахъ разъединеніе пришло извнѣ, и произвело расколъ въ томъ, что прежде составляло одно цѣлое.» И такъ причина раздѣленія итальянскихъ городовъ была, по мнѣнію автора, чисто внѣшняя, а именно: вѣковая борьба — Рима и Имперіи.

Статья г. Кудрявцева заключается показаніемъ различія итальянскихъ городскіхъ споровъ отъ обыкновенной феодальной вражды и отъ борьбы французскихъ городскихъ общинъ съ мѣстнымъ феодализмомъ. Феодальное сословіе Италіи отличалось въ XIII вѣкѣ отъ феодальныхъ сословій другихъ странъ, во-первыхъ тѣмъ, что не имѣло надъ собою главы и, стало-быть, могло свободно предаваться всей необузданности непримиримой вражды; во-вторыхъ тѣмъ, что ареною для враждебныхъ его дѣйствій были не отдаленные другъ отъ друга замки, а города, застроенные рядомъ домовъ-крѣпостей, принадлежавшихъ представителямъ противоборствовавшихъ партій. «Естественно», заключаетъ авторъ, «что городское сословіе, жившее въ тѣхъ-же стѣнахъ, не могло оставаться безучастнымъ зрителемъ тѣхъ событій, которыя ежедневно совершались въ его глазахъ. Оно также вмѣшивалось въ борьбу и пользовалось раздоромъ партій, чтобъ упрочить свою самостоятельность и независимость. Но это вмѣшательство третьей партіи еще болѣе усложняло дѣйствіе. Какъ во Франціи, среднее сословіе въ Италіи также должно было выдержать борьбу съ феодализмомъ; но была большая разница между какою-нибудь феодальною башнею, поставленною у городскихъ воротъ, и цѣлымъ рядомъ укрѣпленныхъ строеній, выдвинутыхъ одно за другимъ вдоль городскихъ улицъ. Въ послѣднемъ случаѣ врагъ былъ болѣе домашній, болѣе внутренній; съ нимъ надобно было бороться въ этихъ самыхъ улицахъ, оспаривать у него каждую пядень земли внутри города. Можно себѣ представить, сколько взаимнаго раздраженія накоплялось между партіями и какъ труденъ былъ раздѣлъ между ними, когда оцѣ постоянно находились въ присутствіи одна другой, и когда все расчеты между ними производились въ тѣсномъ кругу городской ограды!»

«Въ эту эпоху повсемѣстныхъ гражданскихъ смуть, когда на всемъ

политическомъ горизонтѣ Италиі не видно было почти ни одной свѣтлой точки, досталось увидѣть свѣтъ и прожить свой вѣкъ знаменитому творцу *Божественной комедіи*».

Сдѣланныя нами выписки изъ статьи г. Кудрявцева, кажется, могутъ насъ избавить отъ ненужныхъ похвалъ и заранѣе ручаются за то истинное удовольствіе, которое послѣдующія статьи того-же автора должны доставить всякому образованному читателю.

Иное впечатлѣніе произвела на насъ пятая статья г. Соловьева, заключающая въ себѣ критическій обзоръ VI и VII томовъ «Исторіи Государства Россійскаго», или, правильнѣе говоря, не критическій разборъ, а нѣсколько критическихъ замѣтокъ на помянутые томы. Нѣсомнѣнное достоинство статьи состоитъ въ тщательной провѣркѣ Карамзинскаго разсказа лѣтописными указаніями; но въ сущности она не представляетъ ничего новаго, и въ исторически-слѣдственномъ вопросѣ о справедливости Карамзинскаго воззрѣнія на государственную дѣятельность Іоанна III имѣетъ смыслъ малозначущей очной ставки. Таково наше крайнее убѣжденіе, и мы постараемся подтвердить его нижеприводимыми выписками, а теперь попытаемся прослѣдить основную мысль статьи. Но и при этой попыткѣ намъ приходится сознаться въ своей близорукости: мы не можемъ указать этой мысли опредѣлительно; сказать проще, не понимаемъ ея. Насъ сбиваютъ съ толку слѣдующія противорѣчія:

Мы знаемъ положительный приговоръ исторіографа объ Іоаннѣ III: «Іоаннъ III-й принадлежитъ къ числу *весьма немногихъ* Государей, избираемыхъ Провидѣніемъ рѣшить надолго судьбу народовъ: онъ есть *Герой не только Россійской, но и всемірной Исторіи...*» Мы знаемъ, что Карамзинъ такъ высоко ставилъ государственное значеніе Іоанна III и княженіе его считалъ такою важною историческою эпохою, что предлагалъ начинать съ этого княженія среднюю русскую исторію... Мы знаемъ, наконецъ, что самъ г. Соловьевъ счелъ обязанностію *заступиться за достоинство такого дѣленія* русской исторіи... Стало-быть, г. Соловьевъ вполне признаетъ положенія Карамзина. Иначе—зачѣмъ и заступаться за достоинство историческаго дѣленія?.. Кажется, посылка вѣрна, но на дѣлѣ оказывается не такъ: г. Соловьевъ чуть не построчно опровергаетъ характеристику государствованія Іоанна. А именно: Карамзинъ говорить: «Отсель исторія наша приѣмлетъ достоинство истинно-государственное, описывая уже не бессмысленныя драки княжескія, но дѣянія царства, приобретающаго независимость и величіе.» Г. Соловьевъ, между-прочимъ, возражаетъ: «Если авторъ не признаетъ смысла въ борьбѣ княжеской, ни до Всево-

лода III, ни послѣ него, то мы видѣли (въ прежнихъ статьяхъ), что онъ *даетъ смыслъ* борьбѣ, начиная со временъ Іоанна Калиты, которому и его преемникамъ онъ приписываетъ стремленіе къ единовластію; *слѣдовательно, исторія перестаетъ описывать безмысленныя драки княжескія уже со временъ Іоанна Калиты, а не со временъ только Іоанна III.*» На это возраженіе мы отвѣтимъ просьбою перечестъ еще разъ Карамзина: онъ ясно отличаетъ слово *драку* (безмысленную или нѣсколько уже осмысленную все-равно) отъ слова: *дѣянія*, и притомъ какія,—*дѣянія царства, приобретающаго независимость и величіе.* Далѣе. У Карамзина мы читаемъ: «Разновластіе исчезаетъ вмѣстѣ съ нашимъ подданствомъ.» Замѣчаніе г. Соловьева: «Если здѣсь *исчезаетъ* принять въ смыслѣ продолжающагося дѣйствія, а не оконченнаго, то это будетъ признакъ не одного княженія Іоаннова, но и предшественниковъ его; принять-же въ смыслѣ дѣйствія оконченнаго нельзя, ибо разновластіе *не исчезло* въ княженіе Іоанна III.» По нашему мнѣнію, это замѣчаніе только придрка къ слову: всякому понятно, что *исчезаетъ* не значитъ *исчезло*, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ замѣнить выраженіе *почти исчезло*; по-крайней-мѣрѣ, въ рѣчи Карамзина оно имѣетъ этотъ смыслъ. Карамзинъ повѣствуетъ: «Образуется Держава сильная, какъ-бы новая для Европы и Азіи, которыя, видя оную съ удивленіемъ, предлагаютъ ей знаменитое мѣсто въ ихъ системѣ политической.» И на эти строки готово возраженіе г. Соловьева: «Извѣстно, что Россія не вступила въ политическую систему Европы до временъ Петра Великаго; при Іоаннѣ ближайшими могущественными державами были имперіи римско-германская и турецкая; императоръ Фридрихъ и сынъ его Максимилианъ, какъ скоро увидали, что Московскій князь не можетъ быть имъ полезенъ въ Германіи и Нидерландахъ, тотчасъ-же прекратили съ нимъ сношенія; сношенія съ Турціею ограничивались дѣлами торговыми. Важный интересъ заключали въ себѣ, какъ и прежде, отношенія къ державамъ соседнимъ: къ Швеціи, Ливоніи, Литвѣ и Ордамъ Татарскимъ; Московское Государство не участвуетъ во времена Іоанна ни въ одномъ общевропейскомъ событіи, *слѣдовательно не занимаетъ мѣста въ политической системѣ Европы.* Касательно-же политической системы Азіи мы ничего не знаемъ». Опять придрка къ словамъ: если иноземныя государства искали союза Московіи, значитъ *предлагали* ей почетное мѣсто въ своей политической системѣ. Иной вопросъ: приняла-ли Русь ихъ предложенія? А на этотъ вопросъ вскорѣ отвѣчаетъ самъ Карамзинъ, по мнѣнію г. Соловьева—*прекрасно опредѣлившій положеніе Іоанна относительно государствъ европейскихъ:* «Съ

любопытствомъ обозрѣвая престолы и царства, (Юаннь) не хотѣлъ мѣшаться въ дѣла чуждыя.» На слова Карамзина: «*Устроются* лучшія воинства» г. Соловьевъ замѣчаетъ: «Правильнѣе было-бы сказать: устроются многочисленнѣйшія воинства...» Почему-же не лучшія? Вотъ почему: г. Соловьевъ далѣе замѣчаетъ: «что при Юаннѣ III не было сдѣлано перемѣнъ въ *строй* русскаго войска, доказываютъ разряды его времени, въ которыхъ видимъ древнѣйшее раздѣленіе войска на полки: большой, передовой и т. д.» Но слово *строй* еще не значитъ *устрое-ніе*, а Карамзинъ именно утверждаетъ: «Юаннь преимущественно занимался устройствомъ войска. Лѣтописцы говорятъ съ удивленіемъ о его сильныхъ полкахъ.» Допустимъ, что устройствомъ войска начинали заниматься и предшественники Юанна, все-таки у него могли быть сравнительно лучшія воинства. Кстаті о предшественникахъ Юанна: государственная ихъ дѣятельность вездѣ выставлена у г. Соловьева на одномъ планѣ съ государственною дѣятельностію Юанна. Говорить-ли Карамзинъ: «Уже союзы и войны наши имѣютъ важную цѣль: каждое особенное предпріятіе есть слѣдствіе главнѣйшей мысли, устремленной ко благу отечества»,—г. Соловьевъ возражаетъ: «Эти черты *опять общія* княженію Юанна III съ княженіями его *предшественниковъ*; какъ у него, такъ и у нихъ, были три важныя цѣли: утвержденіе единовластія, борьба съ татарами, борьба съ литвою; разница въ *средствахъ*, которыми *приготавливались предшественниками* и которыми пользовался Юаннь. То-же должно сказать и о союзахъ: если Юаннь *крѣпко* держался союза съ Ханомъ Крымскимъ противъ Литвы, то это не былъ *первый опытъ*: дѣдъ его Василій Дмитріевичъ также находился въ союзѣ съ татарами противъ Литвы.» Относительно государственныхъ цѣлей мы можемъ замѣтить, что предшественники Юанна, по самымъ обстоятельствамъ, далеко не могутъ равняться съ нимъ въ этомъ отношеніи; относительно союза Василя Дмитріевича съ татарами замѣтимъ, что г. Соловьевъ напрасно называетъ союзомъ помощь, оказанную татарами даннику. Раздачу помѣстій боярскимъ дѣтямъ, подъ условіемъ службы во-время войны, принятіе на службу иностранцевъ, учрежденіе *разрядовъ* и дворянскихъ чиновъ г. Соловьевъ также относитъ не къ Юанну, а къ его предшественникамъ. Но и въ этомъ случаѣ г. Соловьевъ, опираясь на одиночныя свидѣтельства лѣтописей, не даетъ себѣ труда отличать слабыя начинанія отъ полного совершенія, Вообще, г. Соловьевъ признаетъ справедливыми и вѣрными по преимуществу тѣ немногія оговорки и вставочныя рѣченія Карамзина, которыя относятся до предшественниковъ Юанна. Эти оговорки на перече-тъ: «Ничего не дѣлается вдругъ... достохвальныя усилія Князей Мо-

сковскихъ, отъ Калиты до Василя Темнаго, многое приготовили для единовластія и нашего внутренняго могущества... Мамаево побоище доказало возрожденіе силъ Россіи, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служило основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила совершить дѣло предковъ менше счастливыхъ, но равно великихъ... Великій Князь (Василій Темный), смиривъ Новгородъ, предоставилъ сыну своему довершить легкое покореніе онаго.» Намъ кажется, что подобныя положенія достаточно уже свидѣтельствуютъ въ пользу государственной дѣятельности предшественниковъ Іоанна, и что приписывать имъ нѣчто большее, значить посягать на несомнѣнныя заслуги Іоанна, которому Карамзинъ воздалъ достодолжную хвалу, признавъ его героемъ всемірной исторіи, и сказавъ, что нынѣшняя Россія создана Іоанномъ. Но г. Соловьевъ, забывая или опровергая главныя положенія Карамзина, развиваетъ одни придаточныя, и усиливается доказать, что княженіе и личность Іоанна не были явлениями исключительными, а подготовленными рядомъ событій и другихъ личностей, равно великихъ. Мало того: г. Соловьевъ, увлекаясь развитіемъ своей идеи, приходитъ наконецъ къ слѣдующему парадоксальному сравненію: «Московское Государство передъ княженіемъ Іоанна можно сравнить съ памятникомъ, который былъ приготовленъ, но еще не былъ открытъ; Іоанну суждено было снять полотно, закрывавшее памятникъ». (?)

Противъ такого вывода мы даже не смѣемъ и возражать, особенно если припомнимъ, что съ Іоанна III должна начинаться средняя исторія Россіи. Осмѣлимся только предложить вопросъ: правы-ли были мы, сказавъ, въ началѣ нашего обзора, что основная мысль статьи г. Соловьева неясна, въ-слѣдствіе страннаго противорѣчія автора самому себѣ? Правы-ли были мы, сказавъ, кромѣ-того, что статья эта въ сущности имѣетъ смыслъ малозначащей очной ставки и не измѣняетъ Карамзинскаго воззрѣнія на государственную дѣятельность Іоанна?

Пусть разсудятъ благосклонные читатели.

Мы, съ своей стороны, считаемъ обязанностью дополнить, что многія частныя замѣчанія г. Соловьева, не касающіяся непосредственно главнаго вопроса, весьма справедливы. Таковы, напримѣръ, скрѣпленныя лѣтописными свидѣтельствами замѣчанія о первой новгородской войнѣ, о постройкахъ въ Москвѣ, о посольствахъ, о сношеніяхъ съ Литвою, вообще всѣ замѣчанія, несопряженныя съ посягательствомъ на проведеніе новой исторической идеи.

Ученыя статьи «Современника» написаны безъ всякихъ ученыхъ притязаній; но объ этихъ статьяхъ мы будемъ говорить подробнѣе по

ихъ окончаніи. «Очеркъ исторіи огнестрѣльныхъ снарядовъ», М. Хотинскаго, составленъ съ умѣньемъ и изложенъ удобочитаемо. Съ греческимъ огнемъ авторъ сладилъ, какъ могъ. По его мнѣнію, «греческій огонь вовсе не затерялся, но былъ замѣненъ другимъ составомъ, и, такъ-сказать, превратился въ нашъ порохъ». За немнѣишемъ другаго опредѣленія греческаго огня, и это сойdetъ. Вторая статья г. Пекарскаго «Русскіе мемуары XVIII вѣка» также занимательна, какъ и первая. Мы въ особенности признательны автору за выписки изъ «Журнала военныхъ дѣйствій Петра Великаго». Въ отдѣлѣ наукъ «Библиотеки для Чтенія» помѣщена статья И. Е. «Англія». Это выборка, къ сожалѣнію, изъ нѣскольکو-устарѣлыхъ источниковъ, и притомъ не-англійскихъ. Доказательствомъ послѣдняго служатъ небывалыя собственныя имена, напримѣръ, (чтобы не ходить далеко—на первой-же страницѣ) какой-то островъ *Ангельси*.

Чтобы покончить съ ученымъ отдѣломъ журналовъ, укажемъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» на прекрасный критическій разборъ г. Энгельмана двухъ сочиненій г. Андреевскаго:

1) *О правахъ иностранцевъ въ Россіи* до вступленія Іоанна III Васильевича на престолъ Великаго Княжества Московскаго и 2) «*О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 г.*» Статья г. Энгельмана можетъ служить образцомъ знанія дѣла и добросовѣстнаго вниманія къ чужому труду.

Такъ называемая бельетристика майскихъ журналовъ не отличается особенной изящностью. «*Лѣто на Хуторѣ*», повѣсть К. Л. («Отечествен. Запис.» довольно-слабенькое повѣствованіе о довольно-исключительномъ бракѣ по любви. Учитель Васильковъ страдаетъ грудью и проводитъ лѣто, для поправленія здоровья, на хуторѣ вольноотпущеннаго Михайлы, лекаря-самоучки. Сначала Васильковъ живетъ спокойно и пьетъ молоко; потомъ влюбляется въ дочь Михайлы, Машу; потомъ начинаетъ ее ревновать къ сосѣднему помѣщику Непреклонному, и въ слѣдствіе конфидансовъ сего послѣдняго приходитъ въ ужасъ отъ легкомыслія своей возлюбленной. Однако истина векорѣ открывается. Непреклонный оказывается, говоря словами Чичикова, «неудачнымъ сочинителемъ», а Васильковъ, къ крайнему изумленію Непреклоннаго, Михайлы и самой Маши, вступаетъ съ нею въ законный бракъ. Васильковъ и Непреклонный говорятъ хорошо, но пишутъ еще лучше, первый—дневникъ, второй—письма. Маша, кажется, не умѣетъ писать, зато умѣетъ *сильною рукою* вколачивать въ стѣну гвоздики, носить на *черной косѣ* красную косынку и весь свой станъ *вышибать на-*

задѣ. Говорить она отъибно-усладительно: «Здравствуйте, милый вы мой голубчикъ... Здравствуйте, голубчикъ вы мой...» и т. д.

Странное дѣло! Мы не можемъ отказать автору «Лѣта на хуторѣ» ни въ грамотности, ни въ умѣннн разсказывать, ни въ нѣкоторой теплотѣ чувства, а между-тѣмъ его повѣсть производитъ несприятное впечатлѣніе. Почему-же это? Потому, что въ ней ярче всего выступаетъ поползновеніе автора—посредствомъ ложной поэтической окраски, не только придать законную силу исключительному факту, но еще и преисполнить сердца читателей умиленіемъ. Автору хочется выиграть фальшивый процессъ, и онъ приступаетъ къ дѣлу во всеоружіи поэзіи—поэзіи природы, поэзіи простой, неразвитой, но любящей души, поэзіи безыскусственной красоты, врожденной граціи, простоты, и проч. Однако его оружіе обращается на него самого: главное лицо, разсказа, Маша, взятое отдѣльно, или даже противопоставленное Непреклонному, этому немного слинявшему, но знакомому намъ лагерротипу, весьма недурно; но какъ только Маша сталкивается поближе съ неестественной *парочно*, для *вящаго эффекта придуманной* фигурой Василькова, то вся превращается въ приторную героиню. Ей самой не по себѣ, самой неловко; неловко и читателю, выслушавшему защиту фальшиваго процесса...

Къ полному нашему удовольствію, «Лѣто на хуторѣ» выкунается отрывкомъ изъ путевыхъ впечатлѣній И. А. Гончарова: «Атлантическій Океанъ и о. Мадера» и занимательной статьею С. П. Ж-ва: «Дневникъ чиновника».

Повѣсть Е. К-на: «Въ деревнѣ и въ Петербургѣ» (въ «Современникѣ») порадовала насъ нѣсколькими сценами, обведенными твердою рукою, и двумя-тремя характерами, изученными любовно. Палубинъ, Терповскій и хорунжій Кузьма Петровичъ выхвачены живьемъ изъ дѣйствительной жизни. Вѣрно очерчены и побочныя лица разсказа; но самый разсказъ порядочно растянута и все-таки неоконченъ. Намъ кажется, что повѣсть Г. Е. К-на отрывокъ изъ большаго правописательнаго романа—въ родѣ «Семейства Холмскихъ» на новый ладъ. Во всякомъ случаѣ даровитость автора несомнѣнна. На первый разъ мы посоветуемъ ему избѣгать, по возможности, пестроты слога и не портить довольно-своеобразнаго изложенія подражательными вставками, въ родѣ слѣдующей:

«Пирушка продолжалась долго, далеко за полночь. Последніе гости разошлись и разъѣхались, когда потухла, блѣднѣя, послѣдняя звѣздочка въ небѣ, подъ пеленой котораго уже бѣлѣлось зараждающееся утро, робко дотрогиваясь до дерева, до шпица церкви, и опять пряталось, не

осиливъ ночныхъ сумраковъ, тяжелыхъ и мрачныхъ. Кажется, оно какъ-бы притаилось, собирается съ силами, и вдругъ прорвется, яркій лучъ прорѣжетъ темноту, пронизетъ свѣтомъ каждую песчинку, и достигнетъ до усталаго пастуха, спящаго на днѣ глубокаго оврага. Это какая-то борьба отживающей ночи и зарождающагося утра; воображенію и глазу кажется, что тамъ бьется что-то и какія-то таинственныя, невидимыя руки дергаютъ и пробуютъ сдвинуть мракъ съ мѣста... Вотъ, въ отдаленной избушкѣ крикнулъ первый пѣтухъ—вѣстникъ скорога утра; въ другой избѣ отозвался другой, потомъ третій, и крикъ поднимался все ближе и ближе, переходя отъ одной избы къ другой; и на каждомъ чердакѣ отзовется по очереди хохлатый пѣвунъ, хлоная крыльями. *Подулъ легонькій, предразсвѣтный вѣтерокъ, насталъ краткій моментъ, когда сонъ на время охватываетъ все живущее, когда глаза такъ и липнутъ, и жующая всю ночь лошадь тоже клонится къ землѣ. Въ полъ зазвенѣлъ первый жаворонокъ и слышался стукъ телеги мужика, пдущаго на низу.*

Такія описанія очень хороши въ подлинномъ текстѣ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», но не въ искаженномъ переводѣ... съ русскаго на полурусскій.

Въ «Библиотекѣ для Чтенія» помѣщены три неизданныя письма Гоголя къ инспектору 2 го благороднаго пансіона при кievской первой гимназiи, Александру Семеновичу Даннлевскому. Изъ числа этихъ писемъ только одно (третье) имѣетъ нѣкоторую біографическую цѣнность, но тѣмъ неменѣе читатели, вѣроятно, будутъ признательны «Библиотекѣ» за неожиданное появленіе на ея страницахъ нѣсколькихъ строкъ Гоголя. Жаль только, что «Библиотека», признавшая наконецъ — meglio tarde che mai — «писательское достоинство» въ письмахъ Гоголя, никакъ не хочетъ отступить отъ прежнихъ убѣжденій безъ извѣстныхъ оговорокъ. А право было-бы лучше, еслибы ихъ не было.

Вторая статья г. Небольсина «Уральцы» нѣсколько занимательнѣе первой; не знаемъ — на сколько болѣе въ ней правды; говоримъ это потому, что первая статья г. Небольсина уже вызвала нѣсколько справедливыхъ возраженій, напечатанныхъ, кажется, въ «Москвитиннѣ». Вообще, вопросъ о достовѣрности сообщенныхъ г. Небольсинымъ свѣдѣній приходится оставить на разрѣшеніе людей, коротко знакомыхъ съ Ураломъ и уральцами. Подождемъ.

Говоря о майской книжкѣ «Библиотеки», нельзя не упомянуть о «Кирильчѣ» г. Мея; но отчетъ объ этомъ небольшомъ разсказѣ не входитъ въ настоящій бѣглый обзоръ майскихъ журналовъ, и мы отлагаемъ его до слѣдующаго № «Пантеона».

Стихотвореній много во всѣхъ трехъ разбираемыхъ нами журналахъ. Замѣчательно, какъ библиографическая рѣдкость, неизданное стихотвореніе Державина, помѣщенное въ «Отечественныхъ Запискахъ». Подъ остальными стихотвореніями подписаны имена гг. Полопскаго, Некрасова, Фета, Никитина, Михайлова, Жемчужникова и Мея. Недурно стихотвореніе г. Некрасова: «Я сегодня такъ грустно настроенъ»; но другое его стихотвореніе, «*Извозчикъ*», уступаетъ «Разказу ямщика» г. Никитина (Б. д. ч.). Последнее, не будь въ немъ маленькой темноты и какъ-бы пропусковъ, было-бы очень хорошо. Переводъ г. Михайлова (Б. д. ч.), «Надовескій похоронный плачь» изъ Шиллера, можетъ смѣло поспорить съ прекраснымъ переводомъ того-же стихотворенія, принадлежащимъ г. Мину, напечатаннымъ когда-то въ «Современникѣ». Мнѣніе о переводахъ г. Мея было неоднократно уже выражено на страницахъ нашего журнала. Они отличаются вѣрностію и силою стиха.

Перейдемъ къ прозаическимъ переводамъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» переводится романъ Уильяма Эневорта: «Окорокъ единокрусія, дооловскій обычай». Это одинъ изъ тѣхъ наивныхъ романовъ, въ которыхъ конецъ видѣтъ съ начала, а дѣйствіе и дѣйствующія лица намалеваны по давно знакомому трафарету. «Современникъ» и «Библиотека для Чтенія» переводятъ въ запуски новый романъ г. Диккенса «Hard times», первый — подъ заглавіемъ: *Тяжелыя времена*, вторая — подъ заглавіемъ: *Тяжелое время*. «Библиотека» опередила «Современникъ», въ ущербъ автору (по ея правописанію *Дикинсу*). Любопытно сличить оба перевода: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣтъ и тѣни сходства. Напримѣръ:

Современникъ.

Онъ (Чоакомчайльдъ) приступилъ къ прѣбной первой своей лекціи некакъ Моргіана въ сказкѣ о Сора (о) ка Разбойникахъ: онъ и не подумалъ узнать (,) что заключается въ каждомъ изъ кувшиновъ, передъ нимъ разставленныхъ. Продолжай, продолжай (,) добрый мистеръ Чоакомчайльдъ. (!) Но, наполняя запасомъ своихъ свѣдѣній поданные тебѣ сосуды, помышляешь-ли о томъ, что или ты со (—) всѣмъ убиваешь (ь) заглядывающаго въ нихъ пе-

Библиотека.

Онъ (Мчокемчилдъ) заглядываетъ во всѣ кувшинчики, расположенные по скамьямъ, и до того насыпаетъ ихъ фактами, что они чуть держатся. Онъ, во чтобы-то ни было, хочетъ вытурить оттуда разбойника, — вобораченіе.

видимаго татя — «воображеніе», или только искажаешь (ь) его и увѣчишь.

Далѣ и въ «Современникѣ», и въ «Библіотекѣ» начинается третья глава, подъ одинакимъ заглавіемъ: «Прорѣха.»

Кто виноватъ, кто правъ — судить не намъ... Мы можемъ только сдѣлать перифразисъ извѣтнаго нравоученія и заключить:

«Одинъ былъ полѣе другаго, а другой былъ грамотнѣе одного.»
До слѣдующей книжки.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

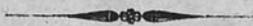
№ 7.

О П Е К У Н Ъ.

КОМЕДИЯ

АЛЕКСѢЯ СЕЛИВАНОВА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА :

ФЕДОРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ПАТОКИНЪ, купецъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА, жена его.

НАСТЕНЬКА, богатая сирота, племянница ихъ, подъ опекой Патокина.

ВАСИЛІЙ МАТВѢИЧЪ ВЛАСЬЕВЪ, купецъ.

АНТОНЪ МАТВѢИЧЪ ВЛАСЬЕВЪ.

МИТЯ, сынъ его.

АРДАМОНЪ АЛЕКСѢИЧЪ ЛАПКИНЪ.

ПЕТРУША, сынъ его.

МАТРЕНА ИВАНОВНА, старая дѣва.

АННА ФЕДОРОВНА, пожилая вдова.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА, молодая купчиха.

КАТЕНЬКА, сестра ея.

ВАСЯ, прикащикъ и дальній родственникъ Патокина.

НИКАНОРЪ СИЛЫЧЪ ПАШНЕВЪ, прѣзжій купецъ.

ЯКОВЪ СЕМЕНОВИЧЪ ЯКОВЛЕВЪ, его знакомый.

САВИЩНА, нѣчто въ родѣ свахи.

ФЕДОСЬЯ, старая горничная Патокиныхъ.

Родственники Патокина

и Настеньки.

1

2

3

4

дѣвушки.

Дѣйствіе въ уѣздномъ городѣ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Большая комната; кругомъ нѣсколько простыхъ стульевъ, два стола; на одномъ изъ нихъ лежатъ бумаги и записныя книги; на правой сторонѣ окно, на лѣвой и посрединѣ двери.

I.

ПАТОКИНЪ и ВАСЯ выходятъ изъ разныхъ дверей.

Патокинъ. Ты опять здѣсь?

Вася. Я... я... дядинька, значить, за счетами пришелъ, давеча счета забылъ.

Патокинъ. Ты что-то больно часто сталъ шмыгать изъ лавки: то счета забудешь, то еще что-нибудь; — да вѣдь меня не проведешь; я вижу, что тебя сюда тянетъ!

Вася. Въ дурномъ, кажется, заподозрить нельзя-съ; кромѣ моего усердія къ вамъ, какими ни на есть художествами не занимаемся.

Патокинъ. Не про художества рѣчь, а про то, зачѣмъ ты съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ суешься?

Вася. Признаться, дядинька, я не соображу, о чемъ вы говорить изволите.

Патокинъ. Не сообразишь! Экой Акимъ-простота, подумаешь, а самъ, чай, ужъ давно смекнулъ, въ чемъ дѣло! Только я тебѣ, братъ, напрямикъ скажу: не по капиталу хватать хочешь, будетъ слишкомъ жирно для тебя.

Вася. Право слово-съ, дядинька, не знаю, значить, о чемъ ваша рѣчь!

ПАТОКИНЪ. О Настъ, слышишь что-ли? о Настъ! Развѣ я не вижу, что ты за ней ударишь: какъ ни перевернешься, ты всегда здѣсь торчишь.

ВАСЯ. Напрасно вы, дядинька, значить, обижать изволите; я никогда не подавалъ повода такъ о себѣ думать. Если-же случилось поговорить съ Настасьей Васильевной, то—провалится на этомъ мѣстѣ—безъ всякихъ видовъ; значить, по родству и больше ничего-съ.

ПАТОКИНЪ. По родству! Какъ-же! Какой-ты ей родственникъ? Десятая вода на кисель. Чай разгорѣлись глаза на ея деньги?

ВАСЯ. Чего-же имъ разгораться? Я знаю-съ, вы за меня не отдадите Настасью Васильевну.

ПАТОКИНЪ. Тонкая ты, братъ, штука, а меня не перехитрить, я тебя насквозь вижу; ты давно забилъ въ свою пустую башку эту гнилую фантазію.

ВАСЯ. Почему вы это изволите заключать-съ?

ПАТОКИНЪ. За чѣмъ ты отказался жениться на дочери Мавры Ильинишны?

ВАСЯ. Значить, еще молодъ-съ, подождать могу; притомъ-же невеста, значить, особеннаго интереса не представляетъ.

ПАТОКИНЪ. А тебѣ какого хочется интереса? Въ тебѣ-то что есть особеннаго? Шижгаль голландская, и больше ничего!

ВАСЯ. Безвинно вы, дядинька, ругаться изволите-съ. Всякой, значить, хлопочетъ о своей пользѣ и желаетъ себѣ лучшаго, почему-же мнѣ не думать, что я могу найти невесту покрупнѣе? Вотъ-съ, къ примѣру сказать, вы, вы тоже сначала, значить, были...

ПАТОКИНЪ. Я? Ха, ха, ха! Далеко, братъ, куцому до зайца. Такихъ, какъ я, немного! Экъ куда хватилъ!

ВАСЯ. Вы, дядинька, тоже, значить, изъ простаго происхожденія-съ...

ПАТОКИНЪ. Однако, полно разсуждать. Ступай въ лавку, да смотри у меня, носъ-то сюда нечасто высовывай, а то я шутить не стану, какъ разъ встрепку задамъ.

ВАСЯ. Позвольте-съ счеты!

ПАТОКИНЪ. Бери, да убирайся! *(Вася беретъ счеты и уходитъ).*

II.

ПАТОКИНЪ *(одинъ).* Всякая шваль, шимора лезетъ на одну доску со мною, а того не понимаетъ, что для этого нужна го-

лова! Нажить деньги, сдѣлаться извѣстнымъ и образованнымъ челоуѣкомъ нелегко и невсякой сѣумъеть, на это съ измальства должна быть особенная снаровка. Я вотъ зачалъ съ дегтю. Положимъ, деготь вещь не галантерейная, и, такъ-сказать, низкая, да отъ него я тысячи нажилъ, а на нихъ такія дѣла раздѣльвалъ, что уму непостижимо. А до меня въ нашемъ городѣ много было торговцевъ по этой части. Отчего-же они не пошли въ гору? Значить оттого, что не тотъ умъ, не то знаніе коммерціи. А этотъ пострѣль Васька лезетъ за мною, надѣется быть такимъ-же, какъ я! Нѣтъ, братъ, погоди. Ты хоть и пройда, да въдь и я изъ тѣхъ, что мышки рвутъ; я сквозь пальцы не смотрю и обмошенничать себя не дамъ; около насъ не пообѣдаешь; то есть, вотъ какъ: тончайшую шельму проведу и выведу, обувшись въ ротъ влезу, а съ такимъ, какъ ты, и разговаривать не буду, съ разу въ бараній рогъ сверну. Туда-же подъ Настю цѣлить! Да врешь, какъ ни гни, какъ ни приснащивайся, а твое дѣло не выгоритъ! Я въдь кой-что понимаю. Ты глядишь юродивымъ, притворяешься такимъ сахарнымъ, потому-что въ хомутъ; а дай-ко тебѣ волю, ослабь возжи, такъ чего добраго, первымъ долгомъ поставишь нагадить въ знакъ благодарности. Дѣла-то по имѣнію, чай, всѣ извѣстны. Нѣтъ, Васька, не видать тебѣ Насти, какъ ушей своихъ. (*Молчаніе*). Шельма, знаетъ, что я на его руку не потяну, такъ онъ помимо меня самъ командуетъ; юлой юлитъ около дѣвки, на разныхъ прибауткахъ передъ ней выхвать хочеть; да дѣвка-то попалась не изъ тѣхъ, ее вязаннымъ рыломъ, да мужицкимъ запахомъ не удивишь, она хоть и съ бусарью, а въ барство хочеть втереться, нашего брата неслишкомъ жалуетъ, не иначе величаетъ, какъ курпякамн. Ей подавай челоуѣка нынѣшняго, что называется полированного, изъ кургузыхъ; не бѣда, если у него въ одномъ карманѣ пусто, а въ другомъ нѣтъ ничего, лишь-бы по фигурѣ смотрѣлъ бариномъ. Вотъ такой ей понравится, да и мнѣ будетъ съ руки; по-крайней-мѣрѣ, я знаю, что въ убыткахъ не останусь, а за всѣ труды и заботливость, около такого франта поживусь кой-чемъ. Вотъ оно дѣло-то какого выходитъ рода!

III.

ПАТОКИНЪ, А. ВЛАСЬЕВЪ и ЛАПКИНЪ.

ЛАПКИНЪ. Миръ вамъ и мы къ вамъ!

ПАТОКИНЪ. Милости просимъ.

А. Власьевъ. Все-ли себѣ въ добромъ здоровьѣ-сѣ? Какъживаете-сѣ?

Патокинъ. Слава тебѣ Господи, живемъ по немногу. А ваша супруга?

А. Власьевъ. Живетъ, слава Богу-сѣ.

Лапкинъ. А моя такъ просто никуда не годится! Зубы ни на минуту покою не даютъ. Охаетъ, стонетъ, хоть вонь изъ дому бѣги; а вѣдь сама виновата: вздумала босикомъ по комнатамъ пройти. Ужъ я подлекаря приводилъ.

А. Власьевъ. Я вамъ доложу-сѣ, эти лекаря ничего не знаютъ-сѣ.

Лапкинъ. Подлинно ничего не знаютъ, хоть-бы каплю помогъ ей; даль на зубъ класть какой-то дряни; какъ положила, такъ замулило на душъ, что она сейчасъ-же выплонула.

А. Власьевъ. А вы вотъ что-сѣ: пошлите на Щегловку, тамъ живетъ отставной [солдатъ, Михеичъ, — онъ, я знаю-сѣ, сдѣлаетъ помощь вашей супругѣ; лечитъ хорошо-сѣ, да-сѣ, очень хорошо лечитъ. Я однажды, не помню право-сѣ, на какой-то праздникъ разгавливался, такъ что-то сдѣлалось не по себѣ, и жженіе какое-то, и такъ-же, какъ вотъ вы изволите говорить, на душъ замулило; онъ мнѣ воду наговаривалъ, и такъ потрафилъ, что въ нѣсколько дней всю боль какъ рукой сняло.

Лапкинъ. Это надо послать. Вы говорите, его Михеичемъ зовутъ?

А. Власьевъ. Да-сѣ. Вы прикажите спросить: гдѣ, молъ, здѣсь живетъ Михеичъ, что лечитъ? Вамъ сейчасъ-же покажутъ; его всѣ знаютъ-сѣ; маленькій ребенокъ укажетъ его домъ.

Патокинъ. Я такъ съ роду не лечился и лекарей знать не знаю. Если-же случится когда разнемочься, сходишь въ баню, натрешь-ся стручкомъ, куда и бользнъ дѣвается.

Лапкинъ. Это отъ простуды хорошо, я самъ испыталъ. (*Молчаніе*).

А. Власьевъ. Ну-сѣ, каково поторговываете?

Патокинъ. Не похвастаюсь, тихо идетъ!

А. Власьевъ. Торговлей никто не хвалится; я вотъ-сѣ заходилъ въ ряды и спрашивалъ кой у кого изъ бакалейныхъ торговцевъ; жалуются, сильно жалуются.

Лапкинъ. Правды-то нынче никто не скажетъ. Иной тысячи выручаетъ, а все плачется.

А. Власьевъ. Нѣтъ-сѣ, оно, если разсудить, въ-самомъ-дѣль, торговля измѣняется. Я вамъ доложу-сѣ, такихъ торговцевъ,

какъ въ прежнее время бывало, ужъ нѣтъ-съ. Нынче торговлю за дѣло не считаютъ-съ. Молодежи-то нашей, такъ-сказать, торговать не съ руки-съ; дѣла сочли за лучшее бросить на чужія руки, полагаются во всемъ на прикащиковъ.

Патокинъ. Ну да не все-же; я вотъ вездѣ самъ орудую.

А. Власьевъ. А много-ли такихъ, какъ вы-съ? Вы, такъ-сказать, нашъ старый, транзитный купецъ. Притомъ-же я говорю про молодыхъ-съ. Вотъ къ примѣру взять Коркиныхъ: у нихъ при старикѣ отцѣ дѣла шли хорошо-съ, а умеръ онъ, стали заниматься молодые, не то и вышло-съ. Они все дѣла препоручили прикащику, самимъ-то заниматься некогда было. Что-жъ вы думаете? Бестія прикащикъ воспользовался случаемъ, запустилъ лапу слишкомъ глубоко. И какую-же тонкую механику подвелъ! Прикинулся такимъ безсребренникомъ, а теперь свой магазинъ открылъ. Хозяева-то думали, что такой смирный человекъ не рѣшится взять на свою душу тяжкаго грѣха и не потянетъ изъ ихъ кармана, а вышло не то! Вотъ у насъ какіе торговцы, отъ этого и торговля падаетъ!

Ланкинъ. Нѣтъ, погоди, ты не то говоришь. Отъ этого торговля не упадетъ; упадутъ двѣ, три лавки и только, а торговля не упадетъ. Вѣдь не у всехъ такіе мошенники прикащики и не все такіе олухи, какъ Коркины; главная или большая часть торговли все-таки остается въ рукахъ самихъ хозяевъ. А что стали торговать плохо, такъ это оттого, что много торгашей развелось. Куда ни глянешь, почитай на каждой улицѣ, на каждомъ переулкѣ лавка или магазинъ. Товары-то все стараются продавать другъ передъ другомъ дешевле, разумѣется и товаръ стали держать похуже; отъ такихъ-то фокусовъ и потеряли доверіе покупателей. А главная штука, которая губитъ нашихъ торговцевъ—это долги! Они сильно ихъ довзжаютъ, отъ нихъ-то такъ часто въ трубу и выпархиваютъ. Иной, чтобы поддержать торговлю и отбить покупателей у другаго, весь распустился, всякому встрѣчному даетъ товаръ въ долгъ; а послѣ сунется получать, то вмѣсто денегъ, да благодарности, отовсюду его по шеямъ провожаютъ. Вотъ отъ чего торговля стала. А молодежь ничего, у насъ много торговцевъ прекрасныхъ. Вотъ хоть-бы Щучкины—настоящіе купцы, Ланины, Донцевы тоже хоть куда! А мои дѣти чѣмъ нехороши? Торгуютъ ловко, обязанностей своихъ не забываютъ; отъ такихъ торговля не зашатается. Ес-

ли-же есть какіе завалыіе, вотъ какъ Коркины, то объ нихъ говорить не стоитъ, ихъ въ нашемъ городѣ, по счастью, немного.

Патокинъ. Я съ тобой несогласенъ. Эта статья не такого рода. Торговли нѣтъ оттого, что все слишкомъ высоко нось деруть. Всякая дрянъ, если ему пришлось обзавестись кой-какимъ заведеніемъ, мечтаетъ о себѣ, что онъ равенъ съ фундамендальными купцами. Иной выкарабкается изъ прикащиковъ, откроетъ лавченку, въ которой, глядишь, товару-то своего на два алтына съ тряпичей; а поскорѣ спышитъ ентовую шубу напялить, пролетками обзавестись, начинаетъ жить не по капиталу, бражничаютъ каждый день съ пріятелями; а спустя годикъ, али два, и кончитъ тѣмъ, что у него отъ лавки аршинъ да ножницы останутся. А про молодежь ты, братъ, не говори, она изъ рукъ вонъ какая скверная; къ старикамъ у ней нѣтъ никакого уваженія: когда придется пройти мимо, шапки не сниметъ; а все оттого, что отцы ихъ вздумали за барамы тянуться, стали разучивать возлюбленныхъ дѣтокъ по разнымъ заведеніямъ. Они, дурачье, не понимаютъ, что можно быть образованнымъ и безъ науки. Я, вотъ примѣрно, дегтемъ торгую, въ заведеніяхъ не учился, а отчего образованъ? А? Оттого, что каждую копейку трудомъ добывалъ! Вотъ оно дѣло-то въ чемъ, такъ-то-съ!

А. Власьевъ. Совершенно справедливо изволите говорить-съ.

Лапкинъ. Я объ этомъ нѣсколько разъ рассуждалъ, и какъ мнѣ кажется, всегда отцы виноваты въ томъ, что дѣти выходятъ ледящіе.

А. Власьевъ. Позвольте узнать, чѣмъ-же отцы виноваты-съ?

Лапкинъ. А вотъ чѣмъ: во-первыхъ, не умѣютъ обращаться съ дѣтьми; дѣтей надобно съ измальства пріучать, чтобы они боялись взгляда отцовскаго, стараться внушить имъ одно нужное, полезное. Если онъ сдѣлаетъ маленькую шалость, бей его, сдѣлаетъ большую, пори его. Послѣ всего этого онъ будетъ хорошимъ человѣкомъ. Вотъ я про своихъ скажу, я ихъ держу въ аккуратъ, и ужъ могу похвастаться, воспитаны они у меня такъ, что лучше быть не надобно. Я тамъ не по ученому ихъ воспитывалъ, а по своему, соображаясь съ своимъ умомъ.

А. Власьевъ. Они у васъ какимъ-же наукамъ учились?

Лапкинъ. Дьячекъ выучилъ читать по толкамъ, писать, считать на счетахъ, и баста!

А. Власьевъ. Это прекрасно-съ. Я своихъ тоже многому не

научаюсь-съ. Отдалъ ихъ къ унтеръ-офицеру-съ; отлично учить! Старшій-то сынокъ ужь ему помогаетъ другихъ учить; за это я плачу за него дешевле-съ.

Патокинъ. Военному отдавать лучше, баловаться меньше будутъ; у того расправа коротка: такъ вздуеть, что съ недѣлю надо заглядывать!

А. Власьевъ. Оно конечно! А все безъ баловства нельзя; сами посудите,—дѣти. Вотъ недавно-съ мой сынокъ вздумалъ пошालить: замѣтилъ, куда учитель кладетъ деньги, и унесъ у него два съ полтиной. Что-жъ вы думаете? Въдь онъ ихъ не истратилъ на пустяки, а пошелъ въ лавку и купилъ себѣ картузь. Когда учитель пожаловался мнѣ, мы много съ женой этому смѣялись. Дѣтскія шалости!

Патокинъ. Ха, ха, ха! Онъ у тебя хозяинъ будетъ!

А. Власьевъ. Да-съ, мальчикъ смышленный!

Липкинъ. А какихъ лѣтъ?

А. Власьевъ. Съ Покрова пятнадцатый пошелъ; ужь и въ лавку скоро посажу.

Патокинъ. Ну, подожди, лѣта еще небольшія.

А. Власьевъ. Почитай ребенокъ-съ. (*Молчаніе*). Федоръ Степановичъ! Что-же за Настеньку послѣ Ефимова были женихи-съ? Сватался еще кто-нибудь-съ?

Патокинъ. Были, да все не подѣ стать. Съ ея капиталомъ надо выждать хорошаго!

А. Власьевъ. Кто-же такіе-съ?

Патокинъ. Да вотъ Чернова старшій сынъ сватался. Вы его знаете?

А. Власьевъ. Что-то не помню-съ!

Патокинъ. Алеша линючій, волосы на головѣ всѣ повылезли, а носъ красный, съ луковку. Вы его, должно-быть, видали, да запомнили. Ну какой это женихъ? Я и толковаться съ нимъ не сталъ, съ перваго-же раза отказалъ—неподходящая линія!

Липкинъ. Вишь куда лезетъ! Искаль-бы себѣ ровню!

Патокинъ. А то еще Четкинъ сватался. Этому тоже отказалъ, не понравился: похожъ на какого-то комедіанта, съ усами, голова пуклатая, корчитъ изъ себя барина, въ каретѣ разъезжаетъ; а это вещь ненадежная: значитъ скоро профинтится. Больше жениховъ не было.

А. Власьевъ. А я слышалъ стороной, поговаривали-съ, будто Камышевъ дѣлалъ предложеніе? Это, должно-быть, соврали-съ?

ПАТОКИНЪ. Камышевъ хотѣлъ только, а не сватался.

А. Власьевъ. Тотъ-съ! Я думаю, еслибы посватался, вы-бы намъ объ этомъ дали знать; вѣдь мы не чужіе, тоже родственниками ей приходимся.

ПАТОКИНЪ. Нѣтъ, онъ не сватался!

А. Власьевъ. Сказали, будто у васъ съ нимъ на счетъ опеки вышло что-то такое!

ПАТОКИНЪ. А что у меня на счетъ опеки? Я хоть сейчасъ готовъ сдать ее! Это все бабы хвосты вяжутъ, отъ нихъ эти сорочки вѣсти!

А. Власьевъ. Признаться, не помню хорошенько, гдѣ это пришлось мнѣ слышать-съ; говорили, что вы боитесь какихъ-то привязокъ со стороны Камышева. Кажется, такъ-съ!

ПАТОКИНЪ. Мнѣ все-равно за кого Настю ни отдать, я никого не боюсь; ея имѣніе все цѣло. А если я Камышеву отказалъ, то это по моему усердствію къ ней, не хочу, чтобы она послѣ на меня плакалась.

А. Власьевъ. Онъ что-же, нехорошъ? то-есть, ненадеженъ?

ПАТОКИНЪ. Какой чортъ на него понадеется! Я разузнавалъ, оказалось онъ шельма такая, что не роди мать сырая земля! Притомъ-же, у него есть какая-то сударка. Ну можно-ли за такого отдать?

А. Власьевъ. Это нехорошо-съ. Такъ вы, значитъ, не безъ причины отказали ему? Вотъ подите-жь! А люди толкуютъ въ другую сторону.

ПАТОКИНЪ. Отчего? Оттого, что я добрыя дѣла свои не рассказываю, а дѣлаю потихоньку. Такъ-то.

ЛАПКИНЪ. Ну, полно толковать. Мало-ли что люди болтають всего не переслушаешь.

ПАТОКИНЪ. Вѣдь обидно. Тутъ дѣлаешь, такъ-сказать къ при-мѣру, благотвореніе, а они пакости сочиняють.

А. Власьевъ. Это всегда такъ-съ. А вы плюньте, да не слушайте. Кто васъ знаетъ, тотъ не станетъ думать о васъ худо-го, и не скажетъ, что вы отказываете хорошимъ женихамъ для своей пользы.

ПАТОКИНЪ. Я человекъ такой, скорѣе свое упушу; или нѣтъ, своего не упушу, да и чужаго брать не стану.

А. Власьевъ. Можетъ-быть, все это Камышевъ самъ выдумалъ! Стыдно стало, что забраковали, онъ и давай сочинять: дескать, потому и отказалъ, что испугался меня, знаетъ, что я не спуг-

шу и потребую отчета въ женномъ имѣнїи, не дамъ ни копеечки попользоваться.

ПАТОКИНЪ. Да, именно, это онъ самъ выдумалъ, ужъ такой подлый человекъ, я его давно знаю: пьяница, мотыга.

А. Власевъ. Позвольте-съ, онъ, кажется, ничего не пьетъ-съ?

ПАТОКИНЪ. Это я такъ къ примѣру говорю, а можетъ-быть, и пьетъ, чортъ его знаетъ!

А. Власевъ (*съ усмѣшкой*). Признаться сказать, опека вещь трудная-съ, пользы нѣтъ никакой, а хлопотъ много! Федоръ Степановичъ, такъ-ли я говорю или нѣтъ-съ?

ПАТОКИНЪ. Известное дѣло такъ, хлопотъ много; я, выходить, только по родству взялъ на себя эту обузу! (*Молчаніе*).

А. Власевъ. Ардалионъ Алексѣичъ! однако мы съ вами за- сидѣлись, время идти-съ.

ЛАПКИНЪ. Пойдемъ!

ПАТОКИНЪ. Куда вы сѣдете?

А. Власевъ. Пора-съ. Хотѣлось еще въ ряды зайти, поблакать кой съ кѣмъ. Мы къ вамъ завернули на минутку, узнать, каково поживаете-съ, да признаться, желательно было поговорить про Камышева. Просимъ прощенія-съ.

ПАТОКИНЪ. Будьте здоровы, супругъ наше почтеніе.

А. Власевъ и Лапкинъ. Покорнѣйше благодаримъ-съ. Къ намъ милости просимъ (*Уходятъ*).

IV.

ПАТОКИНЪ одинъ, нѣсколько минутъ ходитъ молча.

Вишь куда мѣтить! Тонкая штука! Все съ подковырками! Жаль только, что не на того навхаль, сами сдачи дадимъ. Отъ кого-бы это онъ узналъ про Камышева? Развѣ въ правду тотъ рассказалъ? Нѣтъ, не можетъ быть! Этотъ бестія Антошка вѣчно все пронюхаетъ; тутъ только что-нибудь приладишь, ему ужъ и известно. Вишь подпустилъ какую штуку! (*Дразнитъ Власева*). «Слышалъ стороной, разошлось что-то за имѣніемъ.» Голова, нечего сказать, голова! Знать завидно стало, что не ему придется попользоваться около имѣнія Насти. Нѣтъ, братъ, ты хоть и сладко говоришь, а мы тебя знаемъ! Мошенникъ первышаго сорта и больше ничего! Съ ближняго готовъ последнюю рубаху стащить. И отецъ-то, говорятъ, такой-же выжига былъ, и жена... Да что говорить, весь родъ ехидный! (*Молчаніе*). Од-

нако надо этимъ дѣломъ позаняться, а то чего добраго, отъ этой швали всего ожидать можно, какъ разъ встрянуть въ дѣла, приищутъ жениха по своему вкусу, и я останусь не при чемъ. Въ особенности этотъ прощельга Антонъ, съ радостью готовъ кому угодно и какую хочешь подлость подпустить. (*Задумывается*). Какъ нарочно, нѣтъ никого на примѣтъ поподходящей; попадаются все такіе женихи, которые наравятъ, сверхъ Настеньки имѣнія, съ меня еще слупить. Бѣда да и только!

V.

ПАТОКИНЪ и НАСТЕНЬКА.

Настенька. Дядинька, я хочу вхатъ кататься.

Патокинъ. Не на чѣмъ, матушка; мнѣ по дѣламъ нужно вхатъ.

Настенька. Вотъ прекрасно! Для вашихъ дѣлъ я должна лишать себя удовольствія.

Патокинъ. Ну что-жъ за бѣда, если денекъ посидишь дома.

Настенька. Что? Сидѣть дома? Этого не будетъ! Вы можете отправиться пѣшкомъ.

Патокинъ. Нельзя. Нужно вхатъ къ важному лицу, къ высокой особѣ.

Настенька. Я думаю, для этой высокой особы все-равно, придете-ли вы или придете пѣшкомъ; дальше передней не пустятъ! Это ни на что непохоже. Засадили въ четырехъ стѣнахъ и держать словно въ каторгѣ. Мнѣ только и развлеченія кататься, а вы и этого лишаете. Вамъ, знать, хочется, чтобы я задохнулась въ этой душной комнатѣ! Вы убить меня хотите!

Патокинъ. Господь съ тобою, что ты это говоришь, Настенька! Ужъ я-ли не стараюсь угодить тебѣ, такъ-сказать, удовлетворить тебя!.. Одинъ Господь Всевышній видитъ мое сердце, а ты не хочешь даже чувствовать моего усердія. Ну, я пойду пѣшкомъ, повзжай себя, катайся, если хочешь, для тебя я готовъ на все. (*Всторону*). Вотъ подлющая дѣвка, такъ и рветъ носъ; постой, дай только съ рукъ тебя свалить, ужъ я-жъ те оплачу, каторжная!

Настенька. Можете вхатъ, я не хочу кататься, не хочу мѣшать вашимъ дѣламъ, чтобы послѣ не было упрековъ, что я зла, капризна! Боже мой, Боже мой! заставляють каждый день умирать отъ скуки!

ПАТОКИНЪ. Ну, поди къ тетенькѣ, поговори съ ней, вотъ и скука пройдетъ!

НАСТЕНЬКА. Нечего сказать, пріятная бестѣда.

ПАТОКИНЪ. Ну, музыку найми для своего удовольствія, органищика позови, да позабавься.

НАСТЕНЬКА. Подите прочь съ своимъ органищикомъ!.. Ну что-жъ вы стоите? Вы хотѣли вѣхать! Ступайте!

ПАТОКИНЪ. Сейчасъ, матушка, сейчасъ! (*Всторону*). Я знаю, что тебя раскатываться-то тянетъ; ты тамъ около какого-то приказнаго расфрантериваешь, шуры-муры да разныя шашни съ нимъ заводншь. Что добраго, съ дуру втюрился въ эту голь перекатную, вотъ-те и каверза будетъ. Только свяжись, сейчасъ-же подь судъ упечеть.

НАСТЕНЬКА. Поѣдите-ли вы или нѣтъ?

ПАТОКИНЪ. Какъ-же, поѣду, поѣду. (*Всторону*). Тфу, ты дура набитая! (*Уходитъ*).

VI.

НАСТЕНЬКА одна.

Боже мой! за что я попала въ это общество? Неучи, грубияны на каждомъ шагу, нѣтъ ни одного порядочнаго человѣка, съ которымъ можно усладительно поговорить; только и слышишь съ утра до ночи шумъ, брань, да глупые разговоры. Очень нужно было папенькѣ съ маменькой умирать; будь они живы, я не мучилась-бы такъ, не попала-бы къ этому дуралею дядюшкѣ. Съ моими понятіями, съ моимъ образованіемъ я, кажется, недолго проживу здѣсь. (*Сквозь слезы*). Умру, не узнавши жизни. (*Плачетъ*). Я уже чувствую сильную боль въ груди; знать скоро, скоро придется лечь въ сырую могилу. А все эти изверги причиною! Хоть-бы выдти замужъ поскорѣе, все-бы лучше было. Только я ни за что не пойду за того, кто нравится моимъ милымъ родственникамъ; я знаю, у нихъ не дрогнетъ сердце отдать меня за такого-же героя, какъ они сами. Нечего сказать, весело будетъ попасть изъ огня да въ полямя. (*Вздыхаетъ*). Боже мой! несчастный меня, кажется въ цѣломъ мѣрѣ нѣтъ! Ужъ чего только я не перенесла, какихъ мученій не испытала, какъ это я еще жива до-сихъ-поръ... (*Задумывается*).

VII.

НАСТЕНЬКА и ВАСЯ выглядывают из дверей.

ВАСЯ. Настасья Васильевна одна! дядюшки, значить, нѣту-ти.
(Тихо входит и кланяется).

НАСТЕНЬКА. Ахъ! Кто здѣсь?

ВАСЯ. Это я-съ!

НАСТЕНЬКА. Вы вѣчно съ шутками. Испугали на смерть.

ВАСЯ. Если испугалъ-съ, то право ненарокомъ, значить, и на умъ этакого дѣла не было-съ!

НАСТЕНЬКА. Вамъ кого надобно? Дядю? Его нѣтъ, онъ со двора ухалъ.

ВАСЯ. Очень мнѣ нуженъ, хоть-бы вѣкъ съ нимъ не видаться. Признаться сказать, мнѣ его ругательства надобно слушать-съ. Я, значить, пришелъ по своему дѣлу.

НАСТЕНЬКА. А!.. (Подходитъ къ окну).

ВАСЯ. Я, значить, хотѣлъ-бы свое дѣло въ исполненіе произвести, а дядю намъ не надобно-съ. Оно дѣло такого рода, хоша и находится подъ сумленіемъ, но если съ вашей стороны, значить, вамъ-съ не будетъ противно, то можно считать его окончательнымъ.

НАСТЕНЬКА. Что вы за чепуху городите?

ВАСЯ. Настоящее дѣло говорю-съ. Я уже давно хочу эту штуку пустить въ ходъ, да, признаться, случая не было. Оно, конечно, если разсудить съ одной стороны, то значить, дерзостно, но вы сами изволите знать: лъзя-ли сердцу приказать!

НАСТЕНЬКА. Не понимаю ни слова! Впрочемъ, ваши дѣла до меня не касаются (Идетъ).

ВАСЯ. (дѣлаетъ къ ней нѣсколько шаговъ). Настасья Васильевна!

НАСТЕНЬКА. Что вы?

ВАСЯ. Благоволите выслушать; мнѣ относительно вашей персоны желательно кой-что сказать.

НАСТЕНЬКА. Мнѣ?

ВАСЯ. Такъ точно-съ, вамъ-съ!

НАСТЕНЬКА. Говорите, только пожалуста не фигурничайте, а то я васъ не пойму.

ВАСЯ. Вы не обижайтесь на мои слова, я, значить, умереть на мѣсть, по душѣ буду говорить.

НАСТЕНЬКА. За что обижаться? Впрочемъ, можетъ-быть, вы глупости рассказывать хотите?

ВАСЯ. Никакъ нѣтъ-съ; мы этими дѣлами не занимаемся (*Становится на колѣна*). Значить, Настасья Васильевна! сжальтесь, не погубите!

НАСТЕНЬКА. Что это? Опять за старое, опять любовное объясненіе? Вы забыли, что я вамъ сказала?

ВАСЯ. Помню-съ, право слово помню-съ, но значить, собой владѣть не могу-съ.

НАСТЕНЬКА. Это изъ рукъ вонъ что такое! Богъ мой, какая я несчастная! Другимъ двушкамъ все хорошіе объясняются въ любви, а мнѣ-то, мнѣ-то, какой уродъ, глядѣть гадко! Какъ вы смѣете обижать меня? Я дядинькѣ жаловаться буду!

ВАСЯ. Вѣрьте истинѣ-съ, хлѣба лишился, ни на что-бы не смотрѣлъ, все, значить, вы однѣ въ предметъ.

НАСТЕНЬКА. Пошелъ вонъ, я на тебя равнодушно глядѣть не могу! Мнѣ дурно сдѣлается. Какъ ты осмѣлился на такую дерзость!

ВАСЯ. Я для васъ на все рѣшусь, только, значить, осчастливьте! Разнымъ наукамъ выучусь, въ военную службу пойду, до офицеровъ дослужусь.

НАСТЕНЬКА. Дай только дядинькѣ прѣхать, я ему все расскажу; онъ тебя дослужится до офицеровъ. Дрянъ, лапотникъ! вишь о чемъ возмечтать вздумалъ! (*Уходитъ*).

VIII.

ВАСЯ одинъ, нѣсколько минутъ стоитъ на колѣнахъ, потомъ медленно поднимается.

Значить, не поперло дѣло, карету подкатили, да еще съ ругательными словами. Скверно, право слово скверно! Вѣдь другимъ, поглядишь, въ этакоемъ случаѣ лафа, а тутъ что хошь, мимо да мимо! Эхъ жаль упустить, кусокъ-то больно хорошъ, почитай подъ 50 тысячъ чистагана, магазинъ-то можно открыть на славу. И чѣмъ это я ей не нравлюсь? Кажись, все какъ слѣдуетъ; въ лавкѣ, то есть, ни одна горничная безъ комплименту за деликатное обращеніе не оставитъ; танцовать тоже умѣемъ распрекраснымъ манеромъ, физигномія не подлостная какая-нибудь, а если взять въ сужденіе, значить, коммерцію, то, однимъ словомъ, ни въ чемъ маху не дадимъ. Какихъ-же ей еще надоть удовольствій! Али думаетъ генералы за

нее свататься будутъ? Какъ-же! держи карманъ шире! Не бось и взглядомъ, значить, не удостоятъ. (*Ходить по комнатъ*). Вишь расфуфырилась, словно графиня какая! Да, значить, непохожа, умереть на мѣсть, непохожа. Оно какъ не великаться, все видно, значить, что птица неважнаго полета! Что въ пансіонахъ-то училась! по французскому бормочеть! Велика важность! Вишь штука какая! Захотимъ, и мы съумѣемъ выучиться, дѣло-то, значить, не чортъ знаетъ какое, такъ, выходитъ, будемъ рвать, что мое почтенье!

IX.

ВАСЯ, САВИШНА и ФЕДОСЬЯ.

САВИШНА. Спасибо тебѣ, мать моя, что скоро подоспѣла; изгрызли-бы меня ваши собаки на смерть.

ФЕДОСЬЯ. Нѣтъ, онъ только кидаются, а рвать не рвутъ.

САВИШНА. Ужъ и перепугалась-же я. До-сихъ-поръ духъ не переведу. Присѣсть хотъ отдохнуть немного.

ФЕДОСЬЯ. Присядь, присядь, матушка.

САВИШНА (*Вась*). Что молодець, хозяева-то дома?

ВАСЯ. Не знаемъ-съ, мы тутъ, значить, не прислужники. (*Уходитъ*).

САВИШНА. Вишь, словно съ дуба рванулъ! Федосьюшка, ваши-то дома?

ФЕДОСЬЯ. Кажись дома.

САВИШНА. То-то. Мнѣ до нихъ дѣло есть. Здоровы? а?

ФЕДОСЬЯ. Что имъ дѣется! Люди богатые, живутъ въ свое удовольствіе. Хозяйка-то давица про тебя вспоминала: что-то, говоритъ, Савишны давно не видно!

САВИШНА. Ну дай Богъ ей здоровья, что не забываетъ насъ.

ФЕДОСЬЯ. Тебѣ хозяйку-то на что надоть? а?

САВИШНА. Надо, мать моя. Кой-что сказать ей надо.

ФЕДОСЬЯ. А!.. Что-жъ такое?

САВИШНА. Она меня просила похлопотать объ одномъ дѣлѣ, вотъ я и похлопотала.

ФЕДОСЬЯ. Знать изъ стараго платья что-нибудь продать?

САВИШНА. И, нѣтъ, не то, совсемъ не то. Ты вотъ что, поди-ка, скажи ей: Савишна, молъ, пришла!

ФЕДОСЬЯ. Хорошо. А если она спросить, по какому дѣлу, что сказать-то?

САВИШНА. Она знаетъ! Сейчасъ смекнетъ, зачѣмъ я пришла.

БЕДЕСЬЯ. Ну, ты посиди, покамѣсть, тутъ. Я ее сейчасъ выплю (Уходитъ).

X.

САВИШНА одна.

Измаялась, ноги-то отпанцырила, такъ и зудять! Легко-ли, почитай все утро присѣсть не удалось! Изъ конца въ конецъ весь городъ прошла. А все нужда! Охъ, нужда, нужда! День-то деньской мечешься, мечешься, словно угорьлая какая.

XI.

САВИШНА и МАРЬЯ ПЕТРОВНА.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Здравствуй, Савишна, на силу ты къ намъ глаза показала.

САВИШНА. Здравствуй, мать моя! Давно рвалась, да все нельзя было, то дѣла, то хлопоты, а тутъ еще болѣзнь привязалась. Ну, васъ-то какъ Господь Богъ милуетъ?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ничего, слава Богу!

САВИШНА. Ну, дай Богъ! А я, мать моя, съ вѣстями пришла, съ хорошими вѣстями.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вѣрно на счетъ Настеньки?

САВИШНА. Да, выглядѣла, сударыня ты моя, женишка ей, да такого, что заглядывнѣе, да и только!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Слава Богу! Кто-же онъ такой?

САВИШНА. Купецъ, матушка, богатѣйшій купецъ; только не здѣшній, а московскій!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. А!..

САВИШНА. Прежніе женихи, что сватались за вашу красавицу, ему, мать моя, въ подметки не годятся. Этотъ такой важный, великатный, словно баринъ какой. Онъ, видишь ты, хотѣлъ свататься у Зориныхъ, да я ему разговѣтовала, потянула на вашу сторону; говорю: ты, батюшка мой, посмотри на эту-то дѣвку, то есть, на вашу, просто ахнешь отъ удивленія; такихъ, говорю, въ Питеръ не найдешь: и богатая-то, и ученая-то, и въ обращеніи всѣ приличія знаетъ, а ужъ про красоту и говорить нечего.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Спасибо тебѣ, Савишна, спасибо!

САВИШНА. А какъ про свое житье-бытье онъ мнѣ рассказывалъ, такъ что-же это такое, мать ты моя! Не повѣришь, ротъ рази-

нула я отъ удивленія. Домъ-то у него въ Москвѣ на самой что ни на есть хорошей улицѣ, чуть-ли не въ четыре али пять этажей. Коляскамъ, каретамъ счету нѣту, а ужъ о пролеткахъ и говорить нечего. Апаратныя лѣстницы въ домъ дубовыя, всѣ лакомъ вымазаны; посудина-то вся у него не хаянцовая, а чистаго серебра, съ хаянцу у него лакеи вдятъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ахъ, какое богатство!

САВИШНА. И не говори, мать моя! Знакомство онъ ведетъ все съ князьями да графами, а своему брату купцу ужъ такъ изъ милости почтеніе дѣлаетъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. А молодой онъ, или пожилой?

САВИШНА. Молодой, молодой, лѣтъ тридцать съ небольшимъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Какъ-же это ты, Савишна, съ нимъ познакомилась?

САВИШНА. Самъ, мать моя, извощика за мной прислалъ. Когда бишь это было!.. Кажется, въ понедельникъ. Пріѣзжаю я къ нему, вхожу, вдругъ онъ встрѣчаетъ меня, я глядь, графъ не графъ, князь не князь,—важная особа! Вотъ онъ и зачалъ говорить. А какъ говорить-то, если-бъ ты послушала, словно по книжкѣ читаетъ! «Я, молъ, пріѣхалъ сюда изъ Москвы жениться, а какъ наслышанъ про васъ, что вы свахою ходите, то нельзя проговорить обо мнѣ у Зориныхъ; старшая мнѣ очень нравится.» А я ему тутъ съ вашей питомицей и подъехала. Эта, говорю, не въ примѣръ чище будетъ. Онъ сначала, признаться, и того, какъ будто заартачился; началъ спрашивать: какого роду, сколько денегъ и приданого? А какъ я ему все поразсказала, гляжу, онъ обошелся, сталъ тише, и началъ просить какъ-нибудь устроить, чтобы взглянуть на невесту.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Что-жъ, это можно!

САВИШНА. Я ему такъ и сказала: это, молъ, батюшка, можно сдѣлать; вы пріѣдете къ нимъ какъ-будто для знакомства или, примѣрно сказать, чаю напиться; вотъ невесту-то выведутъ, вы и увидите, а кетати ужъ и себя покажете!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Разумьется, надобно и его посмотреть.

САВИШНА. Загодя говорю, мать моя, понравится такъ, что разстаться съ нимъ не захотите. Рѣдкостный человекъ, полный, бѣлый, румяный и собой не плохъ; однимъ-словомъ, спасибо скажите.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Дай Богъ, Савишна, твоими устами медъ пить!

САВИШНА. Хорошо будетъ, родная, ужъ въ этомъ я не ошибусь.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ты у насъ, Савишна, останься объдаться, кстати съ Ѳеодоромъ Степанычемъ объ этомъ потолкуешь, а то теперь ихъ дома нѣтъ!

САВИШНА. Изволь, родная моя, останусь. Много тебѣ благодарна.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. А хорошо-бы это устроить! Пора ужъ Настенькѣ къ мѣсту.

САВИШНА. Ужъ такъ-бы хорошо, что лучше и желать нельзя. Я тебѣ скажу, женихъ-то какой, въ десять лѣтъ такого не дождешься; одно, не знаю, можетъ не понравится тѣмъ, что нездѣшній!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Что-жъ такое? Она вѣдь намъ не родная дочь, чтобы хлопотать изъ этого! Быль-бы только хорошій человекъ.

САВИШНА. Правда, твоя, матушка, истинная правда.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. А что онъ семейный или нѣтъ?

САВИШНА. Какой тамъ семейный, одинъ, какъ перстъ!

XII.

ТЪ-ЖЕ и ПАТОКИНЪ.

ПАТОКИНЪ. Савишна, ты здѣсь? А я хотѣлъ посылать за тобою.

САВИШНА. Здравствуй, кормилецъ! Все-ли себѣ здоровы?

ПАТОКИНЪ. Что намъ двется! Вишь какимъ молодецемъ.

САВИШНА. Ну, дай Богъ.

ПАТОКИНЪ. Ты-то какъ поживаешь? а?

САВИШНА. Э, эхъ, родной, какое наше житье! По милости благодѣтелей, такъ себѣ, кой какъ со дня на день перебиваюсь.

ПАТОКИНЪ. Гмъ!

САВИШНА. Нужда нуждой, а тутъ еще болѣзнь привязалась: поясница стала побаливать.

ПАТОКИНЪ. На поясницу я самъ сталъ жаловаться; иной разъ посидишь за какимъ-нибудь дѣломъ, такъ разболится, что подняться не въ ногу.

САВИШНА. Неволя тебѣ самому хлопотать, народу полонъ дворъ. Прикажи, глядишь, все сдѣлаютъ.

ПАТОКИНЪ. Эхъ ты, голова съ мозгомъ! Все сдѣлаютъ!.. Народу много! Да вѣдь у меня есть и этакія дѣла, для которыхъ нужна голова, вотъ самъ и орудуешь; а повѣрь какую-нибудь важную оказію своимъ шалопутнымъ прикащикамъ, такъ онося и самъ не расхлѣбаешь!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ѳедоръ Степанычъ, вѣдь Савишна къ намъ пришла съ предложеніемъ за Настеньку.

ПАТОКИНЪ. Что-жь, милости просимъ, очень рады.

САВИШНА. Этотъ женихъ, отецъ мой, безъ сумлѣнія будетъ, отличный человекъ, безъ всякихъ пороковъ.

ПАТОКИНЪ. А кто такой?

САВИШНА. Московской купецъ, Пашневъ прозвище, а звать-то Никаноромъ Силычемъ.

ПАТОКИНЪ. Такъ!

САВИШНА. Ты, батюшка, разспроси о немъ; ваши купцы въ Москвѣ бывають, небось знаютъ его; да и какъ не знать—лицо значительное!

ПАТОКИНЪ. А что онъ, Савишна, на счетъ того... то есть... не мошенникъ?

САВИШНА. И, что ты, мой отецъ! Христосъ съ тобой! Станули я мошенника сватать.

ПАТОКИНЪ. Нѣтъ, я не то хотѣлъ спросить. На нашихъ-то онъ не похожъ?

САВИШНА. Далекое свинымъ на небо смотреть! Наши-то передъ нимъ тфу! и больше ничего. Просто сказать, капли-каплющей сродства нѣту. Онъ, отецъ мой, если ты хочешь знать, больше на благороднаго сшибаетъ.

ПАТОКИНЪ. Ну, а въ словахъ-то онъ каковъ? Незамѣтно, что шельма? а?

САВИШНА. Въ словахъ-то? Что-жь! Въ словахъ ничего! Правду сказать, говорливъ-то онъ сильно, да вѣдь все такъ складно, умно говорить, слушать хочется!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Вамъ, Ѳедоръ Степанычъ, нужно за это дѣло поаккуратнѣе взяться.

САВИШНА. Узнай, отецъ мой, хорошенько узнай.

ПАТОКИНЪ. Известно такъ; если человекъ хорошій—упускать не надобно.

САВИШНА *(на распѣвъ)*. Ужъ такъ хорошъ, такъ хорошъ, словно потреть написанный.

XIII.

ТЪ-ЖЕ и ѲЕДОСЬЯ.

ѲЕДОСЬЯ *(съ таинственнымъ видомъ)*. Марья Петровна, пожалуйте сюда.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Что тебѣ надобно?

ӨЕДОСЬЯ. Матрена говоритъ, чтобы вы сѣли кушать, а то коклеты перегорятъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Сейчасъ. Өедоръ Степанычъ, пожалуйста, кушанье готово; объ дѣлахъ-то вы послѣ объѣда переговорите. Савишна, иди.

САВИШНА. Иду, иду, мать моя.

ПАТОКИНЪ (*идетъ*). Хорошо-бы, Савишна, эту статью намъ охлопотать!

САВИШНА. Охлопочемъ, отецъ мой, ужъ поверь мнѣ, я напередъ тебѣ скажу: быть на нашей улицѣ празднику.

(*Всѣ уходятъ*).

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Гостиная въ домѣ Патокина.

I.

ВАСЯ (*засматриваетъ въ боковую дверь*). Знать не прѣзжалъ! Изъ чужихъ никого не видно! Эхъ головушка ты моя горькая! Значить, изъ рукъ улетаетъ птаха; какъ ни трафилъ, какъ ни усердствовалъ, а не поймалъ. Ужъ такъ, выходитъ, жалко, такъ жалко, что нѣдо сердце разрывается. А все это растрепроклятая Савишна виновата. Дернула ее вороная съ женихомъ своимъ подвернуться. Еслибы не она, я-бы, значить, навѣрняка охлопоталъ эту исторію. Нѣтъ моего уваженія и любви къ этой старухѣ; будь, значить, моя воля, изъ всѣхъ-бы домовъ повыгналъ ее, какъ чуму какую. Но погоди, дай срокъ, наше не пропадетъ: при первомъ случаѣ я-жъ те оплачу, то есть, вотъ какъ значить, измордую, что у меня скажешься, какъ тебя зовутъ!

II.

ВАСЯ и ӨЕДОСЬЯ вносятъ свѣчи и ставятъ на столъ.

ВАСЯ. Васильевна, будь другъ, послужи!

ӨЕДОСЬЯ. Что тебѣ надобно?

ВАСЯ. Скомандуй сюда на одинъ моментъ барышню!

ӨЕДОСЬЯ. Какъ-же, дождайся. Барышня такъ къ тебѣ и кинется! Развѣ ты ослѣпъ, что она съ гостями занимается?

Вася. Да голова съ мозгомъ, ты скажи, что по оченно нужному дѣлу ее спрашиваютъ.

Ведосья. Нашель время лезть съ дѣлами. Не пойду, не пойду; если хочешь, иди самъ вызывай.

Вася. Слышь, Васильевна, самъ уважу; такой, значить, презентъ подарю, что мое почтенье.

Ведосья. Знаемъ мы ваши презенты! Теперь общаешь много, а послѣ купишь съ тебя возьмешь!

Вася. Провалиться на мѣсть, не обману!

Ведосья. Да у тебя какое къ ней дѣло?

Вася. Какое? Значить, позарѣзь нужное!

Ведосья. Ладно, такъ ужъ и быть, уважу, пойду. Только смотри-же, про подарокъ-то не забудь.

Вася. Ужъ не сумлывайся! (*Ведосья уходитъ*). Эхъ! если-бы вытянуло, то-то было-бы любо!

Ведосья (*возвращается чрезъ нѣсколько минутъ*). Барышня сказала, что у ней нѣтъ никакихъ дѣловъ съ тобой, а если ты еще вздумаешь ее кликать, то она пожалуется дядинькѣ, а онъ, дескать, ему какъ разъ шею наколотить.

Вася. Какъ-же! Такъ сейчасъ шею-то имъ, значить, и подставятъ! Слишкомъ много будетъ!

Ведосья. Ужъ это не мое дѣло. Какъ она сказала, такъ и передаю!

Вася. Вишь, больно охочи драться; да жалко, значить, не таковскіе достались! (*Садится*).

Ведосья. Чего ты тутъ разсаживаешься? Увидить хозяинъ, онъ-те турнетъ, горохомъ полетишь!

Вася. Это мы еще, значить, посмотримъ.

Ведосья. Смотрѣть-то нечего. Поди-ко лучше пособи мнѣ съ самоваромъ управиться.

Вася. Съ эвтимъ проваливай мимо; дѣло, значить, не нашего колибера.

Ведосья. Ну сиди, дожидайся, авось съешь затрещину отъ хозяина. (*Уходитъ*).

Вася. Ужъ я, значить, выжду, подцѣлю ее, скажу: Настасья Васильевна; я, значить, всей душой, всѣмъ расположеніемъ.... (*Слытитъ голосъ Патокина: «Чтобы все было готово.»*) Кажись дядинька лезеть! (*Прислушивается*). Онъ и есть! Вишь его не-сетъ! (*Скоро уходитъ*).

Ш.

ПАТОКИНЪ выходитъ, задумавшись.

Дѣло ладно: налетѣлъ такой соколъ, что лучше и требовать нельзя; я ужъ ошупалъ его со всѣхъ сторонъ, разобралъ до последней косточки. Человѣкъ съ руки, подходящий. Во чтобы то ни стало, надо постараться перекрутить его съ Настей; барышъ отъ этой операціи тремя тысячами серебра пахнетъ. Одна моя бѣда, что онъ завзжій! Кто онъ? Каковъ онъ? Чортъ его въдастъ! Для меня-бы эта статья ничего, пустяки, нестоющая вниманія, да родственники-то какъ-бы не заочевряжились! Антошка, глядишь, первый начнетъ цѣпляться, какъ крючокъ. Ужъ такой расподвлющій малой, для него ни почемъ, не зная челоуѣка, раскорить въ хвостъ и голову. (*Молчаніе*). На что дѣло пойдетъ, хвачу грѣха на душу, прилгну маленько. Главная штука теперь вести похитрѣе дѣло, а какъ свалилъ съ шеи всю эту исторію, такъ что ни случись, не наша забота; какъ знаютъ, такъ и кроютъ, худо-ли, хорошо-ли — не наше дѣло!

IV.

ПАТОКИНЪ, МАРЬЯ ПЕТРОВНА, АННА ФЕДОРОВНА, ОЛЬГА АНДРЕЕВНА и НАСТЕНЬКА выходятъ изъ боковыхъ дверей. НАСТЕНЬКА одѣта въ шелковое платье; на ней много вещей.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Пожалуйте сюда, здѣсь попрохладнѣе будетъ, а то ужъ тамъ сидѣть нельзя, куда какъ жарко!

ПАТОКИНЪ. А вы зачѣмъ туда забились? Комнатка маленькая, да глядишь еще отъ самовара жары поприбавилось.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Анна Федоровна, вы-бы на диванъ пожаловали.

АННА ФЕДОРОВНА. Спасибо, матушка, спасибо.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА (*Настенькѣ*). Что-же это никто не ѣдетъ.

НАСТЕНЬКА. Какъ-же! этихъ милыхъ гостей скоро дождешься! Надобно-же поломаться!

V.

ТЪ-ЖЕ, В. ВЛАСЬЕВЪ и А. ВЛАСЬЕВЪ.

В. ВЛАСЬЕВЪ. Мое почтенье-съ!

ПАТОКИНЪ. Пожалуйте, пожалуйста! (*Всѣ кланяются*).

В. ВЛАСЬЕВЪ. Здравствуйте, Федоръ Степановичъ! А съ вами, барышни, позвольте по старинному поздороваться. (*Цѣлуется съ Настенькой и Ольгой Андреевной*). Ну, за компанію ужъ и съ вами, Марья Петровна, Анна Федоровна.

Анна Федоровна. Что-жъ! поцѣлуемся батюшка, по старинѣ, бывало все такъ-то. (*Цѣлуются*).

Настенька (*утираясь, говоритъ тихо Ольгѣ Андреевнѣ*). Экой дуралей, лезетъ съ своими губами; онъ воображаетъ, пріятно съ нимъ расцѣловываться!

Ольга Андреевна. Мужикъ и манеры мужицкія.

А. Власьевъ (*Патокину*). А Ардалионъ Алексѣичъ еще не пожаловали-съ?

Патокинъ. Нѣтъ, еще не пріѣзжалъ.

В. Власьевъ. Ну, батюшка, Федоръ Стенанычъ, что новенькаго?

Патокинъ. Да покедова ничего нѣтъ!

В. Власьевъ. Что-жъ такъ-съ? Это плохо! А я вотъ нынче цѣлое утро просидѣлъ у Щоткина; мирили его съ женой.

Анна Федоровна. Али этотъ сумасбродъ опять поднялся?

В. Власьевъ. Какъ-же-съ, совсѣмъ хотѣлъ выгнать жену изъ дому, ужъ кой-какъ успѣли его уговорить. Признаться сказать, хлопотъ немало было.

Анна Федоровна. Экой бѣшеный! экой бѣшеный! Бѣдную Варвару Федосѣвну жаль, бабочка молоденькая, а житье-то какое горемычное! Нѣтъ, я, благодаря Бога, съ покойникомъ нетакъ жила.

Марья Петровна (*А. Власьеву*). Чтò-же ваша супруга поспѣсивилась, не изволили пожаловать?

А. Власьевъ. Да маленькій сыночекъ что-то заболѣлъ-съ; должно быть простудился, лежитъ весь въ жару-съ.

Марья Петровна (*качая головой*). Скажите!..

Анна Федоровна. Простуда, если въ жару, такъ простуда. А ты бы приказалъ напоить его бузиной или малиной. Мой покойникъ всегда бывало чуть почувствуетъ жаръ, напьется на ночь горячаго,—къ утру все пройдетъ!

Настенька (*Ольгѣ Андреевнѣ*). Я, кажется, усну подъ эти интересные разговоры.

VI.

ТѢ ЖЕ и ЛАПКИНЪ.

Лапкинъ. Добраго здоровья!

Патокинъ. Милости просимъ!

Анна Федоровна. Здравствуй, батюшка.

В. Власьевъ. Что васъ давно видомъ не видать, слыхомъ не слыхать?

ПАТКИНЪ. Я это время все на мельницѣ жилъ.

В. Власьевъ. Понимаю-сь, оно сказать, за городомъ теперь лучше. Погода насъ посетила хорошая.

ПАТКИНЪ. Я тамъ не для блажи жилъ, а по дѣламъ.

В. Власьевъ. Нѣтъ-сь, вотъ видите, я къ тому эту рѣчь веду, что на счетъ здоровья всь, такъ-сказать, ученѣйшіе доктора советуютъ пользоваться чистымъ воздухомъ,—онъ освѣжаетъ. Вотъ еще недавно-сь, лѣтъ пять, а можетъ-быть и всѣхъ шесть, было напечатано, позвольте, въ какой бишь это газетъ...

VII.

ТѢ-ЖЕ и МАТРЕНА ИВАНОВНА. Патокинъ встрѣчаетъ ее низкими поклонами.

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*останавливается съ дверяхъ и говоритъ*). Оедосья, скажи Григорью, чтобы онъ за мной въ десять часовъ прѣвзжалъ, да запрягъ-бы сѣрую лошадь! Слышишь? (*Входитъ*). Здравствуйте, Марья Петровна! Какъ васъ Богъ милуетъ? Настенька, что это ты разрядилась, словно невѣста? (*Патокину*). Какого это ты, отецъ мой, присылалъ ко мнѣ сорванца? Вѣдь онъ меня на смерть перенугалъ: влетѣлъ въ комнату, словно съ цѣпи сорвался, говоритъ: приказали въ шесть часовъ просить безпрѣменно. Спрашиваю: Зачѣмъ?—Не знаю!—Всѣ-ли здоровы? Опять не знаю! Хотѣла еще что-то спросить,—его и слѣдъ простылъ. Цѣлый день я мучилась, хотѣла послать къ вамъ Марью, узнать, что такое случилось! А тутъ собралась совсѣмъ вхать, Авдотью Ивановну принесло! Насилу спровадила, распустила разговоры, думала конца не будетъ. Все время я будто на иглокахъ просидѣла. Ну, что вамъ за радость Богъ послалъ?

ПАТКИНЪ. Покорнѣйше прошу, матушка Матрена Ивановна, присѣсть! Сейчасъ все узнаете.

В. Власьевъ. Позвольте-сь, къ случаю пришлось; точно такая-же исторія случилась со мной. Карцевъ Евграфъ Ивановичъ,—вы его знаете-сь? Чумачева старуха ему бабкой доводится, однажды присылаетъ за мной; посланный говорить, чтобы я сейчасъ приходилъ къ нему, дѣло какое-то необыкновенно нужное. Я кой-какъ собрался и бѣжать. А онъ нанималъ въ то время квартиру у отца Ивана, какъ разъ на концѣ Знаменской-улицы. Прихожу, спрашиваю: Что это братецъ, какое случилось дѣло? Онъ посмотрѣлъ на меня, да и ну хохотать. Что-жъ, вы думаете, оказалось? Онъ посылалъ за Стратономъ Сидоровичемъ, а посланный ошибся и попалъ ко мнѣ. Хе, хе, хе, забавная вышла исторія.

НАСТЕНЬКА (*Ольга Андреевна*). И ни капельки не забавно!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Разказалъ ни къ селу, ни къ городу.

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*Патокину*). Ну, батюшка, говори-же, зачѣмъ ты насъ собралъ?

ПАТОКИНЪ. Покорнѣйше прошу всѣхъ присѣсть и выслушать мои рѣчи. (*Всѣ усаживаются. Нѣсколько минутъ молчаніе. Патокинъ откашливается и начинаетъ говорить не слыша, торжественнымъ голосомъ; въ немъ замѣтно желаніе выразиться поумнѣе.*) Известно, что Василій Тимоѣвичъ, сродственникъ нашъ, скончалъ свой животъ и отдалъ, къ примѣру говорится, свою единоутробную дочь Настеньку подъ наше опекунство; вотъ, значить, мы какъ родственники, должны хлопотать о ней, утѣшать ее.

НАСТЕНЬКА (*тихо*). Нечего сказать, утѣшили! Чуть въ гробъ не положили.

ПАТОКИНЪ. Наша обязанность, выходитьъ, быть ей родителями, то есть отцомъ и матерью, и доставить, съ своей стороны, супружеское счастье, на вѣки вѣковъ нерушимое.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Нуте-съ!

В. ВЛАСЬЕВЪ. Позвольте вашу рѣчь перебить, къ случаю пришлось. Однажды я...

А. ВЛАСЬЕВЪ. Замолчите, братецъ, послѣ разскажете, пускай Федоръ Степанычъ кончитъ!

ПАТОКИНЪ. Такъ вотъ-съ по этому случаю къ Настенькѣ нашей присватывается женихъ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Давай Богъ. Если хорошій человекъ, думать и толковать нечего, а веселымъ пиркомъ да за свадебку.

А. ВЛАСЬЕВЪ. Позвольте спросить-съ, кто-же такой?

ПАТОКИНЪ. Пашневъ Никаноръ Силычъ.

А. ВЛАСЬЕВЪ. Пашневъ? Что-то я, право, не знаю-съ; у насъ въ городѣ Пашневыхъ, кажется, нѣтъ-съ!

ПАТОКИНЪ. Онъ не здѣшній, а московскій; фамилія значительная.

В. ВЛАСЬЕВЪ. Позвольте-съ, я вамъ вотъ что скажу-съ. Когда я былъ въ 28 году въ Москвѣ-съ; — вы, братецъ, должно быть это помните, — моимъ попутчикомъ былъ Степанъ Ивановичъ, ухорскій малой! Вотъ, я вамъ доложу-съ, по пріѣздѣ туда, окончивши все дѣла, сидѣлъ я однажды на балконѣ и любовался столицей. Только глядь! Сапоги на мнѣ худехоньки. Думаю, дѣлать нечего, надо раззориться, купить новые. Отправился; гляжу лавка, только не помню на какой улицѣ; вхожу, выбралъ отличные сапоги, спрашиваю цѣну: шесть съ полтиной. Ну, думаю, пріѣду домой съ

обновкой. Вотъ-съ вышелъ изъ лавки, да и полюбопытствуй взглянуть на вывеску; на ней большими буквами написано: лавка Пашнева. Я этотъ разговоръ къ тому веду, что, можетъ-быть, этотъ самый Пашневъ сватается за Настасью Васильевну.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Сапогами, башмаками-ли онъ торгуетъ, все-равно; былъ-бы только купецъ и хорошій человекъ.

А. ВЛАСЬЕВЪ. Прежде всего нужно узнать-съ, каковъ онъ? Такия вещи съ бухты-барахты не дѣлаются.

ПАТОКИНЪ (*обращаясь ко всѣмъ*). Я у нашихъ торговцевъ спрашивалъ, — слухи добрые!

А. ВЛАСЬЕВЪ. Вы у кого-же изволили спрашивать-съ?

ПАТОКИНЪ. Мало-ли у кого! Вотъ, къ примѣру, у Якова Семеновича!

А. ВЛАСЬЕВЪ. Такъ-съ! А по настоящему надобно-бы въ Москву письмецо написать-съ.

ПАТОКИНЪ. Покедова мы будемъ письма расписывать, онъ въ другомъ мѣстѣ сосватается. Не знаю какъ, а по моему, такимъ людямъ, какъ Яковъ Семеновичъ или Артемій Артемьевичъ, можно повѣрить, они вратъ не стануть.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ну да, разумеется. (*Власьеву*). Будемъ рассуждать, женихъ между рукъ выскользнетъ, а мы должны всѣ силы употребить для Насти, она сирота. Если-же станемъ сидѣть, сложа руки, или пересыпать изъ пустаго въ порожнее, она, пожалуй, въ дѣвкахъ останется, а я по себѣ знаю, каково въ дѣвкахъ сидѣть.

А. ВЛАСЬЕВЪ. Какъ знаете, вамъ лучше знать-съ.

АННА ФЕДОРОВНА. Когда меня отдавали за мужъ, почитай ни у кого не спрашивали про жениха; отъ своей судьбы не уйдешь, на все, отцы мои, судьба!

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Известно, суженаго конемъ не объѣдешь.

ЛАПКИНЪ. Справедливо изволите говорить.

НАСТЕНЬКА. Боже мой! Наконецъ этотъ шумъ несносенъ становится!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Они воображаютъ, что въ трактиръ собрались.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Стойте, стойте, дайте мнѣ говорить. Надобно назначить смотрины, и тогда мы все на дѣль увидимъ. Я съ одного взгляду узнаю, каковъ человекъ! Въ этомъ на меня можете положиться. Когда за меня сватался Нефедъ Нефедьичъ, я сразу сказала, что онъ мнѣ не женихъ; — и вѣдь не обману-

Лась: Нефедъ Нефедьичъ спился съ кругу. Ну-съ: Ѳедоръ Степановичъ, кто свахой за этого жениха?

ПАТОКИНЪ. Савишна, кому-же больше быть?

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Хорошо. Почему-же ее тутъ нтъ?

ПАТОКИНЪ. Я ее поставилъ на сторожку, какъ только женихъ на дворъ, чтобы она сію минуту прибъжала намъ сказать.

МАТРЕНА ИВАНОВНА *(съ удивленіемъ)*. Чтѣ? Да развѣ женихъ нынче прїдетъ?

ПАТОКИНЪ. Нынче, въ восемь часовъ. По этому я васъ и пригласилъ!

ЛАПКИНЪ *(А. Власъеву)*. А намъ ни слова! каковъ!

А. ВЛАСЪЕВЪ. Свое дѣло знаетъ-съ. Повѣрьте мнѣ, все это подвоятся штуки. Чай отыскалъ какого-нибудь ухтера, а намъ выдаетъ за богатаго жениха!

VIII.

ТЪ-ЖЕ и САВИШНА вбъгаетъ.

САВИШНА. Прїхаль! Отцы мои, прїхаль! У крыльца ужъ! съ пролетокъ слезаетъ! *(Между всми начинается суматоха, которая продолжается до появленія Пашичева)*.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ѳедоръ Степановичъ, идите, встрѣчайте гостей!

ПАТОКИНЪ. Савишна, иди!

САВИШНА. Чтѣ ты, отецъ мой, къ какой стати! Тебѣ это будетъ попристойнѣе!

ЛАПКИНЪ. Да, вы хозяйинъ дома, эта ваша обязанность!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА *(Марья Петровна)*. Посмотрите, пожалуйста, что у меня платокъ ровно лежитъ назадъ.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Немного вздержнулся. *(Поправляетъ платокъ)*. Теперь хорошо-съ.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Покорно васъ благодарю.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Настенька, пересядь на крайнее кресло. А ты, мать моя, сойди съ этого мѣста, пускай женихъ около Насти сядетъ.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Вишь какъ распоряжается!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Настя, въ разговорахъ будь аккуратнѣе, отвѣчай, какъ слѣдуетъ. Это я для твоей пользы говорю.

НАСТЕНЬКА. Не беспокойтесь; я знаю, какъ говорить.

ПАТОКИНЪ. Василий Матвѣичъ, вы ужъ пожалуйста съ своей стороны поддержите меня въ рѣчахъ-то; вамъ это съ руки, вы тамъ разныя газеты читаете!

В. Власьевъ. Понимаю-съ, понимаю-съ!

Матрена Ивановна. Федоръ Степановичъ, что-же ты балясы-то точишь. Еще успеете послѣ наговориться! Вишь, сталъ и ни съ мѣста! Надобно-же встрѣчать! Словно ты приличія не знаешь.

Патскинъ. Иду, иду.

Матрена Ивановна. Батюшки мои! Совсѣмъ изъ ума вонъ. Савишна, бѣги скорѣе, какъ только женихъ въ дверь, ты ее сейчасъ-же замкомъ припри *

Савешна. Вѣдь сама думала это сдѣлать, да съ хлопотами и позабыла. (*Уходитъ*).

Настенька. Ахъ, тетинька, я какъ-будто чего испугалась! Дрожу словно въ лихорадкѣ.

Ольга Андревна. Ничего, это пройдетъ!

IX.

ТЪ ЖЕ, ПАШНЕВЪ и ЯКОВЛЕВЪ, потомъ САВИШНА.

Пашневъ. Имѣю честь рекомендоваться: московскій купецъ Никаноръ Силычъ Пашневъ. (*Всѣ кланяются*).

Патскинъ. Покорно прошу, очень рады! Позвольте и намъ рекомендовать себя въ ваше расположеніе: Федоръ Степановъ Патокинъ, здѣшній купецъ; это вотъ жена моя, это родственники, прошу любить да жаловать! А это племянница наша Настасья Васильевна Перепѣлова.

Пашневъ. Сочту за честь пользоваться вашимъ знакомствомъ.

Яковлевъ (В. Власьеву). Какъ поживаете? Давненько я васъ не видалъ!

В. Власьевъ. Давно-съ. Право не вспомню, гдѣ я имѣлъ пріятность видѣться съ вами въ послѣдній разъ.

Яковлевъ. На прошлой недѣль въ судъ!

В. Власьевъ. Припоминаю-съ, припоминаю-съ! Ну, что новенькаго?

Яковлевъ. Не знаю право, я все занятъ службой.

В. Власьевъ. Понимаю-съ! (*Нѣсколько минутъ молчаніе, изрѣдка прерываемое кашлемъ Патокина и вздохами Анны Федоровны*).

Патскинъ (тихо А. Власьеву). Что-жъ это всѣ молчать? Начните хоть вы разговоръ!

* Когда женихъ прѣзжаетъ смотреть невѣсту, то первую дверь, чрезъ которую онъ входитъ, запираютъ замкомъ. Чрезъ соблюденіе этого обряда, полагаютъ, дѣвушка непременно должна понравиться жениху.

А. Власьевъ. Какая прекрасная погода стóитъ-сь; но времени давно надо было ожидать ненастья!

Пашневъ. Да, октябрь почти на исходе, а на дворъ точно май. На небѣ нѣтъ ни одного облачка, которое-бы грозило ненастьемъ!

Яковлевъ. Давеча утромъ, когда я шелъ въ словесной судъ на службу, моросилъ дождичекъ, только маленькій.

Патокинъ. Теперь, вотъ того и гляди, распутица пойдетъ.

А. Власьевъ. Почему вы это заключать изволите-сь?

Патокинъ. Ужъ я знаю: чуть только къ непогодѣ, у меня сейчасъ начнетъ въ пятку колоть. Такъ-то, свой бараметъ!

А. Власьевъ (*Пашневу*). Вы изволили ѣхать. Какъ дороги въ полѣ? Не начинаютъ еще портиться?

Пашневъ. Нисколько! Я ѣхалъ точно по бархату.

В. Власьевъ. А смѣю спросить, вы въ какихъ числахъ оставили столицу?

Пашневъ. Въ концѣ прошлаго мѣсяца!

В. Власьевъ. Понимаю-сь. На счетъ жизненныхъ припасовъ, какъ тамъ цѣны-то? Высоки-сь?

Пашневъ. Право не знаю. У меня провизію поваръ покупаетъ!

В. Власьевъ. Такъ-сь! Это я спросилъ потому, что къ случаю пришлось. А бѣлый хлѣбъ почему? Тоже не изволите знать?

Пашневъ. Кажется, копеекъ двадцать.

В. Власьевъ. Двадцать копеекъ? Bravo-сь! Цѣна высокая. Нѣтъ, у насъ дешевле. Самый лучший можно имѣть двѣнадцать копеекъ.

Анна Федоровна (*тихо Марья Петровна*). На взглядъ оиъ, матушка, куда какъ хорошъ! Мой покойникъ далеко отъ него отстанетъ! Тотъ какъ въ первый разъ прѣвхалъ, я взглянула, да и ахнула! Маленькій, черный, рябой. Не думала въ немъ никакого проку. А что-жъ? Вышло ничего, жила съ нимъ такъ, какъ дай Богъ всякому.

Марья Петровна. Съ лица воды не пить-сь.

А. Власьевъ (*Пашневу*). Ваше занятіе въ Москвѣ какое? Торговлю изволите чѣмъ-нибудь производить-сь?

Пашневъ. Нѣтъ, я ничемъ не торгую. При батюшкѣ заведена была огромная коммерція, но послѣ его смерти я все уничтожилъ, разсудивъ, что для меня выгоднѣе и спокойнѣе пользоваться процентами съ капитала, нежели хлопотать и заниматься торговлей. Дѣло было заведено огромное! Въ Москвѣ было пять лавокъ съ разными товарами, въ Петербургъ двѣ, въ Харьковъ,

Кіевъ и Воронежъ по одной. Посудите сами, можно-ли управлять съ этой громадой одному!

А. Власьевъ (*тихо*). Что-то больно много насчиталь!

ПАТОКЕНЬ (*Матрени Иванови*). Каково богатство подвалило нашей Настенькѣ? Это она за меня должна Бога молить!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Онъ какъ только вошелъ, я сей часъ-же увидала, что отличный человекъ!

В. Власьевъ (*Пашневу*). Мнѣ на память пришла исторія. Въ нашемъ городѣ былъ нѣкто купецъ Мухинъ. Вы его, должно быть, не знаете; онъ десять лѣтъ тому назадъ скончался. Вотъ-съ, извольте видѣть, онъ тоже, какъ вы, жилъ процентами, не захотѣлъ торговать. Бывало зайдешь къ нему, что-жъ это такое? Всѣ прихоти, вся роскошь, а о прочемъ и говорить нечего. Лѣтъ съ пятокъ онъ побарствовалъ, а тамъ вдругъ хлопъ! Ничего не осталось. Я этотъ разговоръ веду къ тому...

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*быстро подходитъ къ Власьеву*). Что это ты, мой батюшка, съ ума спятилъ? Ну, къ дѣлу ты это вздумалъ рассказывать? Человекъ ты немолодой, а смѣтки нѣтъ ни капельки, какъ съ чужими людьми обращаться!

ЛАПКЕНЬ (*Пашневу*). Послѣ московскаго житья, въ нашемъ городѣ вамъ, я думаю, скучно кажется?

ПАШНЕВЪ. Ваша правда. У васъ, какъ я замѣтилъ, общественныхъ удовольствій вовсе нѣтъ!

ПАТОКЕНЬ. Нѣту-съ. Случится иногда заѣдутъ комедіанты, да ненадолго!

ЯКОВЛЕВЪ (*Лапкину*). Ардалионъ Алексѣичъ, пожалуйста ко мнѣ на два слова. (*Отводитъ его въ сторону*). Нынче намъ въ словесный судъ принесли жалобу на Осетрова! Вы его знаете?

ЛАПКЕНЬ. Еще-бы не знать!

ЯКОВЛЕВЪ II какого рода жалоба! (*Шепчетъ ему на ухо*).

ЛАПКЕНЬ. Что вы говорите!

ЯКОВЛЕВЪ. Истинно! Я, какъ словесный судья, ну его уговаривать! Что-жъ вы думаете? Въ два часа порѣшилъ дѣло! Каково?

ЛАПКЕНЬ. Ловко! (*Яковлевъ отходитъ отъ него*).

ПАШНЕВЪ (*Настенькѣ*). Вамъ, сударыня, я думаю, провинціальная жизнь кажется довольно скучною?

НАСТЕНЬКА. Да-съ, правду сказать, неочень весело!

ПАШНЕВЪ. У васъ бываютъ балы, маскарады?

НАСТЕНЬКА. Бываютъ балы, только очень рѣдко, и притомъ они

такъ неинтересны, такъ смѣшны, что право не стоитъ говорить объ нихъ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Настенька, чѣмъ-же наши балы смѣшны? Кажется, на нихъ бываетъ все, какъ слѣдуетъ.

ПАШНЕВЪ. Они, можетъ-быть, говорятъ въ сравненіи съ столичными?

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Да она, батюшка, въ столицѣ никогда не бывала, что-жъ не выдавши сравнивать!

В. ВЛАСЬЕВЪ. Къ случаю пришлось. Когда я былъ, въ 28 году, въ столицѣ, то не помню ужъ право, откуда мнѣ попалась афишка о балѣ. Хотѣлъ пойти посмотреть, что такое за балъ? Да раздумалъ, цѣна больно высока: какъ я припоминаю, три или четыре цѣлковыхъ.

ПАШНЕВЪ. Въ столицѣ побывать на балъ стоитъ. Вотъ въ честь моего отъезда давалъ балъ мой знакомый графъ. Описать все великолѣпіе, право, словъ не найдешь. Это, такъ сказать, было что-то сверхъ-естественное!

НАСТЕНЬКА. Вотъ на такомъ балѣ я-бы желала быть.

ПАШНЕВЪ. Однихъ музыкантовъ было четыре оркестра, а гостей просто счету нѣтъ. Когда балъ приходилъ къ концу, графъ увелъ меня въ кабинетъ и сказалъ: Останься, куда ты ѣдешь? Ты знаешь, что наше общество теряетъ въ тебѣ! Я говорю: Графъ, я далъ себѣ слово ѣхать и непременно сдержу его. По крайней-мѣрѣ скажи, что за причина? Хочу объѣхать Россію, отвѣчалъ я, съ цѣлію найти себѣ жену! Тѣмъ, говорить, лучше: женись на моей дочери, ты знаешь, она недурна, приданого за ней два милліона. Собою она точно красавица. Я говорю: Графъ, благодарю за дружбу, я ищу любви, а не приданого.

ПАТСКИНЪ (перебивая). Известно, жить не съ приданнымъ, а съ таланомъ, не штука деньги, штука разумъ.

ПАШНЕВЪ (продолжал). А твоя дочь, какъ я ни уважаю и ни почитаю ее, никогда не зажжетъ огонь любви въ моемъ сердцѣ; мы съ ней навсегда останемся братомъ и сестрою.

В. ВЛАСЬЕВЪ. Смѣю спросить, почему-же вы отказались?

ПАШНЕВЪ. Она любила друга моего, князя, и для него я отказался отъ руки ея.

А. ВЛАСЬЕВЪ (Лопкину). Отъ двухъ милліоновъ отказался! Какъ хотите, а я не вѣрю этимъ розказнямъ!

Х.

ТЪ-ЖЕ и ФЕДОСЬЯ съ чаемъ.

САВИШНА (*Федосья*). Прежде вонъ тому гостю подавай, что подлѣ Настеньки сидитъ; а потомъ по порядку! (*Федосья подаетъ чай Пашневу*).

ПАТОКИНЪ. Покорнѣйше прошу, пожалуйста! Да не угодно-ли съ ромкомъ?

ПАШНЕВЪ. Съ ромомъ? (*Протягиваетъ руку къ бутылкѣ*).

САВИШНА (*тихо Пашневу*). Ужъ ты, мой батюшка, отъ хмельнаго воздержись, нехорошо. Успѣешь послѣ вышить.

ПАШНЕВЪ (*Патокину*). Благодарю васъ. Я крѣпкихъ нанитковъ не пью? (*Молчаніе. Всѣ заняты чаемъ*).

ЯКОВЛЕВЪ. Никаноръ Сильчъ, давно я тебя хочу спросить, ты по выборамъ служилъ или нѣтъ?

ПАШНЕВЪ. Нѣтъ, прошлую балотировку хотѣли выбрать въ головы, да я отказался!

ЯКОВЛЕВЪ. А мнѣ нынче нашъ голова съ такимъ прискорбіемъ говоритъ: Яковъ Семенычъ, скоро кончится срокъ вашей службѣ, кого намъ выбрать на ваше мѣсто? Я говорю: Мало-ли у насъ купцовъ. А онъ вздохнулъ и сказалъ: Купцовъ-то много, а такихъ служаекъ, какъ вы, нѣтъ ни одного! (*Видя, что Пашневъ его не слушаетъ, онъ обращается къ Лалкину и начинаетъ съ нимъ тихо разговаривать*).

ПАШНЕВЪ (*Настенькѣ*). Вы, сударыня, занимаетесь музыкой?

НАСТЕНЬКА. Да-съ, только очень мало.

ПАШНЕВЪ. Почему-же? Не любите этого искусства?

НАСТЕНЬКА. О нѣтъ-съ! Но я такъ дурно играю.

ПАТОКИНЪ. Не вѣрьте ей, все это брехня: она играетъ отлично хорошо!

НАСТЕНЬКА. Ахъ, дядинька, что вы говорите!

ПАШНЕВЪ. Я большой охотникъ до музыки. Въ Москвѣ постоянно ни одного концерта не пропускалъ. (*Допиваютъ чай, Федосья принимаетъ стаканы*).

ПАТОКИНЪ. Пожалуйста еще, что-же вы такъ мало кушали?

ПАШНЕВЪ. Благодарю васъ, я болѣе одного не пью!

ПАТОКИНЪ. Сдѣлайте одолженіе!

ПАШНЕВЪ. Не просите, увѣряю васъ не могу!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*тихо Савишнѣ*). Ну, Савишна, исполать тебѣ! Подцѣпила женишка, чудо что такое!

САВИШНА. И, матушка моя, для кого-же мнѣ хлопотать, какъ не для вашей милости!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*Марья Петровна*) Какъ онъ на ваши глаза?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ничего-съ! Говоритъ пріятно!

САВИШНА. Онъ еще, матушка, не разошелся; известно въ первый разъ въ домъ, а дай-ка ему познакомиться, онъ такъ заговоритъ, что удивленіе да и только!

АННА ФЕДОРОВНА. Видно по всему, парень бравый!

ЯКОВЛЕВЪ (*Пашневу*). Ну, братъ, пора вхатъ! На первый разъ много сидѣть неловво!

ПАШНЕВЪ. Поѣдемъ. (*Встаетъ*).

ПАТОКИНЪ. Куда-же вы собираетесь? Посидите.

ПАШНЕВЪ. Время-съ.

ПАТОКИНЪ. Ну, какъ вамъ будетъ угодно! Осмѣливаемся благодарить за посѣщеніе, и на будущее время покорнѣе просимъ не отказать: будьте гостемъ.

ПАШНЕВЪ. Имѣю честь кланяться. (*Подходитъ къ рукъ Настеньки*).

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Федоръ Степановичъ, возьмите свѣчу, да проводите жениха-то до пролетки! Что-жъ вы стоите? (*Патокинъ беретъ свѣчу и съ поклонами провожаетъ Пашнева и Яковлева*).

ХІ.

ТѢ-ЖЕ, КРОМЪ ПАТОКИНА, ЯКОВЛЕВА и ПАШНЕВА.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Вотъ это женихъ, такъ ужъ одно слово! Такого упустить изъ рукъ передъ Богомъ будетъ грѣхъ и отъ людей стыдно!

А. ВЛАСЬЕВЪ. За что-же вы его хвалите? Судить можно объ человекъ тогда, когда хорошо его узнаешь, а вы, такъ сказать, нѣсколько словъ съ нимъ перемолвили, такъ можно-ли ручаться! Можетъ-быть его рассказы пустяки и больше ничего-съ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ужъ ты, мой батюшка, не говори, я не ошибусь, съ разу угадаю человека. Меня провести мудрено!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА (*Настенькѣ*). Ну что, Настенька, какъ ты его находишь?

НАСТЕНЬКА. Ничего!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Не отказывайся, выходи за него, по-крайней-мѣрѣ, ты избавишься отъ нашего глупаго общества, будешь жить въ столицѣ и познакомишься съ князьями и графами. Если не

пойдешь, попомни, навяжутъ тебѣ на шею такую-же дрянь, какъ и мнѣ! Потужишь, да будетъ поздно!

НАСТИНКА. Что вы, я и не думаю отказываться!

А. Власьевъ (*Липкину*). Какъ хотите-сь, а тутъ есть штука со стороны Ѳедора Степановича. Надо-бы это пронюхать-сь!

ЛАПКИНЪ. Намъ-то что за дѣло?

А. Власьевъ. Какъ-же-сь, ему барышъ, а намъ ничего! По моему, лучше никому не доставайся!

ЛАПКИНЪ. А я думалъ, что вы объ Настѣ хлопочете.

А. Власьевъ. Нѣтъ-сь, что мнѣ до ней! Я говорю на счетъ ея имѣнія-сь!

ХИ.

ТЪ-ЖЕ и ПАТОКИНЪ.

ПАТОКИНЪ. Ну, что-сь? какъ? а?

ЛАПКИНЪ. Ждемъ, что вы скажете.

ПАТОКИНЪ. Я скажу: помолясь Богу, зачинать дѣло. Кажется въ виду, каковъ человекъ!

А. Власьевъ. Какъ-бы намъ съ этимъ спѣхомъ послѣ не потужить-сь.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ты, батюшка, заладилъ одно и ни съ мѣста.

А. Власьевъ. Позвольте-сь. Я говорю, надо узнать.

ПАТОКИНЪ. Да ведь узнавалъ-же я! Что еще надобно?

САВИШНА (*Матрени Ивановнѣ*). Матушка моя, не упустите жениха; онъ говоритъ: въ случаѣ, будутъ это дѣло тянуть, ждать не станеть, а сосватается у Зориныхъ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ну, вотъ слышите? Моя правда выходитъ! Будемъ умствовать ни причемъ останемся пожалуй; своими глупостями лишимъ Настю счастья; а это, ужъ какъ хотите, будетъ грѣхъ страшный на нашихъ душахъ!

ПАТОКИНЪ. Известно грѣшно! Матушка Матрена Ивановна, я, съ своей стороны, согласенъ съ вами; какъ вы скажете, такъ тому и быть!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Позвольте, мы начнемъ по порядку. Ардалионъ Алексичъ, какъ ваше мнѣнiе?

ЛАПКИНЪ. Если человекъ хорошій, дай Богъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. А вы что скажете, Василий Матвѣичъ?

В. Власьевъ. Къ примѣру сказать, я свою Машиньку отдавалъ почти не зная жениха. А они, какъ сами изволите знать, живутъ хорошо-сь. Евдокимъ Ѳедоровичъ удался, вышелъ чело-

вѣкъ примѣрный. Какъ теперь помню, въ первый разъ я принималъ его въ халатъ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Хоть-бы ты совсѣмъ безъ халата принималъ его, это сюда, батюшка, нейдетъ!

В. ВЛАСЬЕВЪ. Нѣтъ-съ, позвольте, я это рѣчь къ тому веду, что, можетъ-быть, и Настасья Васильевна также посчастливится!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*А. Власьеву*). Теперь ваша очередь?

А. ВЛАСЬЕВЪ. Я сказалъ, что надобно-съ...

ПАТОКНИЪ. По моему сужденію, лучше жениха мы не дождемся, стало быть ударить по рукамъ да и шабашъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. А вы, сестрица, какъ думаете?

АННА ФЕДОРОВНА. Парень добрый, непьющій. Съ своей стороны я согласна. Еслибы, признаться, онъ и пилъ и то-бы ничего. Мой покойникъ любилъ выпить, рѣдкій день бывало пройдетъ безъ того, чтобы онъ не пилъ. А сорокъ лѣтъ я прожила съ нимъ такъ, что дай Богъ всякому, словно голубь съ голубкой!

А. ВЛАСЬЕВЪ. А при жизни его вы, бывало, не разъ жаловались на свое житье-съ!

АННА ФЕДОРОВНА. Мало-бы, батюшка, чего не было. Безъ ссоры прожить нельзя; чай и у тебя съ женою бываютъ исторіи! Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Марья Петровна, теперь вы скажите.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Какъ Федоръ Степанычъ изволили сказать, такъ и я-съ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*Ольгѣ Андреевнѣ*). А ты, мать моя?

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Это не мое дѣло! Какъ Настенька хочетъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Настенька, тебѣ онъ нравится? а?

НАСТЕНЬКА. Ничего, только толстъ немного!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Во всемъ угодить трудно, не по мѣркѣ-же теперь выбирать тебѣ жениховъ! Это не порокъ, что толстъ; женится, тогда, глядишь, и похудѣетъ. Что-же, ты согласна за него идти? Говори-же, Настенька, полно церемониться, здѣсь стыдиться нечего, это дѣло житейское!

НАСТЕНЬКА. Согласна!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ну, Слава Богу! Такъ вы всѣ принимаете предложеніе?

Всѣ (*кромя А. Власьева*). Дай Богъ! Дай Богъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Савишна, скажи Никонору Сильчу, что мы благодаримъ его за честь и принимаемъ предложеніе.

САВИШНА. Какъ-же, матушка, надо-бы задаточекъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*Патокину*). У васъ небось не готовы?

ПАТОКИНЪ. Давно все приготовлено! (*Уходитъ и возвращается чрезъ нѣсколько минутъ съ подносомъ, на которомъ лежатъ два свертка*).

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ну, Настя, подноси Савишнѣ!

НАСТЕНЬКА. Тетенька, къ чему эти глупости!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Какія глупости, это такъ водится, безъ этого нельзя. (*Настенька подноситъ*).

САВИШНА (*взявъ свертки*). Покорно благодарю, матушка. Дай Богъ тебѣ счастья и здоровья!

В. ВЛАСЬЕВЪ (*подходитъ ко всѣмъ*). Съ началомъ дѣла имѣю честь поздравить, окончить желаю благополучно!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Настенька, поцѣлуй меня. Дай Богъ тебѣ жить не тужить, да насъ не забывать въ новомъ счастьѣ. Ты видишь, какъ мы заботимся о тебѣ!

ПАТОКИНЪ. Ну, жена, скомандуй шипучаго? За начало дѣла надо выпить!.. (*Подаютъ вино, всѣ пьютъ, поздравляя Настеньку*).

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Та-же комната.

I.

Дѣвушки шьютъ приданое, подлѣ сидятъ АННА ФЕДОРОВНА, МАРЬЯ ПЕТРОВНА и САВИШНА; напротивъ, на диванѣ НАСТЕНЬКА, ОЛЬГА АНДРЕЕВНА и КАТЕНЬКА, передъ ними, подбоченясь, стоятъ ПЕТРУША; въ углу бленіи комнаты сидитъ МИТЯ.

ПЕТРУША. Что-жъ вы будете играть или нѣтъ!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Вамъ сказали нѣтъ. Что вы лезете?

ПЕТРУША. И ненужно, кланяться не стану; я вижу, вамъ хочется, чтобы васъ попросили?

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Не нуждаются въ вашихъ просьбахъ; провѣжайте!

ПЕТРУША (*отходя*). Народъ славный! Ломки-то, ломки сколько! Какъ-будто они чортъ знаетъ что!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА (*Настенькѣ*). Такъ ты, Настенька, говоришь: Никаноръ Силычъ и на дѣвичникъ не будетъ дѣлать подарковъ?

НАСТЕНЬКА. Нѣтъ, онъ сказалъ, что по прїѣздѣ въ Москву, всѣ подарки вдругъ съѣдаетъ.

Олега Андреевна. Неловко! Хотя-бы, для блезиру, какими-нибудь пустяками попрезентовалъ!

Настенька. Ахъ, тетинька! Чѣмъ-же онъ подарить? Что можно найти порядочнаго въ нашемъ городѣ!

Петруша (*тихо подходитъ къ Катенькѣ*). Ха, ха, ха. Вы уснули?

Катенька. Нѣтъ-съ.

Петруша. А я думалъ, уснули. Вишь притулились, ни словечка не скажете! Вы, сюда въхамши, небось, думали танцовать али играть съ кавалерами? Анъ вонъ нѣтъ, издали на палочкѣ потанцуете! Музыки не будетъ, такъ-то, сидите себѣ, да спите. Хотѣлъ было я потышить, завести игру, такъ нѣтъ, сестра ваша больно ломается (*Катенька молчитъ*). Что-же вы молчите? Давайте разговаривать, авось куражнѣе будетъ. Ну, говорите! Ну, или у васъ языка нѣтъ?

Катенька. Что я вамъ буду говорить!

Петруша. Всѣ вы на одну колодку. Какъ кавалеръ подошелъ къ вамъ, такъ и говорить нечего, а съ дѣвушками то и дѣло объ насъ шушукаете!

Катенька. Нѣтъ-съ.

Петруша. Какъ-же, нѣтъ! Это по кулю видно, что четверть, я такъ и повѣрилъ. (*Громко зѣваетъ*). А нуко скажите мнѣ по правдѣ: вамъ замужъ хочется выдти? ась?

Катенька. Нѣтъ-съ!

Петруша. Ха, ха, ха! Это надуванція! Небось, какъ-бы кто посватался, сейчасъ-бы пошли!

Катенька. Ну что вы пристааете съ глупостями! Отойдите пожалуйста, я тетинькѣ пожалуюсь!

Петруша (*отходя*). Эхъ вы, недотрога!

Анна Федоровна. Что ты тамъ, мой батюшка, аль опять что накутиль?

Петруша. Ну ихъ совсѣмъ, онъ больно нѣжны, точно сахарныя, слова имъ сказать нельзя! Я теперь съ ними и знаться никогда не хочу. (*Садится подлѣ Мити*)

Анна Федоровна (*тихо Марья Петровна*). Посмотрю я на Петрушу, дуракъ дуракомъ, умочка ни капельки въ немъ нѣтъ!

Марья Петровна. Да-съ. А Ардалионъ Алексѣичъ собирается женить его; нечего сказать, весело будетъ жить съ такимъ мужемъ. Говорятъ, у Зориныхъ хочеть свататься.

Савишна. Ужъ сватался, родная, да тамъ на чистаганъ отка-

зали. Перфильевна, что отъ нихъ свахою ходила, говорить, почитай мѣстахъ въ десяти сватались, и вездѣ отказъ.

Анна Федоровна. Что ты говоришь?

Савишна. Истинно не брешу. Оно, если правду сказать, на что польститься-то? Взгляни-ко, вѣдь всякій младенецъ умнѣ его! *(Говорятъ тихо между-собою).*

Петруша *(Митя).* Митя! Что ты глазами хлопаешь, какъ филинъ?

Митя. Такъ-съ.

Петруша. Ты, братъ, къ барышнямъ не подходи, онѣ ругаются.

Митя. Я и то не подойду-съ.

Петруша. Ты съ отцомъ сюда прѣхалъ али одинъ?

Митя. Одинъ, пшккомъ пришелъ-съ, а тятинька куда-то по дѣламъ повхали-съ.

Петруша. А ты его боишься?

Митя. Кого? Тятиньку-то? Известное дѣло, боюсь!

Петруша. А я своего не боюсь!

Митя. Какъ-же не бояться? Они прибьютъ-съ!

Настенька. Тетинька, послушайте интересный разговоръ!

Ольга Андреевна. Хочется тебѣ обращать вниманіе на эту дрянь! Послушай, Настя, ты какъ только въ Москву прѣдешь, сейчасъ-же попроси Никанора Силыча купить карету, на пролеткахъ не ѣзди.

Настенька. У него, тетенька, полноу сарай набитъ каретами да колясками; покупать ненужно будетъ!

Ольга Андреевна. Ты, я думаю, на гулянья часто будешь ѣздить?

Настенька. Разумѣется; ужъ тамъ не стану жить такъ, какъ въ этомъ проклятомъ домѣ!

Анна Федоровна. А Никанора Силыча все нѣтъ, какъ нѣтъ. Гдѣ то онъ пропалъ? Настенька, что-жъ это не летитъ твой соколъ ясный?

Настенька. Я не знаю, тетинька.

Анна Федоровна. Мой покойникъ бывало прискачетъ ни свѣтъ, ни заря, и сидитъ себѣ цѣлый день!

Савишна. Прѣдетъ, мать моя, и нашъ. Нельзя-же, чай тоже хлопочеть, свадьба-то не за горами.

Петруша. Митя, ты вино пьешь?

Митя. Нѣтъ-съ, тятинька не приказываетъ,

ПЕТРУША. А самъ-то онъ небось пьетъ?

МИТЯ. Они кушаютъ.

ПЕТРУША. И пьянъ бываетъ?

МИТЯ. Бываетъ-съ. Ономедни ихъ привезли откуда-то, слова не могли сказать, такъ были пьяны, и маменьку прибили, за то, что онъ брызнули на нихъ водою.

ПЕТРУША. Да для чего-жъ она брызнула?

МИТЯ. У нихъ все лицо посинѣло и глаза закрыты были.

ПЕТРУША. Вотъ то-то и есть, онъ пьетъ, стало-быть и тебѣ можно. Поѣдемъ со мною, выпьемъ.

МИТЯ. Нѣтъ-съ, я не хочу!

ПЕТРУША. Небось, со мной пойдешь, не выдамъ.

МИТЯ. А какъ тятинька узнаетъ?

ПЕТРУША. Не узнаетъ. Мы такъ сдѣлаемъ, что ему въ носъ не кинется.

МИТЯ. Нѣтъ-съ, ей-Богу боюсь, не пойду.

АННА ФЕДОРОВНА. Савишна, что-же ты у Никанора Сильча на новой квартирѣ была?

САВИШНА. Была, мать моя.

АННА ФЕДОРОВНА. Къ свадьбѣ-то онъ поукрасилъ ее?

САВИШНА. Какъ-же, всю фатеру уинблировалъ прекрасно!

ПЕТРУША. Митя, я тебѣ говорю, пойдемъ, полно ломаться; вѣдь тутъ сидѣть со скуки одурѣешь.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА (Савишнѣ). Мебель-то напрокатъ бралъ?

САВИШНА. Кто его знаетъ. Должно быть Яковъ Семенычъ гдѣ-нибудь раздобылся. Эти-то всѣ дни онъ у него командуетъ.

ПЕТРУША (Митѣ). Говорятъ тебѣ, держись за меня, никто не узнаетъ. Чего ты боишься? Словно маленькій! Эхъ ты, дуралей!

САВИШНА. На окнахъ занавѣски повѣсилъ, ковры разостлалъ, все какъ следуетъ!

АННА ФЕДОРОВНА. Настенька, слышишь, какъ для тебя хлопочетъ Никаноръ Сильчъ?

НАСТЕНЬКА. Слышу, тетинька!

САВИШНА. Для кого-же хлопотать, какъ не для такой красавицы.

ПЕТРУША. Митя, последнее слово, идешь или нѣтъ?

МИТЯ. Я, право, не знаю.

ПЕТРУША. Пойдемъ, послѣ самъ спасибо скажешь.

МИТЯ. Изъ гостей-то никто не увидитъ?

ПЕТРУША. Никто, не сумлывайся!

МИТЯ. Ну, пойдете-съ.

ПЕТРУША. Давно-бы такъ. Ты, братъ, будь дружнее со мною, я тебя дѣламъ-то повыучу. (*Проходитъ мимо Ольги Андреевны*).

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Проваливайте мимо!

ПЕТРУША. Пройдемъ, не остановимся. Небось, мы знаемъ свое дѣло. (*Уходитъ съ Митей*).

II.

ТѢ-ЖЕ, кромѣ ПЕТРУШИ и МИТИ.

НАСТЕНЬКА. Тетинька, мнѣ Никаноръ Силычъ рассказывалъ, какъ у него домъ въ Москвѣ отдѣланъ. Чудо что такое!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Я думаю.

НАСТЕНЬКА. Вообразите, вездѣ шелкъ и бронза!

АННА ФЕДОРОВНА. У кого это, Настя, шелкъ и бронза?

НАСТЕНЬКА. У Никанора Силыча въ московскомъ домъ.

САВИШНА. Ты, мать моя, пораспроси-ко хорошенько о его богатствѣ; у него тамъ такія чудеса заведены, просто уму непостижимо.

НАСТЕНЬКА. Каждый понедѣльникъ у него балы бываютъ?

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Рѣшительно каждый понедѣльникъ?

НАСТЕНЬКА. Аккуратно, ни одного не пропустить. Ахъ, тетинька, я жду не дождусь того времени, когда буду блистать на этихъ балахъ.

АННА ФЕДОРОВНА. Настенька, у кого, ты говоришь, балы бываютъ.

НАСТЕНЬКА. У Никанора Силыча!

АННА ФЕДОРОВНА. Отчего-же и не бывать у него баловъ. Человѣкъ богатый!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА (*Настенькѣ*). Какая Анна Федоровна любопытная, вѣчно всюду встрянетъ, не дастъ поговорить спокойно.

НАСТЕНЬКА. Пойдемте ко мнѣ въ спальню.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Какъ-же? Глядишь, сейчасъ Никаноръ Силычъ прѣдетъ!

НАСТЕНЬКА. Насъ тогда позовутъ.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Ну, пойдёмъ.

АННА ФЕДОРОВНА. Куда вы идете?

НАСТЕНЬКА. Въ спальню. Савишна, прѣдетъ Никаноръ Силычъ, прибѣги сказать намъ.

САВИШНА. Хорошо, мать моя, приду. (*Настенька, Ольга Андреевна и Катенька уходят*).

Ш.

ТЪ-ЖЕ, КРОМЪ НАСТЕНЬКИ, ОЛЬГИ АНДРЕЕВНЫ И КАТЕНЬКИ.

АННА ФЕДОРОВНА. Пора-бы ему прѣхать, Настенька-то соскучилась безъ него. Вотъ и сестрицы Матрены Ивановны тоже нѣтъ, а общалась рано прѣхать.

САВИШНА. Глядишь, дѣла какія-нибудь задержали!

АННА ФЕДОРОВНА. Какія у ней дѣла? Откуда они?

1-я ДѢВУШКА. Марья Петровна, платки я кончила, теперь что прикажете дѣлать?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Я, право, и сама не знаю, за что теперь взяться!

2-я ДѢВУШКА. Паша, помоги мнѣ оборку дошить, а то я се нынче одна не кончу.

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Въ-самомъ-дѣль, помоги ей.

IV.

ТЪ-ЖЕ, ПЕТРУША И МИТЯ.

ПЕТРУША. Митя, не отставай, иди за мной!

МИТЯ. Иду-съ

ПЕТРУША. Барышни ушли! Да чортъ съ ними, онѣ намъ ненадобны, мы съ дѣвушками, да съ тетиньками посидимъ. Такъ что-ли, Митя? а?

МИТЯ. Такъ точно-съ.

ПЕТРУША. Бери стулъ, садись сюда къ столу.

МИТЯ. Зачѣмъ-же къ столу? Я вонъ тамъ въ уголокъ посижу-съ.

ПЕТРУША. Ты слушай, что я тебѣ говорю; ужъ я, братъ, знаю, что надо дѣлать!

АННА ФЕДОРОВНА. Вы-бы, молодцы, въ залъ съ мужчинами посидѣли, послушали, что тамъ говорятъ.

ПЕТРУША. Какъ-же, очень нужно намъ чепуху слушать.

АННА ФЕДОРОВНА. Какую чепуху? Тамъ небось о дѣлахъ толкуютъ.

ПЕТРУША. Пускай ихъ, а мы съ Митей слушать не хотимъ, мы эту ахинею слыхивали.

АННА ФЕДОРОВНА. Что ты, мой батюшка, съ ума спялил! Можно-ли такъ говорить?

ПЕТРУША. Что-жъ такое, обидное слово что-ли сказалъ? Вѣдь ничего, Митя, обиднаго не сказалъ; правда?

Митя. Такъ точно-съ!

Анна Федоровна. И ты туда-же? Свяжись съ нимъ, голубчикъ, онъ тебя понаучить добру.

Петруша. Митя, скажи: мы, мошь, знаемъ, насъ не учите.

Митя. Мы знаемъ-съ, насъ не учите.

Анна Федоровна. Отець не выучилъ, гдѣ ужъ мнѣ васъ сорванцовъ учить! (*Марья Петровна*). Вотъ, мать моя, родителямъ есть на что порадоваться!

Петруша. Небось есть, ха, ха, ха!

Митя. Ха, ха, ха.

Анна Федоровна. Нечего сказать, хороши чада уродились! Каково! Къ отцу капли нѣтъ уваженія.

Петруша. А онъ-то меня уважаетъ? Онъ съ утра до ночи ругается!

Анна Федоровна. Онъ тебя вскормилъ, вспоилъ. Развѣ этого мало?

Петруша. А захотѣлъ жениться, небось, онъ не старается удружить мнѣ, найти невесту; посватался домахъ въ десяти, да и на понятный дворъ. Больше, говорить, посылать не стану; я, говорить, и такъ много чрезъ тебя, дурака, сраму набрался!

Марья Петровна. Не виновать-же Ардаліонъ Алексѣичъ въ томъ, что за васъ нигдѣ не отдають

Петруша. Пускай только дядя умереть, я раздѣлаю дѣла-то по своему.

Анна Федоровна. Что-же будетъ?

Петруша. Откажетъ онъ мнѣ денегъ, найду себѣ такую жену, что всѣмъ на удивленіе!

Савишна. А если дядя тебя переживетъ?

Петруша. Куда ему! Онъ на силу дышетъ; не нынче, такъ завтра ноги протянетъ.

Анна Федоровна (*качая головою*). То-то ты глушь, мой батюшка.

Петруша. Какъ-же, правда, такъ съ разу и угадали. Небось не глупы, мы свое дѣло знаемъ. Съ деньгами за меня отдадутъ не купчиху, а дворянку.

Анна Федоровна. Какъ не отдать, дожидайся! Нѣтъ, у купцовъ, по знакомству, тебѣ прилично отказали, а у дворянъ-то, глядишь, шею накостиляютъ такъ, что и жениться не захочешь!

Петруша. За что-же?

Анна Федоровна. За то, не суйся въ барскія хоромы, когда не по ихней мѣркѣ скроешь!

Петруша. Ну, это мы посмотримъ!

ТЪ-ЖЕ ЛАПКИНЪ, В. ВЛАСЬЕВЪ и ПАТОКИНЪ, озабоченный.

В. Власьевъ. Да-съ, вы совершенно справедливо изволили замѣтить на счетъ этого; какъ я соображаю, оно такъ выходить.

Лапкинъ. Это вѣрно. Вотъ мы недѣли двѣ тому назадъ, съ вашимъ братцемъ и Федоромъ Степановичемъ объ этомъ трактовали. (*Патокину*) Помнишь? а?

Патокинъ (*разспянно*). Какъ-же, какъ-же, помню.

Лапкинъ (*Власьеву*). Разсудите сами хорошенько, вѣдь изъ ребенка все можно сдѣлать; дамъ я ему съ измальства волю, что изъ этого выдетъ? Онъ избалуется и гроша мѣднаго не будетъ стоить! Такъ или нѣтъ?

В. Власьевъ. Справедливо-съ.

Лапкинъ. А буду я его держать въ рукахъ, онъ человекъ выдетъ, будетъ знать свое дѣло!

В. Власьевъ. Понимаю-съ.

Петруша (*тихо*). Митя, гляди, какъ мой отецъ глазомъ моргаетъ, словно онъ у него на ниткѣ привязанъ!

Митя. И то-съ, хи, хи, хи, братецъ ты мой, какъ-же смѣшно!

Лапкинъ. А вѣдь если разобрать, штука то нехитрая. Вникни, такъ сказать, въ самое дѣло, не ослабляй своей строгости, и все будетъ хорошо. Вотъ къ примѣру, про своихъ дѣтей скажу, я знаю, они побоятся баловствомъ заниматься, знаютъ, что я шутить не стану, разомъ надъну на него мужицкій армякъ и заставлю дворъ чистить.

Анна Федоровна (*Марья Петровна*). Говорить хорошо, а поступаетъ вовсе не такъ!

Марья Петровна. Да-съ.

Лапкинъ. Я всемъ отцамъ совѣтоваль-бы, во-первыхъ...

В. Власьевъ. Позвольте вашу рѣчь перебить, къ случаю пришлось...

Лапкинъ. Позвольте окончить.

Петруша. Митя, пойдѣмъ-ко вышьѣмъ, что ихъ слушать, не нашего ума дѣло!

Митя. Пойдѣмте-съ. (*Уходятъ*).

Лапкинъ (*думая*). Во-первыхъ, я посовѣтоваль-бы...

VI.

ТЪ-ЖЕ, ПАШНЕВЪ, навеселъ, со сверткомъ въ рукахъ: за нимъ ЯКОВЛЕВЪ, пьяный.

Анна Федоровна. Насилу-то Богъ принесъ! Савишина, бѣги, скажи Настинькѣ!

САВИШИНА. Сейчасъ, матушка. (*Уходитъ*).

ПАШНЕВЪ. Что-же я не вижу Настасью Васильеву? Гдѣ она?

МАРЬЯ ПЕТРОВНА. Ее сейчасъ позовуть-съ.

ПАТОКИНЪ. Мы ужъ думали, что вы не прїедете; ждали, ждали и ждать перестали!

ЯКОВЛЕВЪ. У головы на именинахъ были; я вотъ и его познакомилъ. Ну, братъ, какое угощеніе было отличное, всѣ перепились!

В. Власьевъ. Позвольте-съ. Вы говорите, голова нынче именинникъ?

ЯКОВЛЕВЪ. Ну да, нынче. Мы прямо отъ него сюда прїехали.

В. Власьевъ. Понимаю-съ, bravo!

ЯКОВЛЕВЪ. Послушай, Василий Матвѣичъ, поди сюда на два слова. (*Отводитъ его всторону*). Нынче голова при всѣхъ сказалъ... Или нѣтъ, погоди, надо Федора Степаныча позвать. Федоръ Стенанычъ, поди сюда!

ПАТОКИНЪ. Что нужно?

ЯКОВЛЕВЪ. Нынче голова при всѣхъ сказалъ: Яковъ Семенычъ, скоро конецъ вашей службы, мы всѣ затрудняемся, кого выбрать на ваше мѣсто; въ достоинствѣ съ вами никто сравниться не можетъ; по этому все купечество при балотировкѣ усерднѣе будетъ васъ просить, снова принять на себя должность словеснаго судьи и тѣмъ сдѣлать честь всему нашему обществу. Какое?

В. Власьевъ. Это голова самъ говорилъ-съ?

ЯКОВЛЕВЪ. Самъ. Впрочемъ, если вы не вѣрите, спросимъ у Никанора Сильча, вру я или нѣтъ. Никаноръ Сильчъ, поди сюда! Расскажи имъ, что нынче голова говорилъ.

ПАШНЕВЪ. Мало-ли что говорилъ, я всего не припомню!

ЯКОВЛЕВЪ. Самое любопытное, я думаю, ты не забылъ?

ПАШНЕВЪ. Ахъ, да! Вообразите, у него сѣрый жеребецъ ногу сломалъ.

ЯКОВЛЕВЪ. Убирайся къ чорту съ жеребцами; ты говори, что онъ про меня рассказывалъ.

ПАШНЕВЪ. Про тебя? Ничего! Развѣ то, какъ ты бунтовалъ на вечеръ у какого-то купца?

ЯКОВЛЕВЪ. Не то, ей-же-ей не то; ты стало-быть забылъ?

ПАШНЕВЪ. Можетъ-быть, не спорю.

VII.

ТЪ-ЖЕ НАСТЕНЬКА, ОЛЬГА АНДРЕЕВНА, КАТЕНЬКА и САВИШНА; не-
много спустя ПЕТРУША и МИТЯ.

ПАШНЕВЪ (*цѣлуетъ руку у Настеньки*). Наконецъ я васъ вижу! Какъ ваше драгоценное здоровье.

НАСТЕНЬКА. Слава Богу. Однако вы не держите слова: общались прѣхать вскорѣ послѣ обѣда, а явились почти въ восемь часовъ!

ПАШНЕВЪ. Тысячу разъ прошу извиненія. Совершенно непредвидѣнные обстоятельства задержали меня.

ЯКОВЛЕВЪ. У головы на именинахъ были, я его возилъ туда знакомить. Вы ужъ извините насъ пожалуйста!

ПАШНЕВЪ (*подавая Настенькѣ свертокъ*). Это позвольте вамъ вручить.

НАСТЕНЬКА. Благодарю васъ! (*Отходитъ отъ него*).

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Настенька, покажи, что такое?

НАСТЕНЬКА. Конфеты. Хотите? Катенька, бери!

КАТЕНЬКА. Пожалуйста-съ!

ПЕТРУША (*протягиваетъ руку черезъ плечо Ольги Андреевны*). Дайте и намъ съ Митей по одной штучкѣ!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Куда вы лезете? Чего не видали?

ПЕТРУША. Не видали! А сами заграбастали себѣ горсть цѣлую.

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Отойдите прочь!

ПЕТРУША. Эхъ вы жадныя! Отойдемъ, Митя!

МИТЯ. Отойдемте-съ.

ПАШНЕВЪ (*садится подлѣ Настеньки*). Настасья Васильевна, вы на меня не сердитесь, на будущее время я постараюсь быть исправнѣе.

НАСТЕНЬКА. Я не сержусь. (*Начинаютъ говорить тихо*).

ЯКОВЛЕВЪ (*Патокину*). Однако, Федоръ Степанычъ, не лзя-ли по водочкѣ пройтиться? Послушай, ты извини, что я такъ по просту, безъ церемоніи говорю; я, братъ, человекъ простой!

ПАТОКИНЪ. Толковаться тамъ!

ЯКОВЛЕВЪ. Пусть женихъ-то говорить съ невестой, а мы себѣ позабавимся!

Лапкинь. Известное дѣло!

Патокинъ (*Савишнъ*). Савишна, скамандуй, матушка, чтобы водку подавали! (*Савишна уходитъ*).

Марья Петровна. Что вы, Федоръ Степанычъ. Водку подавать рано!

Патокинъ. Нельзя, сами просить!

Яковлевъ. Ну, господа, вотъ и я скоро изъ словеснаго суда вонъ! Отслужилъ свое, шабашъ! Посмотримъ, кто-то займетъ мое мѣсто.

В. Власевъ. Какъ я соображаю-сь, если вы не пойдете, Каткова выберутъ; до васъ онъ, почитай, безсмынно служилъ. Я этотъ разговоръ веду къ тому, что человекъ онъ хорошій.

Пашневъ (*Настенька*). Близко то время, когда вы увидите первопрестольную столицу и взойдете въ наше прекрасное общество, котораго, я надюсь, вы будете лучшимъ украшеніемъ.

Настенька. Вы не можете себя представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду этой минуты.

Пашневъ. Очень вѣрю. Вы по своему воспитанію выше толпы, которая окружаетъ васъ; и очень естественно, что ихъ разговоры, манеры и обычаи оскорбляютъ вашу нѣжную душу.

Настенька. Да, ваша правда! Еслибы еще немного, я умерлабы посреди этихъ невѣждъ!

VIII.

ТѢ ЖЕ, САВИШНА съ водкой и ФЕДОСЯ съ закуской.

Марья Петровна. Савишна, ставь сюда!

Петруша. Э, Митя, водку-то унесли; намъ теперь, знать, и выпить не придется!

Митя. А мы вотъ что-сь. Къ Васъ пойдѣмъ, онъ раздобудется!

Петруша. И то дѣло!

Яковлевъ. Я, Марья Петровна, возль васъ сяду, потолкуемъ съ вами кой о чемъ. Вы вѣдь позволите?

Марья Петровна. Покорнѣйше прошу.

Яковлевъ. Ардаліонъ Алексѣичъ, Василій Матвѣичъ, что вы тамъ примолкли? Идите сюда, засядемъ въ круговую.

Патокинъ. Напередъ покорнѣйше прошу выпить, пожелать здоровья жениху съ невестой!

Лапкинь. Вотъ что хорошо, то хорошо!

Настенька (*Пашневу*). Никаноръ Силычъ, мы въ Москву въ чемъ поѣдемъ?

ПАШНЕВЪ. Натурально въ каретъ; я больше ни въ какомъ экипажѣ не могу ѣздить.

НАСТЕНЬКА. Вы изъ Москвы сюда тоже въ каретъ прѣехали?

ПАШНЕВЪ. Да, въ прекрасной каретѣ. Мы купимъ точно такую-же.

НАСТЕНЬКА. Зачѣмъ-же покупать, а ваша?

ПАШНЕВЪ. Видите-ли, я ѣхалъ сюда съ хорошимъ своимъ знакомымъ, княземъ Бутышкинымъ, такъ онъ присталъ ко мнѣ: подари да подари. Дѣлать нечего, отдалъ; думаю, не стоитъ гнаться за такой бездѣлицей!

ОЛЬГА АДРЕВНА. О, конечно!

НАСТЕНЬКА (*тихо Ольга Андреевна*). Тетинька, отъ Никанора Сильича сильно пахнетъ виномъ; кажется, онъ пьянъ немного.

ОЛЬГА АДРЕВНА. Съ чего ты это вздумала? Ни капельки не замѣтно!

ПАТОКИНЪ. Ну, батюшка, Яковъ Семенычъ, что-же вы? Покорнѣйше прошу, начните съ легкой руки, покажите дорогу!

ЯКОВЛЕВЪ. Нѣтъ, сперва пускай женихъ начнетъ, а ужъ потомъ и мы схватимъ!

ЛАПКИНЪ. Дѣло!

В. ВЛАСЬЕВЪ. Bravo-съ!

ЯКОВЛЕВЪ. Никаноръ Сильичъ, не задерживай, начинай!

ПАШНЕВЪ. Я не хочу.

ЯКОВЛЕВЪ. Полно ломаться-то, баба ты что-ли?

ЛАПКИНЪ. Вы въ угоду всѣхъ хотя прикушайте.

ПАШНЕВЪ. Чтобы сдѣлать вамъ удовольствіе, извольте! (*Пьетъ*).

ЯКОВЛЕВЪ. Давно-бы такъ. Ну, теперь мы по своему распорядимся. (*Наливаетъ и пьетъ*). Что это такое? Федоръ Степановичъ, это, батюшка, пить нельзя.

ПАТОКИНЪ. Отчего-же?

ЯКОВЛЕВЪ. Горько, словно бѣлена.

ПАТОКИНЪ. Съ этимъ ретируйтесь къ Никанору Сильичу, не наше дѣло!

САВИШНА. Никаноръ Сильичъ, поделастить надо, слышь, говорятъ: горько! (*Пашневъ цѣлуетъ Настеньку*).

ЯКОВЛЕВЪ. Теперь, какъ будто немного послаще, а все горечью отдаетъ (*Пашневъ снова цѣлуетъ*).

ЯКОВЛЕВЪ. Ну, будьте здоровы. (*Пьетъ*). Ухъ! такъ по душѣ и пошло!

ПАТОКИНЪ. Ардаліонъ Алексѣичъ, Василій Матвѣичъ, пожалуй-

те, покорнѣйше прошу! (*Лапкинь и Власьевъ пьютъ, потомъ Патокинъ*).

Яковлевъ (*Аннѣ Федоровнѣ*). Что-же это сударыня, сговоренные вечера такъ-ли проводятъ? Сидите себѣ и ни гугу! Помните-ко прежніе годы: бывало раздолье, да и только; пѣсни ни на минуту не умолкаютъ?

Анна Федоровна. Я и то вспоминала старину. Когда покойный Карпъ Карпычъ сватался за меня...

В. Власьевъ. Позвольте вашу рѣчь перебить. Я соображаю, старые обычаи нынче понемногу стали выводиться, и не только въ этомъ, а во всемъ видишь изменіе!

Лапкинь. Истинная правда!

Яковлевъ. Дѣвушки, это-бы по вашей части. Ну, чего вы молчите и не повеличаете жениха съ невестой? Эхъ вы, недогадливыя! Я-бы на вашемъ мѣстѣ, чуть только женихъ въ дверь, сей-часъ затынулъ какую-нибудь!

Анна Федоровна. Оно-бы такъ и слѣдовало. Нутко, дѣвушки, повеселите гостей, спойте пѣсенку.

1-я дѣвушка. Какую прикажите?

Яковлевъ. Какую-нибудь, все равно!

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

Какъ у насъ было по вечеру,
При веселой при бесѣдушкѣ,
При Настасьюшкиномъ дѣвишничкѣ,
Прилеталъ младъ ясенъ соколъ,
Младъ ясенъ соколъ молоденькой,
Онъ молоденькой, залетнишкой;
Онъ садился на окошечко,
На серебряну прищѣлилку,
На золотую на рѣшеточку.
Какъ увидѣла тетинька
Со высокаго терема,
Изъ окошечка косящата:
«Ты дитя-ль мое дитяtko,
Ты дитя-ль мое милое,
Настасья Васильевна,
Ты сойди съ высока терема,
Ты прими яснаго сокола,
Ясна сокола залетнаго,

Добра молодца прїѣзжаго,
Никанора, сударь, Силыча.

Яковлевъ (*говоритъ во-время пльня*). Вотъ такъ-то лучше! Валяйте, дѣвушки, сильнѣе! Ловко! Молодцы! Ну, а мы покуда выпьемъ. Никаноръ Силычъ, иди сюда, вышей съ нами!

Пашневъ. Я готовъ! (*Вслъ пьютъ*).

Пашневъ (*подходитъ къ Настенькѣ*). Вамъ нравится обычай на свадьбѣ пѣть пѣсни?

Настенька. Ахъ, это гадко!

Пашневъ. Я съ вами согласенъ. Благодаря просвѣщенію, онъ почти вышелъ изъ употребленія, и если держится, то въ самыхъ захолустьяхъ, между простымъ народомъ. Надѣюсь, въ Москвѣ, у моихъ знакомыхъ, вы не встретите этого мужицкаго удовольствія.

Ольга Андреевна. Наверно князя и графы не позволяютъ въ своемъ домѣ этого безчинства. (*Дѣвушки перестаютъ пѣть*).

Яковлевъ. Вотъ такъ дѣвушки! Ай да мастерицы! Ну, ужъ какъ хотите, а я васъ всѣхъ перецѣлую.

2-я дѣвушка. Помилуйте, какъ можно!

Яковлевъ. Безъ разговоровъ, не хочешь честью, силой поцѣлую! (*Цѣлуется*).

В. Власьевъ. Хе, хе, хе, шутникъ этотъ Яковъ Семенычъ!

Яковлевъ. Вы, матушка Марья Петровна, извините меня, я человекъ простой, по модному кургузить не люблю; по нашему: веселиться, такъ веселиться.

Марья Петровна. Помилуйте-съ, мы очень рады!

Яковлевъ. Вы на меня не сердитесь? Позвольте вашу ручку поцѣловать. Анна Ѳедоровна, а съ вами я еще не пилъ; нуте-ка, матушка, давайте по рюмочкѣ выпьемъ.

Анна Ѳедоровна. Изволь, батюшка, съ удовольствіемъ.

Яковлевъ. Никаноръ Силычъ, ты заговорился съ невестой а про насъ и забылъ! Иди, вышей.

Пашневъ. Могу!

Патонинъ (*тихо Савишнѣ*). Савишна, придержи его, вишь онъ ужъ безъ отказа валяетъ. Нехорошо!

Савишна (*подходитъ къ Пашневу*). Что ты, мой отецъ, дѣлаешь? Посмотри на себя, ты ужъ какъ ракъ красный. Право слово, срѣжешь ты съ меня голову!

Пашневъ. Не твоѣ дѣло!

Савишна. Ну, прилично-ли жениху при невестѣ то и дѣло при-

кладываться къ рюмкѣ? Оставь, не пей, ты вспомни, какой ты золото пьяный: какъ накушался, такъ и пошелъ буянить.

Пашневъ. Убирайся къ чорту! (*Подходитъ и пьетъ*).

Яковлевъ. Сговоренные вечера надо проводить весело, а что бы весело проводить, надо пить. Мы вѣдь не дѣти! Хоть жена ругается, да ничего, Богъ съ ней, пускай ругается.

В. Власьевъ. Позвольте вашу рѣчь перебить...

Яковлевъ (*продолжая*). А я ее люблю и уважаю, она отличная женщина. Я каждый день благодарю Бога за то, что онъ послалъ мнѣ такую жену; это кладъ для меня, пошли ей Господи здоровье. Анна Федоровна, правду я говорю?

Анна Федоровна. Правда, батюшка, правда.

В. Власьевъ. Совершенно справедливо изволили заметить. Позвольте, къ случаю пришлось...

Яковлевъ. Василий Матвѣичъ, поцѣлуемся съ тобой, ты, братъ, знаешь, какой я человекъ?

В. Власьевъ. Съ моимъ удовольствіемъ-съ.

Яковлевъ. Дѣвушки, красавицы, уважьте, пропойте еще пѣсенку! Только вотъ что, поплачевнѣе какую нибудь; до смерти люблю плачевныя пѣсни!

1-я дѣвушка. Извольте-съ.

Яковлевъ. Ну, а мы покуда выпьемъ.

Пашневъ (*подходитъ*). И я съ вами (*пьютъ*).

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

Много, много у сыра дуба
Много вѣтвей, много павѣтей,
Много листу зеленаго;
Только нѣту у сыра дуба,
Золотой вершинушки,
А теперь было-бъ надобно
Къ этому случаю,
Къ этому времени,
Что къ лѣту прекрасному.
Много, много у Нагасьюшки,
Много роду, племени,
Много каретъ на дворѣ,
Много гостей въ терему;
Только нѣту у Васильевны
Что родимаго батюшки;
А теперь его надобно

Къ этому времени,
Къ этому случаю,
Что ко златому вѣнцу.
Снарядить меня есть кому,
Благословить меня некому.
Снарядить родная тетушка,
Благословить-же чужой батюшка.

Яковлевъ (*подгорюнясь, плачетъ*). Хорошо, право слово хорошо. Такъ за сердце и хватаетъ!

Пашневъ (*замѣтно опьянѣвшій*). Настасья Васильевна, вы по-французски говорите?

Настенька. Говорю.

Пашневъ. То-то. Въ нашемъ обществѣ всегда говорятъ по-французски. (*Смотритъ на Ольгу Андреевну*). Ольга Андреевна!

Ольга Андреевна. Что вамъ угодно?

Пашневъ. Вы милы, прекрасны. Исполните мою просьбу!

Ольга Андреевна. Какую?

Пашневъ. Я вамъ передамъ ее по секрету. (*Говоритъ тихо*).

Лапкинъ (*Яковлеву*). Яковъ Семенычъ, чего вы плачете?

Яковлевъ. Не плакать нельзя. Вы меня извините, если я плачу, то знаю о чемъ.

Патонинъ. Да полно вамъ!

Яковлевъ. Федоръ Степанычъ, ты не обижайся на меня, вѣдь я это отъ души дѣлаю, безъ всякихъ хитростей! Ну, пьянъ, такъ пьянъ, что-жъ такое!

В. Власьевъ. Позвольте вашу рѣчь перебить...

Яковлевъ. Перебивайте, Богъ съ вами!

В. Власьевъ. Къ слову пришлось. У меня былъ знакомый, нѣкто, Федотъ Кузьмичъ Тележкинъ, такъ бывало когда выпьетъ, сейчасъ-же начинаетъ плакать, разливается рѣка рѣкой. Я этотъ разговоръ веду къ тому, что, значить, у него была такая слабая натура.

Лапкинъ. Известно, натуры разныя бываютъ!

Яковлевъ. Эхъ, ма, подумаешь, жизнь-то наша какая! Вотъ я теперь живу, служу въ словесномъ судѣ, у всѣхъ на виду, а придетъ время умру, ей-же ей умру. Ну, какъ тутъ не плакать?

Патонинъ. Что-жъ дѣлать. Значить, всѣ мы люди, всѣ чело-
дѣвки!

Яковлевъ. Оно такъ. Господа, извините меня, не обижайтесь, давайте еще по рюмочкѣ выпьемъ!

Пашневъ (*который разговариваетъ въ это время съ Ольгою Андреевной*). Можно, я съ удовольствіемъ выпью!

Патокинъ. Савишна!

Савишна (*подходитъ къ Патокину*). Батюшка!

Пашневъ. Я тебѣ сказалъ, убирайся къ чорту! (*Пьютъ*).

Ольга Андреевна. Теперь я вижу, что онъ пьянъ!

Настенька. Какъ это скверно. А говорилъ, что ничего не пьеть.

Ольга Андреевна. По моему совсѣмъ не скверно; онъ мужчина, ему можно пить!

Настенька. Тетинька, что онъ съ вами говорилъ?

Ольга Андреевна. Такъ, мой другъ, пустяки, не стоитъ вниманія.

Настенька. Однако?

Пашневъ (*подходитъ къ нимъ*). Что это нѣтъ вашей тетушки, той, которая трещитъ безъ умолку, какъ сорока? Личность занимательная! Оно, если правду сказать, и всѣхъ вашихъ родственникововъ можно хотъ сейчасъ въ кунсткамеру.

Ольга Андреевна. Ахъ, какіе вы насмѣшники!

Пашневъ. (*Настенькѣ*). Если ваша роденька вздумаетъ когда-нибудь провѣдать насъ въ Москвѣ, велю безъ церемоніи сейчасъ въ шею вытолкать; я въ свой домъ подобную дрянъ пускать не намѣренъ.

Савишна. Опомнись, отецъ мой, услышать тебя, бѣда будетъ!

Пашневъ. Савишна, если ты будешь ко мнѣ лезть съ своими нравоученіями, я тебѣ морду побью.

Савишна. Можно-ли такія рѣчи говорить!

Пашневъ. Я имъ въ глаза скажу, что они сволочь! Хочешь? Сейчасъ пойду!

Савишна (*ухватясь за него*). Батюшка, успокойся!

Лапкингъ. Ну, дѣвушки, молодыхъ вы обыгрывали, а про старыхъ забыли. Ну-ко, начните съ Якова Семеновича.

Яковлевъ. Начните! Я нынче въ судъ не ходилъ. Василій Матвѣичъ, каково! голова цѣловаль. Говорить, во всемъ мірѣ нѣтъ такого судьи, какъ я! Вы, пожалуста, не обижайтесь.

В. Власевъ. Какъ я соображаю...

Яковлевъ. Ну, поцѣлуемся!

Петруша (*ухаживаетъ около дѣвушекъ*). Что Митя, каковы штуки?

Митя. Отличныя-съ.

Петруша. То-то. Дѣвушки, какія вы хорошенькія!

1-я дѣвушка. Съ нѣжностями отчаливайте прочь.

Петруша. Отчего-же? Съ такими молодцами, какъ мы, можно познакомиться!

Митя. Удостоите-съ.

Лапкинь (Петрушѣ). Ты что тутъ ухаживаешь? Пошелъ прочь.

Митя. Пойдемъ лучше къ Васѣ.

Петруша. Пойдемъ! Ну ихъ! (*Уходитъ съ Митей*).

ХОРЪ ДѢВУШЕКЪ.

Какъ у чарочки

У серебряной,

Золотой на ней вѣнчикъ. 2.

У Якова, господина,

У Семеновича;

Золотой разумъ обычай. 2.

Гдѣ ни пьеть, ни гуляетъ,

Гдѣ ни кушаетъ, сударикъ,

Домой идетъ ночевати. 2.

XI.

ТѢЖЕ, МАТРЕНА ИВАНОВНА и А. ВЛАСЬЕВЪ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Дѣвушки, замолчите, ступайте отсюда вонъ.

САВЕШНА (тихо). Матрена Ивановна прикатила! Пропали наши головушки. Тенерь, того гляди, исторія выдетъ!

ПАТОКИНЪ. Матушка Матрена Ивановна, пожалуйте, милости просимъ. Все-ли себѣ здоровы?

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Съ тобой, отецъ мой, послѣ поздороваемся, а теперъ дай-ко мнѣ поговорить съ милліоннымъ женихомъ. Гдѣ онъ?

ПАШНЕВЪ. Я здѣсь! Кто меня спрашиваетъ? А! тетушка! Наконецъ ваша особа явилась, а мы уже скучать начинали, не слыша ванего звонкаго голоса!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Хорошъ, отецъ мой, одно слово хорошъ! Вотъ насвистался, хошь выжми. Нечего сказать, похожъ на жениха. Собирайся, батюшка, вонъ отсюда!

ПАШНЕВЪ. Что?.. Однако, любезная тетушка, дерзости въ сторону, я ихъ не терплю.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Во-первыхъ, я тебѣ не тетушка; ищи себѣ

въ родню такихъ-же шеромыгъ, какъ и ты; а во-вторыхъ, сей-часъ отойди прочь отъ Насти, ты ей не женихъ.

ПАТОКИНЪ. Матрена Ивановна, что вы?

НАСТЕНЬКА. Тетинька!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*Пашневу*). Ты думаешь, пріѣхалъ сюда, наговорилъ съ три короба, такъ тебѣ и повѣрили? Анъ вонъ нѣтъ. Узнали, батюшка, что ты за птица.

ПАШНЕВЪ. Узнали? Хорошо! Послушаемъ, что вы узнали. Это любопытно.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Врать-то ты куда какой мастеръ; на словахъ съ князьями и графами знакомъ, а на дѣлѣ вышель плуть, мошенникъ и больше ничего.

ПАШНЕВЪ. Я плуть? Смотри, баба, какъ-бы я за такія слова не коснулся до твоей личности.

ПАТОКИНЪ. Я не соображу никакъ...

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Молчи, молчи, съ тобой я послѣ потолкую! Сначала говорила, надо узнать про этого сокола. Нѣтъ, куда! всѣ глаза закидали! Настенька, ангелъ мой, одна только я забочусь о твоемъ счастьи. Могла-ли я отдать тебя за этого оборвыша. Хотя родственники и утверждали, что онъ хорошъ и богатъ, однако я не повѣрила и написала въ Москву; писала, правда, не я, а Антонъ Матвѣичъ, да все-равно. Получаю сегодня письмо, и что-же узнаю!

ПАШНЕВЪ. Особеннаго, я думаю, ты ничего не узнала!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Этотъ молодецъ, не только съ графами и князьями незнакомъ, да даже въ передней у нихъ не бывалъ. Милліоны тоже существуютъ въ его глупой банкѣ, а на дѣлѣ копейки за душой нѣтъ. Была какая-то лавченка, да и ту за долги описали; а самъ онъ не для женитьбы увхалъ изъ Москвы, а бѣжалъ отъ ямы, въ которую добирались его мошенника засадить.

НАСТЕНЬКА. Ахъ, Боже мой!

ПАТОКИНЪ (*всторону*). Гмъ! дѣло скверно! (*Матренинъ Ивановна*). Позвольте, матушка Матрена Ивановна, не сплетки-ли это?

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*подавая письмо*). На, читай, да радуйся!

ПАШНЕВЪ. Старуха! Это тебя удивляетъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ну, рассказывать нечего, убирайся по добру по здорову во свояси!

ПАШНЕВЪ. О невѣжество, тебя сейчасъ видно! Что за выраженія, что за манеры, страшно глядѣть!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ты слишкомъ вѣжливъ; видно съ вѣжливости мѣтилъ на чужія деньги, желалъ къ рукамъ прибрать! Жаль, что не пришлось! Ты теперь не думай. Настю тебѣ, какъ ушей не видать!

ПАШНЕВЪ. Что ты разносилась съ своей Настей? Эко диво! За меня и получше отдадутъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Пускай отдають, только я Настю ни за что не отдамъ.

ПАШНЕВЪ. Спросила-бы сперва, возьму-ли я!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Знаемъ, знаемъ. Однако прощай, вотъ тебѣ двери! Ищи себѣ подъ пару такихъ-же миллионерокъ, какъ самъ!

ПАШНЕВЪ. Очень радъ, что избавляюсь отъ такихъ мужиковъ; благоприятный случай спасаетъ меня отъ капризной жены и необразованныхъ родственниковъ. Яша, вставай, поведемъ.

ЯКОВЛЕВЪ.

Гдѣ ни кушаетъ, сударикъ,
Домой идетъ ночевати..

ПАШНЕВЪ. Полно, поведемъ!

ЯКОВЛЕВЪ. Убирайся къ чорту, не поведу!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Вотъ срамъ, вотъ срамъ! Что теперь про насъ люди скажутъ!

ПАТОКИНЪ (*тихо*). Все это, какъ я вижу, негодяй Антошка нагадилъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*Пашневу*). Ретируйся-же, отецъ мой, что остановился!

ПАШНЕВЪ. Старуха, отъ души желаю тебѣ провалиться! (*Уходитъ*).

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Себѣ обреки курицынъ сынъ.

X.

ТѢ-ЖЕ, КРОМЪ ПАШНЕВА.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Ну-съ, что вы теперь скажете?

А. ВЛАСЬЕВЪ. Ненадобно было спышнить. Не хотѣли меня слушаться; вотъ и надѣлали дѣла!

ПАТОКИНЪ. Кто-жъ про это зналъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Всему злу корень ты, батюшка. Тебѣ говорили, не тарантить, а обдѣлать все съ толкомъ, хорошенько.

В. ВЛАСЬЕВЪ. Позвольте вашу рѣчь перебить. Какъ я припоминаю, вы первая изъявили свое согласіе...

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Чья-бы корова мычала, а твоя-бы помолчала. Твое дѣло, отецъ мой, анекдоты, да исторіи рассказывать,

на это ты гораздъ, а коснись до чего-нибудь нужнаго, ты выѣденнаго яйца не стоишь.

А. Власъевъ. Виноваты въ этомъ дѣль, какъ вотъ Матрена Ивановна изволить говорить, одни Федоръ Степановичъ!

Патокинъ. А чѣмъ-бы я виновать по вашему?

Матрена Ивановна. Не прихеривайся, знаемъ твои штуки! Ты хотѣлъ попользоваться около Настина имѣнія; для этого прискалъ какого-то лантрыгу, чтобы ему, какъ безпутному челоуьку, легче было спихнуть кой-какъ опеку!

Патокинъ. Это я вижу, вамъ Антонъ Матвѣичъ натолковалъ, только вретъ онъ, право слово, вретъ; эти подлости съ его стороны говорятся изъ зависти, что не онъ опекунъ надъ Настей.

А. Власъевъ. Помилуйте-съ, какая-же тутъ зависть, чему завидовать!

Матрена Ивановна (Патокину). Ты, батюшка, не думай, я этого дѣла такъ не оставлю, жаловаться буду, прошеніе подамъ, все дѣла твои пропишу. Отольются волку овечьи слезки! Ужъ тебѣ опекуномъ не бывать!..

Патокинъ. Матушка, Матрена Ивановна...

Матрена Ивановна. Полно рассказывать! Я только вспомню, какую ты штуку хотѣлъ сыграть съ Настей, такъ меня всю въ жаръ и кинетъ! (*Подходитъ къ Настенькѣ*). Настенька, другъ мой, сирота ты моя горькая! погубили было тебя злодѣи-родственники, хотѣли изъ проклятой корысти заставить плакаться всю жизнь! И заступиться-то за тебя безсловесную некому! Въдь вотъ и свои, а мошенники да грабители. (*Плачетъ съ Настей*).

Лашкинъ. Эхъ, Матрена Ивановна, обижаете вы понапрасну. А вспомните-ко хорошенько, не вы-ли говорили, что въ Москву писать ненадобно, можно, дескать, и тутъ узнать!

Матрена Ивановна. Разумьется, за мое усердіе я-же стала виновата. Вамъ досадно, что я помѣшала обокрасть ребенка! Злодѣи, а еще сами отцы! Вы-бы своимъ дочерямъ приготовили такое счастье! Что жалко? Это чужая, до этой дѣла нѣтъ! А каково-бы ей, моей голубушкѣ, пришлось переносить за ваше мошенничество?..

Патокинъ. Но позвольте! Вы сами соглашались отдать Настю за этого жениха.

Матрена Ивановна. Я соглашалась потому, что полагалась на твои слова, думала, что ты, какъ честный челоуькъ, позабо-

тишься о счастья своей племянницы; а ты, какъ видно, хлопоталъ только о себѣ.

ПАТОКИНЪ. Чѣмъ-же я виновать? Если я тогда что-нибудь и говорилъ, то говорилъ не свои рвчи, а чужія, какъ и доклады-валъ всей честной компаніи. Вотъ Яковъ Семенычъ тутъ на лицо, спросите у него сами, онъ мнѣ его расхваливалъ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Гдѣ онъ! гдѣ онъ!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА (*Настенькѣ*). Настенька, перестань, мой другъ, успокойся!

НАСТЕНЬКА. Ахъ, тетенька, какъ-же мнѣ быть? Опять придется въ дѣвушкахъ сидѣть!

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Не тужи, не засидишься, ты невеста богатая, посмотри, не усидеешь опомниться, какъ женихи со всѣхъ сторонъ налетятъ!

МАТРЕНА ИВАНОВНА (*подходя къ Яковлеву*). Ну что мы отъ него узнаемъ? Онъ не въ силахъ языка перевернуть!

ПАТОКИНЪ. Яковъ Семенычъ.

ЯКОВЛЕВЪ. Ну! А ужъ на свадьбѣ мы погуляемъ! Это что за гулянье!

ПАТОКИНЪ. Вы Никанора Сильча знаете?

ЯКОВЛЕВЪ. Я его нынче къ головѣ знакомить возилъ, а голова при всѣхъ сказалъ...

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Слушай дубрава, что лѣсъ говоритъ. Несетъ какую-то околесную!

А. ВЛАСЬЕВЪ (*Яковлеву*). Вы съ Пашневымъ гдѣ изволили познакомиться?

ЯКОВЛЕВЪ. Въ судѣ. Я служу словеснымъ судьею, а его привели судить: за квартиру денегъ не платитъ; вотъ я тутъ съ нимъ и познакомился, и денегъ ему давалъ въ займы.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Слышишь, батюшка, а ты намъ совѣмъ другое говорилъ!

ПАТОКИНЪ (*Яковлеву*). Зачѣмъ-же вы хвалили его, не зная?

ЯКОВЛЕВЪ. Не зная? Врешь, я его знаю, онъ отличный человекъ. Ужъ если покутить, такъ одно слово, всѣхъ перепеть! Рѣдкій человекъ. Гдѣ онъ, мы съ нимъ поцѣлуемся.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Это плутни, я не обманусь! Ты за знатье этому шаромыгъ отдавалъ Настю!

ПАТОКИНЪ. Да вы разсудите хорошенько!

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Что ты меня морочишь! Я не маленькая, розказнямъ твоимъ не повѣрю!

А. Власьевъ. Дурно-съ, очень дурно!

Патокинъ. Вы-то ужъ молчите! Матрена Ивановна...

МАТРЕНА ИВАНОВНА. И говорить съ тобой не хочу, и слушать тебя не хочу! Знаться съ тобой не буду, нога моя къ тебѣ за порогъ не переступить! Буду умирать, изъ духовной исключу! Если ты умрешь, дѣтямъ твоимъ ни копейки не откажу. А объ Насть не думай и не гадай, тебѣ надъ ней опекуномъ не бывать! Завтра-же просьбу бухну, начальство насъ разсудить.

ПАТОКИНЪ. Да вы выслушайте меня.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Куда это сваха прекрасная дѣвчалась? Съ ней еще надо поговорить, какъ она, гадкая, смѣла такую дрянь сватать!

В. Власьевъ. Здѣсь ее нѣтъ, а какъ я соображаю, она въ тѣхъ комнатахъ.

МАТРЕНА ИВАНОВНА. Найду, вездѣ найду! Ужъ я ей отпою! *(Уходитъ въ боковую дверь, А. Власьевъ за нею).*

ПАТОКИНЪ. Матушка, Матрена Ивановна, позвольте одно слово... *(Уходитъ).*

АННА ФЕДОРОВНА. Ну, исторія! Сколько лѣтъ на свѣтъ живу, а такихъ чудесъ не видала!

МАРЯ ПЕТРОВНА. Да-съ! *(Уходитъ).*

В. Власьевъ *(Лапкину).* Смѣю вамъ доложить, припоминаю я нечто подобное случилось съ однимъ моимъ знакомымъ... *(Уходятъ съ Лапкинымъ).*

ОЛЬГА АНДРЕЕВНА. Пойду и я посмотрю, что тамъ будетъ! Настенька, полно-же, мой другъ, плакать, вѣдь это нехорошо! *(Уходитъ Катенька за нею).*

XI.

НАСТЕНЬКА плачетъ и ЯКОВЛЕВЪ спитъ.

НАСТЕНЬКА. Боже мой, уродилась-же я такой несчастной на бѣлый свѣтъ! Думала, вотъ выйду за мужъ, избавлюсь отъ этого общества и успокоюсь отъ мученья, — не тутъ-то было; опять приходится страдать ежечасно! Скоро-ли теперь найдутся женихи! Знать придется умереть, не бывши за мужемъ. *(Плачетъ).* Боже мой! Боже мой!

XII.

ТЪ-ЖЕ и ВАСЯ.

ВАСЯ. Теперь, значить, кажись можно. Московскому-ту франту затылокъ зачистили. Авось теперь мое дѣло выгорить.

НАСТЕНЬКА (*не видя Васю*). А я мечтала жить съ князьями, да графами, а теперь что будетъ? Вспомнить страшно!

ВАСЯ. Вы-съ, Настасья Васильевна, за московскими не гонитесь, обдуютъ-съ, въ одинъ моментъ-съ обдуютъ; ужъ я, значить, ихъ знаю-съ!

НАСТЕНЬКА. Вы съ своими глупостями опять явились?

ВАСЯ. Какія-же глупости-съ? Я настоящее дѣло говорю-съ. Вы плюньте, значить, на московскихъ. Что въ нихъ хорошаго? Только голова окоченная, да штаны, значить, на улицу, а коснись до любви, они, даромъ что шлифованные, лаптя, значить, мужицкаго не стоятъ. (*Говоритъ тихо*). Настасья Васильевна, испробуйте, возьмите меня, вѣрьте истинъ, не нарветесь; эта статья, значить, не та будетъ, тутъ ужъ безъ ошибки.

НАСТЕНЬКА. Убирайтесь пожалуста, мнѣ безъ васъ тошно.

ВАСЯ (*нѣжно*). Отчего-же, значить, тошно-съ? Вы скажите ласковое слово, да взгляните поумильнѣе, какъ разъ, значить, куражу прибавится.

НАСТЕНЬКА. Ахъ, Боже мой! и все это я должна переносить!

ВАСЯ (*на колыняхъ*). Еслибы вы знали, каковъ я, значить, есть; то есть, что я за человекъ, вы-бы тогда оцѣнили меня, не стали бы гнать прочь.

НАСТЕНЬКА (*молчитъ*).

ВАСЯ. Ангелъ мой безцѣнный, значить, не убивайте меня! Въдѣ я, право слово, пропаду съ тоски. Удостойте, благодѣтельствуйте своею ручкой, значить, поколь умру, пребуду къ вамъ вѣренъ. (*Беретъ ее за руку*).

НАСТЕНЬКА. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ! (*Даетъ ему пощечину и уходитъ*).

ВАСЯ. Чего-съ? Ловко!.. Благодаримъ, что, значить, не сбѣли. (*Встаетъ*). Какъ видно, въ чистую отказываетъ. (*Задумывается*). Баста! Значить, я ей по своей части не нравлюсь!

ПОДПИСКА НА 1856 *ГОДЪ. М. С.

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ.

будеть выходить и въ будущемъ 1856 году, по той же программѣ, въ томъ же объемѣ, и съ такими же приложеніями, какъ и донынѣ.

Оставаясь по-прежнему вѣрнымъ своей программѣ и предложенной цѣли—знакомить читателей со всеми новостями литературы, театра, живописи, музыки, и вообще всехъ изящныхъ искусствъ,—ПАНТЕОНЪ и въ 1856 году будетъ доставлять своимъ подписчикамъ чтеніе легкое, разнообразное, занимательное и вполне современное. ПАНТЕОНЪ будетъ заключать въ себѣ по-прежнему замѣчательнѣйшія произведенія русскія и всехъ европейскихъ литературъ, романы, повѣсти, рассказы, очерки, стихотворенія; статьи критическія и библиографическія; статьи по части исторіи и теоріи искусствъ, написанныя языкомъ популярнымъ, преимущественно касающіяся развитія и хода искусствъ и художествъ въ Россіи; біографіи и художественные очерки замѣчательныхъ людей, въ особенности русскихъ; разборы всехъ новѣйшихъ явленій на сценѣ, въ изящной словесности, въ музыкѣ, въ живописи, ваяніи, архитектурѣ, танцахъ; статьи юмористическаго содержанія очерки нравовъ и характеровъ, шуточные стихотворенія и проч.; *Мемуары* или записки замѣчательныхъ художниковъ, артистовъ и писателей, и наконецъ *Смѣсь*, самую разнообразную, имѣющую цѣлю знакомить со всемъ новымъ и современнымъ: съ учеными открытіями, путешествіями, новѣйшими изобрѣтеніями и со всеми явленіями въ мірѣ искусствъ, литера-

туры и общественной жизни, какъ заграничной, такъ и русской. Въ отдѣлѣ Смѣси «*Петербургскій вѣстникъ*» будетъ извѣщать обо всемъ новомъ и любопытномъ въ нашемъ отечествѣ, и преимущественно въ обѣихъ столицахъ. Лучшія пьесы, имѣвшія успѣхъ на столичныхъ сценахъ, немедленно будутъ появляться въ «*Репертуаръ Русской сцены*».

Такимъ образомъ ПАНТЕОНЪ, представляя чтеніе самое разнообразное, будетъ знакомить съ главными вопросами и произведеніями современнаго искусства — въ *учено-художественномъ* своемъ отдѣлѣ и въ отдѣлѣ *критики*; со всемъ новымъ и важнымъ въ области наукъ, искусствъ и общественной жизни — въ своей *Смѣси*, и представить читателямъ рядъ драматическихъ произведеній, имѣющихъ въ настоящую минуту значительный успѣхъ, какъ на заграничныхъ, такъ и на русскихъ театрахъ, — въ *Литературномъ отдѣлѣ* «ПАНТЕОНА» и въ «РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.» Для людей, не посѣщающихъ театровъ, это можетъ служить зеркаломъ современнаго состоянія драматургіи, а для жителей провинцій и отдаленныхъ деревень — замѣною самыхъ зрѣлищъ и обильнымъ запасомъ для домашнихъ спектаклей.

Въ критикахъ своихъ редакція ПАНТЕОНА останется вѣрною однажды принятому ею правилу: дѣлать оцѣнку литературнымъ и художественнымъ явленіямъ и сценическимъ талантамъ, на основаніяхъ строгой теоріи изящнаго, на положительныхъ фактахъ, съ доказательствами на лицо и безъ всякаго пристрастія и лицепріятія. Критики будутъ въ ней помѣщаться по возможности подробныя, которыя въ одно время могли бы знакомить читателя съ новѣйшимъ взглядомъ теоріи, съ полнымъ содержаніемъ и достоинствами разбираемаго произведенія, и съ успѣхами и свойствами талантовъ, какъ авторовъ, такъ и сценическихъ представителей. При разборѣ дарованій посѣщающихъ насъ иностранныхъ артистовъ: актеровъ, пѣвцовъ, музыкантовъ или другихъ художниковъ, всегда будетъ прилагаться краткій ихъ біографическій очеркъ.

«ПАНТЕОНЪ» помѣщаетъ сочиненія, которыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ остальныхъ журналовъ, именно *Мемуары*. Сочиненія такого рода представляютъ тройкій интересъ для читателя: историческій, романическій и автобіографическій, потому — что зна-

комьять съ подлинными событіями, замѣчательными лицами и обществомъ извѣстной эпохи, съ характеромъ и убѣжденіями самаго автора и проводить передъ читателемъ рядъ случаевъ и происшествій частной жизни, которыя у каждаго мыслящаго человѣка имѣютъ свою занимательную сторону.

Главное стремленіе редакціи постоянно будетъ направлено на то, чтобы «ПАНТЕОНЪ» можно было читать отъ первой до послѣдней страницы; чтобъ онъ преимущественно наполнялся статьями оригинальными, написанными въ русскомъ духѣ; чтобъ онъ былъ лишенъ всѣхъ компиляцій изъ статей, обнаруженныхъ уже въ разныхъ газетахъ, и такихъ, которыя исключительно пишутся для немногихъ специальныхъ читателей. Даже статьи ученыя, относящіяся къ теоріи искусствъ, будутъ писаться по-преимуществу языкомъ общепонятнымъ, чуждымъ педантизма, въ легкой и приятной формѣ разказа, вмѣстѣ интереснаго и поучительнаго. Рядъ біографическихъ очерковъ и монографій живущихъ нынѣ, или умершихъ *русскихъ знаменитостей*, по всѣмъ отраслямъ искусствъ и литературы, придастъ журналу новый интересъ, знакомя читателя съ личностями, которыя давно уже для него интересны по своимъ произведеніямъ или по отзывамъ объ нихъ въ журналахъ.

Желая знакомить публику съ личностью всѣхъ современныхъ извѣстностей Россіи «ПАНТЕОНЪ» при каждой книжкѣ будетъ прилагать *фотографическій* или *стереоскопическій* портретъ кого нибудь изъ нашихъ русскихъ знаменитыхъ людей, авторовъ, живописцевъ, сценическихъ артистовъ, музыкантовъ и проч. Такимъ образомъ, въ теченіе года, у каждаго подписчика составитя любопытная портретная галерея.

При каждой книжкѣ «ПАНТЕОНА» будетъ непременно театръ музыки, отъ 4-хъ до 8-ми страницъ, состоящая изъ новѣйшихъ танцевъ, пьесъ для фортепьяно, модныхъ романсовъ, народныхъ пѣсень, любимыхъ арій изъ оперъ, переложеній изъ балетовъ, и проч., такъ, что всѣ 12 тетрадей составятъ значительный музыкальный сборникъ. Во этомъ отдѣлѣ нашего журнала участвуютъ наши русскія и иностранныя музыкальныя знаменитости, подъ редакціею опытныхъ и извѣстныхъ нашихъ композиторовъ.

«ПАНТЕОНЪ» по прежнему будетъ печататься на хорошей, бѣлой бумагѣ, въ большомъ форматѣ, новымъ убористымъ шрифтомъ и будетъ выходить *въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца*, книжками, отъ 20 до 25-ти листовъ каждая, въ красивой полиграфической оберткѣ, сдѣланной по рисунку Гранвиля.

ЗА ПОЛНОЕ ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ, со всеми слѣдующими къ нему художественными и музыкальными приложеніями, и 12-ю номерами «Репертуара Русской сцены» подписная цѣна:

15 р. с., въ С. Петербургѣ и

16 р. 50 к. с. съ пересылкою во все города Русской Имперіи или съ доставкою на домъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО

въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ въ С. Петербургѣ (на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.)

Въ Москвѣ: въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, состоящей при книжной лавкѣ Ш. В. Базунова, на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Загряжскаго.

ГГ. ИНОГОРОДНЫЕ,

для скорѣйшаго ихъ удовлетворенія, благоволять отправлять письма и деньги прямо въ Петербургъ, надписывая просто: «Въ Редакцію журнала ПАНТЕОНЪ.»

За подписку же, принятую гдѣ-бы то ни было, кромѣ указанныхъ нами мѣстъ, Редакція ответственности на себя не принимаетъ.

Редакція покорнѣйше проситъ Гг. желающихъ подписаться на «ПАНТЕОНЪ» высылать деньги и *вѣрные адреса* **ЗАБЛАГОВРЕМЕННО**, чтобы Редакція могла распорядиться немедленною отсылкою первыхъ номеровъ, тотчасъ по ихъ выходѣ, и заказать достаточное количество приложеній, чтобы въ послѣдствіи въ высылкѣ ихъ не произошло замедленія.

Печатать позволяется С. Петербургъ 21 Октября 1855 г.

Ценсоръ Ю. Шидловскій.